

серия
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX
ВЕКА

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт истории

Сергей Красильников

СЕРП И МОЛОХ

**Крестьянская ссылка
в Западной Сибири
в 1930-е годы**

Москва
РОССПЭН
2003

ББК 63.3(2)6-28; 63.3(2)6-4 К
78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-01-16165

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор В.П. Данилов

Красильников С.А.
К 78 Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы.
— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.
— 288 с, ил.

Исследование посвящено одному из переломных и трагических событий после-революционной отечественной истории — процессу «социалистического раскрестьянивания» в форме высылки сотен тысяч крестьянских семей на спецпоселение в комендатуры ГУЛАГа. На основе опубликованных и архивных документов автор реконструирует механизм и этапы осуществления государственной репрессивной антикрестьянской политики в Западно-Сибирском регионе на протяжении 1930-х годов. Показаны разработка и осуществление массовых и локальных депортаций, формы крестьянского протеста и сопротивления, процесс формирования и трансформации сети спецпоселений в регионе, рассмотрены источники пополнения и облик комендантского корпуса, показаны направления и последствия дискриминационного статуса спецпереселенцев, масштабы и структура эксплуатации их труда сталинской экономической системой. Издание включает в себя фотоиллюстрации и карту спецпоселений в регионе.

С.А. Красильников, 2003.
«Российская политическая
энциклопедия», 2003.
Институт истории СО РАН,
2003.

Серия «Социальная история
России XX века» — «Россий-
ская политическая энцикло-
педия» (РОССПЭН), 2003.

ISBN 5 - 8243 - 0386 - X

*Моей маме, бывшей спецпереселенке
Белковской поселковой комендатуры
СибЛАГа ОГПУ посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1920-х гг. наша страна вступила в эпоху, точное определение содержания которой до сих пор является предметом научных дискуссий. Диапазон дефиниций здесь широк — от «чрезвычайщины» до «форсированной модернизации». Закрепившаяся в пропаганде, а затем и в общественном сознании нескольких поколений публицистическая формула происходивших событий, выраженная сталинским словосочетанием «Великий перелом», отражала одномерное восприятие радикальных изменений как факт необратимости социалистического строительства в СССР. За рамками такого подхода оставались вопросы о методах и средствах форсированных социальных, экономических, политических, культурных преобразований, их последствиях, в т. ч. цене в человеческом измерении, которую общество заплатило, претворяя в жизнь планы и замыслы сталинского политического руководства.

В последние полтора десятилетия историками, философами, политологами, экономистами, публицистами сделано очень много для осмысления предпосылок, характера, движущих сил и итогов преобразований страны из нэповской в социалистическую. Совершенно очевидно, что сначала приоритет отдавался изучению белых пятен в истории конца 1920-х — середины 1930-х гг. Репрессии, принуждение и насилие во всевозможных формах, введенные в ранг государственной политики, голод 1932—1933 гг. и другие социальные катастрофы и аномалии активно исследовались историками во всех регионах России. С середины 1990-х гг. эпицентром профессиональных интересов многих из них стали проблемы формирования и эволюции коммунистического режима. Наиболее широко велись работы по реконструкции механизма разработки и принятия стратегических решений в различных сферах политики, экономики, культуры, религии и т. д. В последние годы в самостоятельное направление отечественной исторической науки выдвинулось изучение структур повседневности (быт, психология, мотивация индивидуального и группового поведения и т. п.). Попытки создания концептуально целостной модели эпохи «Великого перелома», периодически предпринимаемые отечественными учеными (Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, А.Г. Вишневский, А.К. Соколов, О.В. Хлевнюк, И.В. Павлова и др.)¹, равно как и перманентно вспыхивающие дискуссии о характере эпохи и отдельных ее сторонах свидетельствуют о том, что научный поиск продолжается. Активное и заинтересованное участие в нем принимают теперь и зарубежные исследователи, имеющие несомненный опыт и плодотворные подходы к изучению указанной эпохи.

Одна из предметных исследовательских областей, в которых взаимодействие западных и российских исследователей осуществляется в тес-

ном контакте и с взаимной пользой, — история отечественного крестьянства, получившая отражение в процессах форсированной принудительной коллективизации и т. н. раскулачивания. В рамках международного исследовательского проекта «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927—1939», реализацией которого руководит один из крупнейших и авторитетных российских историков В.П. Данилов, коллективом историков и архивистов из России, США, Канады и Австралии завершается работа по подготовке 5-томного документального научного издания, которое не имеет аналогов по ширине охвата и тематическому разнообразию источников, вобравших в себя трагедию отечественного крестьянства².

Важнейшей составляющей процесса раскрестьянивания «по-социалистически» являлась ускоренная государственной политикой маргинализация той части крестьянских семей (хозяйств), которые, будучи объявленными «кулаками», подверглись экспроприации и высылке в спецпоселения для «трудового перевоспитания». В 1990-е гг. появилось много исследовательских, публицистических, документальных публикаций, посвященных жизни и судьбам репрессированных крестьян, которые были превращены в спецпереселенцев, одну из самых массовых маргинальных групп сталинской эпохи. В их числе монографии Н.А. Ивницкого, Н.Я. Гущина, В.Я. Шашкова³, документальные сборники, подготовленные историками и архивистами Карелии, Урала, Сибири и других регионов массовой крестьянской ссылки. Сказанное, однако, не дает оснований для того, чтобы считать тематику исчерпывающе раскрытой. Напротив, именно благодаря тому исследовательскому «буму», который стимулировал изучение историками проблем государственного насилия и антикрестьянских репрессий конца 1920—1930-х гг., были поставлены и стали активно изучаться такие неисчерпаемые, «бездонные» темы, как взаимоотношения власти и крестьянства в эпохи войн, революций и террора; формы, методы и масштабы крестьянского протеста и сопротивления государственному террору; природа и функционирование системы принудительного труда; мотивация поведения людей в условиях несвободы и т. д.

Наша исследовательская позиция зиждется на том, что при анализе всех названных выше тем, составляющих предметное поле истории возникновения и эволюции т. н. кулацкой (фактически крестьянской) ссылки на поселение в 1930-е — первой половине 1950-х гг., необходимо максимально полно и вместе с тем корректно использовать подходы и наработки тех зарубежных и отечественных историков, кто изучал систему государственных репрессий, механизмы принятия сталинским режимом политических решений, структуры повседневности сталинской эпохи. Другое принципиальное требование, которого мы придерживались в проводимом исследовании, предполагает освещение государственного насилия в отношении «кулаков» как трехуровневого явления. Репрессивная политика и проводивший ее аппарат рассматриваются на уровнях **Центр** (директивные органы) — **регион** (краевые органы управления) — **местные органы управления** (районные органы, сельские советы, участковые и поселковые комендатуры). Данный подход позволяет проследить всю технологическую цепочку осуществления властных решений — от разработки и принятия до практической их реализации

местным «активом» или комендантами. Необходимость разноуровневого анализа процессов формирования и функционирования систем государственного насилия и принуждения обусловлена и тем, что информация, проходя по отлаженным каналам как «сверху вниз», так и «снизу вверх», подвергалась искажению в фильтрах личных, групповых, корпоративных интересов ее создателей и потребителей. Своего рода знакомым можно считать описываемый в книге механизм того, как трагедия гибели нескольких тысяч высланных весной—летом 1933 г. трудпоселенцев в Александрово-Ваховской комендатуре (север нынешней Томской обл.) после многомесячных разбирательств ведомственными и партийными комиссиями в Западной Сибири стала лишь поводом для весьма тривиального бюрократического решения Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1934 г. о «принятии к сведению», что ОГПУ по своей линии наказало 18 виновных в этом работников. Кроме того, как для историка-аграрника важен анализ первичного (и основного) элемента крестьянской экономики — крестьянской семьи и крестьянского двора, а для историка промышленности изучение структуры, функций и связей отдельного предприятия, так для исследователя данной проблемы актуально изучить механизмы создания и эволюции аппарата комендатур, условий пребывания репрессированных крестьян с семьями на спецпоселении. Эта задача определила необходимость приоритетного использования в работе документов и материалов, которые отложились в фондах регионального (Западная Сибирь) и местных звеньев аппаратов управления, протоколов заседаний партийных комитетов, межведомственных комиссий, общих собраний парторганизаций отдельных комендатур, в частности хранящихся там личных дел глав семей спецпереселенцев.

Западная Сибирь в 1930-е гг. являлась регионом, где наряду с Северным краем и Уралом дислоцировались многочисленные комендатуры спецпереселенцев. Здесь было принудительно расселено от 20 (1932 г.) до 24,8 % (1938 г.) всех спецпереселенцев страны. Территориально комендатуры разделялись на т. г. северные (Нарымский окр. и прилегавшие к нему районы) и южные (Кузбасс и часть районов Алтайского края). Как самостоятельные учитывались комендатуры, располагавшиеся на территории выделившихся из Западно-Сибирского края Омской обл. (1934 г.) и Красноярского края (1935 г.). Термины «Нарым», «Нарымский край», бывшие нарицательными в России для обозначения наиболее неблагоприятных мест для отбывания ссылки в дореволюционное время, стали столь же знаковыми в общественном сознании для обозначения места массовой крестьянской ссылки в сталинскую эпоху.

Хронологические границы исследования — 1930-е гг. — позволяют рассмотреть в динамике формирование и эволюцию указанной территориальной системы крестьянских спецпоселений. Анализ ситуации развития государственной репрессивной политики последних полутора предвоенных лет (1940 — лето 1941 г.), когда приоритетными стали проблемы этнических депортаций, не входит в задачи данной работы.

Разделы о крестьянском сопротивлении и высылке основаны на анализе событий в регионе, поскольку Западная Сибирь являлась не только краем, в котором размещались прибывающие «извне» спецпереселенцы, но и территорией внутрикраевой депортации — две трети спец-

переселенцев составляли сибиряки, перемещенные из южных районов в северные и восточные.

При цитировании источников сохраняются авторская орфография и знаки препинания. Стилистические погрешности оговорены особо. В квадратных скобках приводятся пропущенные в документах слова, буквы, знаки препинания. Многоточия означают пропуски в тексте при неполном цитировании источника.

В книгу помещены 14 фотографий из фондов Томского областного краеведческого музея и карта северных районов Западной Сибири с нанесенными на нее границами размещения районных (участковых) коммандатур, хранящаяся в фондах ГАНО.

Глава I ИСТОРИОГРАФИЯ. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

1. Спецпереселенцы 1930-х годов в новейшей отечественной историографии

История отечественного крестьянства накануне и в период коллективизации является той областью изучения постреволюционного российского общества, в которой наиболее рельефно отразились сильные и слабые стороны, успехи и неудачи процесса познания в последнее десятилетие. Очевидно, что среди всех элементов классической триады, составлявшей основу социальной структуры советского общества, именно проблемы, касающиеся судеб крестьянства, дав простор публицистическим рассуждениям, а затем и профессиональным историческим поискам, в общественном сознании выдвинулись на передний план. Последовавшее за этим переосмысление прежних исследовательских схем и оценок в отечественном крестьяноведении было более глубоким, чем в изучении рабочего класса или интеллигенции. В одних случаях скачкообразно, в других плавно происходил пересмотр специалистами-аграрниками устоявшихся, десятилетиями незыблемых, исторических построений.

Обращаясь к работам признанных ученых, нельзя не увидеть в них эволюции. Так, в монографии Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных «Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг.» (Новосибирск, 1987) заключительная глава озаглавлена традиционно — «Классовая борьба в годы массовой коллективизации. Ликвидация кулачества как класса», а последний ее раздел — «Трудовое перевоспитание бывших кулаков». Десятилетие спустя Н.Я. Гущин опубликовал единственную пока в своем роде монографию, в которой на региональном уровне проведен комплексный анализ трагедии советской деревни под упомянутым углом зрения: «"Раскулачивание" в Сибири (1928—1934 гг.): Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия» (Новосибирск, 1996). Тот же путь прошел и другой известный исследователь — Н.А. Ивницкий. Достаточно сравнить две его работы, начала 1970-х гг. («Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.)» (М., 1972)) и 1990-х гг. («Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.)» (М., 1994)). Активное участие названных выше, а также других известных ученых (В.П. Данилов, И.Е. Зеленин) и молодых исследователей в дискуссиях по проблемам коллективизации и крестьянства, прошедших в конце 1950-х — начале 1990-х гг., способствовало радикальному пересмотру основополагающих построений отечественной историографии, что, впрочем, не повлекло за собой создания новой парадигмы, которая безоговорочно разделялась бы, если не всеми, то большинством специалистов.

Настоящее время можно считать своеобразным переходным периодом в развитии указанной предметной области (крестьянство накануне и в эпоху «Великого перелома»). Разрушительная фаза поисков в целом завершается, однако, позитивная, конструктивная работа еще не дала сколько-нибудь значительных результатов. Появление ряда публикаций отчетливо выраженного концептуального характера, принадлежащих авторитетным ученым-аграрникам (Н.Я. Гушин, В.П. Данилов, И.Е. Зеленен, Н.А. Ивницкий и др.)¹, способствовало всеобщему признанию коллективизации как насильственной и принудительной, а «ликвидации кулачества» как трагического акта раскрестьянивания. Начался этап осмысления причин хода и последствий отмеченных выше процессов. В центре внимания исследователей вполне логично оказались проблемы изучения насилия партийно-государственной машины над деревней, депортации крестьянства, голода 1932—1933 гг. и др. В первой половине 1990-х гг. особое значение приобрело экстенсивное вовлечение в научный оборот источников из ранее закрытых для исследователей фондов бывших партийных, государственных и ведомственных архивов. Вслед за первыми журнальными публикациями московского историка В.Н. Земскова² вышли в свет сборники документов и материалов, отражившие историю депортации крестьянства и формирования сети спецпоселений в тех регионах, в которые по преимуществу направлялись высланные крестьяне (север европейской части страны, Урал, Сибирь)³. Появились аналитические публикации, в которых рассмотрены разные стороны существования такой трагической категории, как спецпереселенцы. Необходимо признать несомненный вклад в изучение данной проблемы В.Н. Земскова. Его усилиями в научный оборот был вовлечен огромный статистический материал, позволивший проследить изменения в численности, составе и размещении «кулацкой ссылки» за весь период ее существования⁴. Ход экспроприации и высылка крестьянства на Урале получили освещение в публикациях курганского историка И.Е. Плотникова⁵. Несколько работ о положении спецпереселенцев на Севере принадлежит перу мурманского исследователя В.Я. Шашкова⁶. Следует отметить содержательную статью молодого исследователя из Сыктывкара Н.М. Игнатовой о принудительном заселении и условиях жизни спецпереселенцев на территории Республики Коми⁷. В наших статьях рассматриваются такие аспекты, как статус спецпереселенцев, влияние крестьянской ссылки в Сибири на экономику региона, складывание системы управления спецпереселенцами⁸.

На фоне возрастающего количества публикаций, посвященных истории крестьянства на рубеже 1920—1930-х гг., все более насущной становится необходимость в серьезном осмыслении ключевых проблем теоретического и конкретно-исторического характера. Среди них следует назвать прежде всего проблему выработки понятийного аппарата, который адекватно отразил бы исторические реалии эпохи, затем проблему противоречий, проявившихся при освещении истории спецпереселенцев. Важность пересмотра системы категорий, сложившейся в советской историографии крестьянства, очевидна. Однако и опытные, и начинающие исследователи нередко действуют в соответствии со сложившимися ранее стереотипами, без каких-либо оговорок пользуются терминами эпохи «Великого перелома» — раскулачивание, бывшие кулаки

и т. д. Примечательно, что эти термины нашли отражение в названиях монографий (Н.А. Ивницкий. «Коллективизация и раскулачивание»; И.Е. Плотников. «Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье») и сборников документов («Из истории раскулачивания в Карелии»). На этом фоне не случайно появление «гибридных» понятий: например, уральские историки сборнику документов дали название «Раскулаченные спецпереселенцы на Урале»⁹. Более осторожную и, на наш взгляд, обоснованную позицию заняли в данном вопросе В.Н. Земсков (используя термин «кулацкая ссылка», он предусмотрительно его заковычивает), а также Н.Я. Гущин (в своих последних публикациях он заковычивал термины «кулак», «раскулачивание»).

Сказанное выше еще раз подчеркивает переходное состояние современного отечественного крестьяноведения. Однако до бесконечности долго пользоваться методом заковычивания нельзя. В качестве базовой категории необходимо использовать, по нашему мнению, понятие «раскрестьянивание», поскольку то, что традиционно именовалось «ликвидацией кулачества», «раскулачиванием» и т. д., являлось ничем иным, как самой острой и драматической стадией принудительного раскрестьянивания (здесь можно провести определенную аналогию с политической властью по расказачиванию). Представляется бесспорным, что в ходе форсированной и насильственной по своей сути и методам коллективизации, разорению и высылке подверглись значительные массы крестьянства, не имевшие подчас ничего общего с наиболее зажиточным слоем деревни. В ходе «Великого перелома» крестьянство в целом утратило экономическую самостоятельность и независимость от государства, а подвергшиеся депортации — личные права и свободы. Таким образом, правомерно было бы заменить термины «самораскулачивание» на «самораскрестьянивание», а «раскулаченные» — на «репрессированные крестьяне (крестьянские семьи)» и т. д.

Столь же трудно происходит отказ от тезиса советской историографии о «трудовом перевоспитании бывших кулаков». Следует отметить необоснованность употребления словосочетания «бывший кулак» — ведь после экспроприации своего имущества зажиточный крестьянин тотчас переставал быть «кулаком», между тем термин «кулак-спецпереселенец (трудпоселенец)» сохранялся в политической и карательной лексике в течение всего периода существования сталинского режима. К сожалению, этот сталинский тезис получил возможность возродиться (правда, в несколько видоизмененной форме) в ряде нынешних публикаций. Работа В.Я. Шашкова о спецпереселенцах имеет подзаголовок «Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове». Значительная часть работы посвящена описанию «вовлечения спецпереселенцев в социалистическое соревнование и ударничество», «форм поощрения спецпереселенцев», «массово-политической работы среди спецпереселенцев» и т. д. И хотя В.Я. Шашков неоднократно указывает на насильственный характер колонизации Севера и пишет о необходимости «покаяния за политику ВКП(б) по раскулачиванию, за сталинский геноцид в отношении крестьянства»¹⁰, методологически его постановка вопроса о роли спецпереселенцев в развитии производительных сил страны по сути соответствует прежнему постулату о «трудовом перевоспитании бывших кулаков»¹¹. В одной из работ

(введение к сборнику документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938») нам приходилось указывать на неправомерность подобного подхода¹². И.Е. Зеленин в рецензии на документальные сборники «Спецпереселенцы в Западной Сибири» не только поддержал высказанную нами точку зрения, но и существенно развил аргументацию против попыток реанимировать изучение псевдонаучной проблемы «трудового перевоспитания кулачества»¹³.

Монографическое исследование В.Я. Шашкова «Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930—1954 гг.» (Мурманск, 1996) претендует на комплексное освещение трагедии репрессированного крестьянства (спецпереселенцев) на протяжении почти четверти века с начала массового «раскулачивания» до отмены режима спецпоселений для «бывших кулаков» в первый послесталинский год. Для подобной заявки у автора имелись весомые основания: им к тому времени была проделана большая работа по выявлению, систематизации и аналитическому обобщению громадной, разноплановой и ставшей сравнительно недавно доступной историкам делопроизводственной документации партийных и государственных органов разных рангов, решавших «кулацкий вопрос». В.Я. Шашков впервые предложил законченную монографическую разработку истории крестьянской ссылки советского периода. Он обосновал собственную периодизацию процесса «раскулачивания» в СССР, выделив в нем четыре периода: 1930, 1931, 1933—1940, 1945—1952 гг. За это время, согласно его подсчетам, в стране «было раскулачено 867 407 крестьянских хозяйств и выслано в отдельные регионы СССР 658 860 семей в количестве 2 721 991 чел.»¹⁴. Работа выстроена по вполне четкой схеме с использованием проблемно-хронологического принципа. Это позволило достаточно органично соединить реконструкции основных этапов технологии насилия («раскулачивание» — высылка в отдаленные районы — расселение (устройство) — использование труда — «перевоспитание» — отмена режима спецпоселения) и социального поведения крестьянства в экстремальных условиях (формы протеста — адаптация в спецпоселках — включенность в экономическую и культурную реальность в районах вынужденного расселения). Работа В.Я. Шашкова содержит несколько разделов, затрагивающих неизвестные ранее аспекты, а также дающих интересную и подкрепленную солидной фактологией интерпретацию уже известным событиям: «Роль ОГПУ в раскулачивании крестьянских хозяйств», «Спецпоселки, районные и поселковые комендатуры», «Роль спецпереселенцев в развитии экономики отдаленных районов страны».

Рассматриваемая работа, хотя издана не в центре и имеет небольшой тираж, заслуживает пристального внимания не только со стороны узкого круга специалистов, но и историографов вообще, поскольку в ней нашли рельефное отражение как позитивные сдвиги, так и вполне типичные для исследований отечественной истории советского периода противоречия и издержки. С концептуальной точки зрения монография относится к разряду работ достаточно распространенного сегодня типа, в которых старые догмы эклектически соединились с подходами и оценками новейшего времени. Определение «раскулачивания» как антигуманной и реакционной акции сталинского режима в отношении крестьянства в ней «мирно уживается» с несколько переименованным пе-

чально известным тезисом о «трудовых успехах спецпереселенцев в освоении Севера». Партийные органы всех рангов, крайне негативно характеризовавшиеся автором при описаниях разорения и высылки крестьянских хозяйств, затем превращаются в «радетелей» спецпереселенцев. В такой же последовательности меняется взгляд и на карательные органы: «Если в ходе раскулачивания и выселения раскулаченных семей органы ОГПУ и НКВД выполняли репрессивные функции, то в местах спецпоселений они сыграли огромную позитивную роль в жилищно-бытовом, хозяйственном, медицинском и культурном обслуживании спецпереселенцев. Они являлись генераторами принятия центральными и местными органами Советской власти конкретных мер по улучшению лагерных условий жизни спецпереселенцев»¹⁵.

Разделы монографии, описывающие организацию и использование труда спецпереселенцев, вне зависимости от субъективного намерения автора, представляют собой апологию принудительного труда: «Без их (спецпереселенцев. — С.К.) участия на индустриализацию в СССР потребовалось бы более продолжительное время»¹⁶. Однако несколькими абзацами ранее В.Я. Шашков иначе оценивает последствия «раскулачивания» для аграрной сферы: «Раскулачивание... подорвало экономическую основу сельскохозяйственного производства и обрекло его на постоянное кризисное развитие». Руководствуясь авторской логикой, следует, вероятно, признать громадный «вклад в создание советской экономики» не только всех категорий заключенных, но и иностранных военнопленных, а также интернированных. Думается, что искать в системе принудительного труда созидательные элементы — бесперспективное занятие.

Рецидивы прежней, просталинской схемы отчетливо прослеживаются во всей работе. Понятийный аппарат и особенно ключевое для данной монографии определение «раскулачивание» представляют собой яркую иллюстрацию попыток соединить несоединимое. «Раскулаченные крестьянские семьи (хозяйство)» — типичное для этой работы словосочетание, которое дается в тексте без кавычек. Между тем, если с определенными оговорками его можно было бы использовать для описания событий 1930 г., то применительно к более позднему времени говорить о репрессиях против «кулачества» нельзя ввиду отсутствия каких-либо формальных признаков его прежней жизни (наем рабочей силы и т. д.). Термин «раскулачивание» условен еще и потому, что экспроприации и высылке подвергались не только различные слои крестьянства, но и неземледельческая часть деревенского населения, в частности, духовенство, служащие, учащаяся молодежь.

Одна из основных тем монографии В.Я. Шашкова — динамика и этапы процесса «раскулачивания» и «кулацкой ссылки» в СССР. Автор обосновывает собственную периодизацию, далеко, впрочем, не бесспорную. Если базовым признаком «раскулачивания» считать конфискацию имущества крестьян в сочетании с высылкой, то исходным рубежом этой акции следует считать, по-видимому, не 1930, а 1929 г., когда в ходе хлебозаготовок крестьян впервые в соответствии со ст. 61 УК РСФСР стали подвергать такой форме репрессий, как конфискация с высылкой. О масштабности практики ее применения говорит тот факт, что только в Сибири до 1930 г. было репрессировано около 2 тыс. крес-

тыанских семей. Тогда же, а не в 1930 г. отмечено массовое проявление феномена «самораскулачивания». Непроясненной в работе осталась ситуация с репрессиями в деревне в 1932 г.: этот год попросту «выпал» из авторской периодизации «раскулачивания». Однако известно, что зимой — весной 1932 г. режим предпринимал большие усилия по «довыявлению кулацких хозяйств» и «очистке» от них колхозов. Если их экспроприация и отстояла по времени на несколько месяцев от депортации, то данный факт тем более требует аналитического объяснения.

Причины и состав массовой высылки 1933 г. получили в монографии искаженную интерпретацию. Эта «операция» заметно отличалась и от предыдущих, и последующих (преимущественно этнических), поскольку, имея отчетливую антикрестьянскую направленность, она преследовала и другие значимые в то время для сталинского режима цели — «чистку» городов в ходе введения паспортной системы, отселение от границы, «разгрузку» мест заключения, что в итоге повлекло за собой депортацию в восточные районы маргинальных групп — рецидивистов и других городских деклассированных элементов. Что касается дискуссии о том, когда прекратились массовые депортации крестьянства (прежде всего российского) и высылка из деревни приобрела ограниченный, точечный характер, то в ней нам кажется обоснованной позиция известного историка И.Е. Зеленина, считающего рубежом вторую половину 1933 г. Версия о «новой волне раскулачивания» в 1937—1938 гг. как составной части «Большого террора», формально вписывающаяся в концепцию событий выделенного В.Я. Шашковым периода с 1933 по 1940 г., вообще не обсуждается в работе. Не ясно также, насколько точно на основе карательной статистики можно вычленивать «кулацкую» составляющую из этнических депортаций во второй половине 1930 — начале 1950-х гг. Однако именно на этих материалах В.Я. Шашков строит свои подсчеты общей численности «раскулаченных» в СССР за четверть века.

Не выходит В.Я. Шашков и на новый уровень осмысления действительно имевшего место феномена более высоких, чем в колхозах, производственных показателей многих неуставных артелей спецпереселенцев. Он объясняет это тем, что спецпереселенцы, будучи потомственными крестьянами, «в любых условиях могли трудиться эффективно и своим примером увлекали других»¹⁷. Действительно, мотивация к труду у спецпереселенцев была сильнее, чем у колхозников, ибо в перспективе «ударный» труд давал главам их семей и молодежи шансы на восстановление в правах, а в будущем — на снятие со спецучета и получение права выезда из спецпоселений. Однако В.Я. Шашков, как и многие затрагивающие данный сюжет исследователи, не учитывает в полной мере того, что неуставные артели, будучи до 1938 г. «приписанными» к ОГПУ—НКВД, находились внутри карательной системы, которая имела особые условия хозяйствования (льготная система кредитования, отсрочки платежей, периодическое списание задолженностей и т. д.).

Вызывает также возражение следующее положение В.Я. Шашкова: «Несмотря на экстремальные, лагерные условия жизни спецпереселенцы вместе с правовым населением СССР были включены в процесс социально-культурного развития, пользовались равными правами на труд и социальное обеспечение»¹⁸. Оно в корне противоречит сделанному

несколько ранее выводу о том, что «трудпоселенцы вплоть до их освобождения от спецпоселения находились в бесправном положении»¹⁹. В работе оказался «затемненным» реальный статус спецпереселенцев. В данном случае явно недостаточно констатировать применение к крестьянству такого вида репрессий, как высылка (или ссылка). То, что происходило в деревне с 1929 г., являлось мерой экстраординарной и не имевшей ранее в силу ряда обстоятельств аналогов в карательной практике. Это была административная (внесудебная) ссылка, но не обычная, поскольку носила семейный характер (репрессии касались всех — от младенцев до стариков); она осуществлялась в соединении с принудительными работами (ранее это была форма только судебных репрессий) и была бессрочной (ранее ни один вид высылки или ссылки не назначался на срок более десяти лет). Имея такой симбиоз отступлений даже от собственного законодательства, сталинский режим вел в отношении спецпереселенцев «игру без правил» (точнее, правила менялись неоднократно). В контексте сказанного следует не довольствоваться абстрактной формулой «правовое положение спецпереселенцев», а определять совершенно конкретный статус различных групп и категорий внутри спецпереселенцев через соотношение прав и обязанностей, которыми они наделялись властями. Совершенно очевидно, что это соотношение было особым у молодежи или у взрослых «ударников» и т. д.

К сожалению, монография В.Я. Шашкова не свободна от опечаток и неточностей фактического характера. Так, начало работы комиссии ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам (Андреева—Рудзутака) датируется автором 3 марта 1931 г.²⁰, тогда как создана она была 11 марта, а первое ее заседание состоялось 18 марта; неверно, что Г.Г. Ягода «не рискнул обратиться» в Политбюро и к И.В. Сталину в конце 1931 — начале 1932 г. с информацией о тяжелом положении в спецпоселках²¹, соответствующий документ им был направлен не только в ЦКК, но и Сталину 4 января 1932 г.; к разряду социальной депортации автором отнесено переселение в Сибирь, осуществлявшееся в рамках столыпинской аграрной реформы²².

Нельзя не выразить сожаления и по другому поводу. В работе, как правило, отсутствуют ссылки на документальные издания, вводящие в научный оборот документы фондов ГА РФ и ряда других архивов, ключевые для рассмотрения данной темы. Так, в сборниках документов, вышедших в Петрозаводске, Екатеринбурге, Новосибирске еще до появления монографии В.Я. Шашкова, опубликовано много материалов нормативного характера о высылке крестьянства, формировании и эволюции системы спец(труд)поселений в 1930-е гг. Не замечая этого, автор тем самым «переоткрывает» многие уже введенные в научный оборот источники.

Приходится констатировать легкость, с какой публицистические подходы, схемы и оценки переходят в исторические исследования, и без того, как показано выше, несвободные от прежних идеологических и историографических наслоений и стереотипов. С легкой руки публицистов конца 1980-х гг. спецпереселенцы стали синонимом репрессированного крестьянства, между этими понятиями был поставлен знак равенства. В результате сложнейшая проблема формирования и эволюции такой категории сталинской эпохи, как спецпереселенцы, подвер-

глись предельно упрощенной трактовке. Между тем даже простой перечень карательной лексики 1930 — 1940-х гг. свидетельствует об обратном. Так, на начальной стадии экспроприации и депортации крестьянских хозяйств (февраль—июнь 1930 г.) в делопроизводственной документации партийных, советских и карательных органов (ОПТУ и НКВД РСФСР) использовались термины «выселенные (выселяемые) кулаки (2-я категория)» и «расселенные (расселяемые) кулаки (3-я категория)», суть различий между которыми заключалась первоначально в том, что причисленные ко 2-й категории подлежали депортации за пределы округа или районы проживания, а к 3-й — расселению на специально отведенной территории внутри районов проживания. Летом 1930 г. в оборот вводится ставший затем привычным термин «спецпереселенцы», распространившийся на существовавшие до этого категории репрессированных сельских жителей. Так было до весны—лета 1933 г., когда произошла радикальная реформа карательной системы, в ходе которой спецпоселения стали именоваться трудпоселениями (соответственно, спецссылка — труд ссылкой, а спецпоселенцы — трудпоселенцами). С этого времени трудссылка утратила преимущественно крестьянский облик, т. к. трудпоселки оказались местом, куда направлялись деклассированные городские элементы, выявленные во время «чисток» крупных и режимных городов, а также рецидивисты, определенные в ссылку на поселение в ходе «разгрузки» мест заключения (колоний и тюрем)²³. Накануне и в годы войны существовало несколько категорий лиц, подвергшихся репрессиям в форме ссылки на поселение: спецпереселенцы-немцы, спецпереселенцы-ссылные из Молдавии и Прибалтики, ссыльнопоселенцы и др. В 1944 г. все они стали именоваться «спецпереселенцы», сохраняя при этом индикаторы-дополнения: трудпоселенцы получили обозначение «спецпереселенцы-бывшие кулаки»²⁴. Так продолжалось до 1954 г., пока «кулацкая ссылка» не была окончательно отменена. Почти за четверть века категория «спецпереселенцев-трудпоселенцев» вобрала в себя много самых разных социальных слоев и групп, среди которых крестьянский элемент имел тенденцию к постоянному уменьшению.

Если обратиться к начальной фазе массовых репрессий эпохи «Великого перелома» в деревне, то нетрудно заметить, что группы «кулаков», а следовательно и спецпереселенцев, отнюдь не являлись стопроцентно крестьянскими. В ходе поспешно проводимой зимой—весной 1930 г. депортации списки подлежащих высылке «кулаков» нередко формировались на основе имевшихся у местных органов списков лиц, лишенных избирательных прав, — «лишенцев». В это число попадали представители практически всех социальных групп сельского населения — ремесленники, служащие, священнослужители и т. д. Несмотря на жесткие инструкции карательным органам «отсекать» при высылке от крестьянской массы т. н. бывших — священников, офицеров и т. д., их выявляли в ходе проверок спецпереселенцев на поселении. Кроме того, принцип высылки «кулацких» семей в полном составе неизбежно влек за собой появление в спецпоселках членов семей, имевших, в частности, неземледельческие занятия и профессии. Не случайно, инфраструктура спецпоселков (медико-санитарная, культурно-просветительная и т. д.) во многом была укомплектована (низшее и среднее

звено) персоналом из числа самих спецпереселенцев. Так, на начало 1932 г. они составляли свыше 40 % педагогического состава школ в спецпоселках Урала. В Западной Сибири их доля среди учителей в комендатурах достигала двух третей²⁵. Естественно, допущение спецпереселенцев к исполнению функций вспомогательного и тем более основного персонала в школах, библиотеках, больницах требовало наличия у них определенного уровня образования и квалификации, приобретенного до высылки. Для части спецпереселенческой молодежи открывались возможности пройти краткосрочные курсы подготовки работников сфер медицины, экономики и культуры и вернуться затем для работы в комендатурах. Что касается представителей исполнительных звеньев аппарата комендатур (секретари, экономисты, статистики и т. д.), то они в значительной мере комплектовались также за счет «проверенных» спецпереселенцев (в сентябре 1933 г. к ним относилось 480 из 971 сотрудника Нарымских комендатур²⁶). В начале 1930-х гг. это был, хотя и немногочисленный, но постоянно действовавший канал «размывания» преимущественно крестьянского состава спецпереселенцев.

Главными же факторами неизбежно происходившего в условиях спецпоселений процесса раскрестьянивания становились государственное распределение и закрепление трудоспособных спецпереселенцев в качестве рабочей силы в несельскохозяйственных секторах экономики. Уже на ранних стадиях формирования системы спец(труд)поселений властями предусматривалось использование труда репрессированных сельских жителей в таких отраслях, как строительство, транспорт, промышленность и т. д. Безусловно, в привлечении труда спецпереселенцев были региональные особенности. Так, на Урале в начале 1932 г. за промышленными и строительными организациями числилось 116 тыс. высланных семей, преимущественно крестьянских, и лишь около 15 тыс. было закреплено за сельхозколониями²⁷. По данным СибЛАГа за сентябрь 1931 г., в Западной Сибири в комендатурах сельскохозяйственного профиля числилось 41 тыс. семей спецпереселенцев из 65 тыс. семей, размещенных в комендатурах региона. Таким образом, почти треть трудоспособного населения спецпоселков на данной территории уже с первых месяцев неволи имела неземледельческую специализацию (работа в леспромхозах, шахтах, на приисках, Кузнецкстрое и т. д.)²⁸. Накануне войны уже не более трети трудпоселенцев было занято в сельском хозяйстве (в т. н. неуставных сельхозартелях, совхозах и др.)²⁹. По численности трудоспособные поселенцы, занятые в лесной и угольной отраслях промышленности, сравнивались с членами сельхозартелей трудпоселенцев³⁰.

Практически любому из исследователей массовых антикрестьянских репрессий, предпринятых в начале 1930-х гг. государством при поддержке «снизу», приходилось выстраивать иерархию причин, вызвавших данное явление. Большинство историков в качестве исходной причины выделяет экономическое поведение основной массы крестьян (особенно зажиточных хозяйств), которые с момента кризиса хлебозаготовок 1927/1928 хоз. г. проявляли устойчивое нежелание подчиниться проводимой государством политике неэквивалентного обмена между городом и деревней и сопротивлялись внеэкономическим методам изъятия произведенной ими продукции — вначале пассивно, сокращая посевы,

деля хозяйства, распродавая имущество (фактическое «самораскулачивание»), затем активно терроризируя сельских активистов и т. д.³¹ Другая причина, не менее существенная, но возникшая позже, имеет политическую природу: с началом массовой форсированной и принудительной коллективизации лозунг «ликвидации кулачества» был призван ускорить создание коллективных хозяйств. Изоляция (аресты, высылка) одной части крестьянства была призвана продемонстрировать другой ее части бесперспективность сопротивления. Кроме того, массовое привлечение сельских низов к участию в экспроприации и высылке зажиточного слоя крестьянства вносило раскол в деревню, делало «низы» союзниками и участниками репрессивной политики «верхов». Побочная причина, сопровождавшая спланированное насилие над крестьянством в начале 1930-х гг., была связана с экономической составляющей экспроприации: конфискованное у арестованных и высланных крестьян имущество должно было стать важной частью неделимых фондов коллективных хозяйств³². Во второй половине 1930 г. и особенно в 1931 г. основой массовой депортации исследователи называют экономическую причину: контрольные цифры по высылке жестко увязывались с потребностями тех или иных наркоматов и ведомств в массовом и «дешевом» принудительном труде спецпереселенцев. Политические основания для репрессий в деревне отошли на второй план.

Нарисованная выше схема чередования в антикрестьянской репрессивной политике в конце 1920 — начале 1930-х гг. политических и экономических мотивов и оснований в целом возражений не вызывает. Вместе с тем выявляется очевидная необходимость в более детальном выяснении действия механизмов согласования интересов различных групп внутри не только институтов власти, но и самого крестьянства, и — шире — сельского населения в обстановке массовых государственных репрессий. Существует, хотя и не совсем четко оформленная, пришедшая в сферу исследований из публицистики, точка зрения о том, что массовые репрессии в деревне, хорошо продуманные и спланированные, выражали симбиоз интересов двух могущественных группировок — сталинского партийно-государственного руководства и карательной машины в лице ОГПУ — НКВД. Цель первой при запуске механизма «раскулачивания» состояла в уничтожении остатков оппозиции в партии и обществе, второй — в упрочении своего особого статуса в советской политической системе.

Уральский историк Л.В. Захаровский в своей кандидатской диссертации делает заключение об ошибочности традиционной трактовки политики «раскулачивания» только как составной и подчиненной части процесса коллективизации. По его мнению, «раскулачивание» было достаточно самостоятельной политической кампанией, предшествовавшей, а затем и существенно влиявшей на динамику самой коллективизации. «В 1930 г., — отмечает Л.В. Захаровский, — эта политика была безусловно политическим приоритетом, именно под ее проведение подгонялись темпы коллективизации. Как только первая волна "раскулачивания" прошла, большинству крестьян позволили покинуть колхозы. Выселение 1930 г., проводившееся без учета возможностей трудового использования спецпереселенцев, подтверждает особый теоретико-политический, а не прагматический характер приоритетов этой политики.

После того как в 1930 г. план, разработанный комиссией Молотова, был выполнен и "кулачество как класс" фактически перестало существовать, приоритет политики власти был перенесен на коллективизацию. Поэтому в 1931—1933 гг. "раскулачивание" становится уже не самостоятельной политикой, а инструментом проведения коллективизации и заготовительных кампаний»³³.

Как видим, исследователи предлагают нетривиальные оценки и интерпретации конкретно-исторического процесса начальной стадии трагедии отечественной деревни. Другое дело, выдерживают ли критику подобные трактовки самих приоритетов партийно-государственной политики в деревне накануне и в начале коллективизации, а также результатов практической их реализации. Сколько-нибудь серьезных оснований для такого рода новаций, на наш взгляд, нет. В историографии даже в т. н. застойные десятилетия бегство и отток крестьян из колхозов объяснялись авантюризмом политики партийных верхов, широким массовым протестом и сопротивлением крестьян этой политике.

Высказанная Л.В. Захаровским позиция является новаторской, по нашему мнению, лишь по форме изложения, однако, в содержательном, концептуальном плане она не отражает нового видения проблемы. Большинство оценочных суждений сделано в рамках прежней исследовательской парадигмы, и здесь нет принципиальной разницы в том, в каком соотношении друг к другу выступают коллективизация и «раскулачивание». Можно даже согласиться с тем, что в определенные моменты (февраль—март 1930 г. и весна 1931 г.) карательная политика задавала темпы, «подхлестывая» и ускоряя коллективизацию. Однако и экспроприацию единоличных хозяйств, и создание крупного общественного производства в деревне правомерно рассматривать в контексте целенаправленно осуществляемой политики раскрестьянивания, разными составными частями, гранями которой и выступали коллективизация и «раскулачивание».

Нам представляется принципиально более правильной и перспективной в плане дальнейшего исследования постановка данной проблемы историком-аграрником В.А. Ильиных. В предисловии к хроникально-документальному сборнику, посвященному политике раскрестьянивания в Сибири, он делает вывод о том, что основное содержание радикальных изменений в деревне с конца 1920-х гг. «сводится к относительно скоротечному и имеющему характер общественного катаклизма превращению крестьянства в принципиально новую социальную общность, которое можно определить термином "социалистическое раскрестьянивание".

Раскрестьянивание — длительный и многомерный процесс, включающий в себя кардинальную трансформацию различных экономических, социальных, демографических и психологических характеристик крестьянства, определяющих его как класс. В основе превращения крестьянства в новую страту общества лежит ликвидация единоличного (семейного) хозяйства, представляющего базовую единицу его социальной самоорганизации»³⁴.

Можно дискутировать о том, когда в целом завершился процесс раскрестьянивания под воздействием целенаправленной государственной политики — накануне войны или в 1950-е гг. (так считает В.А. Ильи-

ных)³⁵, однако, очевидно, что решающие события переломного характера произошли в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. Бесспорным является тот факт, что «раскулачивание» «подчинялось целям ликвидации крестьянства как класса самостоятельных товаропроизводителей в целом»³⁶.

Особенно показательным в рамках указанной политики явилась судьба той части репрессированного крестьянства, которая подверглась маргинализации, т. е. вытеснению за грани формально правового советского общества. Спецпереселенцы насильственным путем были переструктурированы, превращены в универсальную рабочую силу для нужд сталинской («социалистической») модернизации. Большая их часть к концу 1930-х гг. стала «трудоиспользоваться» в несельскохозяйственных отраслях экономики (промышленность, строительство и т. д.).

Из работ последних лет, в которых анализируются проблемы массовых антикрестьянских репрессий и, как следствие последних, возникновение и эволюция категории крестьян-спецпереселенцев, следует выделить две монографии НА Ивницкого³⁷. В первой, вышедшей в 1994 г., автор посвятил данной теме четвертую, заключительную главу «Судьба раскулаченных. Спецпереселенцы». В исследовании 2000 г., анализируя разработку и реализацию партийно-государственными органами репрессивной политики в деревне в конце 1920-х — начале 1930-х гг., Н.А. Ивницкий затрагивает также различные аспекты депортации крестьянства и справедливо отмечает, что тема спецпоселения заслуживает особого рассмотрения. Несомненной заслугой автора следует считать выявление и введение в научный оборот весьма значительного количества источников делопроизводства высших звеньев органов сталинской власти и управления (в монографии 1994 г. это материалы и документы фондов бывшего архива Политбюро, а в работе 2000 г. к ним добавились источники из фонда центрального аппарата ОГПУ—НКВД)³⁸. Благодаря этому появилась возможность реконструировать механизм выработки, а в ряде случаев и значительной корректировки уже принятых ключевых решений сталинского руководства в отношении репрессированного крестьянства.

Вместе с тем нельзя не отметить, что изложение такой ценной фактической информации, как решения директивных органов или отчеты по их реализации, отнюдь не снимает проблемы исторической интерпретации. И здесь ряд авторских оценок носит далеко не бесспорный характер. В частности, Н.А. Ивницкий отмечает, что решения Политбюро в части массовых репрессий в деревне были противоречивы, неоднократно нарушались или пересматривались тем же самым высшим властным органом³⁹. Говоря о партийно-правительственных постановлениях по устройству и использованию труда спецпереселенцев, автор указывает, что «их было достаточно много, но ни одно из них не было выполнено». Он пишет: «Возникает вопрос, почему не выполнялись решения Политбюро — всевластного органа, которому были подчинены и подотчетны все партийно-государственные структуры, не исключая ЦИК и СНК СССР, наркоматы и ведомства, суд и прокуратура? Объяснение может быть одно: Политбюро не было заинтересовано в выполнении своих решений, а принимало оно их, скорее, чтобы создать видимость заботы о спецпереселенцах, как это было весной 1930 г. в

связи с перегибами в коллективизации. Виновные в невыполнении решений ЦК не несли никакого наказания, если не считать ничего не значащих "указать" и "обратить внимание"⁴⁰.

Вряд ли следует согласиться с НА. Ивницким в отношении данной им трактовки как мотивов, которыми руководствовались Сталин и его окружение при принятии решений о спецпереселенцах, так и причин невыполнения этих решений. Во-первых, Политбюро было заинтересовано и в принятии, и в осуществлении своих решений о «рациональном» размещении репрессированного крестьянства и утилизации его труда. Само количество такого рода постановлений, а в 1931—1933 гг. их насчитывалось несколько десятков, свидетельствовало о том, что Политбюро считало решение проблемы весьма значимой (естественно, в своем, корпоративном понимании). Во-вторых, некорректна здесь и предлагаемая НА. Ивницким параллель с ситуацией весны 1930 г., когда власть действительно вела игру с крестьянством — публично осуждая перегибы, она стремилась «умиротворить» деревню. Среди относящихся к 1931—1933 гг. решений Политбюро о спецпереселенцах, которые принимались затем в т. н. советском порядке как постановления ЦИК или СНК СССР, не было ни одного публичного (открытого), за исключением июльского (1931 г.), касающегося перспектив восстания спецпереселенцев в гражданских правах через пять лет пребывания на поселении. Все они носили закрытый, секретный характер и подлежали безусловному исполнению.

По мнению НА. Ивницкого, ни одно из директивных указаний Политбюро в отношении спецпереселенцев «не было выполнено». С этим суждением нельзя согласиться, точнее было бы считать, что большинство постановлений не выполнялось в полном объеме и в намечаемые сроки. Безусловно, имели место и принимавшиеся волонтаристским способом, а потому «провальные» в процессе их реализации решения, одним из которых, в частности, стало апрельское (1933 г.) постановление Политбюро (оформленное как постановление СНК СССР) «Об организации трудовых поселений ОГПУ», впоследствии несколько раз корректировавшееся. Однако и в урезанном до минимума виде указанное директивное решение сыграло роль в санкционированной Политбюро реорганизации системы спецпоселений. Иногда само Политбюро не просто корректировало, но и отменяло принятые ранее отдельные пункты постановлений или постановления в целом. Так, 16 мая 1932 г. Политбюро отменило свое решение от 4 мая о выселении 38 тыс. крестьянских хозяйств и рекомендовало ОГПУ производить в деревне «индивидуальные аресты»⁴¹. Сложившийся порядок выработки и принятия на Политбюро решений предполагал достаточно сложную процедуру, в которой основную нагрузку несла, как правило, иницирующая постановление сторона (наркомат, ведомство) либо создаваемая Политбюро комиссия (обычно межведомственная по составу). В 1931—1932 гг. такие функции выполняла «комиссия т. Андреева» (далее — Я.Э. Рудзутака). Именно она несла полную ответственность за качество и исполняемость принимавшихся Политбюро решений о спецпереселенцах. Благодаря деятельности последней и ее делопроизводству сегодня исследователи имеют возможность размышлять о политике «верхов» в отношении репрессированного крестьянства, судить о состоянии ис-

полнительской дисциплины. Подчеркнем, что речь, безусловно, идет не об апологетике сталинского режима и оправдании его антикрестьянской политики, а о необходимости преодоления тех или иных упрощенных или одномерных трактовок событий.

Н.А. Ивницкий, затрагивая аспект результативности труда спецпереселенцев, пишет: «Заметим, что большинство неуставных артелей добились более высоких производственных результатов, чем соседние местные колхозы. В этом сказались хозяйственные навыки и мастерство бывших кулаков и зажиточных крестьян, а не трудовое перевоспитание, как это утверждалось в советской историографии, в том числе и в нашей монографии. Это признавалось и руководством ОГПУ и НКВД, но объяснялось не результатом умения и самоотверженного труда ссыльных, а "происками врагов народа", находившихся у руководства "кулацкой ссылкой" (Коган, Молчанов, Берман, Плинер и др.), которые якобы ставили спецпереселенцев в "привилегированное положение", освобождали спецпоселки от госпоставок, налогов и сборов и списывали ссуды "уже тогда, когда трудпоселки не только хозяйственно окрепли, но и по своему хозяйственному уровню стояли выше окружающих колхозов" — говорилось в одной из записок НКВД в ЦК ВКП(б).

Нет необходимости комментировать этот документ»⁴².

Представляется, однако, что подобное объяснение мотивации и результатов хозяйствования спецпереселенцев главным образом навыками и опытом репрессированных крестьян для понимания проблемы дает не больше, чем прежний тезис о главенстве фактора «трудового перевоспитания кулачества». Безусловно, у спецпереселенцев имела повышенная мотивация к производительному труду как средству выживания в условиях несвободы. Тем не менее, ввиду тенденциозности процитированной выше записки НКВД не следует игнорировать те специфические («привилегированные») условия хозяйственной деятельности, которые были у неуставных артелей: периодически проводившееся по ходатайству органов НКВД списание долгов и ссуд, лонгирование сроков освобождения от различных госпоставок и сборов (для уставных артелей порядок взимания налогов, взыскания долгов и т. д. был куда более жестким). Очевидна необходимость учета действия всех значимых факторов, влиявших на принудительный труд в спецпоселках.

В рамках сравнительно небольшого обзора можно определить, таким образом, лишь наиболее отчетливо проявившиеся сегодня тенденции в изучении проблем истории репрессированного крестьянства. Приходится констатировать, что, несмотря на обилие и разнообразие публикаций, пока нет достаточных оснований считать эту проблему не только исчерпанной, но даже в достаточной мере сложившейся. Прорыв в методологической, концептуальной сферах, а также в накоплении источниковой базы, происшедший в начале 1990-х гг., оборачивается ныне если не спадом, то определенного рода стагнацией, признаком чего служат повторение апробированных в прошлом схем и подходов зрелыми, сложившимися исследователями, а также копирование их молодыми историками. Подходы маститых ученых оказалось легче тиражировать, накладывая на местные материалы и документы, зачастую даже без должной адаптации к региональным условиям. Была по сути свернута и осталась безрезультатной принципиальная дискуссия, открытая в

1990-е гг. известным историком-демографом С. Максудовым о человеческой цене, жертвах коллективизации и о том, насколько официальная карательная статистика оказалась в состоянии адекватно отразить социальную катастрофу в деревне, в т. ч. масштабы самоликвидации и бегства крестьянских хозяйств и семей, размеры смертности и побегов в ходе массовой высылки, в дороге и т. д. Эти не зафиксированные традиционной статистикой потери крестьянского населения в конце 1920 — начале 1930-х гг. требуют изучения с привлечением проверенных методов исторической демографии, экспертных оценок, основанных на анализе отдельных сельских поселений или районов. Именно подобный уровень микроисследования может вскрыть механизмы реального поведения местной власти и крестьянства в условиях, когда сопротивление и протест последнего существенно корректировал процессы практической реализации принимаемых властных решений. Зачастую изучение событий на уровнях поселение — сельсовет — район способно дать не меньше информации, чем обобщенные и стандартизированные данные более высокого порядка — регион — республика — страна. Историками недооценен и потому не используется в должной мере такой массовый источник, как реабилитационные дела репрессированных крестьянских семей. Эти дела, даже с учетом времени и специфики их создания, дают ценную и не содержащуюся более нигде информацию не только о судьбах отдельных людей или крестьянских семей, но и о том, как целое поколение (главным образом дети «раскулаченных») описывает и оценивает происшедшее с ними, да и со страной в целом.

2. «Кулаки», спецпереселенцы, трудпоселенцы

Практически во всех в значительном количестве вышедших по данной проблеме публикациях (статьи, монографии, сборники документов) обойден вниманием принципиальный вопрос о возникновении, бытовании и эволюции ключевых терминов, которыми власть оперировала, когда речь шла о репрессированном и высланном в начале 1930-х гг. крестьянстве. Между тем очевидно, что за появлением одних терминов и заменой их другими стояли совершенно определенные ситуационные либо стратегические изменения политики директивных органов в отношении репрессированных крестьян.

Данный анализ было бы целесообразно предварить обзором состояния исследовательской рефлексии в 1960—1980-х гг., когда крестьянская ссылка для советской исторической науки стала, наконец, предметом изучения. Терминологически процесс описывался таким образом, чтобы завуалировать карательный характер сталинской антикрестьянской политики. Речь шла прежде всего о «переселении» и «трудо-вом перевоспитании бывших кулаков». Известный исследователь советской переселенческой политики Н.И. Платунов писал об этом так: «Что касается переселенческой политики Советской власти в связи с ликвидацией кулачества как класса, то она не выражала закономерности миграционных процессов в СССР. Переселение кулаков было отклонением от основ переселенческой политики Советской власти, вызванным чрезвычайными обстоятельствами, ее единоличным актом по удалению

антисоветски настроенного кулачества»¹. В дальнейшем автор использует понятие «переселенные кулаки», а в нем вслед за источниками сталинской эпохи выделяет «кулаков» второй («выселенные») и третьей («расселенные») категорий. Он же констатирует, что деление «кулаков» на три категории было обязательным для руководства и исполнения только на 1930 год», а в следующем, 1931-м, году «деления на категории вообще не производилось — выселению подлежали все хозяйства, которые признавались кулаками»². В 1970—1980-х гг. известный историк-аграрник Н.Я. Гушин в своих работах, посвященных «трудоустройству бывших кулаков», пользовался выхолощенным понятием «переселенцы». Влияние на исследования тех лет не только цензуры, но и самоцензуры историков проявлялось, например, в том, что при воспроизведении в публикациях заголовков документов термин «спецпереселенцы» заменялся на «переселенцы»³, а Нарымский край назывался краем ссылки (имелась в виду царская ссылка), который «к концу 30-х гг. превратился в развитый район социалистического строительства»⁴. В таком межуточном состоянии и застыла отечественная историография проблемы: крестьянская ссылка на поселение квалифицировалась как некая специфическая разновидность переселения.

Если под данным углом зрения обратиться к новейшим исследованиям, то нетрудно установить, что историки не столь уж значительно продвинулись вперед. Общим местом является признание «выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение»⁵ одной из мер политических репрессий. Одновременно с этим спецпереселения крестьянства рассматриваются как разновидность принудительных переселений (миграций). Однако пока нет объяснения того, каким образом в сталинскую эпоху произошло соединение и фактическое слияние ссылки как карательной меры с миграционно-хозяйственными процессами. Определенные возможности для этого дает анализ формирования и динамики карательной лексики начала 1930-х гг.

Напомним, что первичным основанием для деления репрессированного крестьянства («кулачества») на группы («категории») стала директива (постановление) Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»⁶. К первой категории относился «контрреволюционный кулацкий актив», ко второй — те, которые «подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края», к третьей — «оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках»⁷.

Обращает внимание то, что уже в данном ключевом документе вводятся и используются следующие понятия, заменяющие упомянутые категории: «арестованные» (первая), «высылаемые» (вторая), «расселяемые» (третья). Параллельно, скорее как синоним для обозначения «высылки», используется термин «выселение». В дальнейшем это многообразие слов создало трудности у интерпретаторов директивы. «Выселение» в одном случае трактовалось как более широкое понятие, распространявшееся и на вторую и третью категории, поскольку семьи «лик-

видируемых хозяйств» должны были покинуть места прежнего проживания, в другом — как синоним высылки в «отдаленные местности».

Фактически в упомянутой директиве между строк проглядывала параллель с применением внесудебной высылки и ссылки. Решение о «выселении» и «расселении» походило на приговор к адмвысылке, согласно которому высланным воспрещалось возвращаться к месту прежнего жительства ранее установленного срока. «Выселение» и «высылка» были тождественны ссылке, т. е. «высылке из данной местности в определенный район»⁸. Вопрос о дальнейшей судьбе подвергшихся внесудебным репрессиям крестьян (использование их труда, определение статуса и т. д.) в постановлении Политбюро был едва намечен, что лишний раз подчеркивало преобладающую роль репрессивной мотивации.

О том, как директива о делении «кулаков» на категории была воспринята на местах, в регионах, можно судить по постановлению Сибкрайисполкома от 12 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», в котором, в частности, указывалось: «<...> кулацкие хозяйства, подлежащие ликвидации, разбиваются на две группы: 1) кулацкий актив из наиболее богатых кулаков, которые подлежат высылке в отдаленные местности и 2) все остальные кулацкие хозяйства, оставляемые в пределах районов данного округа и расселяемые на новых, отведенных им за пределами колхозов, участках»⁹. Здесь не содержалось серьезного противоречия с предшествующими и последующими партийно-государственными решениями по данному вопросу (не упоминалась «первая категория» — арестованные), однако вскоре, 1 марта 1930 г., в дополнение к своему же постановлению Сибкрайисполком объявил для Сибири выселенные на Север хозяйства относящимися к первой категории, «все явно кулацкие хозяйства в округе, не вошедшие в категорию высылаемых в отдаленные местности» — ко второй категории¹⁰. Впрочем, это был единственный случай: через неделю, 9 марта 1930 г., крайисполком в своем решении уже исправно оперировал нужными (первой и второй) категориями¹¹. С этого времени и до начала 1931 г. упомянутые термины, существуя с определенным моментом с появившимся и быстро ставшим наиболее употребляемым термином «спецпереселенцы», являлись основными в секретной делопроизводственной документации органов власти¹².

Появление термина «спецпереселенцы» в качестве базового в начале лета 1930 г. не случайно и может служить индикатором изменения или, точнее, смещения приоритетов власти в отношении перспектив использования труда репрессированного крестьянства. В апреле 1930 г. была создана Всесоюзная комиссия «по устройству выселяемых кулаков» во главе с зам. председателя СНК СССР В.В. Шмидтом. На республиканском уровне появилась аналогичная по функциям комиссия под руководством тогдашнего наркома внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачева. По мере усиления антикрестьянских репрессий термин «выселяемые» (из определенных мест) заменялся на «переселяемые» (в отдаленные районы). В протоколах комиссий Шмидта и Толмачева появляется словосочетание «кулаки-переселенцы», которое уступает место более краткому и емкому — «спецпереселенцы» (по крайней мере с протокола

№ 5 «заседания правительственной комиссии (Толмачева. — С.К.) по устройству спецпереселенцев» от 9 июня 1930 г.¹³). Эти лексические новации отражали схему мышления директивных органов. Последним было удобно обозначать принудительное перемещение значительных масс крестьянства привычной формулой «переселение» с добавкой «спец». На республиканские и местные земельные органы возлагались важнейшие для стадии расселения «кулаков» функции — определение мест нахождения поселков, отвод земель и сельхозугодий и т. д. Они перекликались с функциями существовавших переселенческих управлений. В постановлении СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» в п. № 1 было записано: «Возложить на Наркомзем РСФСР проведение земельного и хозяйственного устройства спецпереселенцев и их семей, занимающихся сельским хозяйством <...>»¹⁴.

О существовании организационной и генетической связи между плановым и принудительным переселением отечественного крестьянства можно судить по прекращению планового сельскохозяйственного переселения крестьян в период с 1930 по 1933 г. В эти годы, как совершенно справедливо констатирует Н.И. Шатунов, «переселенческий аппарат переключился на расселение и устройство выселенных кулаков и на организацию красноармейского переселения»¹⁵.

В указанный период терминология носила устойчивый характер. Однако уже весной 1933 г. на уровне директивных органов в оборот вводится новый термин — «трудпоселенцы». Впервые он получает «прописку» в постановлении СНК СССР от 20 апреля 1933 г. «Об организации трудовых поселений ОГПУ»¹⁶. Переименование «спецпоселений» в «трудпоселения», а «спецпереселенцев» в «трудпоселенцев» отражало очередной виток в сталинской репрессивной политике, затрагивавшей на этот раз не только крестьянство, но и другие слои населения страны. На рубеже 1932 — 1933 гг. в верхних эшелонах власти встал вопрос об изменении социальной направленности репрессий. К этому времени первоначальным планам ОГПУ, направленным на сохранение категории «раскулаченных» для пополнения спецпоселений, не суждено было сбыться: уже в 1932 г. Политбюро фактически свело к минимуму амбициозные намерения ОГПУ продолжить массовые депортации крестьян. Но к 1933 г. развернулась крупномасштабная «чистка» городов от « деклассированного элемента», осуществлялись очередная «очистка» приграничных районов, а также «разгрузка» мест заключения и лагерей. Замкнув на себя все эти потоки принудительных миграций, ОГПУ оценивало их в цифрах, сопоставимых с высылкой крестьян 1930 — 1931 гг. (до 3 млн чел.), и предлагало направить весь этот т. н. новый спецконтингент в единое русло. Спецпоселения с преимущественно крестьянским населением в целях колонизации северных и восточных территорий страны планировалось реформировать в трудовые поселения, весьма пестрые по социальному составу. Фактически ожидаемого эффекта власти не получили ни по масштабам, ни по результатам проведенной в 1933 г. акции, но новые обозначения («трудпоселения» и «трудпоселенцы») утвердились в карательном лексиконе. Однако нельзя не отметить в 1933—1934 гг. в секретном делопроизводстве органов, реализовывавших репрессивную политику, параллельное существование

«старых» и «новых» терминов. В качестве свидетельства устойчивости терминологического смешения тех лет можно привести текст постановления президиума Запсибкрайисполкома от 14 марта 1935 г. о положении трудпоселенцев, работавших на предприятиях лесной промышленности (Новоеиблес), в котором на одной странице в соседних абзацах употребляются термины «трудпоселенцы», «трудпереселенцы», «спецпоселенцы»¹⁷. Стереотип продолжал действовать и в последующие годы. В преамбуле постановления президиума Запсибкрайисполкома от 8 апреля 1936 г. «О восстановлении в избирательных правах трудпереселенцев» отмечалась «большая политико-воспитательная работа среди трудпоселенцев, в результате чего тысячи трудпереселенцев проявили себя энергичными работниками <...>»¹⁸. Очевидно, органического замещения термина «переселенцы» термином «поселенцы» после 1933 г. не произошло, коль скоро сбой допускались самими же директивными органами. И даже если власти вкладывали в переименование определенный качественный смысл (завершение стадии переселения и переход к окончательному «оседанию» крестьян на новых территориях), то высланные крестьянские семьи практически так и оставались для них частью «спецконтингента», ссыльными. Не случайно поэтому в конце Великой Отечественной войны карательные органы вернулись к первоначальному варианту. Оставшиеся к тому времени на поселении крестьяне стали именоваться «спецпереселенцы — бывшие кулаки».

Таким образом, с начала массовой депортации крестьян власти квалифицировали ее либо как репрессию в форме принудительных переселений (миграций), либо как переселение в специфической, репрессивной форме. Возвращение через 15 лет к первоначальному названию — «спецпереселенцы» — означало лишь то, что доминантой в глазах властей была репрессивная, а не миграционная составляющая упомянутого явления.

Глава II СЕРП

1. Крестьянское сопротивление большевистскому режиму в 1930 году (новые документы)

В истории послереволюционной России и Советского Союза найдется немного периодов, которые до сих пор не имеют достаточно внятной сущностной характеристики. Революции 1917 г., Гражданская и Великая Отечественная войны, нэп остаются качественно определенными феноменами. Гораздо сложнее (и это очевидно для всех, кто профессионально занимается проблемами т. н. переходного периода, т. е. 1920—1930 гг.) определиться с интегральной характеристикой рубежа 1920—1930-х гг. Разброс оценок здесь, как будто, невелик. Одни исследователи, равно как и публицисты, заимствуя сталинскую терминологию, называют рубеж 1920—1930-х гг. «годами "Великого перелома"», другие — периодом «революции сверху». Как в первом, так и во втором определении вслед за Сталиным подчеркивается радикальность, масштабность и всеобщность проводившихся в это время социально-экономических преобразований, достойных по глубине и последствиям термина «революция». Другое дело, что в ходе исследований большая часть историков пришла к пониманию неприемлемости употребления термина «революция» в его привычном позитивном смысле. И.Е. Зеленин — один из наиболее авторитетных историков-аграрников в интересной и содержательной статье под названием «"Революция сверху": завершение и трагические последствия»¹, анализируя феномен «сплошной коллективизации» (а именно ее Сталин собственно и называл «революцией сверху»), оценил коллективизацию как «одно из самых трагических событий отечественной истории после Октября 1917 г., имевшее самые пагубные последствия для крестьянства и сельского хозяйства страны», а сами аграрные преобразования — как псевдосоциалистические². Если развить мысль И.Е. Зеленина, то «революцию сверху» можно, вероятно, квалифицировать как псевдореволюцию. Заметим, что историки, изучающие две другие составные части модели социалистических преобразований — индустриализацию, культурную революцию, — также весьма радикально пересмотрели взгляды на эти явления и процессы³.

Свои аргументы «за» и «против» имеет другой термин, который в конце 1980-х гг. был реанимирован известными историками Г.А. Бордюговым и В.А. Козловым и стал использоваться как в научной литературе, так и публицистике, — «чрезвычайщина», содержательно весьма емкий, поскольку вбирает в себя характеристику и сущности, и методов проведения, и последствий осуществлявшихся в этот период преобразований⁴. Вопрос возникает тогда, когда мы попытаемся выделить и другие периоды с подобной качественной составляющей. Ведь разве вторая

половина 1930-х — начало 1940-х гг. не подпадает также под это определение?

Так или иначе, но следует констатировать, что состояние терминологической неопределенности есть отражение неопределенности концептуальной. Прежняя понятийная система разрушена, новая еще не создана, и единой и нормативной она уже не будет. В чем видится временный выход? Возможно, в частичном заимствовании прежних понятий при необходимости их адаптации к новым конструкциям и схемам.

Нам представляется допустимым для обозначения периода 1929—1933 гг. использовать термин «квазигражданская война». Напомним, что некоторые историки (а еще раньше — публицисты) при описании событий этих лет уже использовали стереотипную фразу о войне режима против собственного народа, имея в виду прежде всего крестьянство⁵. Однако внутри концепции «войны власти против народа» есть и весьма существенные оттенки. Некоторые авторы склонны считать, что война режима сопровождалась крестьянской войной. Так, С.А. Папков в монографии «Сталинский террор в Сибири. 1928—1941 гг.», описывая события февраля—марта 1930 г. в сибирской деревне, отмечает: «В течение полутора месяцев деревня представляла собой арену ожесточенной гражданской войны, где одна сторона пыталась завладеть имуществом другой, а вторая в отчаянии его уничтожала»⁶. «Секретные донесения работников ОПТУ этого периода, — писал изучавший документацию карательного ведомства за лето 1932 г. И.Е. Зеленин, — больше похожи на сводки из районов, охваченных всеобщим гражданским неповиновением. Это свидетельствовало о том, что крестьянская война, вспыхнувшая в деревне зимой—весной 1930 г. сразу же после перехода к политике сплошной коллективизации <...> разгорелась с новой силой»⁷.

В связи с анализом взглядов на события 1929—1933 г. следует отметить изданный на русском языке исторический очерк Андреа Грациози «Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933» (М., 2001). А. Грациози считает возможным говорить о том, что конфликт между государством (вначале Российским, затем Советским) и крестьянским большинством его собственного населения, протекавший в 1912—1956 гг., был «величайшей европейской крестьянской войной», своего рода «Сорокалетней войной». Он акцентирует внимание на «двух актах великой драмы» — 1918—1922 и 1928—1933 гг. В целом подход автора, проводящего параллели между двумя обозначенными периодами сквозь призму противостояния и борьбы крестьянства с государственной властью, представляется достаточно интересным и плодотворным, поскольку позволяет отметить новые элементы в формировании и упрочении большевистского (сталинского) режима, поведении крестьянства в экстремальных условиях и т. д. А. Грациози разделяет уже утвердившуюся в историографии точку зрения о том, что в 1928—1933 гг. крестьянское сопротивление было слабее, чем в 1920—1921 гг., «когда оно угрожало самому существованию нового большевистского государства», «за время нэпа государство усилилось в большей степени, нежели восстановилась деревня». Действительно, именно государство, прибегнув к испытанным методам периода гражданской войны («используя зависть и социальную напряженность, существовавшую в де-

ревне, в ходе раскулачивания удалось в первую очередь расколоть село так же, как делали комбеды в 1918 г.), начало эскалацию насилия в деревне. Раскулачивание, будучи ничем иным, как «всеобщим грабежом и мародерством», возродило, по мнению А. Грациози, «традицию погромов <...> инспирируемых государством», «на селе при отборе новых кадров действовали те же принципы, что и десять лет назад — предпочтение снова отдавалось самым безжалостным». Бесспорным доказательством того, что в Советской России имела место крестьянская война, А. Грациози считает количество жертв — 12—15 млн чел. Кроме того, в 1930—1931 гг. «программа восстаний тоже была удивительно похожа на выдвигавшуюся 10 лет назад, хотя новая ситуация побудила крестьян добавить к списку 1918—1921 гг. новые требования (возвращение обобщественного имущества, высланных семей, роспуск комсомола, уважение религиозных чувств и обычаев и т. д.). К лету 1933 г., как отмечает А. Грациози, «сталинисты одержали над крестьянством полную победу. В деревне была установлена система, превратившая крестьян <...> в подчиненную, легально подвергаемую дискриминации группу, судьба которой находилась в руках государства». Однако созданная итальянским исследователем модель «великого конфликта государства и крестьянства» содержит в себе определенного рода противоречия. Так, в ряде мест А. Грациози подчеркивает своеобразие того, что называет «крестьянской войной», но при этом предпочитает говорить о развязанной государством «войне против крестьянства». Позицию крестьянства после 1930—1931 гг. он обозначает как пассивное «сопротивление» беспрецедентного размаха и добавляет при этом: «Кавычки здесь необходимы потому, что термин этот несомненно неоднозначен и за ним скрывается реальность, в которой главную роль играли голод, страх, отчаяние, дезорганизованность и еще многие факторы, тормозившие сельскохозяйственное производство». Здесь кстати окажется использованное в начале 1933 г. Сталиным обвинение крестьян в «тихом и внешне безобидном (без крови) саботаже», которое тот назвал «тихой войной». Отмеченное выше свидетельствует об определенной спорности построений и оценок А. Грациози, ибо «война государства против крестьянства» не может рассматриваться как синоним понятию «крестьянская война». Крестьянство, безусловно, оказывало сопротивление в самых разнообразных формах и масштабах — вначале активное, далее пассивное. Однако сопротивление — это еще (или — уже) не война в ее классическом понимании. Другое дело, и в этом мы полностью солидарны с итальянским историком, «гражданская война» (А. Грациози использует данный термин в кавычках) в СССР в начале 1930-х гг. являлась ярким признаком социального и политического регресса. Он проявлялся в восстановлении в деревне особых форм зависимости, которые Н.И. Бухарин метко назвал «военно-феодальной эксплуатацией крестьянства», в широком использовании «квазирабского», по выражению А. Грациози, труда в промышленности и строительстве и т. д. Победа государства в спровоцированном им конфликте с крестьянством проявилась в упрочении деспотического сталинского режима в таких формах и такими методами, которые, следуя марксистской терминологии, свидетельствовали о наступлении эпохи рефеодализации.

Естественно, что системообразующим для описываемых событий является конфликт между сталинским режимом и традиционным российским крестьянством, в котором государственному насилию в форме прямых массовых репрессий противодействовало крестьянское сопротивление в массовых и открытых формах, вплоть до вооруженных восстаний⁸.

Вернемся к вопросу о том, почему события на рубеже 1920—1930-х гг. можно считать гражданской войной с приставкой «квази»? Прежде всего, в событиях этого периода налицо некоторая совокупность черт и признаков, присущая гражданским войнам как таковым. Имеются элементы вооруженной борьбы, хотя и в специфических формах — доминировало государственное насилие. Имело место применение вооруженных сил, карательные акции осуществлялись силами подразделений ОГПУ и милиции. Повстанцы нигде не удерживали контроль над территориями (иногда несколькими районами) более одной-двух недель. Они не смогли создать устойчивые и альтернативные Советам территориальные органы власти и регулярные вооруженные формирования⁹. Были также приметы предыдущей гражданской войны и рожденных ею последствий: голод 1932—1933 гг. сопоставим с голодом начала 1920-х гг.; нормированное снабжение продовольственными и промышленными товарами; резкое снижение жизненного уровня большинства населения страны; резкое возрастание масштабов и интенсивности массовых репрессий, осуществлявшихся внесудебными органами — ОГПУ (для сравнения: в 1921 г. органами ВЧК было осуждено около 36 тыс. чел., а в 1930 г. органами ОГПУ — 208 тыс. чел., т. е. почти в 6 раз больше)¹⁰.

Среди атрибутов гражданской войны в России многие исследователи справедливо отмечают систему разных типов лагерей. После 1922 г. почти все лагеря, кроме нескольких лагерей типа Соловецкого, оставшихся в ведении ОГПУ, упразднились. С 1929 г. лагерная система возрождается в виде т. н. исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Приблизительно в это же время реанимируется практика трудовых мобилизаций и централизованного учета и перераспределения квалифицированных трудовых ресурсов (рабочих и специалистов)¹¹.

Почему нам представляется предпочтительным характеризовать сущность происшедшего на рубеже 1920—1930-х гг. термином «квази-гражданская война»? Во-первых, потому что равнозначного вооруженного и политического противостояния власти и большинства населения в лице крестьянства не было. Возможно, что противостояние осуществлялось прежде всего и главным образом в социальной сфере, на поведенческом и бытовом уровнях. Во-вторых, это противостояние в своей основе было искусственным, порожденным и спровоцированным политическим режимом.

Правомерен вопрос — какую конечную цель преследовал политический режим, развязывая «чрезвычайщину» и воспроизводя в формально невоенное время массу сущностных атрибутов и черт военного времени? Ответ на него в общих чертах содержится в работах ряда историков и политологов, придерживающихся т. н. тоталитаристской концепции истории России в XX в. Так, польский исследователь Е. Ланг указывает, что по окончании эпохи войн и революций (1914—1920 гг.)

в России сложился особый симбиоз экономики и политической системы — военно-мобилизационный, который для своего воспроизводства требовал экстремальных внутренних и внешних условий (если таковых не оказывалось, они создавались режимом искусственно). По мнению чешского историка и политолога М. Реймана, сталинизм являлся порождением глубокого структурного кризиса послереволюционного общества и одновременно инструментом для его преодоления, инструментом насильственной трансформации общества¹². Внутри же самого советского общества, как считают исследователи, режим был вынужден создавать и корректировать образ врага в лице специалиста-«вредителя», «кулака», «нэпмана», «врага народа» и т. д. В годы квазигражданской войны конфронтационный тип пропаганды пронизывал все социокультурное пространство в стране.

Современные исследователи располагают возможностью проанализировать и дать оценку характеру, масштабам и формам крестьянского сопротивления политике большевистской власти в деревне накануне и в самый острый, начальный период осуществления массовой принудительной коллективизации (1929—1931 гг.) на основе материалов, ставших известными благодаря архивным изысканиям последних лет. Мы предлагаем обратиться к уникальному по своей информационной насыщенности источнику — «Докладной записке Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г.», опубликованной во 2-м томе сборника «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание»¹³. Документ содержит наиболее полные и систематизированные (и в этом смысле носящие объективный характер) сведения о т. н. массовых антисоветских проявлениях в деревне на протяжении 1930 г. Принятая в сводке ОГПУ типология форм «классовой борьбы» в деревне с точки зрения выделения активных (массовые выступления, повстанчество, террор) и пассивных (самоликвидация хозяйства, бегство из мест проживания и т. д.) форм протеста в целом может помочь объективно реконструировать драматические события в деревне. Естественное критическое отношение вызывают не приводимые цифры и факты, а интерпретации и выводы, сделанные чекистами на их основе.

Используя данные и оценки, содержащиеся в «Докладной записке», попытаемся определить характер противостояния в деревне, что это было — политическое соперничество «кулачества и других контрреволюционных элементов» и советской власти, поддержанной большинством крестьянства, либо общекрестьянский протест и сопротивление проводимой властями политики. Поскольку особую обеспокоенность у властей вызывали массовые выступления сельского населения, то следует остановиться на их причинах, формах, масштабах и направленности. В «Докладной записке» указывалось: «В 1929 из 1 307 массовых выступлений 403 (30,7 %) возникли на почве хлебозаготовок, 307 (23,5 %) на религиозной почве и только 86 (6,5 %) на почве коллективизации.

В 1930 г. из 13 754 массовых выступлений зафиксировано всего 456 массовых выступлений (3,3 %) на почве мясо- и хлебозаготовок, 1 487 (10,8 %) на религиозной почве и 9 721 выступление (70,6 %) на почве коллективизации и раскулачивания»¹⁴. Здесь же отмечалось, что «в массовых и групповых антисоветских выступлениях в деревне в общей

сложности участвовало в 1930 г. свыше 2 468 тыс. чел. против 244 тыс., участвовавших в 1929 г.». Указывая, что «антисоветские проявления» в деревне по сравнению с предшествующим, 1929 г., возросли в 10 раз и по количеству массовых выступлений и по количеству участвующих в них сельских жителей, чекисты далее вводили для выступлений в 1930 г. такие разновидности, как восстания и вооруженные выступления. Последние, которых по стране насчитывалось 176, имели следующие признаки: они «проходили под лозунгом свержения Советской власти, руководились повстанческими группами, сопровождалась разгоном сельсоветов, взятием заложников, попытками расширения территории, охваченной восстаниями и сопротивлениями властям»¹⁵.

Возвращаясь к анализу причин массовых акций протеста против политики властей в деревне, отметим, что и накануне, и в ходе проведения массовой коллективизации первоосновой для протестных действий являлось ущемление или подрыв традиционных экономических и бытовых устоев и интересов крестьянства. Крестьянство, как и во время гражданской войны, оказывало сопротивление чрезмерному по масштабам и внеэкономическому по методам изъятию сельскохозяйственной продукции. Сами чекисты вынуждены были признать, что в 1928, 1929 и отчасти в 1930 гг. всплеск массовых волнений в деревне в период хлебозаготовок, приходился на начало (осень) и конец (весна) кампании. Данный факт служит доказательством того, что эта акция затрагивала общекрестьянские экономические интересы.

Следует также обратить внимание на то, что в 1929—1930 гг. значительная часть выступлений в деревне была вызвана ущемлением религиозных интересов (закрытие церквей, арест церковнослужителей, снятие колоколов, оскорбление религиозных чувств верующих и т. д.) населения. Сами директивные органы неоднократно признавали устойчивые и массовые «искривления и перегибы» в «религиозных делах» как одну из основных причин волнений в деревне¹⁶. В приведенном в «Докладной записке» перечне причин, вызвавших массовые волнения в деревне в 1930 г., на первом месте стоит «коллективизация» (7 382 выступления, или 53,7 %), затем «изъятия и ущемления антисоветского элемента» (2 339 выступлений, или 17 %), закрытие церквей и снятие колоколов (1 487 выступлений, или 10,8 %), продовольственные затруднения (1 220 выступлений, или 8,9 %), посевная и уборочная кампании (544 выступления, или 4,0 %), хлебо- и мясозаготовки (456 выступлений, или 3,5 %).

Анализ некоторых ключевых документов, появившихся от имени «верхов» в первой половине марта 1930 г., например, сталинской статьи «Головокружение от успехов» (2 марта), постановления ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (не для опубликования в печати) и его адаптированного для публикации варианта, напечатанного в «Правде» 15 марта 1930 г., показывает, что основными и наиболее типичными «перегибами» в них названы те, которые повлекли за собой массовые недовольства и сопротивление крестьянства: насильственная коллективизация; «раскулачивание» середняков, бывших красных партизан, членов семей красноармейцев и т. д.; незаконное лишение избирательных прав; закрытие церквей в административном порядке и издевательства над ре-

лигиозными чувствами крестьян; закрытие рынков и базаров, запрет на продажу на них крестьянами своей продукции. Многие волнения имели своей первоосновой государственный произвол и насилие, облаченные по идеолого-пропагандистским соображениям в «преступление» низовых работников.

Безусловно, трудно или практически невозможно определить пропорции между причинами массовых волнений, вызванных в 1930 г. действиями «кулаков и других враждебных элементов» и «перегибами» властей в отношении крестьянства. Однако можно сделать определенное гипотетическое допущение: сравнить численность массовых деревенских выступлений в ноябре 1929 — январе 1930 г. (т. е. до начала т. н. массовых искривлений) и феврале—апреле 1930 г. (когда таковые достигли апогея), а также мае — июле 1930 г. (когда «перегибы» должны были быть устранены). Обобщающие цифры таковы: в ноябре 1929 — январе 1930 г. в стране насчитывалось 635, в феврале—апреле 1930 г. — 9 568, в мае—июле 1930 г. — 2 787 массовых выступлений. Сгруппированные таким образом данные позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что крестьянский протест был вызван антикрестьянской по своей сути государственной политикой, которая провозгласила крестьянство к протесту. Этот факт вынуждены были констатировать и чекисты-аналитики: «Перегибы в коллективизации и искривление классовой линии в раскулачивании, получившие широкое распространение к февралю и вызвавшие серьезное недовольство значительных масс середнячества, создали благоприятную обстановку кулаку для развертывания контрреволюционной работы»¹⁷.

Авторы «Докладной записки» пытались также объяснить очевидное противоречие между желаемым результатом деятельности ГПУ «по изъятию контрреволюционных элементов» в деревне в первой половине 1930-х гг. и тем, что, по утверждению карательных органов, за кулисами массовых выступлений в 1930 г. стояло кулачество. Они толковали это следующим образом: «Многочисленные перегибы во время коллективизации и раскулачивания весной 1930 г. дали возможность кулаку мобилизовать на активные антисоветские выступления под антиколхозными лозунгами значительные группы середнячества. Непопулярность в массах середнячества откровенно контрреволюционных лозунгов заставляет кулака маскировать свои прямые цели. Организация массовых антисоветских выступлений крестьянства (основная форма массового антисоветского движения) ведется поэтому под предлогом борьбы против искривления классовой линии в практике проведения хлебозаготовок, налога и т. п., под предлогом борьбы против снятия колхозов, закрытия церквей, против принудительного вовлечения в колхозы и т. п.»¹⁸

Обосновывая роль «кулачества» как теневого управляющего событиями в деревне, чекисты приводили факты широкого участия в массовых выступлениях женщин. По их данным, в 1930 г. в 3 712 из 13 754 массовых выступлений в составе участвующих преобладали женщины: «В большинстве своем, — говорилось в "Докладной записке", — массовые женские выступления первой половины 1930 г. (2 897) имели антиколхозный характер (1 154) и выражались преимущественно в самовольном разборе обобщественного скота, семян, инвентаря и разгрома

колхозов; значительное число составляют массовые выступления, возникшие на религиозной почве (778), выступления в защиту раскулачиваемых и выселяемых кулаков (442) и выступления на почве продовольственных затруднений (336).

Во второй половине года выступления на почве хлебозаготовок составили 36 % от общего числа, на почве раскулачивания и ущемления антисоветских элементов — 20 %, на религиозной почве — 12 %, на почве продовольственных затруднений — 10,7 %, на почве коллективизации — 10 % и другие выступления — 10,3 %»¹⁹.

Чекисты утверждали, что за женской активностью стояли мужчины (подразумевались, естественно, «кулаки»), подстрекавшие и провоцировавшие к сопротивлению властям. Однако, на наш взгляд, факт широкого участия в событиях в деревне женщин (различия внутри которых по социально-имущественному признаку даже сами чекисты не считали важными) является доказательством того, что действия властей вызвали широкий антикрестьянский протест, а противостояние шло по всему спектру взаимоотношений власти и крестьянства — от «изъятия» священнослужителей до конфискации имущества у крестьян. Более того, есть веские основания предполагать, что женская активность, будучи формой самозащиты в обстановке угрозы условиям существования самих крестьянских семей, в массе своей носила стихийный, вынужденный и оборонительный характер. В частности, выражать протест женщин заставлял сам ход массовых репрессий в деревне — после ареста мужчин — глав семейств («кулаки первой категории») именно на жен последних власть возлагала ответственность за исполнение повинностей, за высылку и т. д. Именно женщины первыми отреагировали на появившиеся весной 1930 г. признаки и проявления голода, которые карательная статистика уклончиво квалифицировала как «продовольственные затруднения». Примечательно, что по динамике волнения, связанные с принудительной коллективизацией, репрессиями и гонениями на религиозные конфессии в деревне, были похожи: нарастание с января по март, затем спад к июню — июлю, но отличались от выступлений, возникших на почве «продовольственных затруднений»: в марте 1930 г. 65 случаев, апреле — 172, мае — 433, июне — 348²⁰. Очевидно, что голодные протестные акции имели первопричиной не «кулацкую агитацию», а сверхизъятие хлеба и других сельхозпродуктов у крестьян.

В изучении проблемы противостояния крестьянства и власти в 1930 г. есть еще один аспект, ранее замалчивавшийся традиционной советской историографией, — адекватность репрессивных действий сталинского режима в ответ на крестьянское сопротивление. Имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей цифры и факты, которые отражают масштабы потерь обеих сторон в ходе противостояния, позволяют сделать вывод о применении властью жесточайших мер, которые намного превосходили по масштабам и формам «физическое насилие со стороны выступавших». В «Докладной записке» отмечалось: «В 1 616 случаях массовые выступления сопровождались физическим насилием над представителями местной власти, коммунистами, колхозниками, советскими активистами из бедноты и середнячества. Во время указанных выступлений, по далеко не полным данным, пострадало в общей сложности 3 155 чел., из них убито 147 чел., ранено 212 и избито

2 796 чел.»²¹ К этим данным следует добавить сведения о потерях среди представителей власти и активистов, учтенные статистикой как жертвы «кулацкого террора» в 1930 г.: убито 1 198 чел., ранено 895 чел., избито 1 970 чел., пострадало от покушения на убийство 1 855 чел.²² Таким образом, в 1930 г. в ходе противостояния с крестьянством потери власти составили: 1 345 чел. убито, 1 107 чел. ранено, 6 621 пострадал «в различной форме», итого — 9 073 чел. При этом «тройками» ОГПУ были приговорены к высшей мере наказания — 18 966 чел. (10,6 %), к заключению в тюрьме — 99 319 чел. (55,3 %), к ссылке — 38 179 чел. (21,3 %), к высылке — 8 869 чел. (4,0 %); всего — 179 620 чел.²³ В ходе первого периода (с 1 января по 15 апреля 1930 г.) т. н. операции по кулачеству органы ОГПУ арестовали «по 1-й категории — 140 724 чел., из них: а) кулаков — 79 330 (56,3 %); б) церковников — 5 028; в) бывших помещиков, заводчиков и т. п. — 4 405; г) прочий антисоветский элемент — 51 964 чел. За второй период операции (с 15 апреля по 1 октября 1930 г.) органами ОГПУ было арестовано по 1 категории 142 993 чел.; из них: а) кулаков — 45 559 чел. (31,9 %); б) прочий антисоветский элемент — 97 434 чел.»²⁴ Иными словами, карательные органы только за девять месяцев 1930 г. «изъяли» из сельской местности 283 717 чел., которые подверглись разным видам репрессий от расстрела до заключения в тюрьмы и лагеря. К этому следует добавить численность выселенных во внесудебном порядке «кулаков 2-й категории»: по данным на 10 декабря 1930 г. в спецпоселки было выслано 112 828 крестьянских («кулацких») семей общей численностью 550 558 чел. Кроме того, в течение года оказались «раскулаченными» около 200 тыс. «кулацких хозяйств», т. е. подверглись экспроприации, но еще не были высланы, это произошло весной — летом 1931 г. Обобщение данных позволяет сделать вывод, что в 1930 г. объектами государственного террора («физического»), связанного с уничтожением (расстрел) и лишением свободы на различные сроки, стало более 250 тыс. сельских жителей, примерно 500 тыс. оказалось в спецпоселках, а около 1 млн подверглось «имущественному» террору, т. е. экспроприации имущества.

О жестокости расправ в ходе «ликвидации кулацких выступлений» в период с января по апрель 1930 г. красноречиво свидетельствует численность убитых «главарей и активных участников» — 2 686 чел.²⁵ Если ее соотнести с численностью участников «кулацко-повстанческих восстаний» в феврале — мае 1930 г. (по данным чекистов, 30 310 чел.)²⁶, то окажется, что при подавлении восстаний карательные органы фактически уничтожили каждого десятого повстанца. При этом потери самой власти в ходе массовых волнений всех форм и типов составили 147 чел.

Указанная тенденция четко прослеживается и на региональном (сибирском) уровне. Так, согласно данным местных чекистов, «за время с октября 1929 г. по апрель 1930 г. по линии КРО ПП (контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ. — С.К.) в Сибкрае ликвидировано 46 контрреволюционных организаций чисто повстанческого характера и 24 политических банды с общей численностью участников более 2 000 чел. (привлеченных к ответственности), из которых было расстреляно 782 чел. (кроме того, убито в боях 225 чел.)»²⁷

Вывод об уничтожении каждого десятого в процессе подавления вооруженных крестьянских восстаний подтверждается результатами анализа данных по отдельным локальным восстаниям. Например, при разгроме 1 500 участников крупнейшего на территории Западной Сибири в начале марта 1930 г. вооруженного выступления крестьянства в Муромцевском р-не (ныне территория Омской обл.) был убит 31 и тяжело ранены 4 повстанца. После подавления восстания особая «тройка» ОГПУ осудила 442 чел., среди которых 90 чел. были отнесены к «кулакам», остальные — к беднякам и середнякам. Расправа отличалась жестокостью: 61 чел. был приговорен к расстрелу, остальные получили различные сроки заключения в лагерях²⁸.

Каждое сколько-нибудь значительное массовое крестьянское волнение начала 1930 г. имело конкретную причину («раскулачивание», закрытие церкви, недостаток продовольствия и т. д.), но она, как правило, сочеталась с поспешными и грубыми действиями органов местной власти, и это соединение усиливало социальные конфликты в деревне, доводя до взрыва недовольства. Вот основные моменты развития крестьянских выступлений, состоявшихся 27 января — 1 февраля 1930 г. в двух соседних селах Комарье и Согорное Индерского р-на Новосибирского окр. Сибирского края. В каждом из названных сел события разворачивались почти по схожему сценарию. В конце января, еще до поступления в провинцию из Центра директивных указаний о порядке и технологии осуществления экспроприации имущества и высылке той части крестьянства, которую объявили кулаками, на местах фактически уже началось «раскулачивание». В деревню были направлены целые группы («бригады») из числа партийных и государственных функционеров — уполномоченные для подготовки «организационно-разъяснительной» работы, которые, согласно полученным инструкциям, созвали в селах собрания бедноты и вынесли требуемые властями решения об экспроприации и высылке местных зажиточных крестьян за пределы мест их проживания (в с. Комарье предполагалось экспроприировать имущество 22, в с. Согорное — 6 хозяйств, отнесенных к «кулацким»). Несмотря на закрытый и фактически конспиративный (без участия середняков) характер собрания, о его решениях быстро узнало село, и на следующий день, 28 января, когда сельские власти под давлением уполномоченных «стали производить опись и отчуждение кулацкого имущества», в с. Комарье у сельсовета собралось 500, а в с. Согорное — 600 жителей, практически все взрослое население. Экспроприация была прекращена. На общих собраниях крестьяне прежде всего потребовали удалить из сел приезжих уполномоченных, усматривая в их действиях причину происшедших событий. На следующий день они, собравшись на стихийное собрание, изгнали представителей местных органов (сельские Советы) и бедняков-активистов, некоторых из которых подвергли избиению. Возник своего рода вакуум власти: местные функционеры потеряли возможность исполнять свои обязанности. Сами же крестьяне действовали, хотя и стихийно, но консолидировано только на стадии противоборства с властью и ее сторонниками.

Действия крестьян сильно обеспокоили власти, «ночью в с. Согорное выехал начальник РАО (районной милиции. — С.К.) и зав. райполитпросветом, собравшиеся на собрании узнали о приезде таковых и

встретили на улице с выкриками "Бейте их". И приехавшие бежали обратно <...> Сбежавшие из с. Согорное начальник РАО и сельские власти требовали от уполномоченного ОГПУ немедленного вызова вооруженного отряда, заявляя, что в с. Согорном восстание»²⁹. В чекистских сводках более позднего времени оценка поведения местных работников была смягчена («означенные лица вынуждены были вернуться обратно»)³⁰, а сами волнения квалифицировались не как восстание, а как «волынка», т. е. неповиновение властям без вооруженного сопротивления.

Власти, убедившись в бесперспективности намерения быстро усмирить участников протеста, вступили с ними в переговоры, которые длились почти три дня. Крестьяне дали втянуть себя в переговорный процесс, в ходе которого потребовали «возвращения экспроприированного имущества у кулаков и восстановления всех лишенцев в избирательных правах, выселения из села бедняков и активистов»³¹. Секретарь райкома партии, районный прокурор и представитель из Новосибирска, оказавшиеся в мятежных Согорном и Комарье фактически в качестве заложников, предложили крестьянам создать смешанные комиссии «для разбора затронутых вопросов». Сельчане согласились на это и выдвинули своих «комиссаров» для контроля за действиями властей. Представители власти получили таким образом информацию об инициаторах и активистах «волынки». И как только ситуация оказалась благоприятной («беднота и середняки откололись» от организаторов волнений), карательные органы в обоих селах арестовали около 40 «зачинщиков». Примерно через полтора месяца после описанных событий по постановлению особой «тройки» ОГПУ 10 арестованных были приговорены к различным срокам лишения свободы или высылке, а 28 — «к высшей мере социальной защиты — расстрелу»³².

Описанные события можно было бы считать типичной массовой «волынкой», если бы не жестокая расправа над ее участниками. Сами агенты власти, в т. ч. чекисты, не квалифицировали выступление как повстанческое, ибо в нем не содержалось таких типичных признаков, как использование обеими сторонами оружия, военные столкновения и т. д. Причина суровости наказания видится в том, что местные власти, не выдержавшие первого же серьезного противостояния с крестьянами и вынужденные бежать из охваченных возмущением сел, не могли простить мятежникам пусть даже кратковременной утраты своего положения. Скорость и жестокость карательных действий были обусловлены также стремлением запугать основную массу крестьян и не допустить распространения «волынок» на другие населенные пункты Индерского р-на. Основания к тому имелись. В оперативных сводках чекистов есть сведения о происшедшем 1 февраля 1930 г. волнении крестьян с. Озерки. Его участники (100 чел., преимущественно женщины) выступали с теми же требованиями, что и крестьяне Комарья и Согорного. В с. Индер (районный центр), по данным чекистов, готовившаяся «волынка» была предотвращена, видимо, благодаря мерам, предпринятым против жителей мятежных сел³³.

Выше отмечалось, что очень многие (если не подавляющее большинство) крестьянские «волынки» являлись следствием вольно или невольно производимых агентами власти действий, провоцировавших

крестьянство на протест, в ходе которого спланировались разнородные слои деревни. Как это происходило, показывают материалы о возникновении 11 февраля 1930 г. «волынки» в с. Зелеево Болотнинского р-на, поводом для которой послужил, согласно сводке чекистов, арест местным милиционером без санкции «сверху» сельского священника Барсукова, пользовавшегося у населения большим авторитетом. Жителей возмутил не только факт немотивированного ареста священника, но и предполагаемый способ доставки последнего — пешком в райцентр, расположенный в 50 км от села. Колокольным звоном была собрана толпа численностью в 300 чел., которая освободила священника из-под стражи, поместила в церковь и окружила ее, чтобы не допустить нового ареста. Пытаясь погасить массовое недовольство, власти распорядились привлечь к ответственности незадачливого милиционера. Одновременно они приняли меры, целью которых были выявление и арест инициаторов «волынки»³⁴. 24 февраля 1930 г. разразилась «волынка» (преимущественно женская по составу) в с. Хомутово Иркутского окр. Ее причиной стало закрытие местной церкви, чему предшествовал арест местного священника, отказавшегося выехать для выполнения трудовой повинности на лесозаготовки в качестве «нетрудового» элемента. Очевидно, что каждая из перечисленных акций властей толкала верующих к протесту. Толпа из 300 женщин сорвала проходившее в селе партийное собрание, потребовала освобождения священника и открытия церкви³⁵.

В чекистских сводках нашли отражение и такие протестные действия крестьян, которые симметрично воспроизводили действия властей, но своими силами и средствами. 23 февраля 1930 г. в пос. Покровка Черепановского р-на Новосибирского окр. возникла «волынка» на почве недовольства населения экспроприацией имущества и высылкой «кулаков», которые проводила бригада из уполномоченных и местных активистов. «Толпа женщин и молодежи в числе 50 человек арестовала членов бригады <...> председателя Сельсовета и 6 колхозников-активистов и, проведя их по всему поселку, посадила в один дом, в который, окружив его, никого не пускала»³⁶. Активистов удалось освободить через несколько дней «мерами разъяснительного характера», в «провинившийся» поселок выехали чекисты «для расследования и ареста виновных»³⁷.

Известны случаи, когда крестьяне блокировали действия властей достаточно простым, но эффективным приемом, требуя подтверждения легальности осуществляемых репрессий. Так, 1 марта 1930 г. в с. Ново-рождественском Омского окр. «при проведении выселения кулаков собралось все село с требованием к властям о предъявлении закона о выселении. Выселение произведено не было»³⁸.

Наиболее значительным по масштабам и численности участников в Западной Сибири являлось Муромцевское восстание, охватившее весной 1930 г. 28 населенных пунктов. В нем участвовало до 1,5 тыс. чел. (около 8 % населения района). Занимавшиеся расследованием партийно-советские органы Барабинского окр. Сибири были вынуждены констатировать, что «повстанческое движение в Муромцевском районе» было порождено крайне низкими авторитетом и влиянием официальных партийных и советских организаций в деревне, господством фор-

мализма в их работе, допущением «грубейших извращений политики партии». Насаждение колхозов угрозами и массовая высылка крестьянства «за болота», по мнению барабинского окружного руководства, подорвали «авторитет районных работников и вызвали открытое возмущение и ненависть населения не только к работникам, но и к Советской власти»³⁹. Муромцевский р-н являлся относительно небольшим, на его территории площадью около 2 тыс. км² находились 63 населенных пункта, 6 тыс. хозяйств, проживали 31 413 чел., среди которых преобладали русские (4 тыс. хозяйств) и белорусы (1 340 хозяйств). Во время хлебозаготовительной кампании осенью 1929 г. были даны твердые задания 284 хозяйствам (4,8 % к общему числу дворов в районе)⁴⁰. Однако Сибкрайком ВКП(б) вдвое увеличил количество хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению. В начале февраля 1930 г. районные власти приняли решение о необходимости завершить коллективизацию в районе к 1 марта. Для обеспечения необходимых темпов широко использовались методы принуждения и запугивания крестьян. Комиссия Барабинского окружкома приводила типичный пример: в пос. Бергамак «к моменту высылки кулаков было в колхозе 17 % хозяйств, а потом коллективизация в течение двух недель доходит до 90 % <...> а в части деревень колхозов совсем не было»⁴¹.

О жестокости репрессий, допущенных в районе в ходе массовой коллективизации, говорят следующие факты. В первую волну «раскулачивания» попали практически все «кулацкие» хозяйства, среди которых по удельному весу высланные по «1-й категории» (семьи арестованных) почти втрое превосходили высланных по «2-й категории». Комиссия окружкома отмечала, что «фактически число экспроприированных хозяйств много выше», но точного учета этого не велось. Не оказалось никаких данных и об экспроприации имущества высланных хозяйств, «хотя сельсоветы таковую производили самостоятельно, прихватывая по пути и имущество середняков»⁴².

Накануне восстания Барабинским окротделом ОГПУ были произведены аресты «членов кулацких контрреволюционных группировок» в селах Кондратьевском, Бакмакском и Ляпуновка (24 чел.), что также не могло не повлиять на крестьянские настроения. Поводом для выступления крестьян стало выселение раскулаченных на Север. Руководители восстания строили свою агитацию «в духе того, что выселение кулаков дело неправильное <...> и что выселение кулаков зависит исключительно от бедноты и середнячества, но не от Советской власти в целом»⁴³.

Представители партийных органов были вынуждены признать, что «контрреволюционный актив» пользовался большим авторитетом в крестьянской среде, а в действиях восставших прослеживалась тенденция самозащиты от произвола и мародерства агентов власти в деревне. На это, в частности, указывали лозунги восстания («Долой коммунистов из советов!», «Долой деревенский актив!», «За возвращение кулаков из ссылки!» и др.), а также направленность ряда действий восставших («Все лозунги, плакаты, портреты вождей, дела партячек и колхозов уничтожили. Сельский и районный актив, районных и окружных уполномоченных, которые находились в повстанческих селах, избивали, сажали под арест»)⁴⁴.

Само восстание было скоротечным — с 1 по 5 марта 1930 г. В ходе военных столкновений восставшие потеряли 31 чел. убитыми и 4 чел. тяжело ранеными; потери отрядов, брошенных на подавление крестьянского выступления, составили 6 чел. убитыми. Кроме того, к разряду потерь (это скорее пострадавшие) власти отнесли 70 чел. из числа низового советского аппарата и актива, избитых восставшими.

Восставшие в Муромцевском р-не, действовавшие стихийно, не сумели развернуть активных наступательных действий, хотя и были вооружены. В отчетах властей отмечалось, что «вооружение банд состояло, главным образом, из охотничьего оружия: дробовиков, берданок и сибирских малокалиберных охотничьих винтовок, количеством до 350 шт. [и] огнеприпасов к ним — пороха около 4,5 пуд. и несколько пудов свинца, захваченного бандитами в магазинах потребительской и охотничьей кооперации»⁴⁵. Нетрудно посчитать, что этого вооружения хватило только для части восставших, двигавшихся к райцентру, но не сумевших скоординировать свои действия. Примечательно, что в этих условиях началась дезорганизация и паника среди работников районных органов. В первые дни восстания бюро райкома ВКП(б) и президиум райисполкома под впечатлением противоречивой информации, поступавшей с мест, приняли решение оставить райцентр и выехать вместе с семьями в более безопасное место. Информация об этом поначалу подняла престиж повстанцев: «Крестьянство соседних сел узнало, что районные власти сбежали, оставили районный центр, стало больше верить кулацким агитаторам, в результате чего еще ряд деревень примкнул к повстанческому движению»⁴⁶. Закономерным шагом окружных органов после подавления восстания стал роспуск районных партийных и советских руководящих органов и проведение перевыборной кампании сельских советов во всем районе⁴⁷.

Согласно исследованию, проведенному омским историком В.М. Самосудовым, общее число погибших крестьян в ходе подавления властями восстания так и не было до конца установлено. О масштабах последовавших вслед за этим репрессий можно судить по сообщению Барабинского окружкома ВКП(б) в ПП ОГПУ по Сибкраю от 7 апреля 1930 г., т. е. месяц спустя: «[По] Муромцевскому делу арестовано тысяча десять человек, освобождены на месте пятьсот шестьдесят восемь человек, из них: бедняков 128 человек, середняков 395 человек, батраков 3, прочих 43, [в] число прочих включены члены кулацких семей и несовершеннолетние. Привлечено 442 человека, из них: батраков 8, бедняков 58, середняков 283, кулаков 90, прочих 3». 13 апреля 1930 г. Особая «тройка» при ПП ОГПУ по Сибкраю вынесла приговор 441 арестованному и привлеченному к ответственности крестьянину за участие в Муромцевском восстании, 61 чел. был приговорен к расстрелу с исполнением приговора, 43 приговоренным к расстрелу высшая мера наказания была заменена заключением в лагерь сроком на десять лет. Оставшиеся были приговорены к различным срокам пребывания в лагере, в т. ч. около 100 чел. — «условно»⁴⁸.

Приведенные выше и многие другие материалы свидетельствуют о том, что крестьянское сопротивление государству, несмотря на массовость и разнообразие форм и методов, было обречено на неудачу. Причины этого не столько в разнородности положения и интересов различ-

ных деревенских прослоек и групп, стихийности и локальности деревенских выступлений и т. д., сколько в стратегии противоборствующих сторон — государство нападало, крестьянство оборонялось. Государственный террор был первичным по отношению к ответному насилию (физическому и имущественному), которым отвечала масса крестьянства на действия властей в деревне.

2. Безымянный протест: анонимные крестьянские сочинения (весна 1930 года)

Наступивший 1930 г. для партийной и советской номенклатуры оказался весьма тревожным. Драматические события в деревне, связанные с форсированием принудительной коллективизации и массовым «раскулачиванием», повлекли за собой лавину эксцессов. Крестьянское сопротивление государственной политике проявлялось не только в активной форме, но и в настроениях, облекавшихся во всевозможные слухи, циркулировавших на стихийных, не санкционированных властью сходах, митингах, «волынках» и т. д. Многообразие и разнонаправленность крестьянских мнений заслуживает самого пристального исследовательского внимания. Однако в традиционной советской историографии разработке и анализу подвергалась только совершенно определенная часть спектра общественного мнения — советская или просоветская: под официальным углом зрения изучались, в частности, письма из деревни, направленные в редакции центральных газет, прежде всего в «Крестьянскую газету». Более того, историки, обращаясь к сводкам писем, составленным сотрудниками редакций газет для информирования директивных органов, предпочитали пользоваться этим, по сути вторичным, материалом. В результате оставались, по выражению С. Максудова, «неуслышанными голоса» другой, не менее значительной части деревни. И лишь в последние годы историки обратили внимание на упомянутую группу источников. В уже упоминавшемся многотомном документальном издании «Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание» приводятся присланные в центральные газеты, но не опубликованные там в силу «антисоветского» содержания письма из деревни конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Существовала и другая разновидность документов, вышедших в 1930 г. из крестьянской среды и адресованных либо органам власти, либо широкому кругу крестьян. Их базовый признак — анонимность. Это листовки, письма, воззвания, частушки, стихи, письменно распространявшиеся в деревне и городе. Подобных источников сохранилось немного. Те же, которые отложились в архивах, представлены не в подлинниках, а в скопированном виде как части чекистских оперативных сводок и приложений к ним.

Анонимные крестьянские сочинения, появившиеся в 1930 г., являлись предметом особой озабоченности органов ОГПУ. Информация об их обнаружении и содержании отражалась в сводках Учетно-осведомительного отдела (УЧОСО) ПП ОГПУ (в частности, по Сибкраю) и наравне с сообщениями о реальных событиях — волнениях, покушениях на сельских активистов и т. д. В сводках приводились также данные о предполагавшихся авторах (если они не были установлены), особенное-

тях листовок, писем (рукопись, машинопись, способ написания или изготовления, характеристика бумаги, уровень грамотности писавших и т. д.). Сообщавшиеся детали, приметы документов и характеристики людей, доставивших их властям, а также вольно или невольно успевших ознакомиться с анонимными сочинениями, могут свидетельствовать о том, что распространение любой неразрешенной информации чекистами рассматривалось в одном ряду с такими «контрреволюционными действиями», как поджоги, избияния представителей власти и активистов и т. д. Типичным можно признать следующее сообщение* из оперсводки № 50 УЧОСО ПП ОГПУ по Сибкраю от 1 февраля 1930 г.: «В деревне Смирновке Сидельниковского района [Омского округа] сторожской школы ТОЛСТИКОВОЙ (канд. ВКП(б)) в декабре м-це на столбе возле школы была обнаружена листовка с призывом к борьбе против Соввласти (копия листовки прилагается). Автором листовки является м[аломощный] середняк ХАБАКОВ, у которого при обыске обнаружено 64 буквы (шрифт), сделанные из обожженной глины и одна листовка, отпечатанная при помощи этого шрифта (ХАБАКОВ арестован)»¹.

Следует заметить, что чекистские делопроизводители, которым приходилось заниматься перепечаткой анонимных документов, получали указание делать копии с сохранением орфографии и стилистики документа, т. е. воспроизводить текст близко к подлинному. Неразобранные места оговаривались, равно как и нецензурные слова, вместо которых ставилась помета «нецензурное выражение». При составлении оперсводок чекисты пользовались выработанными принципами градации «антисоветчины» на листовки, прокламации, воззвания, анонимные письма. Если значительный по объему текст выносился в приложение к сводке, составители в самой сводке должны были указать направленность документа («листовка повстанческого характера», «письмо с протестом против мероприятий Соввласти» и т. д.).

Чекистами отмечалось разнообразие мест обнаружения анонимных сочинений. Деревенские активисты находили листовки наклеенными на ставнях окна сельской больницы, на столбах возле школы, на срубах колодцев посреди деревни, разбросанными в клубах, избах-читальнях. Там, где это было возможно, чекисты устанавливали степень распространенности листовок или воззваний, т. е. ознакомились ли местные жители с их содержанием. В сводке от 15 марта 1930 г. об обнаружении двух прокламаций в д. Рождественка Купинского р-на Барабинского окр. указывалось: «Первая прокламация была обнаружена комсомольцами на стене сельнардома и доставлена ими в сельсовет. С ее содержанием ознакомилась часть населения. Вторая прокламация была обнаружена в школе учениками, доставившими ее тот час же в сельсовет, а поэтому население с ней не ознакомилось»². В сводке от 23 марта сообщались почти детективные подробности появления листовки в с. Дубенском Ермаковского р-на Красноярского окр.: «5 марта с. г. <...> приехавшим неизвестным в красном уголке была наклеена листовка, написанные химическими чернилами на одной восьмой листа <...>

* Здесь и далее при цитировании источников сохраняются орфография и пунктуация документа.

Листовка сейчас же после того, как она была наклеена была снята членом коммуны "Имени павших коммунаров" МЕЛЕНТЬЕВЫМ, а за неизвестным ее наклеившим была организована погоня, увидав которую последний, бросив лошадь — скрылся в лес»³. В той же сводке сообщалось, что 2 марта крестьянин с. Абаканск М. Павлов по дороге в г. Минусинск обнаружил прокламацию, «которую ПАВЛОВ, взяв себе стал пользоваться на курево. Копия (уцелевшей части) прокламации прилагается»⁴.

Авторы таких сочинений достаточно хорошо знали о своей участи в случае разоблачения. Например, установленный как автор анонимного письма с угрозами в адрес членов местной коммуны в с. Волчий Камыш Родинского р-на Славгородского окр. «средняк РУБАН, систематически агитировавший против колхозов, который, будучи вызван на допрос, перерезал себе горло»⁵. Отмечались случаи, когда изъятие листовок в одной части города или села не останавливало тех, кто их расклеивал. Так, 7 апреля в г. Таре через несколько часов после того, как было снято «12 шт. к.-р. листовок, написанных одинаковым почерком, химическими чернилами печатными буквами», была обнаружена еще одна⁶.

Воззвание в наиболее необычной форме было зафиксировано 9 апреля 1930 г. в д. Коровино Ново-Колосовского р-на Омского окр. Здесь «на воротах конторы коммуны была прибита чисто оттесанная доска, длиной в 1/2 метра, на которой химическим карандашом, крупными печатными буквами была сделана следующая надпись: "Смерть коммуне в 1930 г., кто вошел в большие дома (вероятно, имеются в виду дома "раскулаченных". — С.К.), тот получит смерть <...>"⁷ Этот призыв был не единственным. 28 апреля учительница д. Игнатово Перовского р-на Красноярского окр. на воротах поскутины обнаружила «прибитую доску со следующей на ней надписью: "Акафист Советской власти радуется народ советским дурманом отравлен радуется народ по тюрьмам отправлен радуется народ Советской работой сытый ты же за это руженным прикладом битый радуется советским дурманом обвороженный и ты же зимою замороженный никогда не было вашей радости за 12 лет Советской власти и небудя"»⁸.

Воззвания, листовки и письма, обнаруженные в деревне, очень различались по политической направленности и взглядам их создателей. Среди антиправительственных документов были эклектично наполненные воззвания. Так, в конце 1929 г. в Любинском р-не Омского окр. имели хождение листовки с лозунгом «Долой республику труд. Да здравствует империализм. Ура», на обороте которых были изображены крест, фашистская свастика и двуглавый орел⁹. Распространение листовок с фашистской символикой отмечено 11 и 23 марта в Красноярске и его пригороде¹⁰.

Анонимные обращения адресовались самым разным по мировоззрению людям — от монархистов до анархистов. Весьма популярным было противопоставление царской и советской эпох: «немного осталось потерпеть ожидаем Николая Александровича, держитесь крестьяне не заходите в коммуны <...> долой власть советов [да] здравствует старое время» (с. Генералка Бийского окр., 19 января)¹¹; «Да здравствует вольная царская власть. Товарищи крестьяне, верьте богу, не забывайте

царя, бросим все колхозы» (с. Ново-Копылово Барнаульского окр., 2 мая)¹². Встречались также листовки, в которых проводилось прямое сопоставление царского и большевистского режимов: «Товарищи мы не должны довести свою страну, чтобы у нас вновь был царь, но над нашей и вообще над всеми нашими коммунами нет только двуглавого орла и палача в красной рубахе, а тоже крепостное право работают по заданию, для кого?»

Для тех, кто жил и живет нашей кровью для тех же помещиков, но в другой коже в лице коммунистов, ответработников!!!» (с. Быстрый Исток Бийского окр., 27 января)¹³.

В воззваниях, как в зеркале, нашла отражение драматическая эпоха 1917—1930 гг. с ее знаковыми фигурами — Керенским, Лениным, Сталиным, Троцким: «Да здравствует крестьянский союз, да здравствует учредительное собрание во главе с Керенским, который продолжает бороться за крестьян» (с. Дальняя Закара Иркутского окр., 10 марта)¹⁴; «Нас много, Польша за нас, Керенский давно. Старым коммунистам Сталину будет смерть» (там же, 12 марта)¹⁵; «Давно ли сняли цепи, теперь наденем кандалы <...> Будет восстание народа, будет кровопролитная весна, долой насилия, долой издевательства. Слава Ленину, слава творцу, слава трудящемуся народу» (ст. Топки Кузнецкого окр., 13 марта)¹⁶. К Сталину авторы воззваний, обнаруженных в деревнях, относились по-разному. Одни выражали резкие обвинительные суждения, другие видели в нем заступника и обращались с жалобами на местные власти. Встречались прямые отзвуки известной сталинской статьи «Головокружение от успехов». В крестьянской интерпретации это выглядело так: «Не ходите в коммуны, разбегайтесь, ничего Вам не будет, СТАЛИН об этом в газете уже писал, чтобы ни одного не было в коммуне» (д. Старый Чулым Новосибирского окр., 22 марта)¹⁷. В сознании части крестьянства Сталин и его окружение (чаще всего упоминался Калинин, реже Рыков) олицетворяли собой эксплуататорский режим. Например, в анонимном письме, которое распространилось в Томском окр. в начале мая, говорилось: «Что ты думаешь дедушка Калина сидишь ты у нас высоко и видишь все дела ты у нас грозный царь председатель цыка загнал ты кулаков и бедняков в дом исправтруда и поставил грозный караул милиция твори миродеры попили крестьянской крови.

Сталин зерны все забрал, а посеять пришлось мужик думает чем буду сеять нет семян. А Сталин все не верит и послал рабочих по деревням и фабричные бригады выполняя приказы цыка разъезжая по деревням бьют об стол кулаком заставляют сеять крестьян, мужику сеять нечем вся беда, а Калинин тут как тут своим приказом ликвидировать как класс и отправить в Нарымский край, так сбылось всю Россию и Сибирь цык в Нарым свозил»¹⁸. В этом же письме давалась широко распространенная в тот период образная интерпретация советской символики: «Советский герб серп и молот смерть и голод бедняк серп капитал пожал вот и смерть, рабочий — молот хлеб забрал вот и голод разгоните дружбу молота и серпа пойдет жизнь весела, станет жить народ на воле всего будет боле».

Широкое распространение в деревенской среде получила политическая сатира, облаченная в традиционную форму частушки. В ней находили отчетливое отражение основные приметы времени. Весной 1930 г.

в с. Шералдай Бурят-Монголии молодежь распевала частушки «антисоветского характера», сочиненные, по мнению чекистов, 60-летним нищим стариком Петром Гандимуровым:

«Мужики вы дураки / Расширяйте площадь / Расширяйте площадь шире / Чтоб потом голоса лишили.

Ой коммуны, вы коммуны / Настоящие гады / Вы в коммуне нажились / Стали шить себе наряды <...>

Прошли девушки запели / Взбудоражили село / Из коммуны и артели / Расходиться весело.

Где буровят ключи / Из под каменной горы / Из артели убежали / Все крестьянские дворы.

Жизнь наша немила / Нет табаку и мыла / Рубашка загрязнится / Нечем помыться.

Не ходите девки в школу / Там нет бога, нет креста / Один Ленин на картинке / Сидит выпучив глаза»¹⁹.

Стремясь доходчиво изложить свое отношение к происходившему, авторы иногда обращались к знакомым и понятным религиозным образцам, в частности, молитве. В конце апреля на здании психолечебницы в Томске появилась анонимная листовка в стихах, написанная, по мнению чекистов, «вполне грамотным человеком»:

«Посвящается М.И. КАЛИНИНУ.

ОТЧЕ НАШ*

О ты наш Всероссийский Староста,
Мы — ликвидированное кулачество
В тюрьмах задыхаемся среди параш
К тебе взываем отче наш.

Не так велико наше преступление Как
мы несем за него мученье Не веришь
нам того спроси Иже еси на небеси.

Ты милостив о том все знают И
все тебя благословляют Как
бедняки так и кулачье Да
святится имя твое.

В награду за искреннюю любовь к народу
Которому ты даешь полную свободу И
власть взял в ведение свое Да будет
царствие твое

Ты знаешь что в С. Союзе "душно"
Так все грехи "великодушны"
Оставь нам по декретам вашим
Яко же и мы оставляем должникам нашим.

В СССР жить мы честно будем И
жизнь кулацкую забудем

---

* Подчеркнуто в источнике.

Коль освободишь класс наш весь Хлеб
наш насущный даждь нам днесь.

Все места куда нас сажают И
отдаленные края, куда ссылают Ты
упраздни без исключения И не введи
нас во искушение.

Ты упраздни ГПУ, милицию
И прокуроров, коалицию
Оставь ты нас без ока правого
Но избавь ты нас от лукавого. АМИНЬ»²⁰.

Не случайно появление анонимных произведений от имени «ликвидированного кулачества» весной 1930 г. в Томске, одном из крупнейших сибирских городов. Здесь на окраину, недалеко от пристани, в ожидании начала навигации в распределительный лагерь было свезено из разных районов Сибири несколько тысяч репрессированных крестьян для последующего распределения по спецпоселкам Нарымского края.

Реакция крестьянства на государственное насилие, облаченное в экспроприацию и высылку «в тайгу», «за болота», «на кочки» находила отражение в различных, в т. ч. и стихотворных, формах. В оперсводке от 23 марта 1930 г. отмечено, что в с. Тяхтет Ачинского окр. «сыном кулака Михневич Дмитрием было написано стихотворение антисоветского характера по поводу выселения кулаков, которое он зачитывал крестьянам. <...> Михневич арестован»²¹. Далее в приложении к сводке в копии воспроизводились стихи Михневича:

«22 февраля.
Ночь мятежная проходит
Утро страсти настает
И великий день подходит
Всех сердце ох — тяжело жмет
О заря уже восходит
Все со страстью смотрят вдаль
Вот милиция приходит
И приказ великий дан
Эй в четыре часа сроку
Собирайтесь поскорей Брости
всю нажитую склоку К
выселенью побыстреей
Весь свой век жили трудились
Потом кровью добывав И они
теперь вселились Вон с двора им
все оставь
Смертный приговор без смерти О
народу дан вмиг раз А они
жаспиды черти О настал великий
час
Сколько слез тогда пролили
Матери грудных ребят

В утробе мучались вскормили А с
ними шутками шутят

Ничего мол все колхозам Вам
спасибо нажили И коммунисты
злым барбосом В дома слезные
вошли

О звуки плачь и вопли раздаются
Скреж и стон кругом О как, о
как же нам простится Скотина
все а! дети, дом

Не плачь родная утешают
Соседи мрачно говорят Но он
язык он всем мешает Скажет
слово и слезы заблестят

Под звуки слез сердец разрыва
Они с усмешкою стоят Ну
поворачивайсь корова О господи
за что они морят

Согнали сотнями семейства
Бедный жалкий весь народ О,
хуже всякого злодейства И кто-
б царил о мерзкий сброд

Ты посмотри на все селенье Что
море черное шумит Народ
трудящийся в выселенье В
подводах площадь — вся гудит

О слезы слезы смех рыданье
Дома! Дома! Что! Ой! Ой да!
И великое страданье
Окончится оноль когда

Нардом он полон матерей
Зыбки зыбки теснота О
крик, шум о плач детей
Скреж зубов о ада тьма

Плачь матери плачь сердца
Слова гнусные пылают
Возмите вы моего герца
Моего сына. О как рыдают

Спасите вы его от ада
Спасите всех мучений зла О
он о он же мне не надо
Хочу чтоб умер без меня

Умрите жалкие страданья
Зачем на свет вы родились
Мученья горе все преданье И
снова слезы полились

Мороз и снег и ветер буйный В
дороге жалких застаёт

И этой тяжкой ночью лунной
Ребенка трупик застыет

И первый день обоз прошедши
Потеря жизни в миг сбылась Три
детских трупа там нашедши И мать
одна там осталась

Сердце матери несилах Детей
смерти пронести У этих маленьких
могилок Мать слабела и последнее
прости

И вот на станцию приехав
Сгрузили как товар в вагон И
много много их наехав Пока
собрался полон эшалон

О туча черная весь город
Стремятся их все увидеть
И как разразившийся голод
О мстить и мстить в сердцах хотят

О люди вы прощайте все
Лишь бог он ведает один Где
нас сгноят или в тюрьме Или
под огненный нажим

Не может быть он этот плачь
Все слезы бедных матерей
Все трупы о он палачь Сотри
Господь его скорей!

Конец, ДЭАН»²²

Несколько позднее, в апреле 1930 г., в районах, прилегающих к спецпоселкам, стали появляться листовки, в авторстве которых чекисты подозревали бежавших из ссылки «кулаков». 15 апреля в с. Баженово Тарского окр., граничившего с Васюганской и Кулайской комендатурами, были обнаружены две листовки, написанные, как предполагалось, одним из бежавших, Барановым. Приводим оба текста:

«ПОДГОРНАЯ

Хорошо активу долю судьбу крестьянскую решать / И еще лучше
псам деревни наше хозяйство пропить / Мы наживали его веками, псы
растащили его в один день / Но все равно осталась голодая, ходит по
миру / Но тираны тем довольны, в болота сослали нас / Не радуйтесь, лен-
тяи, и придет беда на вас / Мы расправимся с активом, как с картошкой
повара / И не забудем коллективы, что тоже сволота <...> / За позор-
ную насмешку посидите пред судом / А быть может и скорее про-
читают вам альбом / За идею идиотов прогремит над вами гром».

«ИЗ ЖИЗНИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ.

По диким лесам Васюгана где выброшен на гибель народ. Наверно
медведь ликовать над ним будет. И ворон труп наш будет клевать
Нас сослали на верную гибель придется эту жизнь пытаться нас

тысячи — шли через болото не знали куда и зачем а сейчас мы все узнали, что придется нам всем умирать Перешли мы болото не видали мы светлого дня, только слышно стоны народа от свободы так гибнет народ оторвали от родного нас поля и загнали в трещебу болот там не увидишь веселого взгляда а только слышны там стоны кругом, где малютка в снегу умирает, где скончалась малюткина мать, и при взгляде на эту картину пришлось и отцу умирать, он не выдержал тяжкого горя и сужден он в снегах умирать.

Где поле облитое потом где трудом нажитый дом, где дети росли и мучились но сейчас пропадать им пришлось, от руки паразитов актива деревенской всей своры и псов.

Это жадно ненависть и своры отобрали наш труд и сослали на явную гибель Васюгана. Дебры болот уж наверно ликуют тираны. Эх наш кровавый труд, но наверно скоро отольются злодеем, взойдет солнце у нас, но только жалко безвинных ребят, за что сотнями гибнут они ведь сотни погибли в снегах Васюгана от не навистной тираны руки они жаждут крови лишенцев, и готовы пить за всегда, но взойдет солнце, свободы придет тиранам беда, отольются им стоны погибших малюток, отольются за смерть матерей. Нам не нужно тираны легендов и не нужно пятилетний их план.

Но нам нужно вольный труд и торговлю.

И собственность людей.

Все нужно нам.

ЛИШОНЕЦ. В обратный путь переселенец написал эту штуку»²³.

22 мая в Тасеевском р-не Канского окр. работавшим в тайге сотрудником Сиблестреста «неизвестными лицами», вооруженными винтовками и охотничьими ружьями, было передано полученное «от приехавшего полковника из Москвы с целью поднять восстание против Соввласти» воззвание к крестьянам:

«МАНИФЕСТ. ДОРОГИЕ БРАТЯ КРЕСТЬЯНЕ!

13 лет тому назад радостное известие о низвержении царя и всех его прислужников, помещиков, дворян, генералов и буржуев, заставило радостно биться наши сердца, во имя великой наступающей свободы. Много лучших из нас легли на поле битвы, за свое крестьянское освобождение от ненавистного ига и теперь надеялись устраивать свою жизнь, как нам этого хотелось.

Но не суждено было сбыться нашим желаниям, над нами повисла еще более темная туча — коммунистическая партия, которая путем обмана и невыполненных обещаний укрепила свою власть и как паук из своей жертвы начала тянуть наши соки, нещадя ни стариков ни детей. Из года в год мы ждали улучшений, но каждый новый наступающий год отнимал у нас ни малые права, которые мы имели.

Нам обещали крестьянскую свободу, свободу земли, свободу выбора своей власти, свободу слова, свободу религии и много других обещаний.

Но к чему привели все эти обещания. Наша крестьянская свобода нарушилась, землю у нас отбирают и отдают под коммуны, коллективы, куда и самих гонят насильно, нас выгоняют на нежилые участки, а то

и совсем все отбирают, под разными предлогами; выбирать мы не можем никуда своих доверенных крестьян, ибо нас заставляют выбирать продажных негодяев, коммунистов, которые ни к чему не способны; если же мы выбираем своих людей или выскажем свое мнение открыто, то нас гонят на ссылку, в тюрьму, на принудительные работы, незаконно лишают прав и разрушают семью.

Нам обещали свободу вероисповедания, но наши церкви насильно закрывают, священников изгоняют, подвергая всевозможным гонениям. Мы не можем не крестить, ни хоронить по христиански, так как мы этого хотим, ибо за это мы также подвергаемся преследованиям. Нам не дают праздновать наши праздники. Для того, чтобы легче было преследовать нас делят на кулаков, середняков, бедняков и батраков. Если из нас кто скажет свое мнение, то из бедняка его делают кулацким подпевалой, подкулачником. Всячески стараются вселить между нами вражду, под видом классовой борьбы, чтобы легче было нас грабить. Заставляют доносить не только друг на друга, но даже сына на отца, мать на дочь, сестру на брата.

Дорогие братья и крестьяне, из нас сделали хуже чем рабов, нас заставляют работать на негодяев, лентяев, грабителей коммунистов. Нам даже не дают работать свою работу и если что делаем для себя, то урывками, украдкой, боясь преследований; работаем без праздников и отдыха от солнца до солнца. Даже при царе в крепостное время мы имели праздники и отдых. На нас смотрят хуже чем на скотину, гонят работать больных женщин, детей и стариков без пощады, платя ничтожную плату, за которую мы не можем окупить расходов по пропитанию, а часто работаем и совсем бесплатно.

Нас душат налогами, под предлогом строительства, самообложения, просвещения и проч. и проч. нам не хватает того, что каторжным трудом зарабатываем и должны продавать свое хозяйство на уплату налогов, которые обрушиваются на нас без конца. Тот хлеб, который мы добываем мы не можем есть вволю, ибо нас сажают на паек, а все лишнее отбирают за ничтожную плату, а то и даром забирая под различными предлогами. Этот же хлеб обязаны отвозить на голодных лошадях почти бесплатно. Скот дохнет от голода, ибо кормить нечем, корм отбирают все разрушают, всех гонят, все хорошее уничтожают.

Дорогие братья крестьяне, нас обманывают рассказами о зверствах в буржуазных государствах, но каждый видит сам, что тюрем, выстроенных царем, у нас не хватает и наполовину. Соловки, тюрьмы и Сибирь переполнены ссыльными и заключенными. Почти в каждой деревне, в каждой семье имеется родственник или член семьи, находящийся в тюрьме в ссылке или на принудительных работах. Это все нам дали кровопийцы коммунисты, взамен свободы, которую мы добивались собственной кровью.

На всем протяжении человеческой истории, мы не встречали таких зверств и издевательств, какие происходят у нас, варвары коммунисты не щадят даже грудных детей и стариков и десятками тысяч гонят их в места, где они заведомо должны погибнуть от холода и голода, ибо их гонят в тайгу, в лес, за десятки верст от деревень, где они должны находиться на снегу без жилища, молока и хлеба. Тысячи людей обречены

на голодную смерть лишь только за то, что они были старательными честными крестьянами и каждого из оставшихся ждет такая же участь.

И вот, дорогие братья крестьяне, настало время, когда у нас ни осталось ничего. У нас нет ни собственного дома, ибо из него выгоняют или могут выгнать каждую минуту, у нас нет земли, так как ее отбирают по капризу ничтожных коммунистов, у нас нет лошадей, ибо их гонят независимо от наших желаний, у нас нет вволю хлеба, ибо его выгребают, наш скот отбирают под предлогом контракции, а взамен ничего не дают кроме пустых обещаний. И мы должны вести полуголодную жизнь. У нас нет ни праздников, ни церкви, наши семьи разрушают и нам нечего больше ждать, кроме ссылки, тюрьмы и голода.

Довольно терпеть все эти издевательства и гонения, к которым мы подвергаемся, кучкой продажных негодяев коммунистов, ибо ни один порядочный и честный труженник крестьянин не идет в эту грабительскую партию, которая хочет нас же заставить воевать на защиту своих грабительских прав.

Довольно издевательства, довольно страданий и все как один станем на защиту поработенной свободы. Как один умрем для спасения нашей великой России, для спасения наших детей и погибающих в ссылке и тюрьмах — братьев крестьян.

Дело освобождения крестьян есть дело наших же рук. Свергнем иго ненавистных кровопийц коммунистов. Пусть через наши трупы, через нашу кровь, возсияет померкшее солнце свободы.

Да здравствует великая свободная крестьянская Россия.

Да здравствует единый, свободный, крестьянский труд[овой] народ.

Долой диктатуру коммунистов, долой насилие, долой грабеж и издевательства над нами.

Умрем или победим.

Крестьянское (знак икс) — Союз освобождения трудового крестьянства.

Март 1930 г.»²⁴.

В оперсводках не отмечена связь между воззваниями, листовками, лозунгами и фактами неповиновения властям в деревне. Однако такая связь была, но в опосредованной форме. Анонимные сочинения играли роль индикаторов общественного мнения. В оперсводках об антиправительственных выступлениях упоминались, хотя в сжатом виде, прямые требования к власти, а также мотивация участников действий. Эта информация также представляет интерес для понимания деревенских настроений.

Среди многочисленных акций выделим события, ставшие общественной реакцией на высылку крестьянских семей (февраль—март) и повторную депортацию тех, кто бежал из ссылки в родные места (апрель—май). 9 марта при высылке «кулаков» из с. Плоское Змеиногорского р-на у сельсовета собралась толпа из 200 чел., из которой выкрикивали: «Не дадим выселять кулаков, кто их выселяет, тех самих надо выселить», «Соввластью правит народ, стало быть, мы должны сказать, что кулаков у нас нет»²⁵. 24 февраля в Любинском ауле Барабинского окр. при попытке выселить одного из «кулаков» «собрался весь аул с криками "Не дадим выселять, если выселять, то выселяйте и нас всех"»²⁶.

21 марта в с. Новый Картуз Барабинского окр. состоялась «волынка», на которой крестьяне, протестуя против коллективизации и высылки «кулаков», выкрикивали: «Нас насильно загнали в колхоз», «Не правильно закрыли церковь», «Вы забрали лучших людей и отправили на Север». В течение дня 257 хозяйств вышли из колхоза и разобрали обобществленный скот²⁷. 25 марта в д. Новый Бачат Кузнецкого окр. при проведении высылки «кулаков 2-й категории» в толпе раздавались возгласы: «Соберите крестьянское собрание, и мы обсудим кулак он или нет, дайте документы на основании которых вы выселяете»²⁸. 8 марта в пос. Изинском Новосибирского окр. в аналогичной ситуации группа крестьян с криками: «Отправлять не дадим, они хорошие люди» оказала сопротивление высылке²⁹. 23 марта на Яковлевский участок Балаганского р-на Иркутского окр., населенный переселенцами, преимущественно украинцами, приехавшие для высылки одного из них уполномоченные столкнулись с противодействием толпы: «Выселять своего человека не дадим, не позволим русским издеваться над хохлами»³⁰. 26 марта в пос. Волкодаевском Томского окр. при изъятии имущества у одного из «кулаков» из толпы кричали: «Мы не дадим грабить имущество, это колчаковщина, а не Советская власть»³¹. В начале апреля в с. Больше-Никольском Ужанихинского р-на Новосибирского окр. из толпы, окружившей дом, из которого местные власти пытались выгнать женщину, ранее уже высленную из него как жену «кулака», но «самовольно» вселившуюся обратно, раздавались возгласы: «Грабят нас, стойте за нее, не надо допускать выселять»³². 7 апреля в с. Ипатово Томского окр. к председателю РИКа явились 15 крестьян с требованием возвращать из ссылки одного из «кулаков», они заявили: «Мы еще заставим вас считаться с нами»³³.

В апреле — мае местных органов власти ожидал новый всплеск крестьянских волнений, связанных с бегством ссыльных «кулаков» в родные места. Этому способствовало, в частности, замешательство местных функционеров, вызванное «борьбой за исправление перегибов», массовые выходы крестьян из колхозов, зародившие надежды на возврат к доколхозной жизни. Кроме того, в деревне оставались экспропрированными, но не высланными «кулаки 3-й категории» с семьями. В конце апреля сразу в нескольких деревнях и селах Черепановского р-на Новосибирского окр. на общих собраниях граждан, организованных местными органами и посвященных предстоящей посевной, бежавшие из ссылки и вернувшиеся на родину либо их ближайшие родственники поднимали вопросы о собственной судьбе, возврате имущества и получали при этом поддержку односельчан. Крестьяне изгоняли представителей местной власти из помещений, а собрания превращались в сельские сходы, принимавшие «антисоветские решения». 28 апреля в с. Безменово участники такого схода потребовали «восстановить кулаков в избирательных правах, зачесть все секретные распоряжения райисполкома в отношении кулаков и удалить с собрания всех коммунаров»³⁴. 30 апреля в с. Листвянка при принятии аналогичного решения, как отмечали чекисты, раздавались возгласы: «Власть на местах, это общим сходом решим, то и закон», «В честь социалистического праздника 1-е мая отдать кулакам все имущество, водворить их в свои дома»³⁵. 28 апреля в с. Подстепное Ребрихинского р-на Барнаульского

окр. в сходной ситуации собравшиеся заняли народом, избрали президиум, решили потребовать возвращения раскулаченных, а также подняли вопрос «о выявлении участников проводившихся экспроприации»³⁶. В мае в ряде населенных пунктов при попытках властей использовать семенное зерно, экспроприированное у высланных «кулаков», родственники и односельчане противодействовали этому в надежде на возможное возвращение высланных. Жители пос. Ахтырского Спасского р-на Барабинского окр. возле амбара устроили дежурство и заявили: «Кулаки наши и хлеб наш, мы добьемся своего, что кулаков возвратят из Урмана (имеются в виду Васюганские болота. — С.К.)». По данным чекистов, «волынку» организовали председатель и секретарь сельсовета³⁷. 25 мая в с. Бугры Бийского окр. стихийно собравшееся женское собрание предъявило сельсовету требование: «Верните кулаков, они нас кормили»³⁸.

6 июня в с. Нелюбово Томского окр. возникла «волынка», причиной которой было распоряжение начальника милиции арестовать и отправить в Томск нескольких детей ссыльных «кулаков» в возрасте от 12 до 14 лет, вернувшихся с места ссылки к родственникам. Собравшаяся толпа из 300 чел. с выкриками: «Мы не допустим их отправки, в противном случае все разобьем и освободим их сами» не позволили арестовать детей³⁹. В мае в сводках зафиксировано около десятка случаев, когда крестьяне Омского окр. не только содействовали возврату домов, имущества и скота «кулакам», «самовольно вернувшимся из ссылки», но и оказывали противодействие карательным органам, не допуская их представителей в поселки, деревни для ареста беглецов. 14 мая толпа женщин из д. Андреевка Омского окр. вселила «кулаков» в принадлежавшие им до экспроприации дома и вынесла постановление: «Мы власть на местах — мы их лишили, мы и восстанавливаем»⁴⁰.

Описанные выше события в Сибирском регионе соответствовали той ситуации, которая виделась чекистам в стране в целом. В упоминавшейся уже докладной записке СПО ОГПУ «О формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г.» отмечалось: «В мае — июне усиливается движение за возвращение кулацкого имущества, изъятого в порядке раскулачивания, и за восстановление кулацко-антисоветских элементов в избирательных правах.

Кулаки нередко самовольно при попустительстве, а иногда и содействии сельсоветов, занимают отобранные у них дома, выдворяя оттуда бедняков или культурорганизации. <...>

Непринятие местными властями мер к возвращению бежавших из ссылки и запольных поселков кулаков последними используется для агитации и распространения слухов "о капитуляции Советской власти перед кулаками"⁴¹.

Вместе с тем статистика репрессий демонстрирует определенную специфику Западной Сибири в динамике помесечных массовых крестьянских выступлений. Так, если в целом по СССР пик выступлений пришелся на март 1930 г., то в Западной Сибири он совпал с маем 1930 г. (127 выступлений в марте, 128 — в апреле, 169 — в мае)⁴². Причина этого видится в том, что во всей стране, в т. ч. Сибири, основные майские выступления были связаны с т. н. продзатруднениями (конфликты вокруг продовольственного и семенного зерна), но в регионе

они сопровождалась волнениями в связи с массовым бегством крестьян из ссылки в родные места (ситуация, не характерная по масштабам для западных и центральных регионов СССР). По количеству «волынки» с целью противодействия властям при высылке «кулаков» и возвращении их в места ссылки в целом сопоставимы. Есть даже основание считать, что «волынки» в апреле — середине июня 1930 г. были более организованными и отчасти более результативными, хотя и кратковременными, чем выступления в защиту «кулаков» в феврале—марте 1930 г.

Массовое «раскулачивание» застало основную часть крестьянства врасплох. Сами «кулаки» оказывали активное сопротивление, как правило, лишь во время экспроприации хозяйства, но к моменту выселения они были уже надломленными. Март 1930 г. внес значительные коррективы как в «деревенскую» политику сталинского режима, так и в крестьянские настроения. Временная дезорганизация низового аппарата власти, растерянность сельских активистов перед новизной организационно-хозяйственных проблем, наличие в деревне значительной массы экспропрированного, но не высланного еще «кулачества 3-й категории» активизировали антиправительственные настроения в деревне. На фоне ослабления низового аппарата власти расширялись общинные, коллективные действия крестьян. В решениях сельских сходов, состоявшихся весной — начале лета 1930 г., доминировало стремление к восстановлению социальной справедливости — вернуть культовые здания и арестованных священнослужителей, «кулаков» из ссылки и вернуть им имущество и дома. Изменялось и поведение репрессированных крестьян: «кулаки 3-й категории» отказывались покидать села, проявляя при поддержке односельчан неповиновение властям, бежавшие из коммун крестьяне практически безбоязненно возвращались в села и деревни, где их встречали защита и поддержка. Защитительные действия односельчан в поддержку «раскулаченных» являлись запоздалой реакцией на февральскую растерянность. Однако «Великий перелом» уже нарушил крестьянский мир. Карательные органы с опорой на деревенские «низы» и активистов, хотя и без прежней жестокости и прямолинейности, продолжали реализовывать установки сталинского режима. «Окулачивание» (как антипод «раскулачивания») оказалось мимолетным эпизодом в конфликте крестьянства и власти. Противодействуя властям в их деле по возвращению бежавших из спецпоселков, односельчане в лучшем случае помогали последним скрыться. Попытка крестьян придать своим антиправительственным действиям оттенок легитимности («мы лишили, мы и восстанавливаем») отнюдь не являлась признаком сложившегося в мае 1930 г. в деревне «двоевластия»: крестьянство частью уповало либо на «чистую Советскую власть», либо на благоразумие «верхов» (сталинский расчет оказался абсолютно точным). Власти же за свою временную растерянность весной 1930 г. «расплатились» с крестьянством весной 1931 г. массовой высылкой, более чем вдвое превзошедшей по масштабам депортацию, состоявшуюся зимой—весной 1930 г.

Глава III ВЫСЫЛКА

1. Добровольные и принудительные миграции в Сибирь в первой трети XX века

Крупнейшему российскому историку В.О. Ключевскому принадлежит точное и емкое высказывание: «История России есть история страны, которая колонизируется». Колонизация Сибири, понимаемая как заселение и освоение территории, осуществляется с разной интенсивностью и масштабами более 400 лет и еще далека от своего завершения. Тем более важным представляется научный анализ освоенческого процесса с целью определения соотношения в нем традиций и новаций, выявления как устойчивых и повторяющихся черт преемственности государственной политики, так и тех нововведений экономического, социального, политического характера, которые несла с собой каждая новая историческая эпоха.

Для изучения нами выбран один аспект такой многоплановой темы, какой является колонизация Сибирского региона — миграционное движение. Он является центральным, поскольку без переселений нет заселения, а следовательно, и освоения территорий. Мы не предполагаем детально рассмотреть все стороны миграций. Приоритет в освещении будет отдан государственной политике в области переселений в Сибирь и внутри нее, динамике ее целей на протяжении первой трети XX в., а также сравнительным оценкам результатов и последствий для региона миграционной политики российского (царского) и советского (большевистского) правительств.

Выбор исторического периода неслучаен. Первая треть XX в. — это яркое и драматичное время, когда в наиболее четкой форме проявились основные виды миграций (переселений) — добровольные, вынужденные (эвакуация, беженство), принудительные. Сибирь стала территорией, по которой прокатились три крупнейшие миграционные волны, связанные с аграрно-крестьянским переселением столыпинского времени 1906—1914 гг.; эвакуацией и беженством эпохи войн и революций 1914—1922 гг.; социальными и этническими депортациями, осуществлявшимися сталинским режимом в 1930—1940-е гг.

Приступая к анализу, сделаем несколько замечаний уточняющего характера о базовых терминах. Предмет нашего внимания — миграции, или переселения, — можно классифицировать по различным основаниям. В самом общем виде они, исходя из их характера, делятся на добровольные, вынужденные и принудительные.

Среди добровольных следует выделять: а) вольную, или стихийную, народную негосударственную миграцию; б) государственное, или плановое, организованное переселение.

Вынужденные массовые миграции являются порождением экстраординарных событий — войн и стихийных бедствий, геноцида, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, которые порождают эвакуированных и реэвакуированных, беженцев, добровольных репатриантов.

Некоторые исследователи выделяют особый подвид миграционных движений, своего рода сочетание двух указанных переселений — «добровольно-вынужденные»¹. К такому подвиду относят массовые переселения в 1930-е гг. демобилизованных красноармейцев в пограничные районы страны (Украина, Северный Кавказ, Дальний Восток) для создания т. н. красноармейских колхозов. Красноармейские переселения выполняли роль компенсирующих миграций для тех территорий, где после «чисток» и депортаций образовался дефицит трудоспособного населения. Наконец, третий в ряду основных видов миграций — принудительные депортации, осуществлявшиеся путем массовых репрессий и карательных операций².

Исследовательская задача состоит в оценке соотношения различных видов и форм миграционных движений в Сибирь и внутри региона в рассматриваемый период. Важно проанализировать, какие из указанных видов были главными и неосновными для заселения и освоения Сибири. Согласно опубликованным и архивным материалам, с конца XIX в. до 1914 г., т. е. до начала Первой мировой войны, доминирующую роль в миграционных процессах играли добровольные переселения в обеих основных формах — вольнокрестьянские, неподконтрольные государству, и плановые, организованные и поддерживаемые государством.

Организацией принудительных переселений в виде ссылки — уголовной и политической, судебной и административной — занимались исключительно государственные органы. О роли миграции данного вида в заселении и освоении региона может служить только один, но очень показательный пример. 12 июня 1900 г. был принят закон, фактически запрещающий массовые уголовные ссылки в Сибирь. В XIX в. через Сибирь прошло около 1 млн репрессированных царским режимом, которые повлияли на формирование населения края. С начала XX в. доля ссыльно-каторжного элемента в демографических процессах резко уменьшилась до незначительной величины. Так, если в начале XX в. в составе населения Тобольской губ. удельный вес ссыльных достигал 7—8 %, то к 1914 г. он снизился до 2 %³.

В эпоху войн и революций (1914—1922 гг.) изменилось соотношение добровольных и вынужденных миграций, явно возросла доля категорий эвакуированных и беженцев, появилась особая группа принудительно размещенных — военнопленные. В абсолютных величинах вынужденные мигранты превзошли аграрных переселенцев. Первых в 1917 г. в Сибири насчитывалось до 200 тыс. чел., а вторых — не более 50 тыс. чел. Одновременно в регионе размещалось до 200 тыс. военнопленных — примерно столько же, сколько было беженцев и эвакуированных. В 1918 — 1922 гг. край буквально захлестнули стихийные и вынужденные (не контролировавшиеся политическими режимами) миграционные процессы. Об их масштабах свидетельствуют только отдельные цифры (общей картины нет): в 1920 г. в Сибири скопилось 500 тыс. т. н. неприписных лиц, т. е. не приписанных к земельным обществам⁴. В 1920—1922 гг. в регион, хотя он был официально закрыт для переселений, из-за Урала, спасаясь от голода, прибыло более 300 тыс. беженцев⁵. Таким образом, на протяжении примерно 5 лет государство не только не выступало в свойственной для него роли регулятора миграций, но и не могло выполнять даже регистрационные функции, отслеживать переселенческие потоки.

Годы нэпа стали своеобразным переходным периодом в миграционных движениях. Роль государственных органов как регуляторов и контролеров переселенческих процессов была постепенно восстановлена до дореволюционного уровня, однако добиться абсолютно доминирующего положения в сфере миграций государству не удалось. В это время, как и до революции, миграционные потоки носили аграрно-крестьянский, преимущественно сельскохозяйственный облик. В 1920-е гг. соотношение между плановыми переселенцами и т. н. самовольцами колебалось — преобладали то организованные, то стихийные переселенцы. В целом сохранились пропорции между осевшими на новых местах переселенцами — «обратниками». Примерно около 20 % переселенцев возвращалось из Сибири обратно в 1923—1928 гг. Вынужденные и принудительные переселенцы практически не влияли на демографическую ситуацию в регионе. Доля ссыльных в более чем 10-миллионном населении Сибири была незначительной — от 12 до 15 тыс., или менее 0,5 %⁶.

Миграционная ситуация радикально изменяется в 1930—1933 гг. В этот период планомерно организованное аграрное переселение в Сибирь из-за Урала было прекращено, резко возросло стихийное вынужденное, не регулируемое государством переселение (беженство от голода и коллективизации), преобладали принудительные миграции в форме депортации репрессированных крестьян, а также подвергшихся «чисткам» в крупных городах, приграничных территориях и т. д.

Таким образом, на протяжении первой трети XX в. в миграционном движении на восток постоянно менялись интенсивность, масштабы и разнообразие переселений в Сибирь и внутри нее. Одновременно государственная миграционная политика эволюционировала от содействия добровольному и упорядочения стихийного переселений в начале века к насилью как основному рычагу организации и регулирования миграций.

Периодизация миграционных движений из-за Урала в Сибирь и внутри нее примерно за треть века (с 1900 по 1933 г.) представляется в следующем виде: примерно 20 из 33 лет миграций в Сибирь отмечены относительно спокойными, эволюционно развивавшимися переселениями, на 13 лет выпали социально-политические и демографические катастрофы, сопровождавшиеся либо вынужденными, либо принудительными переселениями (табл. 1).

Априорно можно утверждать, что государственная поддержка и содействие добровольным миграционным движениям более эффективны в сравнении с государственным насильем в данной сфере; установление тотального государственного контроля над миграционными движениями в сталинское время не только не устранило факторы стихийности и беженства из практики переселений, но и фактически способствовало их воспроизводству и распространению.

Правомерен вопрос, можно ли сравнивать между собой добровольные и принудительные миграции, если да — то по каким параметрам? Что их при внешней несхожести и противоречивости объединяет? Ответ очевиден: переселения обоих видов затрагивали судьбы и интересы тех, кто выступал в роли мигрантов (для России и СССР это прежде всего крестьяне).

Таблица 1

Преобладающие виды и соотношение миграционных потоков

Годы	Преобладающая миграция	к;ол-во чел., тыс.	Соотношение закрепленных и «обратников», %
1900-1914	Добровольная (самовольная) и организованная государством	3 000	83/17
1914-1922	Вынужденная	Нет свед.	Нет свед.
1923-1929	Добровольная	1 000	80/20
1930-1933	Принудительная	500	60/40*
1933-1937	Плановая государственная	100	Нет свед.

* Для депортаций учитывалось соотношение прибывших в спецпоселки и ушедших из них по разным причинам (побеги, смертность и т. д.).

Сравнивать можно интенсивность переселений. Для царского времени пик аграрных крестьянских переселений в Азиатскую Россию пришелся на столыпинскую эпоху — за 1908—1909 гг. за Урал в районы водворения переселилось около 1,5 млн чел. В сталинскую эпоху в 1930—1931 гг. на территорию от Урала до Дальнего Востока было насильственно переселено или выслано около 1 млн чел. (в т. ч. жертвы внутрирегиональных депортаций).

Сравнивать эффективность переселений можно по такому простому показателю, как приживаемость переселенцев в районах расселения. Статистика столыпинской эпохи показывает, что в Сибири прижилось около 80 % мигрантов, а 20 % переселенцев вернулось назад. Данное соотношение 8 : 2 было подтверждено опытом и практикой добровольных переселений в Сибирь в 1920-е гг. Если же с подобными, пусть и грубыми, мерками подойти к оценке принудительных миграций, то можно сделать вывод о принципиальном изменении соотношения «закрепленных» и «выбывших». В 1930-е гг. даже в условиях жесточайшего запрета покидать спецпоселения имели место массовые и индивидуальные побеги, ужасающие масштабы приобрела смертность. Согласно сводной карательной статистике, с 1932 по 1940 г. через спецпоселения прошло 2 млн 176 тыс., преимущественно крестьян, умерло в спецпоселках почти 390 тыс., бежало и не было найдено карательными органами около 400 тыс. Таким образом, в условиях принудительных переселений соотношение выживших и умерших вместе с бежавшими выражалось как 6 : 4. Подчеркнем, что мы не располагаем точной статистикой первых двух самых драматических лет (1930—1931 гг.), когда, согласно некоторым данным, по численности бежавшие и умершие приближались к оставшимся на спецпоселении. Безусловно, сравнение коэффициентов приживаемости крестьян столыпинской эпохи и выживаемости крестьян в сталинских спецпоселениях весьма условное и призвано скорее противопоставить эти два вида переселений в Сибирь.

При внешней схожести глобальной цели переселенческой политики — освоение новых территорий и укрепление восточных границ страны — социальные приоритеты царского и советского правительств были все же разными. Столыпинское правительство путем массового переселения в Сибирь стремилось ослабить остроту аграрного перенаселения и безземелья в центре страны и при этом дать шанс малоземельным и бедным слоям крестьян стать зажиточными новоселами, поднять уровень состоятельности крестьянства в целом. Со временем то же правительство в своей миграционной политике стало ориентироваться на зажиточные слои деревни, имевшие больше возможностей осесть в Сибири⁷.

На смену эпохе переселений, пафосом которой была идея борьбы с бедностью, пришла эпоха депортаций с лозунгом: «Долой богатых в советской деревне». Большевикское правительство использовало инструмент депортаций для уничтожения зажиточного крестьянства, которое сформировалось в основном в столыпинское время. Однако было бы неверным абсолютное противопоставление двух исторических типов переселений в Сибирь — столыпинского и сталинского. При детальном анализе мотивов, ожиданий и технологий осуществления государственной переселенческой политики становятся очевидными некоторые весьма интересные параллели. До революции крестьяне не имели прав собственности на землю в Сибири — собственником земли здесь выступало государство, на Алтае имелись земли Кабинета. Они пользовались землей де-факто и могли распоряжаться ею в ограниченных пределах. О собственности крестьян на землю в полном объеме не помышляли, проводя миграционную политику, ни Столыпин, ни Сталин.

Столыпинская миграционная политика имела во многом пионерный характер, поскольку впервые проводилась в таких крупных масштабах и в столь сжатые сроки. В ходе ее осуществления приоритетное значение сначала отдавалось обеспечению технической стороны самого переселения, т. е. выселению крестьянских масс из Центра на окраины. И только позднее, когда начался во все возрастающих масштабах процесс «обратных переселений», правительство озаботилось проблемой прочного оседания новоселов в Сибири. Отсюда провозглашение Столыпиным и Кривошеиным нового лозунга: «Заселение важнее переселения»⁸.

На первой стадии массовых столыпинских переселений проявился такой характерный просчет колонизационной политики, как отсутствие достаточного для переселенцев колонизационного фонда. Под напором требований из Центра под переселенческие участки стали отводить земли старожилов и коренных жителей Сибири. В самый пик переселений (1908 г.) было принято решение «подниматься к северу», т. е. переносить работы по заготовке новых участков в тайгу. Руководители местных сибирских переселенческих органов назвали эту вынужденную землеустроительную политику «напором на тайгу». Фактически только после 1910 г. подготовка колонизационного фонда начала проводиться более тщательно и продуманно. Это стало возможным благодаря не только сокращению потока переселенцев, но и приобретению властями опыта. Теперь отводу участков предшествовали почвенно-ботанические исследования, гидротехнические и корчевальные работы, строительство грунтовых дорог. Для нужд новоселов создавались сеть сельхозскладов,

церквей, школ, медицинских пунктов и другие элементы социально-культурной инфраструктуры.

В 1930—1931 гг. сталинское руководство, организуя и осуществляя столь же форсированно массовые, но еще и принудительные крестьянские переселения, не извлекло уроков из опыта столыпинских проб и ошибок. Оно не только повторило типичные просчеты и ошибки царского правительства, но и усугубило их до размеров преступлений по отношению к репрессированному крестьянству. Упомянем только некоторые из них.

Приоритет переселения перед заселением. Крестьянские депортации в начале 1930-х гг. следовали из характера самой коллективизации — форсированной и принудительной. Высылка являлась прямым продолжением политики сталинского режима в деревне, связанной с экспроприацией зажиточного крестьянства. Репрессивная мотивация предшествовала экономической, колонизационной. Этому есть два подтверждения: 1) большевистское руководство даже не допускало возможности осуществления более рационального с точки зрения государственных затрат самостоятельного переселения на необжитые территории восточных районов, в т. ч. в глубь тайги, той части крестьянства, которая отказывалась вступать в колхозы. Более того, известны факты, что именно с конца 1929 г. в таежные районы Сибири, причем в те районы, где затем государством создавались спецпоселения, тянулись тысячи обзоров с беженцами. В ответ на стихийное зимнее переселение крестьян власти стали создавать заградительные отряды и чинить препятствия вынужденным мигрантам; 2) первая депортация проводилась в зимне-весенние месяцы (февраль—март 1930 г.), самые неблагоприятные для переселений, и в направлениях, отвечавших более карательным целям (невозможность побегов). Отражением пренебрежения власти к человеческой жизни стала Назинская трагедия, случившаяся в мае—июне 1933 г. на одном из островов в среднем течении Оби, куда было высажено около 6 тыс. спецпереселенцев. Через месяц от холода, голода и эпидемий там погибло около 2 тыс. чел., а сам остров получил зловещее название «Остров людоедов»⁹.

Приоритет заселения (или расселения) перед освоением. В 1930-е гг., как и в эпоху столыпинских миграций, поток спецпереселенцев намного опережал возможности разведанных колонизационных фондов в Сибири. Повторился, но с гораздо более трагическими для крестьянства последствиями т. н. напор на тайгу. Места для спецпоселков обозначались с преступной небрежностью. В результате с 1930 по 1934 гг. не менее четверти семей спецпереселенцев в Западной Сибири подверглись повторным, или т. н. внутрикомендатурским, переселениям. Ввиду непригодности районов первоначального расселения (1930—1931 гг.) для хозяйственного освоения силами спецпереселенцев руководством было расформировано несколько крупных по размерам комендатур. За всем этим стояли человеческие судьбы и трагедии. Так, в течение лета 1930 г., пока карательные органы не убедились в том, что Кулайская комендатура, расположенная на территории известных своими масштабами и непригодностью для проживания Васюганских болот, требует немедленного перемещения на другие земли, более 6 тыс. из почти 9 тыс. спецпереселенцев умерло или бежало¹⁰.

Новое расселение, как и в столыпинскую эпоху, осуществлялось при ущемлении, а порой и игнорировании интересов старожильского и местного, т. н. туземного, населения. В документах 1930-х гг. зафиксированы неоднократные протесты местных сибирских органов в краевые партийные и государственные структуры по поводу вынужденного вмешательства спецпереселенцев в хозяйственный уклад жизни коренного населения.

Правомерен вопрос и о том, возможно ли измерить и сопоставить качественные показатели процесса переселений в разные периоды. Выше приводились количественные данные — сколько человек переселялось, каким было соотношение прижившихся и выехавших обратно переселенцев и т. д. При попытке взглянуть на переселения (добровольные и принудительные) с точки зрения затрат или расходов мы неизбежно сталкиваемся с проблемой сопоставимости сведений. По нашему мнению, имеющиеся данные стоимостного характера (размеры расходных статей смет Переселенческого управления столыпинского и пост-столыпинского периодов и расходов, связанных со спецпереселенцами сталинской эпохи) несопоставимы в строго процедурном смысле. При Столыпине и Сталине финансовая политика в области переселений резко различалась, как кардинально различалась и структура расходной части.

В сметах произведенных расходов на переселенческие цели в **1912—1913** гг. основной статьей являлись ссуды переселенцам на их нужды (от 1/3 и выше — путевые, обзаведение жильем, общепользные нужды), далее шли кредиты на создание инфраструктуры в местах расселения — дорожный, гидротехнический, землеустроительный (в порядке убывания). Существенными были затраты на врачебную помощь, они соизмеримы с вложениями в дорожное строительство. Организационные траты, связанные с деятельностью администрации переселенческих органов в Центре и на местах, не превышали 5 — 7 % в структуре расходов и занимали одну из последних строчек в затратах¹¹.

Структура затрат, сделанных советскими органами для размещения и устройства примерно 250 тыс. спецпереселенцев в Нарымском крае бывшей Томской губ., была принципиально иной. Формально ссуды для спецпереселенцев составляли значительную долю — также около Уз. Однако в их объеме около половины составляла т. н. безнадежная задолженность, числившаяся за умершими на поселении, бежавшими оттуда, переданными родственникам на иждивение и возникшая по другим экстраординарным причинам. С подобной проблемой дореволюционные органы попросту не сталкивались. Но главная особенность расходов при проведении принудительных миграций — огромный удельный вес т. н. административно-управленческих затрат. Если до революции доля этих затрат, как отмечалось, не превышала 5—7 %, то в 1930-е гг. на содержание штата комендатур и управлений, включая охрану, тратилось 25 % средств. Это было почти вдвое больше, чем на медицинское обслуживание спецпереселенцев¹². В связи с этим приведем еще одно достаточно примечательное сопоставление. Оно касается размеров медицинского обслуживания и расходов на него. В Томской губ. в разгар столыпинского переселения 284 тыс. переселенцев обслуживали 30 медпунктов. За пять лет (1906—1910 гг.) эти пункты посетило

182 тыс. чел., стационарных больных было 2 тыс. чел. В спецкомендатурах Западной Сибири, где размещалось примерно столько же спецпереселенцев — около 280 тыс., за 1934—1937 гг. (за четыре года) медпункты посетили 2 млн чел., а через стационары прошла примерно 31 тыс. больных¹³. Как видим, показатели медицинского неблагополучия возросли в 10 раз. И это тоже показатель цены принудительных миграций в человеческом измерении.

Главный вывод сопоставительного плана очевиден: добровольные миграции рациональны, принудительные — иррациональны.

2. Государственная политика в сфере плановых и принудительных переселений в Сибирь и внутри региона (вторая половина 1920-х — 1930-е годы)

Прерванная эпохой войн и революций политика государственного регулирования процесса колонизации, освоения восточных районов страны вновь обозначила себя как система приоритетных шагов только к середине 1920-х гг. До этого переселенческие мероприятия государства представляли собой реакцию на последствия гражданской войны (бегство от голода, эвакуации, возвращение бывших военнопленных и т. д.). В указанный период восточные районы были официально закрыты для планового переселения, но стихийное переселение в них имело тенденцию к росту. В 1920-е гг., как и ранее, оно носило преимущественно земледельческий характер¹.

К 1925 г. государство сформулировало стратегию колонизационно-переселенческих мероприятий. Слабозаселенные территории страны, главным образом Сибирь, были объявлены открытыми для планового переселения. Колонизация «по-социалистически» в нормативных документах того времени трактовалась как «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов»².

Во второй половине 1920-х гг. колонизационно-переселенческие процессы протекали еще в значительной мере по традиционному алгоритму, унаследованному от дореволюционной эпохи, однако при возрастающей роли государственного вмешательства и регулирования миграционных потоков в восточные районы. Ставилась цель — свести к минимуму стихийную составляющую переселенческого процесса и максимально усилить организующее начало, сделать переселение в прямом смысле плановым. Для ее достижения создавались специальные организационно-управленческие структуры. С середины 1920-х гг. общее руководство переселенческой политикой в стране осуществлял учрежденный при ЦИК СССР Всесоюзный Переселенческий комитет (ВПК). Реальный же рабочий орган, непосредственно осуществлявший переселенческую политику на территории РСФСР, был создан в структуре Наркомата земледелия и назван отделом колонизации и переселения. В Сибирском регионе появилось районное переселенческое управление (РПУ), подчинявшееся Наркомзему. По структуре эти региональные переселенческие органы во многом повторяли дореволюционные: существовали переселенческие партии и переселенческие пункты; в местах

вселения появились подрайоны, в ведении которых находились участки водворения. В колонизационно-переселенческой политике советского руководства в 1920-е гг. и царского правительства было много общего. Принципиально не изменились цели и задачи государственных органов, отвечающих за миграционные процессы, кадровый состав переселенческих органов, в которых преобладали т. н. старые специалисты, маршруты движения переселенцев, районы для их расселения на территории Сибири. Основной фигурой переселенческого процесса в 1920-е гг., как и до революции, выступало крестьянство европейской части страны, представленное практически всеми своими социальными группами. Во второй половине 1920-х гг. в рамках т. н. планового переселения в Сибирь из других регионов переселилось почти 900 тыс. чел. С 1927 г. сюда ежегодно прибывало 250 тыс. чел. Мигранты представляли Европейскую Россию (70 %), Украину (20 %) и Белоруссию (10 %)³.

В конце 1920-х гг. переселенческая политика переживала кризис. Переселенческие органы явно не справлялись с задачей регулирования миграций, а их руководители признавали, что стихийное переселение составляет более половины в общем переселенческом потоке. Кроме того, в это время в аграрных миграциях на восток стал отчетливо и во все более возрастающих формах проявляться компонент вынужденных переселений. После 1928 г. увеличился поток переселенцев-беженцев из числа зажиточных крестьян, стремившихся, укрывшись в Сибири от начавшейся коллективизации, сохранить традиционный хозяйственный уклад.

После неурожая и стихийных бедствий в северо-западных районах РСФСР в 1928/29 г. в Сибирь хлынули гонимые голодом крестьяне из Ленинградской и прилегающих к ней областей, а также Белоруссии. Только с октября 1928 г. по март 1929 г. в регион прибыло до 100 тыс. чел., в т. ч. 70 тыс. «самовольцев», по сути внеплановых вынужденных мигрантов⁴. Наконец, осенью 1929 г. в регион впервые со времени окончания гражданской войны было направлено около 1 тыс. глав семей, которые представляли высланных в административном порядке в ходе массовой операции по «зачистке» приграничных территорий на западе (главным образом территории Украины, Белоруссии и Северо-Западного региона). На данный факт следует обратить особое внимание, поскольку он вносит коррективы в сложившуюся схему государственной переселенческой политики в Сибири. Традиционно принято считать, что массовые принудительные миграции (иначе — депортации) начались с февраля 1930 г., с момента проведения в жизнь политики по ликвидации кулачества как класса. Однако, согласно недавно выявленным данным, уже со второй половины 1929 г. Сибирь стала местом размещения сельского населения, высланного из западных районов СССР⁵. Одновременно внутри региона на протяжении 1929 г. в ходе очередной хлебозаготовительной кампании была осуществлена карательная акция по конфискации имущества и высылке из прежних мест проживания почти 2 тыс. крестьянских хозяйств (ст. 61 п. 3 УК РСФСР)⁶.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг., несмотря на усилия государства по пресечению переселенческого движения на восток, стихийная миграция перекрывала масштабы планового переселения. В потоке стихийного аграрного переселения большое место занимали вы-

нужденные миграции, которые представляли переселенцы-беженцы, пытавшиеся скрыться в необжитых и труднодоступных восточных районах от начавшейся массовой коллективизации. В арсенале форм регулируемого государством переселения появились принудительные переселения — следствие проведения т. н. зачистки западной государственной границы от нежелательных, с точки зрения властей, элементов. Впрочем, данная акция проводилась не как карательная (или депортационная), а в обличий сельскохозяйственной колонизации с опорой на систему государственных переселенческих органов и пока при минимальном участии органов НКВД и ОГПУ⁷.

Открывшаяся на рубеже 1920—1930-х гг. полоса «чрезвычайщины» («Великий перелом») принесла с собой радикальные сдвиги в стратегии, формах, методах и масштабах осуществления колонизационно-переселенческого движения в восточных районах страны. Во-первых, радикально изменилась сама государственная политика в данной области, произошла смена приоритетов, стала принципиально иной собственно технология осуществления колонизации сибирских территорий. Во-вторых, в соответствии с выходом на первый план принудительных миграций была перестроена система управления колонизационно-переселенческими процессами. В-третьих, изменились состав мигрантов-переселенцев и характер их взаимосвязей с местным, особенно коренным, населением региона.

При изучении осуществления колонизационно-переселенческой политики 1930-х гг. важно выявить роль и масштабы основных миграционных (межрегиональных и внутрирегиональных) потоков, участвовавших в освоительском процессе тех лет. В эти годы колонизационно-переселенческие задачи власть решала путем 1) развертывания сети колоний и лагерей, 2) осуществления репрессивных миграций (депортации) или спецпереселения и 3) проведения не репрессивных, плано-мобилизационных переселений. Между этими тремя государственно-организованными потоками существовало своего рода макрогеографическое разделение. Плано-мобилизационные (не репрессивные) переселения использовались государством для расселения людей в районах с относительно благоприятными природно-климатическими условиями, где, однако, в силу сочетания и действия разных факторов, главным образом политических, создавалась труддефицитная ситуация (Северный Кавказ, Украина, Восточная Сибирь, Дальний Восток). ГУЛАГ был ориентирован, как известно, преимущественно на освоение богатых ресурсами необжитых территорий с неблагоприятными природно-климатическими условиями (Норильск, Колыма, зона БАМа и т. д.). Система спецпоселений, сформированная в ходе осуществления сначала крестьянских, а затем и этнических депортаций, охватывала Европейский Север, Урал, Западную Сибирь, Казахстан, кроме самых обжитых или приграничных районов Восточной макрзоны.

С момента создания ГУЛАГа (начало 1930 г.) на лагерную систему возлагались освоительские задачи. Лагеря предписывалось создавать прежде всего в отдаленных и малонаселенных районах с целью их форсированной колонизации путем применения труда заключенных. Одновременно предусматривалось стимулировать закрепление на этих территориях освободившихся заключенных, а часть из них переводить досроч-

но на поселение. Таким образом оформлялся особый вариант карательной колонизации, ядром которой выступали лагеря с их постоянной восполняемостью и постепенным оседанием на этих территориях части освобожденных заключенных. В идеале же, как отмечалось в одном из меморандумов Г.Г. Ягоды в начале 1930 г., на севере и востоке страны со временем должен сложиться симбиоз лагерей и поселений — прообраз колонизации «по-социалистически». «Надо превратить лагеря в колонизационные поселки, — писал Ягода. — Заключенных перевести на поселковое поселение до отбытия срока наказания. Желающие могут выписать семьи. Поселок от 200 до 300 дворов. Первое время живут на пайке, потом за свой счет. Поселки по номерам. На севере колоссальные естественные богатства, нефть и уголь, и я уверен, что пройдут годы, и из этих поселков вырастут пролетарские городки горняков. Ведь состав тюрем у нас главным образом аграрный, их тянет на землю»⁸.

В принципе идея Ягоды о массивированной карательно-штрафной колонизации севера и востока страны путем превращения заключенных в колонистов не была столь уж утопичной. На протяжении 1930-х гг. по меньшей мере дважды — в 1933 и 1934—1937 гг. — подобные планы получали практическое воплощение. В 1933 г. (после акции по т. н. разгрузке мест заключения) в спецпоселки Западной Сибири и Казахстана было направлено свыше 100 тыс. заключенных, досрочно освобожденных из лагерей, тюрем и колоний. В 1933—1934 гг. начал осуществляться проект по созданию колонизационных поселений в зоне БАМа с целью ее освоения силами переводимых на режим поселений заключенных, отбывших сроки в БАМЛАГе. Впрочем, несмотря на значительные ресурсы, задействованные на создание колонпоселков на основе заселения их бывшими заключенными, эти проекты оказались нежизнеспособными. Гораздо большее значение и эффект для освоения окраинных территорий и особенно для решения проблем их заселения в 1930-е гг. сыграла колонизация силами ссыльного репрессированного крестьянства.

Трагедия спецпереселенцев — сложная тема. Затронем лишь несколько ее аспектов. Штрафная, или специальная, колонизация северных и восточных районов страны путем расселения и закрепления там репрессированного крестьянства приобрела столь громадные размеры и потребовала привлечения столь мощных ресурсов всех видов, что в 1930—1933 гг., когда осуществлялись депортации крестьян преимущественно с запада на восток и с юга на север, добровольно-плановые переселения были прекращены вовсе, на них попросту не хватало сил и средств. Для сравнения укажем, что если за весь XIX в. через сибирскую ссылку всех видов прошло около 1 млн чел., значительная часть которых осела на поселения, то только за 1930—1933 гг. путем межрегиональных и внутрисибирских депортаций в спецпоселениях Сибири оказалось более 500 тыс. бывших сельских жителей, преимущественно крестьян.

В свете рассматриваемой темы небезынтересным является вопрос о верхней хронологической границе осуществления государством принудительных крестьянских миграций. Историки в целом солидарны в том, что 1933-й был последним годом, когда депортации в массовом порядке затронули деревню. Тогда, по подсчетам Н.А. Ивницкого и некоторых других исследователей, было репрессировано и выслано около 20 тыс. крестьянских семей. Конец практики депортации сельского населения

связывается с выходом известного директивного письма от 8 мая 1933 г. за подписями Сталина и Молотова, запрещавшего практику массовых арестов и высылки из деревни. Вместе с тем запрет на массовые операции в деревне не исключал локальных депортаций, носивших ситуационный, прагматический характер. В сибиреведческой литературе практически не изучены причины, механизм осуществления и последствия последней крупной локальной депортации крестьян внутри Западной и Восточной Сибири весной — осенью 1935 г. Речь идет о том, что после массовой коллективизации в стране еще сохранялся слой единоличного крестьянства. Чтобы свести его к нулю, государство применило весь арсенал экономических, административных и карательных средств. В рамках этой стратегической установки руководство Запсибкрая в лице Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинского обратилось в Политбюро и 20 мая 1935 г. получило санкцию на проведение карательных мероприятий «в отношении единоличников, саботирующих сев». Краевым властям было разрешено, в частности, в отношении этой группы крестьян на территории 55 районов применять ряд мер — от лишения приусадебных земель до «высылки по 5—10 хозяйств из сел, имеющих большой процент единоличников, на Север»⁹. 20 сентября 1935 г. Политбюро утвердило цифру еще одной западно-сибирской локальной депортации — 500 крестьянских хозяйств. Эта депортация в ряду спецпереселений осуществлялась из северо-восточных районов края в т. н. северные, нарымские, спецкомендатуры¹⁰. Одновременно, как это следует уже из документов ГУЛАГа, по предложению того же Эйхе проводилась карательная «чистка» и в самих комендатурах, где семьи спецпереселенцев за те или иные, с точки зрения властей, проступки («саботаж хлебосдачи») подлежали переселению из т. н. южных, кузбасских и новосибирских, комендатур в нарымские. В ходе этой операции штрафное переселение затронуло более 200 семей¹¹. Кроме того, постановление Политбюро от 1 октября 1935 г. давало право руководству Красноярского края на высылку из ряда районов по 30 единоличных хозяйств на территорию Крайнего Севера¹².

Таким образом, к 1935 г. относится последняя крупная для масштабов Западной и Восточной Сибири локальная депортация крестьян (май—октябрь), затронувшая более 1 тыс. семей, или 5—6 тыс. чел. Следовательно, в своей совокупности массовые и локальные депортации из сибирской деревни и в Сибирь осуществлялись режимом на протяжении всей первой половины 1930-х гг.

Необходимо отметить, что по сравнению с регулируемой государством миграцией в Сибирь в 1920-е гг., имевшей целью промышленное и главным образом сельскохозяйственное освоение, принудительные переселения в 1930-е гг. лишь вначале имели сельскохозяйственную специализацию. К концу 1930-х гг. в комендатурах ГУЛАГа половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть — на лесозаготовках и только оставшаяся четверть занималась в традиционной сфере — сельском хозяйстве¹³. Это свидетельствовало о том, что сталинский режим превратил репрессированных крестьян в универсальную рабочую силу.

Беспрецедентно высокими были масштабы оттока и потерь среди спецпереселенцев. В 1932—1940 гг. в стране в целом на спецпоселение прибыло около 2 млн чел., из них бежало около 630 тыс.; смертность в спецпоселках составила почти 400 тыс. чел., рождаемость чуть превысила 200 тыс. Статистические данные о «прибыли и убыли» спецпереселенцев в Западной Сибири за первые годы (1930—1933 гг.) таковы: в регион было депортировано около 510 тыс. чел., бежало 133,7 тыс., умерло около 73 тыс., родилось на поселении 13 тыс. детей. «Убыль» на спецпоселении приближалась к половине от числа высланных, а смертность почти в 6 раз превышала рождаемость¹⁴.

Стремительно возросшие масштабы принудительных миграций вызвали изменения в системе управления переселенческим процессом. В 1930—1933 гг. сложилась особая подсистема, ориентированная целиком на обслуживание спецпереселений. На высшем партийно-государственном уровне решения о размерах, географической направленности и сферах использования труда спецпереселенцев принимались Политбюро ЦК партии и затем оформлялись постановлениями СНК. Подготовкой решений занимались особые комиссии, созданные при Политбюро и СНК. Первой постоянно действовавшей во второй половине 1930 г. была комиссия В.В. Шмидта, являвшегося в то время зампредом СНК. С весны 1931 г. и до весны 1932 г. ключевую роль в разработке решений по спецпереселенцам играла комиссия А.А. Андреева — Я.Э. Рудзутака, которая обладала правами контроля за реализацией принятых решений. В структуре государственных органов решающую роль в обеспечении депортации и расселения играли НКВД—ОГПУ; в их составе были организованы отделы и управления соответствующего профиля. В наркоматах земледелия, лесной и тяжелой промышленности появились спецотделы и управления по использованию труда спецпереселенцев. Наркоматы просвещения, здравоохранения, соцобеспечения обеспечивали инфраструктуру своими кадрами и сетью. На региональном уровне координацию работы многочисленных учреждений осуществляли межведомственные комиссии под руководством карательных органов. В частности, в Сибири такого рода комиссия называлась, согласно тогдашнему правилу, по имени руководителя, полномочного представителя ОГПУ по Западно-Сибирскому краю — «комиссия Заковского». Как уже указывалось, с 1930 по 1933 г. плановое переселение было поглощено спецпереселениями, а переселенческий аппарат Наркомзема полностью обслуживал нужды принудительных миграций.

На протяжении 1930-х гг. роль и функции карательных органов в осуществлении колонизационных проектов постоянно усиливались. На управленческом уровне это нашло отражение в создании в составе НКВД, помимо ГУЛАГа, переселенческого отдела, который функционировал в 1937—1939 гг. В компетенцию ГУЛАГа входили как осуществление колонизации территорий в зонах дислокации крупнейших лагерей, в частности, зоне БАМЛАГа, так и контроль за плановыми миграциями в стране в целом¹⁵. Поэтому вполне правомерным будет утверждение о том, что основные миграционные процессы в СССР на протяжении 1930-х гг. контролировались карательной системой, а некоторое время во второй половине 1930-х гг. и вовсе были ей подведомственны, несмотря на формальное наличие Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК).

Особое место и значение в практике государственных переселений планово-мобилизационного типа занимали т. н. замещающие, или компенсаторные, миграции, имевшие своей целью форсированное замещение трудоспособного населения на тех территориях, где в силу действия в первую очередь экстраординарных факторов (последствия коллективизации, которой сопутствовали голод, бегство и депортации крестьянства) возникал острейший дефицит трудовых ресурсов. Таковыми являлись, в частности, массовые переселения демобилизованных красноармейцев на территорию Северного Кавказа в 1933—1934 гг., районы которого обезлюдели в результате депортаций и голодомора. Несколько иной, но также экстраординарный характер носила проводившаяся в те же годы акция по переселению демобилизованных красноармейцев на Дальний Восток после проведения здесь операции по «зачистке» границы. Компенсаторный характер имело организованное государством в 1935—1937 гг. переселение сельскохозяйственного населения из европейской части страны (Воронежская и Горьковская области, Чувашия, Татария) в Восточную Сибирь. Оно затронуло около 10 тыс. семей, или до 45 тыс. чел. Перемещение было инициировано краевым руководством, прямо указывавшим, что с 1930 по 1933 г. в ходе «раскулачивания», бегства крестьян из деревни и проведенной «зачистки» приграничных районов край потерял от 50 до 60 тыс. крестьянских хозяйств¹⁶. Согласно официальной статистике ВПК, с 1933 по 1937 г. в СССР в ходе государственных плановых переселений было переселено 77 304 семьи, или 347 866 чел. (включая демобилизованных красноармейцев — одиночек и с семьями), из этого числа на долю восточных районов (Восточная Сибирь и Дальний Восток) пришлось около четверти плановых переселенцев¹⁷. Сопоставление этих данных со сведениями официальной карательной статистики депортации в ходе коллективизации в 1930—1931 гг. примерно 381 тыс. крестьянских семей (в 1933 г. к ним прибавилось еще примерно 20 тыс. семей) показывает, что компенсаторные миграции по численности (о качественных потерях говорить вообще не приходится) далеко не в полной мере возмещали трудоспособное население указанных регионов.

Материалы о планово-мобилизационных и принудительных миграциях в 1930-е гг. позволяют сделать следующие выводы: по размерам принудительные миграции превосходили т. н. плановые примерно в 5 раз; принудительные миграции проецировались в большей степени на территорию Западной Сибири, тогда как плановые охватывали главным образом Дальний Восток и Восточную Сибирь; осуществляя и принудительные и компенсаторные переселения, государство исходило только из собственных интересов и приоритетов, при этом интересы репрессированного и планово переселяемого населения были принесены в жертву экономическим и геополитическим интересам сталинской системы.

3. Массовые и локальные выселки сибирского крестьянства в начале 1930-х годов

Изучение истории принудительных миграций в последнее десятилетие стало одним из приоритетных направлений в отечественной историографии. Благодаря работам В.Н. Земскова, НА Ивницкого, Н.Я. Гу-

щина и др. (крестьянская ссылка), Н.Ф. Бугая (этническая ссылка), а также П.М. Поляна (география принудительных миграций) стала возможной широкомасштабная и многоаспектная историческая реконструкция механизма осуществления и последствий массовых принудительных перемещений различных категорий и групп населения в сталинском обществе. Естественно, что в центре исследовательского интереса оказались депортации, принявшие социальную или национальную окраску. В меньшей степени изучаются своего рода вторичные формы государственно ориентированных экстраординарных переселений, связанные с перемещением демобилизованных красноармейцев в районы, наиболее пострадавшие от коллективизации и голода, а также с «зачисткой» приграничных территорий. Между тем, без анализа всего спектра тесно переплетавшихся между собой форм государственных миграций (добровольные, «добровольно-принудительные» (по терминологии П.М. Поляна) и принудительные) невозможно создать полное и объективное представление о сталинской социальной политике и ее воздействии на демографические процессы в стране.

Одна из проблем, «выпавших» из поля зрения историков, которые занимаются изучением аграрной и карательной политики, касается перехода режима от практики плановых переселений к массовым депортациям. Он пришелся на осень 1929 г. — зиму 1930 г. и примечателен тем, что на этом отрезке впервые сосуществовали и взаимодействовали оба механизма осуществления миграций — ординарный и экстраординарный. Возник своеобразный гибрид из двух форм переселений. Речь идет о «добровольно-принудительном» переселении «социально-опасного элемента» (СОЭ) из западных приграничных районов Ленинградской обл., Украины и Белоруссии в таежные районы Сибири. Примечательно, что постановления о «зачистке» западных границ от СОЭ принимались в секретном порядке, но не союзным, а республиканскими СНК (РСФСР — 4 октября, УССР — 13 ноября 1929 г.). Необходимость проведения «зачистки» мотивировалась целями «оздоровления хозяйственных условий погранполосы» и «облегчения проведения в ней реконструктивных мероприятий». Переселению в «добровольном» порядке подлежали все признанные как СОЭ лица, вне зависимости от социального статуса. Число таких определялось в несколько тысяч семей, в т. ч. только из Белоруссии до 3 тыс.

Столь масштабная акция проводилась впервые, и впервые же для своего воплощения она потребовала координации действий таких столь далеких друг от друга по функциям органов, как ОГПУ и наркоматы земледелия союзных республик. Таким образом, хотя и в мягкой форме, начал отрабатываться механизм спецпереселения как специфический тип миграции. Директива НКЗ РСФСР Сибирскому переселенческому управлению от 26 ноября 1929 г. подчеркивала необходимость проведения акции в таком порядке, «чтобы переселяемые отнюдь не подвергались какому-либо особому, по сравнению с прочими плановыми переселенцами режиму, но вместе с тем с Вашей стороны должны быть приняты по местным условиям все меры к безусловному обеспечению выходцев из приграничной полосы всеми установленными видами льготы содействия, с тем, чтобы устройство и прочная приживаемость их на новых местах была в полной мере обеспечена»¹. Сибирские пересе-

ленческие органы на всякий случай застраховывались, заявив протест против уравнивания в правах СОЭ и плановых переселенцев. В ответ на него из Центра пришло разъяснение. В нем говорилось, что СОЭ состоит из двух групп и отношение к ним должно быть дифференцированным. Первая включает лиц, высылаемых в административном или судебном порядке по линии ОГПУ и судов, и никакими льготами обладать не должна. «По второй линии социально-опасный элемент погранполосы направляется в качестве переселенцев добровольно переселяющихся. Этот элемент в большей своей массе состоит из бедноты и маломощных хозяйств и опасен постольку, поскольку он находился в районе пограничной полосы и был связан с проживающими за границей родственниками близкими взаимоотношениями»².

В запланированном виде была осуществлена лишь начальная стадия акции. Так, поздней осенью 1929 г. в Томский окр. из Белоруссии для ознакомления с условиями переселения прибыла первая партия СОЭ-переселенцев, включавшая нескольких сотен человек, глав семейств. Белорусы выразили бурный протест против вселения на неподготовленные для переселения таежные территории, и местным властям фактически принудительными мерами пришлось задержать вынужденных переселенцев в округе. Предполагалось, что позднее к «одиночкам» присоединятся их семьи. Такого рода механизм двухстадийного спецпереселения (вначале вселение и устройство глав семейств-«одиночек», затем воссоединение с ними привезенных членов семей) широко использовался в ходе осуществления массовой «кулацкой ссылки» в 1930 г. Подобным образом проводилась поэтапная депортация крестьян из Украины и Белоруссии: весной 1930 г. в Сибирь было направлено около 18,5 тыс. «одиночек особого назначения», осенью 1930 г. и в начале 1931 г. к ним прибыли семьи (вероятно, здесь имело место слияние двух форм депортаций — «зачистки» границы и «кулацкой ссылки»).

От 1929-го 1930-й год унаследовал начавшиеся реквизиции, высылку и ответную реакцию на это деревенских «верхов». По информации местных органов ОГПУ, 31 декабря 1929 г. на лесозаготовках в урочище Кичибаш на границе Минусинского и Красноярского округов «работавшими там кулаками было поднято восстание: все лесорубы были сняты с работы, администрация была разоружена и арестована, разграблены склады и кооперативные магазины. Организовавшаяся из повстанцев банда численностью до 150 подвод, захватив с собой арестованную администрацию, двинулась в пределы Красноярского округа с целью поднять восстание в пограничных районах». После убийства «главаря банды — кулака Вихляева», как сообщалось в оперсводке ОГПУ, «банда <...> распалась на две части», одна из которых «была ликвидирована красноярским окротделом ОГПУ», другая — минусинским³. В первый после новогодних праздников рабочий день один из служащих почтового отделения с. Чаны Барабинского окр. обнаружил среди почтовых отправок несколько открытых писем «антисоветского характера» с рисунками. В сводке давалось следующее описание одного из них: «<...> изображен человек с наруканником "комиссар", с винтовкой и иконой в руках, ведущий за веревку крестьянку. В правой стороне крестьянин с поднятыми руками и в ногах плачущий ребенок. В отдалении фигура красноармейца с мешком за плечами, погоняющий коров. Ввер-

ху написано: "Реквизиция иконы, жены и коровы советскими комиссарами"⁴. В очередной оперсводке указывалось: «С 1-го января с. г. отмечается массовое переселенческое движение кулаков в тайгу, едущих через Баксинский район (ежедневно проезжает 150—200 и до 300 подвод). Переселенцы временно устраиваются в земляных ямах или без всякого разрешения занимают квартиры и все теплые помещения, вплоть до скотных дворов и старожилов, живущих ранее в тайге, последние продают свои постройки кулакам по повышенным ценам и уезжают вглубь тайги». К этому чекистами давался комментарий: «Дано задание участковому [уполномоченному] ПП ОГПУ по С[ибирскому] К[раю] о регистрации проезжающих, а также о выявлении их настроений и намерений»⁵. В оперсводке от 5 февраля 1930 г. содержался уже более развернутый отчет о переселенцах в тайгу: «В течение 15 дней, с 15 по 31 января, нами зарегистрировано проехавших через район (Баксинский. — С.К.) в тайгу около 2 000 подвод, преобладающее большинство из которых кулаки нашего (Новосибирского. — С.К.) и др. округов. Движение переселенцев идет через с. Пихтовку на с. Черемшанку и Тетеринский с/совет. Второй маршрут через с. Пихтовку в Колпашево Нар[ымского] края. Третий маршрут — через с. Сидоровку Колыванского р-на на хутора Уголки, Вдовинского с/совета Баксинского района и на Белое озеро к границе Тарского округа. Едут по течению рек Кенга, Бакчар, Икса, Андарма, Парбик и Чая. Расселяются по самым глухим местам тайги Наркрая. Местные жители — старообрядцы и остяки — уезжают в глубь тайги от этих переселенцев еще далее на север. С осени уехали переселенцы из Челябинского округа, Урала. В настоящее время главным образом едут из Каменского, Славгородского, Барнаульского округов. С января значительно увеличилось переселение кулаков из Маслянинского, Бердского, Ордынского и Новосибирского районов нашего округа.

Некоторое незначительное количество переселенцев остается на жительство в пределах Баксинского района, заселяя преимущественно сельские советы, находящиеся в пограничной полосе с тайгой. <...> Все приезжающие в с/советах не регистрируются. Наблюдается эмиграция кулаков и из Баксинского района, нами зафиксировано 30 случаев. Организованный заградительный отряд, состоящий из 12 человек — милиционеров, с[ельских] исполнителей и комсомольцев в своей сфере деятельности имеет все три вышеуказанных маршрута. 4/И—30 г. отряд задержал 100 подвод с семьями. Арестовано 27 чел. главарей семейств, таковые направлены в Новосибирск.

Во время проведения следствия все заявили, что их в тайгу заставила ехать проводимая сплошная коллективизация, что у них имеются купленные хозяйства, в тайге есть много родственников»⁶.

Все отмеченные выше и задокументированные сибирскими чекистами приметы эпохи «Великого перелома» на рубеже 1929—1930 гг. еще не сложились в систему будущей «чрезвычайщины», названной современниками «раскулачиванием», но основные ее элементы уже проявились: крестьянское насилие в ответ на государственное; волнения «кулаков», принудительно отправленных на лесозаготовки; самоликвидация хозяйств и стихийное беженство в сибирскую тайгу уральских и местных «кулаков-переселенцев». Стихийное беженство заслуживает се-

рванного внимания и переосмысления прежде всего в плане выявления причин, масштабов и маршрутов следования «кулаков». С конца 1929 г. шел стремительно нараставший процесс «самораскулачивания», ликвидации крестьянами своих хозяйств, который являлся стихийной реакцией последнего на стихийно же шедшую «снизу» кампанию «раскулачивания». Масштабы процесса не удавалось установить даже чекистам, по оценкам которых только через Баксинский р-н в Нарымскую тайгу ежедневно проходило по 100—150 подвод, следовательно, за январь — от 3 до 4,5 тыс. семей. Отметим для сравнения, что в ходе депортации «кулаков 2-й категории», которая также заняла около месяца и протекала в экстремальных условиях, через Баксинский р-н в Нарымскую тайгу власти «прогнали» около 2 тыс. семей — вдвое меньше. Более же примечательным и символическим является то, что маршрутами «кулаков-беженцев» воспользовалось государство в целях депортации: в феврале—марте 1930 г. депортированные проследовали практически по всем трем зафиксированным чекистами направлениям, повторив путь бежавшего крестьянства.

Отнюдь не риторически звучит вопрос: была ли в тех условиях альтернатива безжалостному принудительному переселению? Документы ОГПУ высвечивают такую возможность. Речь идет об уже принявшем к тому времени массовый характер вынужденном переселении (в форме беженства) крестьянских хозяйств с запада на восток и с юга на север. Направления миграционных потоков (в глухую тайгу, с одной стороны, и в крупные города, на стройки — с другой), как уже отмечалось, послужили основой для маршрутов спецпереселения. Более того, государство с его мощным карательно-осведомительным аппаратом, судя по сводкам ОГПУ, было в состоянии контролировать ситуацию, а в случае необходимости и управлять ею. Иначе говоря, режим сознательно попустился представлявшейся возможностью свести к минимуму экономические и человеческие издержки переселения в обстановке уже начавшейся массовой коллективизации. Другой просчет властей, который вынужденно признавался ими *post factum*, состоял, по терминологии того времени, в сведении политической кампании «самоликвидации» к «голому раскулачиванию». На это обращало внимание как чекистское, так и партийное руководство Сибирского края. В «Итоговой докладной записке об экспроприации кулачества в Сибири», подготовленной информотделом ПП ОГПУ Сибкрая для краевой номенклатуры 25 апреля 1930 г., в частности, отмечалось: «Главенствующее условие экспроприации, что она должна явиться лишь следствием коллективизации, в установках районных и низовых организаций почти абсолютно отсутствовало, и в результате кампании раскулачивания в большинстве случаев, наоборот, была превращена в стимул коллективизации или в лучшем случае проводилась одновременно. В том и другом случаях являлась пугалом для принудительного загона в колхозы середняка и бедняка, которым зачастую предлагалось одно из двух: или идти в колхоз, или угрожали индивидуальным обложением, ссылкой, арестом, расстрелом и т. д., приводя нередко угрозы в жизнь <...> У ряда районных работников, и особенно у низовых сложилось мнение, что выселение в данное время кулачества является началом их физического уничтожения, и на

последовавшие директивы смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством»⁷.

О том же на межокружном партсовещании в апреле 1930 г. вполне категорично говорил и тогдашний председатель Сибкрайисполкома И.Е. Клименко. «В большинстве районов занимались сначала ликвидацией кулака, а затем коллективизацией <...> — отмечал он. — Эта чрезвычайно важная политическая кампания — ликвидация кулачества — превратилась по существу в техническую кампанию и вместо того, чтобы эту кампанию увязать с коллективизацией, мы взяли просто с молотка продали кулацкое имущество, а затем начали заниматься коллективизацией»⁸. Называя «раскулачивание» технической кампанией, Клименко был прав по форме. Архивные документы лишь в малой степени способны отразить картину царившего в деревне произвола и правового беспредела. Мародерство при «раскулачивании» и высылке, ставшее обыденным, поражает своей масштабностью. В первых рядах вершителей произвола нередко оказывались именно те, кто должен был претворять в жизнь параграфы инструкций и постановлений о сохранности и учете конфискованного имущества, — представители среднего и низового советского звена управления, милиции и т. д. Одни («активисты») грабили напрямую, другие — «цивилизованно»: пользуясь своим положением, они искусственно занижали стоимость отнятого имущества для того, чтобы затем самим скупать его практически за бесценок. При этом унижалось человеческое достоинство — капитал не меньший, чем движимое или недвижимое имущество.

Проводимая властями конфискационная политика, предварявшая высылку, а то и сопутствовавшая ей, преследовала несколько взаимосвязанных целей, одни из которых были явными, другие скрытыми. Цель экономическая в обстановке, когда государство, начав крупномасштабную коллективизацию, не имело достаточных материальных и финансовых ресурсов, заключалась в создании за счет средств и имущества, конфискованных у «кулаков», благоприятных стартовых условий для развития материально-технической базы колхозов. Целью социальной было уничтожение альтернативы колхозам — эффективных частных хозяйств, представленных к тому же активной и авторитетной в массе зажиточной частью деревни. Цель психологическая выражалась, с одной стороны, в демонстрации для тех, кто не хотел вступать в колхозы, единственной перспективы — быть высланными на Север, с другой — в вовлечении в «ликвидационную» кампанию как можно большего числа крестьян и превращении их в соучастников экспроприации.

Исследователи с недавнего времени вновь обратились к теме стоимости конфискованного у «кулаков» имущества, казалось бы очевидной для традиционной советской историографии, по утверждению которой к лету 1930 г. конфискованное имущество составило почти треть стоимости неделимых фондов колхозов. Отмечалось, что стоимость конфискованных средств и имущества при его описывании значительно, иногда вдвое, занижалась. С учетом этого правомерно предположить, что доля такого источника, каким являлась экспроприация «кулацких» хозяйств, в создании колхозного строя, должна быть на порядок больше. Кроме того, требует хотя бы относительной оценки удельный вес того имущества, которое при «раскулачивании» не дошло до неделимых

фондов колхозов. Так, по данным, приводимым Н.Я. Гушиным, к лету 1930 г. «у сибирских "кулаков" было конфисковано имущества на сумму примерно 15 млн руб., из нее свыше 11 млн руб. были переданы в неделимые фонды колхозов.

Стоимость конфискованного у "кулаков" имущества была крайне мала (326 руб. на хозяйство), даже по сравнению с 1929 г. имущественная состоятельность их сократилась более чем в 2 раза. Эти данные свидетельствуют (даже при учете таких факторов, как занижение стоимости "кулацкого" имущества при описи и его расхищении активистами), что было "раскулачено" значительное количество трудовых крестьянских хозяйств».

Во 2-м томе сборника «Трагедия советской деревни» опубликован примечательный документ, содержащий экспертную оценку данного вопроса финансистами, — «Справка Управления госдоходами Наркомфина СССР о стоимости конфискованного у кулаков имущества по данным на 25 июня 1930 г.»¹⁰. В «Справке» финансовые органы признавали, что точных итоговых цифр получить невозможно, поскольку конфискации производились без их участия местными исполкомами и карательными органами, «учет конфискованному имуществу во многих случаях не велся; нередки случаи, когда этих сведений нет не только в окружных органах, но и в районных и даже в сельсоветах»¹¹. Тем не менее ориентировочно стоимость конфискованного имущества одного хозяйства в среднем по стране составляла 564,2 руб. Колхозам была передана большая часть конфискованного имущества — 83 %, меньшая оставалась, по терминологии составителей «Справки», нераспределенной. «По частным сведениям, — говорилось в документе, — можно предполагать, что из этих 15 % часть имущества была продана с торгов в погашение долгов и недоимок кулацких хозяйств (что разрешалось законом от 1 февраля 1930 г.), часть имущества передана совхозам и другим государственным и кооперативным органам, а остальное осталось в распоряжении райисполкомов и сельсоветов»¹². Иначе говоря, финансовые органы оказались не в состоянии проследить, куда делась почти седьмая часть стоимости конфискованного у «кулаков» имущества. Возможно, здесь и находятся прямые «издержки» от «раскулачивания», связанные с действиями местных властей и сельского «актива». Обращает на себя внимание тот факт, что сибирские финорганы зарегистрировали большой разрыв между стоимостью конфискованного (15 млн руб.) и переданного колхозам (11 млн руб.) имущества репрессированных — примерно в 20 %. Стоимостная оценка «кулацкого» имущества в Сибири была существенно ниже, чем в целом по СССР (326 и 564,2 руб. соответственно). Поэтому логично предположить, что представителей не самой зажиточной части крестьянства, попавших под «раскулачивание», в регионе было больше, чем в целом по стране, масштаб мародерства при экспроприации хозяйств в крае превзошел общесоюзный показатель.

Примечательное и вполне самокритичное описание экспроприаторского натиска на сибирское «кулачество», натиска явно несоразмерного задачам по материальному и финансовому обеспечению высылки экспроприированных хозяйств, теперь уже за счет казны, дано в письме, которое в середине марта 1930 г. председатель Сибкрайисполкома Кли-

менко направил в СНК РСФСР. Автор письма просил выделить из резервного фонда правительства средства (до 1,5 млн руб.) на финансирование внутрикраевой высылки «кулаков»: «Следует отметить, что процесс раскулачивания в Сибирском крае начался до установления минимальных средств производства и потребления для кулацких хозяйств, и что процессы раскулачивания во многих случаях опережали процессы коллективизации, в силу этого у значительной части кулацких хозяйств были экспропрированы средства производства, продукты потребления, денежные ценности без учета норм[,] подлежащих оставлению у кулацких хозяйств.

Сейчас в связи с выселением кулацких хозяйств 2-й категории местные исполнительные комитеты Сибкрая поставлены перед необходимостью изыскать средства для покрытия этих расходов из каких-то других источников, так как в связи с проведенной почти полной экспроприацией кулацких хозяйств, получить средства от последних совершенно не представляется возможным»¹³.

Краевое чекистское руководство в уже упоминавшейся «Итоговой докладной записке об экспроприации кулачества в Сибири» от 25 апреля 1930 г. дополняло обрисованную ситуацию немаловажной деталью: «Действительно, в период стихийного раскулачивания (экспроприации) кулацкое имущество в ряде случаев подвергалось полному изъятию, а также в значительном количестве растаскивалось и разбазаривалось по дешевым ценам с торгов не только колхозам и коммунам, но и единоличным хозяйствам. Естественно, что это обстоятельство серьезно осложняло сбор натурфонда <...>»¹⁴ Тот же источник сообщал: «В связи с невыполнением своевременно округами постановлений СКИКа в части обеспечения выселяемых на Север кулацких хозяйств установленными натурфондами первоначальный план, детально и всесторонне предусматривавший все необходимые политические и экономические моменты, был сорван и повергнут существенному изменению <...>»¹⁵

О каких цифрах и коррективах шла речь? В чекистском документе указывалось: «Центром Сибкраю контрольная цифра по выселению кулацких хозяйств 2-й категории определена в 25 000 хозяйств. Последняя краевыми организациями, исходя из возросшей активности основной массы крестьян, выраженной в бурном движении батрацко-бедняцких и середняцких масс в колхозы, большого наличия в крае кулацкой прослойки была увеличена до 30 000 хозяйств, что к общему количеству в крае кулацких хозяйств (около 100 000 хозяйств) составляло 30 %, к числу индивидуально обложенных в кампанию ЕСХН — 29 г. (72 000 хоз-в) — 43 %, к общему количеству всех в крае крестьянских хозяйств (свыше 1 500 000) меньше 2 %»¹⁶.

В письме «наверх» Клименко объясняет, а по сути оправдывает действия местных органов (окружных и районных), «саботировавших» обеспечение высылки в требуемом объеме. «Будучи поставлены перед необходимостью обеспечить за счет местных бюджетов расходы по выселению кулацких хозяйств 2-й категории, — пишет он, — многие округа пошли на снижение количества хозяйств этой категории, подлежащих выселению в отдаленные местности»¹⁷. О том, насколько существенными оказались коррективы, внесенные описанными выше действиями местных органов среднего звена в «контрольные цифры» на вы-

сылку «кулаков», свидетельствуют данные таблицы, приведенной чекистами в «Итоговой докладной записке» (табл. 2). Обращают на себя внимание сведения о половозрастной структуре высланных крестьянских семей. Средний состав семьи, в которой взрослые (от 18 лет) мужчины, женщины, дети и подростки до 18 лет составляли соответственно 25,6, 28,0 и 46,4 %, был чуть более 5 чел. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., средний состав сельской семьи в Сибири равнялся 5,5 чел. Однако если эти показатели сравнить с данными налоговой статистики конца 1920-х гг., согласно которым средние размеры семей сибирских «кулаков» достигали 8,49 чел. (среднячкой — 5,88, беднячкой — 4,13), то нетрудно сделать вывод, что в ссылку отправляли семьи, близкие по характеристикам к середняцким, по принятой тогда терминологии. Удельный вес детей и подростков в составе репрессированных крестьянских семей был даже несколько ниже общесибирского показателя в составе сельского населения, по переписи 1926 г. (около 48 %). Таким образом, даже с учетом экстраординарных обстоятельств (арест и «изоляция», а также бегство части мужчин — глав семей), которые проявились в разрыве в 2,4 % показателей долей взрослых мужчин и женщин в составе семей высланных, можно предположить, что высылке подвергались в основном обычные по своим демографическим характеристикам крестьянские семьи

Таблица 2

Выселение кулацких 2-й категории в крае.
На конец апреля 1930 г.*

№№ п/п	Наименование округов	Контр. цифра по выселению 2-й кат., установленная Краем	Фактически выселено					
			Всего семей	% выполнения контр. цифры	Из них			Всего людей
					Мужчин старше 18 лет	Женщин старше 18 лет	Детей до 18 летн. возраста	
1	Омский	4630	3176	68	3412	3448	4563	11423
2	Славгородский	2916	1097	37	984	1546	3032	5562
3	Барабинский	1532	1371	89	2180	2182	3243	7605
4	Н-Сибирский	2964	501	17	780	735	825	2340
5	Барнаульский	3291	1617	50	1958	2751	4234	8943
6	Бийский	2727	1899	69	3250	3610	5708	12568
7	Рубцовский	1022	255	22	291	262	431	984
8	Томский	1022	255					
9	Кузнецкий	725	632	87	857	794	1089	2740
10	Ачинский	848	447	52	780	823	2309	3921

№№ п/п	Наименование округов	Контр. цифра по выселению 2-й кат., установленная Краем	Фактически выселено					
			Всего семей	% выполнения контр. цифры	Из них			
					Мужчин старше 18 лет	Женщин старше 18 лет	Детей до 18 летн. возраста	Всего людей
11	Минусинский	703	679	96	969	1003	1492	3464
12	Хакасский	354	354	100	548	555	858	1961
13	Красноярский	857	426	50	566	702	899	2167
14	Канский	1218	858	70	683	990	1901	3574
15	Иркутский	1264	298	23	413	330	654	1397
16	Ойротия	309	236	76	296	347	544	1187
17	Каменский	1938	512	26	821	843	955	2619
	ИТОГО	30000	16025	53,4	21265	23381	38276	82922

* ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 66.

Первая (но не последняя) акция массовой экспроприации и высылки крестьянских хозяйств в необжитые районы породила массу проблем, которые были проработаны лишь на бумаге и наспех. Основной из них оказалась организационно-управленческая: отсутствовал механизм выработки и реализации решений на разных уровнях системы власти. «Раскулачивание» и высылка выявили массу нестыковок внутри этой системы. Экспроприацию хозяйств осуществляли низовые органы власти силами «актива» при неэффективном контроле со стороны работников районного (среднего) звена. Высылку со стороны карательных органов обеспечивали органы НКВД при контроле за этим со стороны аппарата ОГПУ, которому, однако, пришлось брать на себя далеко не свойственные функции по межведомственному согласованию чисто технических вопросов: предоставление транспорта, натурфондов, средств на конвоирование, «отсев» ошибочно экспроприированных семейств на сборных пунктах и т. д.

В разработанной чекистами модели операции не учитывалась поведенческая реакция на происходившее не только крестьян (что в какой-то степени было ожидаемым), но и ведомств, оказывавших противодействие (допустимо говорить о бюрократической «волынке»). В действиях государственных органов районного уровня совершенно отчетливо прослеживался местнический подход. Они стремились переадресовать проблемы высылки в округ. Окружные власти были заинтересованы в выдворении репрессированного крестьянства за пределы своего округа с минимальными затратами и издержками. Впрочем, руководители округов, выслывавших «кулаков» и принимавших их для расселения, не придерживались единой позиции. В ряде случаев оспаривались, и на впол-

не резонных основаниях, маршруты высылки «кулаков». Руководство Красноярского окрисполкома в телеграмме в крайисполком от 27 февраля 1930 г. указывало: «Нами намечалось место высылки сначала Ярцево — Туруханск — Вельмо, затем Ворожейский участок, малообжитый, но позволяющий занятие сельским хозяйством и лесозаготовками в районе Томско-Енисейской железной дороги. Вами этот участок занят для переселения кулаков из Ачинска, нам рекомендуем Ярцево — Туруханск. Этот участок неудобен за дальностью следования (семьсот километров от Енисейска и столько же за). Занятие хлебопашеством невозможно, потребуется завоз ежегодно тридцати—сорока тысяч хлебофуража. Возможно занятие лишь рыболовством, охотой негде. Остается чрезвычайно короткий срок для проезда такого длинного пути до начала распутицы»¹⁸. Красноярцам удалось убедить краевые органы в своей правоте и избежать крайне затратного и действительно нерационального варианта размещения «своих» и высланных из других округов «кулаков».

Новосибирский окрисполком 27 февраля 1930 г. направил в крайисполком докладную записку с объяснением невозможности переправить намеченным маршрутом в планируемые сроки «кулацкие» хозяйства из Новосибирского (2 964 хоз-ва) и граничившего с ним Каменского округа (1 938 хоз-в). «Если округ и сумеет обеспечить выселяемые хозяйства продовольствием, семенами и сеном за счет сокращения посевной площади, то доставка продфуража до пункта, намеченного ГПУ на р. Галке, является совершенно неразрешимой задачей <...> Для перевозки гужом такого громадного количества груза, как 578 191 пуд, потребуется мобилизация в порядке трудгужповинности из расчета по 20 пудов полезного груза на лошадь <...> 28 909 лошадей и 1 сопровождающего на 4 подводы <...> 7 227 чел. <...> Учитывая, что конечный пункт Баксинского района — п. Черемшанка — не может пропустить в сутки более 500 подвод, вся переброска может быть закончена только в 57 дней, тогда как 15 апреля на Севере дороги портятся и проезда нет.

Приведенные выше расчеты ясно показывают, что данное Новосибирскому округу задание не реально и составлено без учета гужевой доставки на расстояние 370 верст.

Выполнение этого задания гибельным образом отразится на посевной кампании, т. к. лошади не в состоянии будут работать и потребуют продолжительного отдыха»¹⁹. Как показали события, опасения окружающих функционеров не были напрасными: через Баксинский р-н до распутицы удалось «пропустить» лишь около 1 тыс. «раскулаченных» семей из почти 5 тыс., определенных «контрольными цифрами».

Руководство Томского окр., где располагался Нарымский край — основное место вселения высланных «кулаков» Западной Сибири, также считало наиболее «узким» местом транспортную перевозку людей и грузов. «Для перевозки хлеба и фуража, перевозки вещей в пункты концентрации требуется мобилизация около 20 000 подвод (все расчеты сделаны только для переброски натурфондов кулацких х-в, проходящих непосредственно через г. Томск), что является громадной дополнительной нагрузкой к заготовкам леса, перевозкам сена, перевозкам нарымских грузов (рыба, орех и т. д.).

Все это вместе взятое вызвало резкое ухудшение настроений во всех районах, прилегающих к Нарымскому тракту, так как кулацкие обозы являются "саранчой" для тех населенных пунктов, через которые они проходят. На остановках они буквально поедают все: фураж, продовольствие»²⁰.

За рамками подобного рода ходатайств «наверх» часто оставалось желание местных органов извлечь определенную выгоду из сложившейся ситуации сохранив на местах хороших «кулацких» лошадей, отправить с обозами слабых и больных животных. Надзорные органы в лице ОГПУ отмечали как «повсеместное» следующее явление: «Выселяемые кулацкие хозяйства в отдельных случаях снабжались рваной сбруей, ломаными санями, телегами и самыми плохими лошадьми-клячами не только в силу отсутствия, но и даже когда у выселяемого кулацкого хозяйства имелись они доброкачественные, последние сельсоветами отбирались, в некоторых случаях даже в момент отправки или погрузки, и заменялись худшими, лишь бы сдать с рук количество»²¹. В ходе отправки чекистами выявлялись случаи, которые даже им казались вопиющими, правда, с точки зрения надзирающих за обеспечением лошадьми и натурфондами: «В Ленинском РИКе (Кузнецкого окр. — С.К.) только лишь в последний момент хватились, что у них недостает несколько семей до принятой ими контрольной цифры, и, чтобы выйти из положения, райисполкомом было несколько семей без достаточной проверки отнесено ко 2-й категории из близлежащих к районному центру селений и доставлены на пункт в момент погрузки *с отсутствием обеспечения полагающимися нормами натурфонда и нехватки лошадей* (курсив наш. — С.К.)»²².

В свете отмеченного очевидна важность выявления роли и функций, которые отводились органам ОГПУ в обеспечении процесса высылки крестьян в Центр и на местах. Канадская исследовательница Линн Виола, автор обстоятельной статьи по этому вопросу²³, на основе анализа значительного круга документов, в т. ч. делопроизводства ОГПУ, делает вывод о том, что в конце зимы — начале весны 1930 г. «ОГПУ, похоже, играло в операции комбинированную роль дирижера, органа информации, аварийного мастера и сигнальщика. Организационная структура оставалась хаотической»²⁴. В этот список функций следует добавить еще одну, весьма значимую в тот период, — фильтровальщика. Важным звеном в технологии проведения депортации выступали созданные во всех округах в местах концентрации «кулаков» контрольно-пропускные пункты (КПП) ОГПУ, в некоторых документах они именовались сборными пунктами. Им предшествовали созданные в каждом районе свои сборные пункты, своего рода первичные накопители, куда доставляли семьи из деревень, поселков и сел. Как и районные «опертрройки», коменданты КПП обладали исключительными для того момента полномочиями по надзору, пересмотру судеб тех, кто был числен, возможно ошибочно, к «кулакам 2-й категории». Кроме того, на них возлагались контрольные функции по проверке обеспечения поступавших на пункты «раскулаченных» гужевым транспортом и натур- и продфондами. Коменданты наделялись правом в случаях «недоснабжения» высланных задерживать их отправку до получения из районов высылки лошадей, инвентаря, фуража, продовольствия. Иначе говоря,

как отмечает Л. Виола, такие «фильтры», если и не предотвращали, то в известной мере смягчали размеры крестьянской трагедии, развернувшейся в марте 1930 г. Добавим при этом, однако, что действия чекистов были направлены главным образом на минимизацию затрат и издержек, которые неизбежно сопровождали депортации.

О характере деятельности сборных пунктов, расположенных на территории Новосибирского окр., можно составить представление по сводкам о состоянии Ордынского и Баксинского КПП. Оба функционировали с 27 февраля до середины марта 1930 г. с целью «приемки и дальнейшей переправки выселяемых кулаков 2-й категории на места расселения»²⁵. Ордынский КПП, расположенный на пути следования «кулаков» из Каменского в Томский окр., работал недолго, но результативно. Комендант приостановил более чем на неделю переправку нескольких партий «кулаков» до «получения из Каменского округа недостававшего до нормы фуража и инвентаря»²⁶. Баксинский КПП, оказавшийся основным для переправки «раскулаченных» из Новосибирского окр. в Томский, работал непрерывно весь этот период. Только с 1 по 8 марта 1930 г. через него прошла 401 семья (1 756 чел.). На КПП возлагалась также и чисто бюрократическая функция — проверка документации выселяемых. Уже тогда чекистами отмечалась характерная черта, порождающая хаосом «ликвидаторства»: «...на многие кулацкие хозяйства, прибывающие из отдельных районов, не оформлены соответствующим образом препроводительные документы, нет списков выселяемых кулаков, списков инвентаря и т. д.»²⁷. Даже беглая проверка позволяла установить массовый характер «перегибов» при высылке. «Директива партии и правительства, — указывали чекисты, — о недопустимости экспроприации и выселении середняцких хозяйств местами грубо нарушена, и под экспроприацию и выселение подпало большое количество середняков и др[угих] лиц, не могущих быть отнесенными к кулакам (служители религиозного культа, кустари и т. д.). Всего по округу нами зафиксировано 338 случаев — фактов включения середняков в списки кулаков, причем у большинства из них сельсоветами было описано их имущество и частично экспроприровано!,] и сами они были выселены вместе с кулаками и доставлены на сборные пункты, и только районными опертройками дальнейшее выселение приостановлено, и сами они возвращены к месту прежнего жительства»²⁸. По масштабам чекистского «отсева» нетрудно установить долю жертв «раскулачивания» в округе. Через КПП прошло и отправлено в ссылку 1 864 хозяйства, с учетом возвращенных (338 глав семей) поступило на сборные пункты из районов 2 202 хозяйства. Удельный вес возвращенных составил примерно 15 % от общего числа направленных на высылку хозяйств.

Очевидно, что некоторая «фильтрация» состава высланных не избавляла основную массу от трагедии зимней депортации. В телефонограмме в Новосибирск 13 марта 1930 г. уполномоченный окрисполкома Машинистов, работавший вместе с чекистами на Баксинском КПП, обрисовывал ситуацию следующим образом: «...проследовало 8 районов, из них на Галку (река в Томском окр. — С.К.) 290 хозяйств, более благополучно прошел Алексеевский, другие деморализованы. Положение с заброской хлебофуража угрожающее, доходящие до Пихтовки подводы

дальше идти отказываются и разбегаются. Лошади пристают, зафиксирован ряд случаев падежа. По пути разбрасываются инвентарь, продовольствие и вещи, как правило, уполномоченные районов за небольшим исключением безответственные и бездеятельные. Бердские кулаки и подводчики прошли без продовольствия. Продолжаются отчаянные бураны, дорога разрушена <...>²⁹ Аналогичные описываемым события происходили в тот же период и в других округах Сибири. По данным оперсводки ОГПУ, в Барнаульском окр. «в результате бурана, принявшего колоссальные размеры, 5/III на погруженном пункте Алейск при отправке кулацких семейств в степи замерзло 22 лошади и обморозилось 4 кулацких семьи»³⁰. Драматическое восприятие происходившего очевидцами отразилось в спецсводке ОГПУ от 10 марта 1930 г.: «...масса крестьян Баксинского района, середняки и бедняки, до сих пор не уяснила себе, куда и почему высылают кулаков, истолковывая это выселение как признак скорой войны и переворота власти»³¹.

Атмосферу происходившего в эти дни воспроизводили не только чекистские источники, но и донесения разных функционеров, занимавшихся высылкой. Ниже приводится характерное описание событий, составленное уполномоченным Ф. Ведрашко, оказавшимся прямо в центре событий, в одном из сельсоветов Баксинского р-на, через который непрерывной чередой шли обозы с «кулацкими» семьями.

«Высылка кулаков лечебно действует на проведение сплошной коллективизации. Это бесспорно. Но в тех с/советах и поселках, где до этого не было выявлено кулацких элементов, то сейчас при бешеном темпе выявления кулачества попадает очень много середняков, на что следует обратить особое серьезное внимание, т. е. отдельные середняцкие деревни очень сильно насторожились, так как они не гарантированы, что не подпадут в категорию лишенцев и высылке. Тем более актив деревни под сильным накачиванием райактива начинает ссориться с середняком, благодаря его упорности идти в коллектив или коммуну. Этот особо важный момент нужно серьезно учесть, иначе не на кого будет опереться в своей дальнейшей работе, несмотря, что батрацкий актив растет, но он очень слаб в своей идеологической классовой работе. Он работает до тех пор, пока ты с ними работаешь, а как только пересташь, то этот актив быстро растворяется под влиянием чуждой пролетариату идеологии <...>

О кулаках и их выявлении.

Если во время хлебозаготовок 1929 г. по Баксинскому району было выявлено кулаков до этого ничтожное количество, то в настоящее время выявлено их достаточно много. Привожу пример: по Старо-Атузинскому с/совету, во время хлебозаготовки не было ни одного кулака, за исключением двух дворов, обложенных индивидуально дополнительно по сдаче хлеба. В настоящее время, а особенно с представлением Баксинскому району 40 кулацких дворов на высылку, с этого момента начинается бешеный темп по выявлению кулачества, причем в течение нескольких дней по указанному выше Ст.-Атузинскому с/совету выявлено около двух десятков кулацких хозяйств, а этот темп продолжается и в дальнейшем. Несомненно, что в числе этих двух десятков найдутся 20 % кулаков-спекулянтов, торговцев, которые пять лет тому назад были кулаками, а в настоящее время являются середняками, а ос-

тальные являются сомнительными кулаками, а их считают кулаками по их идеологии и психологии.

В настоящее время все они лишены права голоса и их имущество взято на учет. Когда эти кандидатуры обсуждали на активе и в группе бедноты и составляли на каждого характеристику, то беднота подходила критически и осторожно, несмотря на это РИК и РК упрекали, что не довыявляем, и не давали достаточно характеристики, так как они зачастую судят о работе актива и уполномоченных по количеству довыявленных кулаков и числу коллективизированных дворов. Такое явление имеется и по другим сельсоветам.

28.11 с. г. мы подняли к отправке своих кулаков по Ст.-Атузинскому с/совету. В этом поселке около 70 дворов, откуда отправили трех кулаков, в том числе кулака Аникина Н. В этом поселке числилось 15 дворов единоличников, а остальные дворы все кумовья, родичи и родня. Все они провожали довольно торжественно и трогательно. Кровь бешено кипела во всех. У нас совершенно не было никакого оружия. Когда подвода тронулась, один из кулаков зашел в хату, схватил первую попавшуюся из шести икон и стал разбивать ее вдребезги. Это был самый жуткий момент отправки кулаков. Старики и старушки дрожали, что осенний пожелтевший лист. Хорошо, что обошлось благополучно. В это время из других районов стали стекаться вереницами сотни подвод с кулаками. Причем в Баксинском районе образовалась пробка. Отчасти по отсутствию помещения и прочей слабой подготовки. Ночью кулаки и их семьи ходили по крестьянским дворам и просили хлеба. При выезде из района 4 марта по дороге встречались десятки, сотни подвод, идущих по направлению к Пихтовке. 5 марта поднялась сильная пурга и, несмотря на это, кулацкие подводы были отправлены в дорогу, так как в некоторых деревнях скопилось до 500 подвод. В эту же ночь, ночуя в 10 верстах от Колывани, некоторые крестьяне рассказывали о жутких картинах, а некоторые женщины просто выражались "это жестокое зверство замораживать в такую погоду детей", говорили, что были даже похороны замороженных детей, отправляемых кулаков, а в некоторых снях лежали по 3—4 замороженных ребенка.

По остальным вопросам напишу дополнительно.

P.S. Участвуя непрерывно в гражданской войне с 1917 по 1922 г., я не получил такого впечатления, как за эти два месяца моей работы в Баксинском районе по коллективизации и весенней с.-х. Кампании. Это настоящая социальная коренная революция в деревне, только в мирной обстановке»³².

Основные параметры, количественные показатели проведенной в Сибири с 25 февраля до начала апреля 1930 г. карательной операции по высылке «кулаков 2-й категории» в целом нашли отражение в ряде публикаций. Вместе с тем в них нет ответа на вопрос, в силу каких причин был сорван план самой высылки (депортировано около 60 % намеченных к высылке хозяйств). Новизна и масштабность осуществлявшихся репрессий, безусловно, сыграли в этом решающую роль. Однако ход депортации во многом зависел от времени года и способов ее осуществления в условиях Сибири. То, что изначально чекисты считали условием успеха при проведении операции (заброска высланных гужевым транспортом зимним путем в районы, природные условия которых за-

трудняли или практически исключали массовое бегство с наступлением весны—лета), на деле оказалось осложнявшим действия властей фактором. Организационные неувязки, среди которых на первый план вышли необеспеченность разоренных и высылаемых хозяйств «натуральными фондами» (продовольствие, семена, корма и т. д.), наложились на проблему организации транспортировки. Достаточно сказать, что только половина из 16 тыс. хозяйств передвигалась сначала обозами до железнодорожной станции и станции разгрузки, а далее гужом до места расселения; остальным в зимнее время пришлось преодолевать весь маршрут, движение по которому заняло две-три недели, гужом. Масштабы бегства и смертности в дороге не нашли отражения в документах официального делопроизводства. Что же касается масштабов перевозок, то они оказались зависимыми от количества мобилизованных властями возчиков и лошадей с упряжью и санями: до начала весенней распутицы в тайгу вывезли столько, сколько сумели. Ввиду отсутствия сводных данных о численности возчиков и лошадей, вовлеченных в Сибирь в обеспечение «крестьянской ссылки» в феврале—апреле 1930 г., сделаем простейшие подсчеты, основываясь на сведениях о Барабинской «операции»: для переброски 1 500 крестьянских семей и грузов для них потребовалось 12 тыс. лошадей (возчик на три-четыре подводы). Следовательно, для внутрисибирской депортации 16 тыс. крестьянских семей и обеспечения их грузами потребовалось мобилизовать до 100 тыс. лошадей и 25-30 тыс. возчиков. В порядке сравнения заметим, что для проведения хозяйственной кампании по лесозаготовкам в Западной Сибири зимой 1932 г. потребовалось мобилизовать около 84 тыс. конных подвод³³. Иначе говоря, в начале 1930 г. только один элемент депортации (гужевые перевозки людей и грузов) потребовал колоссальных трудовых и материальных затрат, которые государство весьма прагматично переложило на плечи того же крестьянства.

Осуществленная по разверстке «сверху» первая массовая депортация уже в процессе ее реализации столкнулась с проблемой того, каким образом проводить грань внутри экспроприруемого крестьянства — между «кулаками 2-й категории» (высылаемые в отдаленные районы) и «кулаками 3-й категории» (расселяемые в пределах районов своего проживания). Карательные органы, сосредоточив основные усилия на решении задачи по обеспечению высылки семей «кулаков 2-й категории», хлопоты об оставшихся в деревне «раскулаченных» переложили на местную власть. Руководство краевого представительства ОГПУ, оценивая ситуацию в сибирской деревне после завершения указанной операции, приводило цифры, свидетельствовавшие о кризисности положения: в январе—марте 1930 г. из 76 710 «явно кулацких хозяйств, обложенных индивидуально», до 60 тыс. «подверглось фактическому раскулачиванию», при этом высылка коснулась чуть более 16 тыс. хозяйств, а расселение — 1—1,5 тыс. хозяйств. «Таким образом, суммарно мы имеем до 60 000 кулацких хозяйств, оставшихся на месте, сейчас экономически разоренных и нестроенных, озлобленных», — указывали чекисты в докладной записке в крайисполком 25 апреля 1930 г.³⁴ Свои оценки ситуации, сложившейся в сибирской деревне после завершения массовой депортации крестьянских семей, чекисты дополнили материалами таблицы (табл. 3).

Таблица 3

«Раскулачивание» в крае по данным на конец апреля 1930 г.*

Наименование округов	Кол-во явно кулацких хозяйств в	Фактически раскулачено						Бежавших	
		Всего	Из них					с семьями	без семей
			по пяти-кратке	по судебным решениям	в порядке последних мероприятий	самоликвиди-	прочим причинам		
Омский	12 170	8 430	1 893	2 316	2 747	942	532	635	929
Славгородский	4 876	4 731	897	1 232	1 236	1206	160	801	515
Барабинский	4 732	3 584	1 103	672	1 529	280	—	41	202
Н-Сибирский	5 691	4 768	545	364	2 587	169	1 103	365	415
Каменский	4 433	3 357	697	299	1 212	270	879	357	452
Барнаульский	7 507	6 370	1 105	1 364	2 908	368	625	591	745
Бийский	8 300	5 594	1 978	395	3 085	85	51	39	63
Рубцовский	5 204	5 017	2 645	185	2 102	85	—	117	243
Томский	2 961	984	172	408	310	72	22	79	300
Кузнецкий	2 097	2 357	1 483	197	569	108	—	196	360
Ачинский	3 082	2 804	974	524	905	88	313	183	29
Минусинский	3 675	2 889	796	797	1 168	128	—	71	162
Хакасский	854	848	—	459	389	—	—	1	11
Красноярский	2 053	1 507	99	100	1 274	29	5	29	69
Канский	3 175	2 573	172	173	2 156	72	—	55	150
Иркутский	4 739	2 279	59	976	1 138	106	—	56	244
Ойротия	785	1 146	88	167	886	—	5	13	34
ИТОГО:	76 334	59 238	14 706	10 628	26 191	4008	3 695	3 629	4 923

- ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 65.

Как показали события, развернувшиеся во второй половине 1930 г., неопределенность статуса оставшихся на местах экспроприированных хозяйств позволяла местным советским и хозяйственным органам обращаться с крестьянами самым бесцеремонным образом. Так, летом—осенью того же года в соответствии с директивами крайисполкома в районах Западной Сибири для работы на важнейших стройках и действовавших предприятиях края — от объектов Кузнецкстроя до леспромхозов системы Сиблестреста, было мобилизовано около 9 тыс. трудоспособных крестьян. В этом случае, как и при высылке, семьи оказались разделенными, хотя режим надзора над трудмобилизованными не отличался жестокостью (в ноябре 1930 г. даже имел место «отпуск раздетых» крестьян численностью около 1 тыс. чел. из предприятий домой)³⁵.

По данным комендантского отдела крайисполкома, в чьем ведении к концу 1930 г. оказались и спецпоселки «расселенного кулачества», в 90 районах Запсибкрая численность этой категории достигала

30 тыс. чел. Отсутствие нормативных положений единой системы управления позволяло карательным органам говорить о бесперспективности дальнейшего существования поселков³⁶.

События конца 1930 — начала 1931 г. показали, что в решении проблемы дальнейшего проведения массовой коллективизации власть оставалась на позициях силового принуждения. Экспроприированные крестьяне, еще остававшиеся в своих или близлежащих деревнях, оказывались удобным объектом для государственного насилия и демонстрации того, чего можно было ожидать единоличникам от власти в будущем.

Следующая, еще более значительная, чем предыдущая, волна массовой, в масштабах всей страны, депортации крестьян, потребовавшая немалых усилий различных ведомств и организации, прокатилась весной — летом 1931 г. В Западной Сибири внутрикраевая высылка затронула примерно 40 тыс. семей, что на этот раз соответствовало и «контрольной цифре» директивных органов Центра. Однако еще зимой-весной 1931 г. на территории ряда районов Западной Сибири была осуществлена первая «инициативная» локальная депортация. В отличие от массовых высылки, проводившихся в 1930 и 1931 гг., она была «скромных» размеров — репрессиям подверглось менее 1 тыс. крестьянских семей. С.А. Папков в своем исследовании отмечает, что основанием для локальных репрессий явилось наступление в конце 1930 г. очередной фазы коллективизации. 11 декабря 1930 г. Западно-Сибирский крайком партии принял решение о «специальных репрессивных мерах против кулачества». В каждом из 20 районов, где предстояло ускорить темпы организации новых колхозов, до 20 января 1931 г. предлагалось экспроприировать и выслать в уже созданные спецпоселки по 20—50 крестьянских хозяйств. Первая локальная высылка коснулась 725 семей (3 340 чел.)³⁷. Отложившийся в делопроизводстве крайкома партии доклад комендантского отдела крайисполкома «по проведению операции выселения кулаков из 21 района Западно-Сибирского края» позволяет выявить технологию ее осуществления³⁸. По сведениям комендантского отдела, из 21 района предстояло депортировать всего 725 семей (3 340 чел.). В момент экспроприации и высылки, а также в пунктах посадки и по пути следования было зафиксировано около 70 случаев побегов одиночек и целых семей. Через распределительные пункты прошло 3 072 чел.³⁹ Карательные органы «потеряли» в процессе проведения операции около 10 % намеченных к депортированию. В Исылкульском р-не, где побегі приобрели массовый характер (в семи сельсоветах бежало 12 глав «кулацких семей») «по причинам преждевременной раеконспирации фамилий, подлежащих выселению, и способствованию в побеге председателей сельсовета», председатель одного из сельсоветов и районный уполномоченный были отданы под суд⁴⁰.

Уже на начальной стадии карательной операции выявилось очевидное противоречие между установкой «сверху» на самообеспечение высланных хозяйств «проднатурфуражными фондами» и лошадыми и реальным положением дел — еще в 1930 г. имущество, скот и инвентарь подавляющего большинства намеченных к высылке семей были экспроприированы либо конфискованы за неуплату повышенных налогов (кратирование). В ответ на запросы с мест руководство крайкома отвергало как «политически неправильное» решение некоторых уполномо-

ченных брать лошадей и фондовые запасы из колхозов и рекомендовало «снизить норму до одной лошади на два хозяйства» и «несколько снизить нормы натурфондов»⁴¹.

Ситуация с «изысканием натурфондов» для высылаемых «кулаков» не улучшилась и к концу операции. Обеспеченность высланных лошадами достигала 90 %, однако 40 % из них составляли старые и истощенные животные, из них 18 % пали в пути следования. Запасы муки составляли около 40 % от установленных норм снабжения. Такой же низкой была доля перевозимого для лошадей фуража (овес и сено). Карательные органы вынуждены были констатировать, что имевшихся лошадей, с учетом их состояния, было недостаточно для заброски в комендатуры одновременно с семьями их имущества, продовольствия и «натуральных фондов»⁴².

Следующая по времени локальная высылка крестьянства из ряда районов «сплошной коллективизации» проводилась во второй половине марта 1931 г. и затронула 14 районов преимущественно на юге Западной Сибири. Созданная распоряжениями краевых партийных и советских органов специальная комиссия определила контрольные цифры по отдельным районам и в целом — почти 2,5 тыс. хозяйств⁴³. С учетом географической близости некоторых районов к территориям уже имевшихся комендатур предусматривалась переброска репрессированных крестьян из бывшего Омского окр. в Кулайскую, Барабинского окр. — в Шерстобитовскую, а из районов Алтая — в Галкинскую комендатуры. Поскольку в архивах пока не выявлены итоговые отчетные документы о высылке, проведенной весной 1931 г., нельзя утверждать, что она состоялась в полном объеме и в намеченные сроки. Разрозненные сводки из отдельных районов, поступавшие в краевые партийно-советские органы, фиксировали черты, характерные для зимней высылки. В ходе карательных акций 1931 г. впервые появился термин «довыявление кулаков». Он был связан не столько с работой налоговых органов, сколько с кампанией по восполнению числа выявленных «кулаков», но бежавших из мест проживания. «Довыявление кулаков» проводилось форсированным образом под эгидой краевых и районных уполномоченных. Так, в ряде сельсоветов Карасукского р-на бежавшие «кулаки» (одиночки и с семьями) составляли до половины и более от числа намеченных к высылке⁴⁴. Есть основания предполагать, что только часть репрессированных крестьян попала в комендатуры зимой, до распутицы, оставшиеся растворились в ходе самой значительной высылки, охватившей в мае — июне 1931 г. уже все районы Западной Сибири, в ходе нее, как отмечалось выше, было выслано примерно 40 тыс. хозяйств.

Первые подготовительные шаги к тому, чтобы окончательно «очистить» уже «колхозную деревню» от «кулаков», были предприняты в Центре в феврале—марте 1931 г. Роль инициатора и движущей силы новой кампании по «раскулачиванию» взяло на себя руководство ОГПУ, которое, получив после расформирования в конце 1930 г. НКВД союзных республик полную свободу в области карательной политики и использования принудительного труда репрессированных, воспользовалось ситуацией в полной мере. 20 февраля 1931 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) после обсуждения, в ходе которого выступили И.В. Сталин, В.Р. Менжинский и Г.Г. Ягода, было принято постанов-

ление «О кулаках», в котором ОГПУ поручалось «определить и подготовить в течение 6 месяцев районы для устройства кулацких поселков тысяч на 200—300 кулацких семейств под управлением специально назначенных комендантов, имея ввиду прежде всего районы Казахстана южнее Караганды». Далее указывалось: «Возложить наблюдение за происходящим в настоящее время выселением и расселением раскулаченных кулаков на заместителя председателя СНК СССР т. Андреева. Предложить ОГПУ согласовать с т. Андреевым все вопросы, связанные с выселением кулаков, а в случае отсутствия т. Андреева с т. Молотовым»⁴⁵. 11 марта 1931 г. Политбюро окончательно утвердило состав специальной комиссии, которая должна была «наблюдать» за «кулаками» и спецпереселенцами. В нее вошли, как это и полагалось по регламенту, три человека: А.А. Андреев (председатель), зам. Председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и секретарь ЦК ВКП(б) П.П. Постышев. 18 марта 1931 г. на первом заседании и первым пунктом повестки дня был заслушан доклад полпреда ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Л.М. Заковского «О переселении кулацких хозяйств в Зап[адно-]Сибирском крае».

В постановляющей части указывалось:

«1. Принять предложение Заковского о переселении в Северные районы Зап[адно-]Сиб[ирского] края в течение мая—июня—июля 1931 года 40 000 кулацких хозяйств.

2. Вселение кулацких хозяйств произвести в следующие районы Зап[адно-]Сиб[ирского] края: Каргасокский, Парабельский, Колпашевский, Чаинский, Кривошеинский, Баксинский, Ново-Кусковский, Зырянский и др. —

3. Предложить Сиб[ирскому] крайкому начать немедленную подготовку к выселению кулачества. Руководство выселением и ответственность за проведение самой операции возложить на Полномочного представителя ОГПУ Зап[адно-]Сиб[ирского] края т. Заковского.

4. Выселяемые кулацкие хозяйства должны быть использованы для освоения черноземных массивов в указанных выше районах (пункт 2) под сельское хозяйство, а также в качестве рабочей силы для лесных работ соответствующими хозяйственными организациями.

5. Разрешить кулацким хозяйствам взять с собой необходимый минимум сельскохозяйственных орудий, тягловой силы и др[угие] орудия производства (топоры, вилы, лопаты и т. д.).

6. Обязать выселяемые кулацкие хозяйства взять с собой при переезде на места вселения необходимый запас продовольствия, установив на месте необходимые к перевозке размеры его <...>

9. Предложить СНК СССР отпустить ОГПУ 3.000.000 руб. на расходы, связанные с переселением кулацких хозяйств в пределах Сибкрая⁴⁶

Обращает на себя внимание несколько обстоятельств, нашедших отражение в упомянутом постановлении. Заковский оказался первым среди региональных представителей ОГПУ, кто подготовил и представил «наверх» план не только высылки, но и размещения выселяемых хозяйств. В нем нашли отражение как опыт, так и просчеты первой волны массовой депортации зимой—весной 1930 г. Высылка была намечена на конец весны — середину лета, явно с учетом крайне неудачной по сезону депортации 1930 г. Предусматривалась также более ра-

циональная организация обеспечения репрессированных продовольствием, фуражом, рабочим скотом: на смену «голому раскулачиванию» пришел разрешительный принцип — теперь выселяемым можно было брать с собой «необходимый минимум» всего того, что экспроприировалось в 1930 г. Очевидно, организаторы операции отдавали себе отчет в том, что будут иметь дело прежде всего с уже разоренными и хозяйственно надломленными семьями, которые более не являлись «зажиточными».

Благодаря тому, что ведомство Заковского обязывалось готовить и проводить депортацию местных «кулаков» по согласованию с региональным партийным руководством, в делопроизводстве последнего оказалась подготовленная чекистами (вероятно, не позднее середины апреля) «Докладная записка по вопросу размещения 40 тысяч выселяемых хозяйств сибирского кулачества в северные районы края»⁴⁷. Чекисты руководствовались тем, что в 1931 г. вселение не должно повторить экстраординарную ситуацию предыдущей акции, которая потребовала спешно пересмотреть списки запланированных под расселение районов. Теперь основная ставка делалась на расселение «кулаков» на земельных участках, относительно разведанных Сибирским переселенческим управлением в 1920-е гг. Авторами «Докладной записки» учитывались «прошлые ошибки расселения, когда высланное кулачество оседало не доходя до намеченных пунктов расселения, а также в сторону от пунктов, за невозможностью при бездорожьи и необжитости мест ориентироваться в пути следования на намеченные участки <...>»⁴⁸. Важная корректива вносилась в маршрут высылки «кулаков» из бывших Тарского и Омского округов, откуда «кулаков 2-й категории» в 1930 г. направили в верховья р. Васюган, отделяемые от районов их прежнего проживания болотистой местностью. Теперь же, отмечали чекисты, «выселение из этих районов произведем на более отдаленные участки по реке Кеть, чем предотвратим могущие последовать побегии с мест высылки, а также лишим возможности осуществлять живую связь с местами прежнего жительства, что в немалой степени способствовало побегам через болота в прошлом»⁴⁹.

Потребности в обеспечении выселяемых скотом рассчитывались исходя из соотношения: 1 лошадь на 2 хозяйства, 1 корова на 25 хозяйств. Памятуя о том, что фуражная и транспортная проблемы оказались в предшествующей высылке «узким местом», организаторы операции указывали: «Для следования выселяемых по грунтовым дорогам потребуются выщеление 53.350 подвод (из них 20.000 кулацких) для переброски их инвентаря и продовольствия из расчета 4 подводы на 3 хозяйства, в среднем сроком на 7 суток пути»⁵⁰. При этом отмечалось, что помимо собственно «кулацких» подвод с лошадьми потребуются привлечь 33 350 подвод «в порядке платной трудгужповинности», на что в смете закладывались расходы в 1,67 млн руб. (в 1930 г. подводчикам деньги практически не выплачивались)⁵¹.

Особое место уделялось обеспечению охранных мероприятий: «Для сопровождения выселяемых с места жительства до районного центра и дальше к базам погрузки выделяется охрана из состава аппарата милиции и райактива (колхозников) в числе: начальников милиции или их заместителей — 127, милиционеров — 323 и колхозактива — 518 чел.

На базах межрайонной концентрации (пунктах погрузки и посадки) вся прибывшая с районными партиями охрана поступает в распоряжение начальника базы (уполномоченного аппарата ОГПУ), которым вводится усиленная охрана прибывшего кулачества, таких баз устанавливается 24.

Охрана в пути следования от места погрузки до места выгрузки водного и жел[езно]дор[ожного] транспорта возлагается на аппарат ТО ОГПУ с использованием стрелков железно-дорожной охраны, для чего выделяется уполномоченных ДТОГПУ — 121 и стрелков охраны — 1 794.

Общая потребность количества единиц охраны составляет 2 907 чел., содержание каковой выражается в сумме 305,660 р.»⁵².

По подсчетам чекистов, на проведение данной операции требовалось 2,6 млн руб., т. е. 64 руб. 83 коп. на выселяемое хозяйство (в 1930 г. расчетной была сумма примерно в 50 руб.). Директивные органы Центра, как отмечалось выше, приняли разработки Заковского (и даже рекомендовали ПП ОГПУ по Восточной Сибири заимствовать опыт «планирования» у соседей) и выделили на расходы 3 млн руб.

В «Докладной записке...» подчеркивалось, что пункты питания на пути следования не планируются, поскольку выселяемые «будут иметь собственное продовольствие сроком на 2 м-ца из расчета в сутки 350 гр. муки и 320 гр. картофеля на человека или 201 кг. на семью сроком на 2 месяца». Таким образом предполагалось несколько снизить расходы на депортацию. При этом, однако, чекисты предусмотрели 30 тыс. «на особые оперативные расходы», под которыми подразумевалось чекистское обслуживание выселяемого «кулачества», иначе говоря, создание осведомительской сети среди высланных⁵⁴.

27 апреля 1931 г. Запсибкрайком принял постановление «О ликвидации кулачества как класса», которое 5 мая 1931 г. было оформлено в «советском порядке» уже как официальное («совершенно секретное») постановление крайисполкома под тем же названием⁵⁵. В нем были уточнены и конкретизированы некоторые положения, изложенные в «Докладной записке...». В частности, устанавливались сроки операции (с 10 мая по 10 июня 1931 г.), категории «кулаков», подлежащих «экспроприации и выселению» («все твердо установленные кулацкие хозяйства и кулаки-одиночки <...>, а также кулаки, проникшие в колхозы, совхозы, промпредприятия и советско-кооперативные учреждения», «кулаки, оставленные на работах в промпредприятиях и строительствах ("3-я категория". — С.К.)».

В отличие от соответствующего постановления крайисполкома от 11 февраля 1930 г., в котором содержался перечень того, что подлежало конфискации, и только после него указывалось: «при конфискации оставлять предметы домашнего обихода, элементарные средства производства в соответствии с характером работы на новом месте и потребный минимум продовольственных запасов»⁵⁶, в постановлении от 5 мая 1931 г. прописывалось: «При выселении кулацких хозяйств не подлежит конфискации следующее имущество: одна лошадь, телега с упряжью, необходимый минимум земледельческих и других орудий производства (плуги, бороны, топоры, вилы и лопаты), предметы домашнего обихода, мануфактура, одежда, обувь <...>»⁵⁷. В постановление был включен

новый пункт, являвшийся плодом компромисса между карательными органами и колхозами, не заинтересованными в отправке с «кулаками» имевшегося у них рабочего скота, дефицитного в период посевной. «Рабочий скот и земледельческий инвентарь, которые в момент отправки кулаков к месту выселения не могут быть отправлены из-за недостаточности железнодорожного и водного транспорта, — говорилось в документе, — обезличиваются и передается через органы ОГПУ в колхозы на время сева. По окончании сева колхозы возвращают ОГПУ переданный им скот и инвентарь для отправки его выселенным кулакам в места их расселения»⁵⁸.

Согласно постановлению, менялась конфигурация низовых и районных органов, созданных под высылку. Низовым звеном, рассматривавшим кандидатуры на высылку, теперь становились «широкие колхозные собрания с привлечением батрачества, бедноты и середняков». После проверки в сельсоветах списки поступали на утверждение «специальными районными пятерками (в 1930 г. действовали "тройки". — С.К.) в составе секретаря РК, председателя РИКа, уполномоченного ОГПУ, предрайколхозсоюза и краевых уполномоченных»⁵⁹.

Политический оттенок был придан разъяснению того, как привлечь к трудгужповинности местное население: «Разрешить райисполкомам привлечение в районах, через которые будут двигаться гужем спецпереселенцы, для перевозки последних в порядке платной трудгужповинности местного населения, в первую очередь те хозяйства, которые саботируют выполнение посевных планов»⁶⁰.

Наконец, в постановлении был прописан еще один новый момент: при расселении «кулацких» хозяйств в необжитых и мало обжитых северных районах края ОГПУ и райисполкомы обязывались «не допускать ущемления интересов туземного населения»⁶¹.

О том, как проходила сама высылка, Заковский кратко информировал «комиссию Андреева» в начале июня: «Выселено из районов всего 39 788 хозяйств или 170 743 чел. Из них вычищено из колхозов 2 229 семейств, совхозов — 542, промышленных предприятий — 914, советских учреждений — 237, всего из городов — 574 семейства, 2 337 чел. Последние эшелоны на место расселения придут 10 июня <...> Вся операция за редким исключением прошла спокойно, за все время зафиксировано массовых волынок — 21, анонимок, воззваний — 3, терактов — 40, что объясняется огромной профилактической работой наших органов (ликвидировано с 1 января до начала выселения контрреволюционных организаций — 51, участников — 2 326, группировок — 292, участников — 2 290, активных одиночек — 5 849). Всего по селам и городам изъято активного контрреволюционного элемента — 18 960 [чел.] <...> Всего с ранее переселенными внутрисибирскими и западными [кулаками] в Западной Сибири имеется хозяйств 57 905, человек — 255 869, из них работают в системе Союззолото семей 2 769, человек — 11 658, остальные расселены в северных необжитых районах в целях их сельскохозяйственного освоения»⁶². Далее Заковский отмечал, что допускаемые «перегибы по середняку и партизанам» оперативно исправлялись. Однако нарисованная полпредом ОГПУ картина, явно контрастировавшая с информацией ведомственных сводок о «раскулачивании» и депортации в 1930 г., не отражала реальной ситуации.

Действительно, к весне 1931 г. чекистам удалось минимизировать всплески антиправительственных крестьянских выступлений: их масштабы оказались несравнимы с теми, что были годом ранее. Власть расширила свое влияние на деревню. Но, несмотря на принятые процедурные меры, прописанные в постановлениях краевых органов, ситуация с обеспечением репрессированных натурфондами, продовольствием, скотом по сравнению с 1930 г. изменилась ненамного, а в чем-то даже ухудшилась, если учитывать экстремальные социальные и хозяйственные условия, в которых находились «кулацкие» хозяйства в деревне с весны 1930 до весны 1931 г. Сам Заковский характеризовал сельхозинвентарь, отправленный с высланными, как «в значительной мере малопригодный». Из 14,3 тыс. «кулацких» лошадей удалось отправить около 6 тыс. (8,3 тыс. были оставлены в колхозах «временно», под расписку), из почти 2 тыс. коров на тех же условиях было оставлено 1 269 голов.

При дефиците информации о доставке «кулаков» на места их расселения можно, однако, констатировать, что «летняя» депортация сопровождалась, возможно, большими жертвами, чем «зимняя» в 1930 г. Об этом свидетельствуют следующие факты: при проведении первой фазы карательной операции (собственно высылка крестьян из мест проживания и доставка на сборные пункты), чекистская «фильтрация» давала весьма высокий процент «отсева», не находя у части прибывавших требуемых оснований к высылке. По сведениям из одного сборного пункта, в который с 13 по 15 мая 1931 г. было свезено 295 «кулацких» семей (всего вместе с одиночками 1 467 чел.) из Карасукского р-на, работники пункта по разным веским основаниям освободили от высылки 82 семьи (392 чел.), что составило около 28 %, т. е. более четверти предназначенных местными органами власти к высылке⁶³. По ряду сельсоветов доля «отсева» была весьма высока: в Полойский сельсовет чекисты вернули 19 из 23 семей, прибывших на сборпункт; в Орехово-Логовский — 7 из 19. Этим местные органы значительно усложняли собственную задачу, т. к. им требовалось организовывать «довывявление» хозяйств и решать имущественные претензии освобождаемых от высылки. Удлинялись и сроки карательной операции, в деревне сохранялась нервная обстановка: в Карасукском р-не высылка продолжалась с марта по июнь 1931 г., было депортировано 607 хозяйств (2 950 чел.)⁶⁴.

«Перегибы» при высылке были настолько разнообразными и массовыми, что сборные пункты не справлялись с «фильтрацией». Об этом свидетельствует «Доклад о ходе расселения спецпереселенцев по Нарымскому краю», подготовленный 22 июня 1931 г. начальником Комендантского управления ПП ОГПУ И.И. Долгих. Долгих объехал ряд комендатур и осторожно говорил об «отдельных случаях» произвола местных властей в ходе высылки: «<...> в Парабельскую комендатуру высланы коммунисты с 20-го года, имеющие на руках партийные билеты, там же имеются комсомольцы <...> Имеются семьи раненых красноармейцев и партизан. Кое-где высланы с кулаками приехавшие к ним в гости, которых заставили ехать одновременно с хозяевами»⁶⁵.

К отмеченному выше заключению Заковского о «малопригодное™» отправленного с крестьянами из районов высылки инвентаря Долгих в своем докладе, учитывая опыт первых недель расселения спецпереселенцев в нарымских комендатурах, дает этому еще более жесткие оцен-

ки: «Большинством районов (здесь и далее подчеркнуто в документе. — С.К.) директива ЗСКИК о снабжении выселяемых необходимейшими предметами инвентаря и домашнего обихода — не выполнена. Фураж всюду давался в чрезвычайно ограниченном количестве, некоторыми районами по 10—15 килограмм на дорогу. В результате в пути погибло около 20 % скота, преимущественно лошадей. Высаженные на подножный корм лошади после длительной голодовки объедались и дохли. Общие потери здесь можно исчислять процентов в 25 <...>

Привезено много телег, совершенно непригодных в данных условиях, т. к. отсутствие дорог исключает возможность их применения на длительное время. Местное население обходится "волокушами". Часть телег уже брошена»⁶⁶.

В «Докладе...» Долгих не мог обойти вопрос о причинах и размерах смертности в пути следования высланных в Нарымский край, хотя в его информации отчетливо прослеживается ведомственное желание переложить ответственность за человеческие потери на медиков: «Крайздрав к своей работе отнесся формально. Почти все лекпомы, сопровождавшие караваны, не имели ни грамма медикаментов и по существу превратились в беспомощных свидетелей смертности. Всего во время пути умерло около 500 человек детей и стариков, преимущественно на почве железнодорожных заболваний». Долгих отмечал, что уже на новых участках расселения смертность еще более возросла, достигнув 1 тыс. чел.⁶⁷

В ходе «летней» депортации большие проблемы возникли при транспортировке по Оби и ее притокам. Речные перевозки длились неделями: сначала высланных доставляли во временный лагерь-распределитель, расположенный у впадения в Обь одного из ее притоков, часто это был остров посредине реки; затем лодками, буксирами и катерами их развозили уже по притокам. Находясь сутками в трюмах громадных деревянных барж (паузков), где сосредоточивалось по 500 чел. и более, люди часто умирали от недостатка пищи и болезней. В «Докладе» Долгих был вынужден признать, что из-за просчетов в решении транспортной проблемы срок пребывания высланных в пути существенно удлинялся, что не могло не сказаться на человеческих потерях: «Посадка на большие пароходы с выгрузкой в Баранаково и Парабели — не продумана. Затруднительность прохождения больших пароходов по этим рекам (р. Чая и Парабель — притоки р. Обь. — С.К.) привела к вынужденным высадкам ("пробкам") в Баранаково 38 тыс. человек, в Парабели — 25 тыс. человек, что потребовало разгрузки 2 недели, оттянув на этот срок самое расселение»⁶⁸. Следует достаточно критически оценивать и цифру человеческих потерь. По информации Долгих, за время проведения операции по пути следования умерло 500 чел. Согласно более поздним источникам (осень 1931 г.), эта цифра соответствует потерям в караванах, следовавших только из Томска. Но существовал еще один водный маршрут из бывших Омского и Тарского округов (от Томска вниз по Иртышу и далее уже вверх по Оби до притоков Васюгана, Кети). Он был вдвое длиннее и занимал больше времени. Учитывая его, следует считать, что смертность в пути в ходе высылки в 1931 г. достигала от 1,5 до 2,0 тыс. чел. Такие людские потери только в пути следования выглядят весьма значительными даже на фоне огромной численности подвергшихся высылке — 43 852 семьи (182 327 чел.)⁶⁹.

Гораздо позднее, уже через несколько лет, 5 февраля 1938 г. в «Докладной записке» об итогах деятельности отдела трудпоселений в Нарымском крае Долгих оценивал весенне-летнюю высылку 1931 г. так: «Невиданный в практике колонизации и переселений размер операций по переброске людской массы почти в 200 000 человек осложнялся еще следующими обязательными условиями:

а) окончания заброски на Север контингента с их имуществом (натурфондом) в короткий срок высокого стояния весенних вод;

б) заброски за это же время продовольственного и прочего снабжения на годовой период времени;

в) окончание до наступления зимы жилищного строительства в степени обеспечения переселенной массы людей от холодов.

Все это выдвигало значение летней операции 1931 года на уровень особо сложных и трудных хозяйственно-политических задач.

К характеристике этого периода необходимо отметить следующие моменты:

Разработанный план расселения 200 000 человек на основании имевшегося в краевых организациях картографического материала и материалов об естественных условиях районов расселения оказался несостоятельным по причинам неполноты этих материалов.

Не менее 50 % участков, намеченных для поселений, заселить оказалось невозможным за их непригодностью. Вследствие этого составленный в крае план расселения пришлось перестраивать [по] ходу самой операции.

Речной транспорт не подготовился к проведению такой грандиозной операции с необходимостью завоза людей и груза на боковые реки, не освоенные регулярным плаванием.

Райорганизации районов, куда вселялся контингент, а также хозяйственные организации, коим по договорам передавались спецпереселенцы, оказались не подготовленными к операции и приему контингента.

Несмотря на все это и целый ряд других неполадок, вытекающих из отсутствия опыта в проведении переселений в таких количествах, весь контингент с натурфондом к 20 июня был вывезен с пунктов погрузки на суда в Омске и Томске и к 30 июня операция по переброске контингента была в основном закончена, — люди были завезены в районы.

К 1 сентября 1931 г. весь контингент уже был на точках расселения.

Таким образом, операция по вселению такой массы контингента почти в 200 000 человек была [закончена] в 75 дней.

Весь контингент спецпереселенцев состоял до 60 % из сибирского кулачества и около 40 % кулаков, высланных с Запада.

В числе последних значительное число составляли нетрудоспособные семьи, образовавшиеся главным образом в процессе дополнительной высылки семей, главы которых уже были высланы ранее. При этом оказывалось много случаев поступления в Сибирь семей, главы которых находились в других краях.

Последующее [соединение] глав с семьями потребовало затраты значительных средств, приняло очень затяжной характер и большой трудностью сказалось на работе по хозяйственному устройству нетрудоспособных семей, для которых приходилось организовывать специальные колонии»⁷⁰. В контексте массовых высылки в масштабах страны

оценка Долгих депортации в Нарымский край в 1931 г. нуждается в определенной корректировке. Аналогичные и даже превосходившие ее по масштабам депортации имели место при расселении репрессированного крестьянства в Северном крае (230 тыс. чел. в 1930 г.), в Уральской области (302 тыс. чел. в 1931 г.), в Казахстане (182 тыс. чел. в 1931 г.). Однако карательные антикрестьянские операции в Западной Сибири имели четко выраженную специфику: на поселении было больше сибирских репрессированных крестьян (87 %), чем депортированных из других краев и областей страны. В перечисленных выше регионах сложилась обратная пропорция: в Казахстане доля депортированных извне достигала 97 %, в Северном крае — 95 %, в Уральской области — 75 % от общего числа спецпереселенцев⁷¹.

Особого внимания заслуживают объявленная на весну 1932 г. и готовившаяся, но отмененная по указанию «сверху» операция по «высылке кулаков». Известный историк И.Е. Зеленин связывает эту попытку силового давления на деревню с началом массового отлива из колхозов. Его пик пришелся на первое полугодие, только в РСФСР из колхозов вышло около 1,4 млн хозяйств⁷². В этих условиях власти, изменив прежнюю тактику, сочли необходимым организовать массовую «очистку колхозов от кулацкого элемента» и нейтрализовать тем самым широко распространенные «антиколхозные» настроения.

2 марта 1932 г. бюро Запсибкрайкома партии в «строгосекретном» порядке приняло постановление «О выселении кулаков», в котором проведение карательной акции мотивировалось тем, что «произведенным по краю переучетом выявлено до 7 000 кулацких хозяйств, в том числе свыше 2 000 хозяйств, проникших в социалистический сектор сельского хозяйства»⁷³. Началось повторение событий весны 1931 г., хотя и в менее значительных масштабах: в начале мая с одобрения Политбюро СНК СССР принял постановление, разрешавшее ОГПУ отправку почти 40 тыс. хозяйств в спецпоселения. Однако менее чем через две недели Политбюро отменило это решение, высылка разрешалась в весьма ограниченных размерах, в частности, в Западной Сибири было запланировано выслать 1 тыс. хозяйств и направить их вопреки уже сложившейся практике за пределы региона — на Дальний Восток⁷⁴. Протестная телеграмма Эйхе в Политбюро с просьбой изменить решение и выселить сибирских «кулаков» в комендатуры Кузбасса для ликвидации очередного «прорыва» в угледобыче возымела лишь частичный эффект: Москва санкционировала переброску 2 тыс. семей спецпереселенцев из нарымских комендатур в кузбасские. Сама локальная высылка директивами «сверху» была отменена вовсе. 5 июня 1932 г. Запсибкрайком дал указание на места «принять меры к возвращению отображенного имущества кулакам <...> намеченным к выселению»⁷⁵. Таким образом, можно говорить, что к 1932 г. эпоха массовых депортаций крестьянства, затронувших все регионы страны, фактически завершилась. Наступала новая фаза государственной репрессивной политики в деревне, в которой на первое место выходили карательные акции, связанные прежде всего с т. н. хозполиткампаниями, — хлебозаготовкой, посевом, уборкой зерновых и т. д. Однако наступивший 1933 г. неожиданно внес в карательную политику свои коррективы.

4. Депортация в 1933 году: особенности разработки и осуществления в Западной Сибири

Высылка, проходившая весной—летом 1933 г., на территории Западной Сибири имела ряд отличий от предыдущих, порожденных сочетанием конкретно-исторических условий. Общеполитическая и экономическая ситуация в городах и сельской местности оставалась достаточно напряженной. Чтобы ее разрядить, власть прибегла к доступным и проверенным административным и откровенно карательным мерам воздействия на население. Новыми были лишь масштабы и жесткость нажима на общество. И в этом отношении репрессии, развернувшиеся в первой половине 1933 г., по-своему уникальны: они вобрали в себя целый спектр разнонаправленных и зачастую противоречащих друг другу тенденций карательной политики, а принимавшиеся в этой сфере директивные решения, оборачивались трагедией для многих слоев и групп городского и сельского населения.

Среди нормативных актов, оказавших решающее влияние на ход, масштабы и направленность государственных репрессий во второй половине 1932 — первой половине 1933 г., следует отметить законы от 7 августа 1932 г. (об охране государственного имущества и укреплении общественной собственности) и от 27 декабря 1932 г. (о введении паспортной системы), вызвавшие резкое увеличение количества судебных и внесудебных наказаний. Был принят ряд секретных партийно-государственных решений, направленных на ужесточение преследований крестьянства в ходе хлебозаготовок, беженцев из голодающих районов и т. д. Череда директивных решений такого рода была резко прервана выходом инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР № П-1028 «Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», направленная И.В. Сталиным и В.М. Молотовым на места с требованием резко уменьшить размеры внесудебных репрессий, в т. ч. прекратить практику массовых высылки из сельской местности. В частности, в инструкции упоминалось, что в ЦК и СНК «имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей», взамен чего высылку предписывалось осуществлять «только в индивидуальном и частном порядке», не превышая установленных в инструкции «лимитов» для ряда краев и областей (всего не свыше 12 тыс. хозяйств по СССР)¹.

Резкость содержащихся в инструкции оценок административного произвола в деревне не снимает вопрос об ответственности самих партийных верхов за сложившуюся ситуацию, поскольку начиная с лета 1931 г. Политбюро несколько раз требовало высылку «кулацких семей» «в массовом порядке прекратить» (постановления Политбюро от 20 июля и 30 августа 1931 г., от 16 мая 1932 г.)². Очевидно, что начиная с 1931 г. власти, хотя и заявляли о прекращении массовых выселений крестьянства, но своей настойчивой пропагандой тезиса «о дальнейшем обострении классовой борьбы в деревне» стимулировали создание устойчивых аппаратных установок на непрерывность и массовость репрессий в деревне. Нагнетанию обстановки способствовали также хаотичность и неэффективность в осуществлении самих карательных действий в деревне, где год от года накапливалась критическая масса маргинальных элемен-

тов и групп (разоренные, но в силу разных причин оказавшиеся не высланными «кулацкие» семьи, «самораскулачившиеся» хозяйства, вышедшие из колхозов или «вычищенные» из них крестьяне, «кратники», «твердозаданцы» и т. д.). Усиление общей социальной нестабильности, затронувшей и города, куда направлялись потоки вынужденных сельских мигрантов, в сочетании с массовым беженством от голода в глубь страны и даже за границу (откочевки из Казахстана в Китай) подтолкнуло большевистское руководство к мысли о проведении в первой половине 1933 г. сразу трех тотальных «чисток» от «классово враждебного и преступного элемента» — в деревнях, городах и на приграничных территориях, на чем настаивало руководство ОГПУ.

В недрах ОГПУ началась разработка принявшего гротескные формы и размеры плана принудительного перемещения из-за Урала в районы Западной Сибири и Казахстана и расселения с использованием организационного опыта, материальных и кадровых ресурсов созданной к тому времени системы спецпоселений более 2 млн чел. — такими чекистам виделись масштабы всеобщей «чистки» страны в начале 1933 г. Неизвестна реакция казахского руководства, но западно-сибирские лидеры от имени секретаря крайкома партии Р.И. Эйхе стали добиваться если не полной, то хотя бы частичной отмены чекистского замысла, доказывая его откровенную утопичность. В телеграмме, отправленной Эйхе в Политбюро 10 февраля 1933 г., говорилось: «Получили предложение ОГПУ принять до конца навигации 1933 г. для расселения в северных районах Западной Сибири 1 млн спецпереселенцев, из них 100 тыс. чел. для завоза до открытия навигации. Это предложение совершенно нереально, объяснимо только тем, что товарищи, составляющие наметку плана, не знакомы с условиями Севера. Какие бы материальные ресурсы в помощь краю Центр не выделил, это количество людей завести, расселить, создать минимальные условия для зимовки за лето 1933 г. не можем <...> Летний завоз спецпереселенцев считаем возможным 250—270 тыс. чел. <...> считаем, что с нашей стороны было бы тяжким преступлением обещать выполнить совершенно нереальное предложение ОГПУ»³. Протест региональных лидеров заставил директивные органы приступить к межведомственным согласованиям, в ходе которых масштабы предстоящих депортаций в восточные районы страны начали приобретать более зримые очертания. Один из будущих непосредственных исполнителей акции тогдашний начальник СибЛАГа А.А. Горшков позднее отмечал: «В феврале месяце я был в командировке в Москве и там получил распоряжение соответствующих органов о переселении 3 000 000 чел. <...> Затем через пару дней стало известно, что будут идти 2 млн чел. — 1 млн в Казахстан и 1 — в Западную Сибирь. Директивными органами было дано указание, чтобы проработать финансовые вопросы и относительно тех материалов, которые потребны для этой операции. Причем было указано, чтобы сделать это по возможности дешевле. Было проработано несколько вариантов, затем была создана комиссия ЦК, затем вопрос разбирался в Госплане и там все минимальные требования, которые предъявило ОГПУ, как я знаю, были еще значительно срезаны <...> Когда я приехал сюда, то цифра поселенцев изменилась <...> 500 тыс. чел. в Казахстан и 500 тыс. чел.

к нам в Западную Сибирь»⁴. Что же происходило в верхах после получения Центром шифротелеграммы Эйхе?

Отвечая на запрос Сталина, касающийся существа опасений регионального руководства, Г. Г. Ягода в докладной записке от 13 февраля 1933 г. попытался отстоять первоначальный план ОГПУ, подчеркивая его освоенческие аспекты, намерение использовать «новый контингент» преимущественно в традиционных секторах экономики необжитых территорий (сельское хозяйство, промыслы, лесозаготовки и т. д.), при этом он проявлял гибкость в определении размеров спецпереселений. Одновременно и Эйхе несколько смягчил обозначенные ранее позиции. В телеграмме на имя Сталина от 7 марта 1933 г. он сообщил: «Во изменение нашей прежней телеграммы считаем [возможным] весной, летом 1933 г. принять, устроить [на] Нарымском и Тарском Севере 500 тыс. спецпереселенцев»⁵.

10 марта 1933 г. Политбюро приняло своего рода промежуточное решение: «1. Принять в основном предложение ОГПУ об образовании трудовых поселков в районах Западной Сибири и Казахстана (по 500 тыс. чел. в каждом крае). 2. Предложить комиссии в составе гг. Ягода (созыв), Межлаука, Благонравова, Чернова, Гринько, Яковлева, Фомина, Бермана рассмотреть и произвести проверку заявок ОГПУ, установив окончательные цифры и дать проект постановления по всему вопросу в целом»⁶. 1 апреля 1933 г. Политбюро одобрило предложенный упомянутой комиссией скорректированный план организации трудовых поселений ОГПУ, который позже был оформлен как постановление СНК СССР от 20 апреля 1933 г. Этот документ, будучи отражением поспешности и ведомственного давления со стороны ОГПУ, позже неоднократно подвергался корректировке⁷.

Согласно данному постановлению, с весны 1933 г. началась реорганизация системы ГУЛАГа, предполагавшая создание на территории прежде всего Западной Сибири и Северного Казахстана «трудовых поселений по типу существующих спецпоселков для размещения в них и хозяйственного освоения вновь переселяемых контингентов» из числа следующих категорий: «а) выселяемые из районов сплошной коллективизации кулаки; б) выселяемые за срыв и саботаж хлебозаготовительных и др. кампаний; в) городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда; бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства; д) выселяемые в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины); е) осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно, кроме особо социально опасных из них»⁸. Как видно из этого документального фрагмента, потоки принудительных миграций руководство страны решило направить в единое русло: ранее созданные спецпоселения с почти целиком крестьянским по своему составу населением планировалось превратить в «трудовые поселения», весьма пестрые по социальному составу.

Пока шла межведомственная увязка вопросов, касающихся реализации принимаемых решений, в западных и южных регионах страны усилиями карательной машины уже формировался «новый контингент» — осуществлялись массовые операции по «очистке» городов, пригранич-

ных территорий, задержанию и «сортировке» беженцев из пораженных голодом сельских районов Украины и Северного Кавказа.

Аналогичная организационная подготовка развернулась весной того же года и на территории Западной Сибири. 27 марта 1933 г. Запсибкрайкомом ВКП(б) на места была отправлена директива о начале предварительной стадии будущей массовой операции. В ней, в частности, отмечалось: «[В] целях содействия организационному укреплению колхозов [зпт] очистки колхозов [зпт] совхозов и промпредприятий от классово враждебного элемента тире [в] этом году намечено произвести выселение из сельских местностей и городов преступного элемента следующих категорий [тчк] ПЕРВАЯ Кулаки [зпт] вычищенные из колхозов [зпт] укрывшиеся [в] колхозах [и] подрывающие их изнутри путем вредительской деятельности расхищения колхозного имущества ВТОРАЯ Кулаков [зпт] не выселенных [в] 1930 тире 1931 годах из районов сплошной коллективизации ТРЕТЬЕ Кулаки [зпт] бежавшие [из] мест расселения [зпт] скрывающиеся [в] районах коллективизации [и] проникшие [в] колхозы [зпт] на промпредприятия [зпт] транспорт [и] прочие ЧЕТВЕРТАЯ Преступный элемент из числа единоличников [зпт] демонстративно организующий срыв зпт саботаж весеннего сева [и] выполнение других государственных заданий ПЯТАЯ Преступный деклассированный элемент [в] крупных городах [зпт] промцентрах [зпт] транспорте [тчк]»⁹. Во избежание «перегибов», сопутствовавших любым высылкам, директивой устанавливалась процедура проверки данных, которые готовились на местах специально создаваемыми в районах для этих целей «тройками» в составе председателя райисполкома, члена бюро райкома партии и начальника районного отделения ОГПУ.

Данные, которые к середине апреля стали поступать в крайком из районов Западной Сибири, отличались чрезвычайной пестротой и отражали бюрократическую самостоятельность. Так, в Артемовском р-не, где находились прииски Минусинского комбината Запсибзолото, руководство райкома разделило подлежащих высылке на три группы — бежавшие из ссылки спецпереселенцы (семьи и одиночки); бежавшие, но не высланные из районов сплошной коллективизации; проживавшие без документов (семьи и одиночки). Здесь по разнарядке предусматривалось выслать 543 семьи, или 1,5 тыс. чел., и 179 одиночек¹⁰. «Изъятие» столь многочисленной группы трудоспособного населения (около 1 тыс. чел.) грозило срывом производственных планов на приисках, поэтому секретарь райкома предлагал «разрешить передачу всех перечисленных семей в Ольховскую комендатуру СибЛАГа ОГПУ (расположена на территории района. — С.К.), ограничившись частичными операциями [против] активного контрреволюционного элемента»¹¹.

Более типичной и распространенной была позиция, зафиксированная в сопроводительном письме в краевые органы из Баевского р-на, руководство которого считая, что в предыдущие годы высылки «кулацких хозяйств» оказались недостаточными, «благодаря чего классовые элементы, пробравшиеся в колхозы систематически проводили вредительскую разлагательскую работу», обратилось с просьбой «выслать всех, предназначенных к выселению», а также тех, кто должен остаться в районе «по случаю старости лет»¹².

Руководители Ведовского р-на в своей информации о наличии «кулацкого и деклассированного элемента» выделяли в составе последнего следующие группы: «Кулаков, оставшихся не высланными [в] прошлую кампанию <...> бежавших от выселения [из] других районов <...> бежавших [из] мест расселения без документов <...> вычищенных [из] колхозов <...> кулаков вновь выявленных [и] неоформленных сборкой материалов <...> нищенствующий элемент <...> преступный элемент [из] единоличников <...> кулацких хозяйств, вернувшихся [из] ссылки, освобожденных [с] документами ввиду преклонных лет»¹³.

Еще более «творчески» к составлению списков на высылку подошли функционеры из Назаровского р-на. Наряду с «кулаками» они наметили «зажиточных единоличников (родственников кулаков, саботирующих сев; разводящих анти-советскую агитацию, вставших на путь воровства и т. д. <...> зажиточных и середняков[,] бывших колхозников[,] исключенных из колхозов и привлеченных за разложение колхозов <...> середняков — единоличников, связанных главным образом с кулачеством <...> систематически не выполняющих и выступающих против гособязательств; баптистов — руководителей баптистских кружков — занимающихся а[н]ти/сов[етской] агитацией <...> крестьян середняков — единоличников — бандитов[,] боровшихся с оружием в руках». Получалось, что к 366 «кулацким» семьям предлагалось присоединить еще 100 семей единоличников, намеченных на высылку по признакам, зачастую причудливым и не санкционированным сверху¹⁴.

Не случайно, что подобное «творчество» удивило краевое руководство. Согласно информации, полученной к середине апреля 1933 г. примерно из половины сельских районов Западной Сибири, к «преступному элементу» из числа «кулаков» и единоличников было отнесено 13 тыс. хозяйств (семей)¹⁵. Удвоение этой цифры означало, что местные руководители предполагали весной 1933 г. выслать крестьян столько же, сколько планировалось в 1930 г., тогда к высылке по всей Сибири было намечено около 30 тыс. семей (реально выслано около 16 тыс. семей)¹⁶.

Чтобы разобраться в ситуации, в отдельные районы края выехали высокопоставленные функционеры. Один из них, секретарь крайкома М.В. Зайцев, прибыв в Тюкалинский р-н, был поражен увиденным. В телеграмме, отправленной в Новосибирск 7 мая 1933 г., он описывал события так: «<...> райком выпустил [из] своих рук руководство этим делом [и] передоверил его созданной тройке [тчк] Работа пошла стихийно [зпт] выливаясь [в] массовую чистку колхозов зпт окулачивание всех исключаемых [из] колхозов [по] разным причинам [тчк] Став [на] путь огульного окулачивания исключенных [из] колхозов при оформлении документами подведенные под кулацкие хозяйства выдумывались зпт затеивались признаки эксплуатации [зпт в] отдельных случаях применялась прямая фальсификация <...> Так [по] проверенным четырем сельсоветам [из] числа окулаченных 53 хозяйств оказалось кулаков только 17 хозяйств <...> Райком[,] имея факты загибов[,] недооценил их политического значения... приступил к исправлению только после его вызова [по] прямому проводу краем[,] после чего создана тройка [по] исправлению перегибов[,] посланная по селам <...> Обнаружены такие извращения линии партии[, как] распродажа всех предметов до-

машнего обихода[,] включая белье [зпт] покупка отдельными коммунистами [и] руководителями села кулацких вещей <...>¹⁷

Нарисованная в телеграмме картина произвола отражала все типичные черты событий, развернувшихся весной 1930 и 1931 гг. Новым было то, что поиски «кулаков» именовались (и, вероятно, более точно) не «раскулачиванием», а «оплачиванием». На смену «тройке» по подготовке высылки «преступного элемента» пришли «тройки по исправлению перегибов». Корректировка списков из районов, проведенная к началу мая, лишь отчасти ослабила масштабы «перегибов». Из «Статистических сведений о намеченных к выселению...» различных групп из городов и сел Западной Сибири, подготовленной краевым полпредством ОГПУ, следовало, что выселению подлежали 14 081 глава семей вместе с членами семей и одиночек, в т. ч. 10 318 хозяйств из сельской местности. Чекистами они были разделены по категориям, или «политической окраске»: «невыселенных из районов сплошной коллективизации» — 9 805 семей и одиночек (8 755 в селах и деревнях и 1 050 в городах); «контрреволюционный элемент, выселенный за саботаж» — 399 семей и одиночек (в сельской местности); «нищенствующий, преступный, деклассированный элемент» — 3 031 семья и одиночки (1 047 и 1 984); «снимаемые в промпредприятиях» — 450 семей и одиночек (почти все в городах); «беглое кулачество из деревень и спецпоселков» — 396 семей и одиночек (105 и 291). Из этого числа предполагалось исключить лишь около 1 тыс. семей, не имевших в своем составе трудоспособных членов¹⁸.

Роль сталинско-молотовской директивы от 8 мая 1933 г. видится не столько в обуздании, сколько в упорядочении репрессий. В соответствии с новыми установками Запсибкрайкому надлежало подвергнуть высылке внутри региона 1 тыс. семей, что и было отражено в постановлении бюро крайкома от 26 мая 1933 г. Депортация приобрела локальный характер и затронула примерно лишь десятую часть районов преимущественно на юге Сибири. «Кустовыми» (по группам районов) проверки хода высылки занимались т. н. бригады крайкома из представителей крайкома, прокуратуры и ОГПУ, наделенные полномочиями по пересмотру решений местных районных «троек».

Из отчета, составленного 15 июня 1933 г. работником краевой прокуратуры Гольдбергом, который занимался проверкой в районах Барнаульского «куста», вырисовывалась картина вакханалии и произвола местных функционеров, еще более мрачная, чем в описанной телеграмме Зайцева. Из 390 просмотренных дел прокурорский работник «отсеял» более трети ввиду сомнительности представленных материалов, еще 127 дел нуждались в дополнительной проверке. Основной «порок» подготовительной работы «троек», по мнению Гольдберга, заключался в том, что местные работники основывались на фактах лишения избирательных прав либо исключения или выхода из колхоза. В его отчете были зафиксированы наиболее характерные случаи произвола. «Согласно инструкции ЦК и СНК от 8/V об арестах, — отмечал Гольдберг, — выселению подлежали те кулацкие хозяйства, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от севов и заготовок <...> однако на деле были высланы около 1/3 хозяйств, которые не были ни в колхозах ни в совхозах и при отсутствии каких бы то ни

было материалов об их контрреволюционной работе <...> Почти всем высланным не было известно, за что они лишены избирательных прав и следовательно [они] были лишены возможности доказывать неправильность лишения. У многих отбирались документы, часть из них тут же уничтожалась, как, например: отдельные акты, справки батраков, что они не служили, подписи крестьян и т. д. (со слов жаловавшихся) <...> Большинство жалобщиков жаловались, что, несмотря на то, что живут в отдельности уже 7—8 лет, их присоединили к родителям <...> В Топчихе мною был выявлен факт, что одному Клепикову Степану — кулаку в число батраков записали родную дочь <...> Необходимо отметить, что брались главным образом во внимание кулацкие признаки, относящиеся к [19] 24—25 году и совершенно не принимались во внимание, что они представляют собой после этого периода»¹⁹. Гольдберг не скрывал, что большинство местных секретарей райкомов и работников ОГПУ воспринимали его деятельность как дезорганизующую. Для предотвращения «перегибов» в деревне он предложил реорганизовать работу комиссии при крайисполкоме по рассмотрению жалоб и заявлений «лишенцев» (их скопилось около 7 тыс.) таким образом, чтобы проверка оперативно проводилась краевыми работниками не «кабинетным методом рассмотрения», а на местах — в районных центрах²⁰.

Кампания по высылке из сельской местности в конце мая — первой половине июня 1933 г. не избежала «перегибов». В выступлении 4 июля 1933 г. перед начальниками вновь создаваемых политотделов МТС полпред ОГПУ по Западной Сибири Н.Н. Алексеев отмечал: «...когда спрашиваешь район, сколько у него кулаков есть, то он отвечает — 360—250 и т. д. Мы даем разрешение выселить 100 человек, а когда начинаем выселять, подбирать этих кулаков, чтобы не допустить ошибок, проверяем, то оказывается 70 набрали, а больше нет. А запрос большой секретарь райкома подписал и всякая такая история. Вот эти извращения у нас кое-где были»²¹. Говоря о широко распространенной практике массовых репрессий, Алексеев сделал весьма интересное признание: «В других краях поступили еще хлеще, как, например, на Северном Кавказе. Причем арестовывали в деревнях кто кому не лень, столько, сколько влезет и даже больше того, что влезет в тюрьму. Забили все тюрьмы, начали импровизировать, устраивать подвалы, загонять туда людей и т. д. Вот, например, Северный Кавказ в порядке выселения в трудовые поселки стал очищать свои курортные местности и выселял всяких людей, в частности, прислал к нам кулака 103 лет и женщину 86 лет выселил в трудпоселок, как проститутку (в зале смех)»²². В своем достаточно вольном изложении событий, связанных с проходившей в эти месяцы массовой депортацией в северные территории Западной Сибири из европейской части страны «новых контингентов», Алексеев обошел драму массовой гибели людей на одном из островов на Оби, вошедшую в историю как Назинская трагедия.

Эшелонам с людьми, причисленными к упомянутым выше шести категориям и определенными для размещения во вновь создаваемых трудпоселениях, начали поступать в пункты сбора (Томск, Омск, Ачинск) уже с 9 апреля 1933 г. За месяц до начала навигации (первые числа мая) в регион прибыло 33 493 чел., а до начала июня еще 5 229 чел., всего 38 722 чел. Прибывших чекисты разделяли на группы «сельского

населения 22 591 чел., городского и пригородного 8 165 чел., городского рецидива 7 966 чел.»²³. В своей информации на имя Ягоды от 15 мая 1933 г. Алексеев характеризовал состав, состояние и перспективы расселения на Севере почти 8 тыс. чел. «городского деклассированного соцвредного элемента» следующим образом: «...[в] основной массе (92 %) мужчин, большинство [в] возрасте до 30 лет, очень плохо одетых, обутих, вовсе не имеющих трудовых навыков <...> [В] целях избежания массовых побегов [а] также территориальной изоляции деклассированного соцвредного элемента [от] прочей массы трудоселенцев и коренного населения края расселяем деклассированных [в] удаленных северных районах отдельными поселками <...> Учитывая особые трудности освоения Севера [в] сельском хозяйстве, полную непригодность деклассированного элемента [к] этой деятельности, прошу подобного контингента [в] дальнейшем [в] край не направлять»²⁴. Однако именно тогда вышедшие из Томска баржи с 6 074 «деклассированными элементами» из Москвы и Ленинграда достигли территории Александрово-Ваховской штрафной комендатуры (современный Александровский р-н Томской обл. — С.К.). Люди были высажены на остров на Оби напротив устья ее притока р. Назина и находились там около месяца, ожидая расселения по поселкам комендатуры. Резкое изменение климатических условий (потепление сменилось заморозками и снегом), отсутствие достаточного продовольствия и неготовность местных чекистов к приему и размещению такого количества больных, истощенных и дезорганизованных людей, а также концентрация на небольшом островке рецидивистов привело к трагедии: по оценкам работников комендатуры с 18 мая по 18 июня 1933 г. смертность среди прибывших составила от 1,5 до 2,0 тыс. чел.²⁵ Массовый характер приобрело мародерство, в котором преуспела и часть охраны; были факты каннибализма, в силу чего позднее остров получил названия «Смерть-Остров», «Остров людоедов». Назинская трагедия получила огласку в немалой степени благодаря письму, которое в августе 1933 г. местный партийный работник В.А. Величко направил Сталину²⁶. Работавшие в течение лета комиссии, расследовавшие трагедию, пришли к однозначному выводу о необходимости «прекратить посылку в Западную Сибирь рецидивистов-уголовников ввиду явной непригодности этих контингентов к условиям освоения Севера»²⁷.

Озабоченность регионального руководства ситуацией с расселением «нового контингента» в северных комендатурах имела серьезные основания. Во-первых, эшелоны с выселяемыми из европейской части страны в сибирские пересыльные комендатуры (Омск, Томск, Ачинск) начали прибывать с середины апреля 1933 г. — до официального утверждения этой операции правительством, а следовательно, без подкрепления соответствующими ресурсами и фондами. Последние запаздывали на месяц и более, к тому же поступали в недостаточном объеме. Во-вторых, руководство СибЛАГа и партийно-советские органы края были застигнуты врасплох массовым поступлением эшелонов с т. н. соцвредным элементом (деклассированные горожане вперемешку с уголовниками), требовавшим особых мер по размещению и организации труда. Было принято решение направить основную массу «соцвредных» в самую отдаленную Александрово-Ваховскую комендатуру, имевшую ста-

туе штрафной. Заботясь прежде всего о том, чтобы быстрее «протолкнуть» социально опасный контингент на Север, карательные и партийно-советские органы не имели четкого представления о мерах его «трудового перевоспитания». Более того, в уже упомянутой записке Алексева на имя Ягоды выражалось неверие в конечную цель гигантской операции по переброске на Север «деклассированных» и уголовников для освоения необжитых территорий (годом позднее это будет, хотя и в смягченных формулировках, официально признано в секретном приказе ОГПУ от 16 апреля 1934 г.)²⁸.

В ответной телеграмме от 27 мая 1933 г. начальник ГУЛАГа М.Д. Берман сообщал: «Дальнейшее направление Вам деклассированного элемента не предполагается, повторяю, не предполагается. С вашим предложением о расселении этого контингента в отдаленных изолированных районах согласен <...> В отношении деклассированного соцвредного элемента необходимо в ближайшее время установить лагерный режим. Организацию трудкоммун считать нецелесообразным»²⁹. Однако, несмотря на эти уверения, численность прибывавших «деклассированных» увеличивалась. 28 июня 1933 г. Алексеев и Горшков вновь телеграфировали руководству ОГПУ и ГУЛАГа о том, что данные Центром обещания не выполняются³⁰. Но и этот сигнал не изменил ситуацию, что подтверждает рапорт сотрудника Омского оперсектора ОГПУ в СибЛАГ от 23 июля 1933 г. В нем, в частности, отмечалось: «Из состава (16 июля 1933 г. доставил из Москвы 1 719 чел. — С.К.) имеется значительная часть инвалидов, стариков и женщин с малолетними детьми <...> По неточному определению, из всего контингента примерно 30—35 % рецидива, воров, проституток, бродяг и прочих»³¹.

В таких условиях катастрофа, случившаяся в районе д. Назино Александровского р-на, была неминуема. В конце апреля из Москвы и Ленинграда в Западную Сибирь были отправлены на поселение т. н. деклассированные элементы (городские низы) и часть рецидивистов, осевших в этих городах. Они прибыли в Томскую пересыльную комендатуру и находились там около недели. В середине мая началась «разгрузка» комендатуры: «новый контингент» погрузили в несколько барж и речным караваном в два приема отправили в штрафную Александро-Ваховскую комендатуру. 18 мая первый и 26 мая второй караваны прибыли в расположение комендатуры, руководство которой по согласованию с районными органами приняло решение о высадке «контингента» на речной остров на Оби у устья р. Назиной. Уже с первых дней дезорганизованная масса прибывших, ослабленная длительной дорогой при отсутствии питания, погрузилась в хаос.

Официальная информация о событиях вблизи д. Назино по служебным каналам поступила со значительным опозданием. Колубаев, комендант каравана, направленного из Томска в Александро-Ваховскую комендатуру, представил докладную записку о случившемся коменданту Томской пересыльной комендатуры Г.М. Кузнецову. В этом документе, кроме сухо изложенных фактов, содержатся и эмоциональные характеристики: «<...> остров представлял собой что-то УЖАСНОЕ, ЖУТКОЕ (выделено самим Колубаевым. — САГ.)»³². Начальник отдела трудпоселений СибЛАГа И.И. Долгих узнал о событиях на о-ве Назино только 3 июня — почти две недели после начала трагедии. Информация о про-

исшедшем на острове шла и по партийным каналам. Член бюро Александровского РК ВКП(б) Власов, командированный для участия в размещении трудпоселенцев, стал непосредственным очевидцем трагических событий. После того как 29 мая бюро райкома заслушало доклад коменданта Александро-Ваховской комендатуры Д.А. Цепкова, и инцидент получил «партийную огласку», Власов направил секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К. Левицу докладную записку с подробным описанием случившегося. Информация Власова поступила в крайком ВКП(б), откуда была направлена для сведения руководству ОГПУ и СибЛАГа. 14 июня 1933 г. полпред ОГПУ Алексеев и начальник Управления СибЛАГа Горшков на запрос крайкома ВКП(б) о событиях в Александро-Ваховской комендатуре дали следующий ответ: «Повторно затребованы объяснения от Александро-Ваховской комендатуры о допущенных случаях преступной небрежности при приеме партий деклассированных»³³. Примечательно, что Долгих, выехавший 7 июня 1933 г. с бригадой партийно-советских работников для обследования северных комендатур, находился все эти дни в спецпоселках южнее г. Колпашева (административный центр Нарымского окр.). Только после запроса крайкома о событиях на острове он получил указание ОГПУ немедленно выехать в Александро-Ваховскую комендатуру, куда и прибыл 20 июня 1933 г. Документы свидетельствуют о том, что вялая реакция руководства СибЛАГа на назинские события сменилась на активную лишь после вмешательства партийных органов. Секретарь Нарымского окружкома ВКП(б) Левиц прямо свидетельствовал об этом: «Мы считаем, что приезд Долгих был вызван нажимом крайкома на Сиблаг в результате наших телеграмм и докладных записок крайкому»³⁴. К этому времени Нарымская окружная контрольная комиссия провела свое расследование событий в Александро-Ваховской комендатуре. В принятии ею 21 июня 1933 г. постановлении «О результатах проверки состояния работ по хозяйственному устройству трудпереселенцев в Александровском районе» определялась мера наказания виновных: коменданту Цепкову был объявлен строгий выговор с предупреждением, трем работникам районного звена (пос. Александрово), ответственным за расселение трудпоселенцев, — выговор, окружному прокурору было приказано провести «глубокое расследование» по существу этого дела³⁵.

Местные власти пытались навести «порядок» в комендатурах путем применения жестких репрессий. Еще 7 марта 1933 г. в телеграмме, направленной в ЦК ВКП(б) на имя Сталина, Эйхе высказал мнение о необходимости дать «тройке» ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю право применять высшую меру наказания в отношении лиц, уличенных «в контрреволюционной деятельности». Тогда реакции Москвы не последовало. Повторная телеграмма Эйхе, направленная в ЦК в начале июля 1933 г., достигла цели. 15 июля 1933 г. Политбюро приняло решение о предоставлении «тройке» ПП ОГПУ под личным председательством Полномочного представителя ОГПУ по Западной Сибири права «применения высшей меры социальной защиты в отношении бандитских элементов, терроризирующих местное население и уже осевших трудпоселенцев»³⁶. С мая по октябрь 1933 г. к судебной ответственности по Александро-Ваховской комендатуре были привлечены 84 чел., из

них к высшей мере наказания — 34 чел., в т. ч. — 11 чел. «за людоедство», 23 чел. — «за мародерство и избиения»³⁷.

Руководство СибЛАГа рассчитывало, вероятно, исчерпать «назинский инцидент» рассмотрением вопроса на бюро крайкома партии, после чего ограничить сведения о нем узковедомственными рамками. По возвращении из длительной командировки по северным комендатурам Долгих подготовил подробный доклад о положении в Александро-Ваховской комендатуре и принятых мерах по его урегулированию. Доклад со всеми материалами был представлен в ШШ ОГПУ по Запсибкраю и 11 июля 1933 г. вручен начальнику ГУЛАГа Берману, следовавшему через Новосибирск на восток³⁸. Было сделано все возможное, чтобы поиск виновных в трагедии на о-ве Назино свести к служебному расследованию коллегией ОГПУ персональных дел Кузнецова и Цепкова. Однако ситуацию круто изменило письмо Величко партийному руководству (в ЦК и крайком партии).

Инструктор-пропагандист Нарымского окружкома партии Величко в начале августа 1933 г. был направлен в Александро-Ваховскую комендатуру для сбора информации о положении в трудпоселках. Судя по дате письма (с 3 по 22 августа 1933 г.), в течение длительного времени он самостоятельно расследовал «назинский инцидент» и последовавшие за ним события. Как показало сравнение собранных им фактов с материалами официальных комиссий (Долгих от СибЛАГа, Старикова и Эйна от Нарымского окружкома партии), Величко не только достоверно воспроизвел картину случившегося (различия в деталях не существенны), но и сделал более глубокие, чем другие, выводы о причинах, характере и последствиях трагических событий в Александро-Ваховской комендатуре. Во-первых, он обосновал вывод о том, что событиями на самом о-ве Назино трагедия расселения «нового контингента» не исчерпывалась, она продолжалась в таежных поселках — на местах расселения высланных. Во-вторых, Величко заострил вопрос, от которого постоянно уходили работники ОГПУ, — о значительных ошибках и просчетах, допущенных в ходе операции по «очистке» городов от «деклассированного элемента» (неправомерная высылка части лиц, в т. ч. коммунистов). Главный вывод его сводился к тому, что «сорвано трудовое поселение и освоение Севера на этом участке и сорвано с таким скандалом»³⁹. Наконец, Величко предал материалы своего расследования широкой (по тому времени) огласке — направил письма по трем адресам: Сталину, Эйхе и секретарю Нарымского окружкома Левицу. Таким образом, события вышли за рамки карательного ведомства, им была придана партийно-политическая окраска. О том, что письмо дошло до Сталина, свидетельствует факт обсуждения изложенных в нем событий на заседании Политбюро, правда, почти с полугодовым интервалом, 10 марта 1934 г.⁴⁰ В «особой папке» Западно-Сибирского крайкома сохранился машинописный экземпляр письма с автографом автора⁴¹.

Местные власти вынуждены были остро реагировать на сигнал: 15 сентября 1933 г. специальным постановлением бюро крайкома была создана комиссия во главе с председателем краевой контрольной комиссии ВКП(б) М.М. Ковалевым «по заявлению т. Величко»⁴². Она работала почти полтора месяца и подтвердила достоверность изложенных

фактов. По докладу комиссии Ковалева 1 ноября 1933 г. бюро крайкома партии приняло постановление. В преамбуле документа указывалось, что приведенные в письме Величко факты в основном подтвердились. В постановляющей части одобрялись принятые ОГПУ репрессивные мероприятия в отношении работников среднего звена СибЛАГа, непосредственно проводивших операцию по расселению трудпоселенцев в Александро-Ваховской комендатуре, а также содержались достаточно жесткие определения в адрес руководства СибЛАГа. Начальнику СибЛАГа Горшкову был объявлен строгий выговор «за отсутствие должной распорядительности в деле организации расселения деклассированного элемента». Такая оценка деятельности Горшкова отразилась на последующей его карьере — 22 ноября 1933 г. в связи с реорганизацией управления СибЛАГа он был освобожден от занимаемой должности. Строгому взысканию также подвергся начальник Отдела трудпоселений СибЛАГа Долгих. Однако он не был отстранен от должности и пребывал в ней до 1938 г., а затем был откомандирован в Красноярский край.

Комиссия Ковалева пришла к заключению, что «деклассированные» в значительной массе не были приспособлены к физическому труду и не имели достаточного хозяйственного опыта, а потому не могли являться тем контингентом, который бы «крепко осел» в северных районах. Однако гулаговский опыт освоения Севера путем массового расселения деклассированных не получил принципиальной оценки. Обобщающих оргвыводов не последовало. В постановлении бюро крайкома предлагалось проработать лишь конкретный вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания «деклассированных трудпоселенцев» в Александровской комендатуре⁴³.

Назинская трагедия невольно, но ярко высветила всю абсурдность попыток перенесения опыта освоения новых территорий репрессированным крестьянством («кулацкая ссылка») на другие, преимущественно городские маргинальные слои (деклассированные, уголовные элементы и т. д.). Власти были вынуждены приступить к корректировке плана высылки «нового контингента» в Западную Сибирь. По данным начальника отдела трудпоселений СибЛАГа Долгих, цифры для Западной Сибири (согласно получаемым уведомлениям ОГПУ и ГУЛАГа) менялись следующим образом: 7 февраля 1933 г. — 1 млн чел., 11 марта — 500 тыс., 15 мая — 375 тыс., 19 мая — 360 тыс., 22 мая — 350 тыс., 5 июня — 300 тыс., 29 июня — 200 тыс., 31 июля — 100 тыс. чел.⁴⁴ В официальной справке для крайкома партии Долгих отмечал: «Всего в 1933 г. в Западную Сибирь было завезено 131 955 чел. нового контингента. Из этого числа убыло на 1 сентября 1933 г.: умерло — 1 403 чел., бежало — 15 524 чел., передано лагерям — 13 610 чел., освобождено — 3 436 чел., убыло по разным причинам — 5 810 чел. Остающиеся на 1 декабря трудпоселенцы нового контингента 71 899 чел. распределяются по характеру освоения: на угле в южных (кузбасских. — С.К.) комендатурах — 23 347 чел., [на] сельхоздеятельности на Севере — 40 731 чел., осталось на пересыльных комендатурах — 5 413 чел.»⁴⁵.

Эта карательная статистика является убедительным доказательством фактического провала задуманного и разработанного руководством ОГПУ замысла по проведению гигантской социальной утилизации и использованию труда многочисленных маргинальных групп городского

и сельского населения, особенно т. н. деклассированного, социально-вредного элемента. Более того, ход расследования причин трагедии на о-ве Назино показал, что о каком-либо серьезном трудовом перевоспитании «соцвреда» руководство ОГПУ и не помышляло. Приоритетной для него была задача по «проталкиванию» выявленного в ходе «зачисток» западных и центральных территорий «контингента» на Север, остальное предполагалось возложить на плечи региональных органов.

Закончился также провалом план, предусматривавший отправку в трудпоселки, а не в лагеря лиц, не являвшихся «социально опасными» и осужденных органами ОГПУ и судами на срок до пяти лет. Инструкция от 8 мая 1933 г. содержала сложную для выполнения директиву «о разгрузке мест заключения» от «кулаков, осужденных на срок от 3 до 5 лет», подлежащих «направлению в трудовые поселки вместе с находящимися на их иждивении лицами»⁴⁶. В ходе этой «разгрузки» летом 1933 г. в спецпоселки страны предполагалось направить 133 400 чел.; в случае их соединения с семьями численность населения трудпоселков должна была возрасти почти на 400 тыс. чел.⁴⁷ В литературе не отражен численный состав тех, кого «перегрузили» из тюрем и лагерей летом 1933 г. в спецпоселки, но речь идет о многих десятках тысяч людей и 06 организации воссоединения на спецпоселении тысяч семей, что само по себе не могло не повлечь за собой многочисленных издержек. Если исходить из данных, приведенных В.Н. Земсковым, то в течение 1933 г. «убыль спецпереселенцев» (467 945 чел.) явно превысила «прибыль» (398 407 чел.). В графе «убыло» значились 215 856 бежавших и 151 601 умерший. Оба показателя являлись самыми крупными среди соответствующих годовых показателей за 1932 — 1940 гг. (сводных сведений о бежавших и умерших в спецпоселках за 1930 и 1931 гг. нет)⁴⁸. Даже этих данных достаточно для вывода о том, что предпринятая ОГПУ реорганизация системы спецпоселений или фактическое «разбавление» ранее преимущественно крестьянского по составу «контингента» деклассированными, полууголовными и уголовными элементами привела к дестабилизации и новым потрясениям «спецссылки». В этой связи сошлемся на приведенные выше в докладе Долгих данные по Западной Сибири, согласно которым «бежавшие» и «переданные лагерям» среди «нового контингента» по численности были приблизительно равны, что свидетельствовало о неспособности репрессивного аппарата трудпоселений эффективно контролировать положение в комендатурах весной — осенью 1933 г.

Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы позволяют по-новому взглянуть на характер и масштабы депортации в 1933 г. Было бы неправильно как игнорировать высылки, осуществлявшиеся в тот год, в силу их меньшей масштабности по сравнению с массовыми операциями в деревне в 1930 и 1931 гг., так и продолжать рассматривать их в контексте осуществления антикрестьянской политики без учета того, что в 1933 г. число объектов репрессий увеличилось преимущественно за счет представителей маргинальных слоев, а «кулацкая ссылка» утратила свою относительную социальную цельность. Что касается масштабов высылки, то нам представляются более доказательными цифры, приводимые В.Н. Земсковым и НА Ивницким, — 268 091 чел.,

поскольку они, рассмотренные в территориальном разрезе, сопоставимы с показателями, которые нам удалось выявить в региональном архиве: 140 697 чел. — данные Н.А. Ивницкого по высланным в Западную Сибирь, 131 955 чел. — сведения СибЛАГа⁴⁹. Приводимые же В.Я. Шашковым данные о «раскулачивании» и высылке в 1933 г. 188 тыс. крестьянских хозяйств, являются результатом суммирования 54,6 тыс. «кулацких хозяйств» и 133,4 тыс. единоличных хозяйств, главы которых были осуждены «за саботаж хлебозаготовок» (общее же число высланных, по его подсчетам, достигло 596 164 чел.)⁵⁰, вызывают сомнение потому, что вдвое превосходят другие известные показатели. Кроме того, автор считает всю высылку крестьянской. С учетом результатов «чистки» городов и «разгрузки» тюрем, лагерей и колоний итоговая цифра должна быть существенно больше, что усиливает недоверие к расчетам В.Я. Шашкова. Однако если исходить даже из цифр, приводимых В.Н. Земсковым и Н.А. Ивницким, то по масштабам высылки 1933 г. выходили за рамки ординарных и могут рассматриваться и как события завершающей фазы массовой депортации крестьянских семей (высылки из деревни последующих лет следует считать уже локальными), и как пролог к «Большому террору», поскольку репрессии в форме высылки и ссылки охватили и городских и сельских жителей.

Завершение массовой коллективизации и «раскулачивания» (1930—1933 гг.), радикальным образом изменивших социальный облик деревни, характер экономических отношений государства с различными группами и слоями внутри крестьянства, внесло коррективы в формы, масштабы и направления репрессивной политики сталинского режима в деревне. Массовые и крупномасштабные принудительные переселения, практиковавшиеся в начале 1930-х гг., сменились «точечными», локальными операциями карательных органов против тех или иных категорий крестьянства, которые проводились по инициативе региональной номенклатуры с санкции и под контролем высшего партийно-государственного руководства. Сокращение масштабов антикрестьянских репрессий в форме депортаций и локализация последних означало лишь некоторое ослабление давления сталинского режима на деревню. Сохранялось главное — комбинация средств репрессий внесудебного и судебного характера.

Основным социальным объектом государственных репрессий в деревне в середине 1930-х гг. оставалось единоличное крестьянское хозяйство, на которое был направлен весь арсенал средств государственного воздействия — от экономических до сугубо карательных. В условиях организационно-хозяйственной неустойчивости колхозов, неблагоприятных климатических условий в те годы органы власти были вынуждены решать одновременно две задачи в отношении единоличных хозяйств — экономическую (принудить выполнять в требуемом объеме государственные задания по поставкам сельхозпродукции) и поведенческую (заставить крестьян вступать в коллективные хозяйства). Репрессии против такой части единоличников, как «злостные саботажни-

ки», становились инструментом решения обеих задач и «точечно» применялись в период проведения сезонных кампаний (посевная, уборочная, хлебозаготовительная).

В моменты неблагополучия на «хлебном фронте» объектами репрессий в ходе хозяйственно-политических кампаний становились все группы сельского населения — от единоличников до должностных лиц, работников районного звена. При проведении хлебозаготовок в Западной Сибири осенью 1934 г., когда край оказался в «прорыве», для «подхлестывания» темпов заготовок сельхозпродукции в регион прибыл В.М. Молотов. 18 сентября 1934 г. бюро крайкома ВКП(б) приняло постановление «О борьбе с контрреволюцией», в котором карательным органам предписывалось в кратчайшие сроки организовать в ряде районов края показательные процессы «с вынесением высшей меры наказания за саботаж хлебозаготовок и вредительство в хозаппарате»⁵¹. 27 сентября на бюро уже рассматривалось семь законченных следствием дел «контрреволюционных групп», по которым проходили более 40 единоличников и колхозников. По всем делам бюро обязало суды «к руководителю группы применить ВМН»⁵².

Не ограничиваясь одними судебными акциями, руководство края обратилось также к испытанным мерам внесудебного характера — высылкам, но направление репрессий оказалось нехарактерным для Сибири — колхозы. 4 октября крайкомом и крайисполкомом было принято совместное постановление «О хлебосдаче в Калачинском районе»⁵³, в котором низкие темпы зернопоставок в районе объяснялись следствием саботажа со стороны колхозников и единоличников. Краевые органы постановили распустить два колхоза («Валгус» Великорусского и «Красная Дубрава» Царицынского сельсоветов) «как проводящие кулацкую политику <...> и являющиеся по существу лжеколхозами», а «бывших членов колхозов выселить из Калачинского района в северную часть края»⁵⁴.

Решение краевых органов о принятии такой экстраординарной меры не было продиктовано какими-либо особыми условиями или состоянием темпов хлебозаготовок именно в данном районе, а носило прежде всего превентивный, устрашающий характер и имело целью ускорить ход зернопоставок в колхозах и единоличных хозяйствах края.

На этот момент Калачинский р-н (территория современной Омской обл.) считался самым коллективизированным в области — 93 %. Вместе с тем на протяжении 1934 г. в 130 колхозах Калачинского р-на шел как приток единоличных хозяйств, так и отток, связанный с добровольным выходом или исключением из колхозов тех или иных хозяйств. Текучесть достигала почти 10 % от общего числа хозяйств колхозников, но не превышала соответствующих показателей соседних с Калачинским районов. Однако организационно-хозяйственная неустойчивость колхозов совпала с неблагоприятными климатическими условиями осени 1934 г.: невызревшее зерно с трудом поддавалось уборке техникой. В зоне работ Калачинской МТС на 20 сентября 1934 г. комбайнами было убрано менее 1 % посевных площадей. В сводках карательных органов отмечалось, что среди колхозников распространялись «зеленые», «дождливые», «сырые и антикомбайновские настроения».

ния репрессий в данном случае послужило принятое 30 января 1933 г. постановление ЦИК СССР «Об укреплении колхозов», п. 76 которого гласил: «В отношении единоличников, ударившихся в спекуляцию и упорно отказывающихся обрабатывать и засеять занимаемые ими земли, как это имело в некоторых районах Северного Кавказа — местные органы власти должны принимать суровые меры, вплоть до лишения приусадебной земли, а в отдельных случаях, как крайнюю меру — к высылке из пределов края в места, менее плодородные»⁵⁸. Акция уращения сибирских крестьян-единоличников, разрешенная Политбюро ЦК ВКП(б) 20 мая 1935 г., предполагала показательную высылку из 55 районов Западной Сибири. В каждом районе из нескольких сел, имевших наибольшую долю единоличных хозяйств и невысокие показатели выполнения плана сева, планировалось выселить в среднем по три—пять «наиболее злостных саботирующих хозяйств». В отправленной 21 мая 1935 г. директиве на места Эйхе и Грядинский акцентировали внимание на пропагандистской стороне акции: «Решение райисполкома [о] применении этих репрессий после изоляции выселяемых широко распубликуйте [в] районной печати»⁵⁹.

В число 55 вошли районы, в которых, по мнению властей, был крайне низкий уровень коллективизации (60—70 %) и спущенный «сверху» на единоличников план сева выполнялся на 10—20 %. Подготовка к высылке, несмотря на директивные указания о недопустимости «перегибов», вызвала волну активности районной номенклатуры: краевые органы практически отовсюду получали просьбы об увеличении квоты на высылку единоличных хозяйств. Типичным следует считать обращение, полученное 27 мая 1935 г. Эйхе и Грядинским от руководства Каргатского р-на. Оно добивалось в «разверстку» на район к 15 прибавить еще 36 хозяйств, чтобы карательными мерами не столько «подхлестнуть» темпы посевной кампании (та и без того шла к завершению) или принудить единоличников к вступлению в колхозы, сколько избавиться от части к тому времени почти разоренных налогами и повинностями единоличных хозяйств. «К этим хозяйствам меры воспитательного порядка, предупреждения, убеждения исчерпаны, — говорится в документе. — Выселение этих дополнительно 36 хозяйств освободит от антисоветского влияния на окружающие колхозы <...> и оставшихся единоличников поставит на путь добросовестного отношения к государственным обязательствам <...>»⁶⁰ Краевые власти частично удовлетворили просьбу каргатской номенклатуры, разрешив депортацию еще 20 хозяйств. Хранящиеся в тематическом деле сельхозотдела крайкома партии сводки из районов о ходе высылки единоличных хозяйств позволяют сделать вывод, что в случае удовлетворения всех подобных ходатайств размеры депортации могли возрасти в 2—2,5 раза или с 500 до 1 тыс. хозяйств. В организационном плане подготовка упомянутой депортации имела некоторые отличия от массовых высылки, проходивших в начале 1930-х гг. Она была, во-первых, скоротечной (всего около недели), во-вторых, публичной (списки высланных публиковались в районной печати). Последнее вовсе не отменяло начальной конспиративной стадии: районные руководители выезжали в села, намеченные для высылки единоличных хозяйств; после определения «саботажных семей» на закрытых совещаниях с руководством села главы семей арес-

товывались работниками НКВД и до высылки содержались в изоляции. Однако, несмотря на закрытость этих мероприятий, происходила утечка информации. В июне 1935 г. проводилось служебное расследование в отношении действий председателя Ояшинского РИКа Торбиной, которая «до начала операции разгласила работникам Жуковского сельсовета о предполагаемом выселении саботажнических хозяйств, в результате чего четыре единоличника, намеченные к высылке, за день до выселения сбежали»⁶¹.

Всего же в ходе локальной высылки, продолжавшейся всего несколько дней (23—27 мая), на спецпоселение в северные комендатуры края было вывезено 588 хозяйств, или 2 615 чел. Масштабы внесудебной репрессии были сопоставимы с судебными — за апрель—май по ст. 58 и 61 в крае было привлечено к суду 2 642 чел.

В докладной записке в ЦК от 9 июля 1935 г. о проведенной акции Эйхе с удовлетворением констатировал, что «после выселения наиболее злостных саботажников увеличился приток единоличников в колхозы»⁶². Эйхе признавал, что «мероприятия по проведению выселения вызвали значительные расходы». Он не оперировал цифрами, но сообщал, что местные власти обеспечивали высланных продовольствием на три месяца, а также выделяли на каждые пять хозяйств по лошади и корове. Далее секретарь крайкома просил «дать указания соответствующим органам об ассигновании необходимых средств и выдаче продфуража». Речь шла уже о конкретной сумме в размере 450 тыс. руб., половину которых должны были составить возвратные средства. Кроме того, на первый год пребывания в спецпоселках до получения высланными первого урожая требовалось выделить 460 т муки, 87 т крупы, 115 т овса, что увеличивало общую стоимость затрат примерно вдвое⁶³. Суммируя уже сделанные и предполагаемые затраты, можно сделать вывод, что высылка и устройство одного хозяйства обходились государству примерно в 1,5 тыс. руб., что с учетом инфляции в целом соответствовало «нормативу», сложившемуся в ходе массовых депортаций в начале 1930-х гг. Но власти в очередной раз пренебрегали принципом экономической целесообразности. Учитывая, что в среднем на единоличное хозяйство спускался план посева в 3—4 га, высланные почти 600 хозяйств должны были засеять около 2 тыс. га. Норма зернопоставок для единоличника составляла до 1,5 ц/га. Таким образом, государство получило бы с этих хозяйств около 300 т зерна. Между тем, как уже отмечалось, для их снабжения в первый год поселения из госзапасов было затребовано 460 т муки.

Внесудебные репрессии в западно-сибирской деревне осенью того же года получили продолжение. Объектами очередной локальной высылки были выбраны хозяйства девяти северо-восточных районов Западной Сибири. По телеграмме Эйхе и Грядинского Политбюро 20 сентября 1935 г. санкционировало высылку из этих районов в северные трудпоселки «до 500 хозяйств, организующих саботаж и оказывающих сопротивление хлебопоставкам». В соответствии с тем же постановлением для обеспечения высылки была создана «особая тройка» в составе Грядинского, начальника краевого УНКВД В.А. Каруцкого и краевого прокурора Баркова⁶⁴.

Вторая за сравнительно краткие сроки локальная высылка крестьянских хозяйств, будучи осуществленной как внутрикраевая, отчетливо высветила для самих инициаторов издержки внеплановых высылки. Поиск дополнительных средств на высылку и содержание нового «контингента» в трудпоселках порождал многонедельные бюрократические согласования, завершавшиеся не в пользу краевого руководства. Так, 29 сентября 1935 г. Грядинский в письме на имя председателя СНК СССР Молотова просил Совнарком дать распоряжение наркомату финансов о выделении дополнительных ассигнований по линии НКВД «на проведение операции по выселению и на покрытие расходов, связанных с хозустройством в комендатурах 500 хозяйств в размере 372,5 тыс. руб.». Кроме того, для выселяемых хозяйств для их снабжения на первый год на поселении требовалось закупить хлебофуража (329 т муки, 47,5 т крупы и 100 т овса) на сумму 628,9 тыс. руб. Общие расходы по осенней высылке таким образом достигали 1 млн руб.⁶⁵ СНК СССР дал указание покрыть расходы, связанные с высылкой и устройством хозяйств на поселении, «за счет средств, ассигнованных НКВД на выселение и хозяйственное устройство трудпоселенцев в 1935 г.» и обеспечить хлебофуражом «за счет рыночных фондов, выделенных Западно-Сибирскому краю»⁶⁶. Однако именно проблема хлебофуража оказалась в дальнейшем «узким» местом. В своем письме к Эйхе и Грядинскому от 4 января 1936 г. руководство краевого УНКВД указывало, что отдел трудпоселений «за отсутствием свободной наличности не в состоянии за свой счет произвести закуп хлеба и фуража из краевых базарных фондов, свободных запасов хлеба и фуража в комендатурах для выдачи в ссуду трудпереселенцам — нет»⁶⁷. После неоднократных обращений в ГУЛАГ НКВД относительно отпуска средств на покупку хлеба и фуража краевое УНКВД получило ответ, в котором говорилось, что крайисполком должен вторично обратиться в СНК СССР с соответствующим ходатайством⁶⁸. Через месяц, 8 февраля 1936 г. Президиум крайисполкома постановил: «Довести до сведения СНК СССР, что НКВД не принимает мер к покрытию расходов, произведенных Зал Сиб. УНКВД по переселению указанных семейств»⁶⁹. В том же постановлении крайисполком обязал краевые органы выщелить для трудпоселенцев фураж и семенную ссуду на посев, что на деле означало принятие на местный краевой бюджет упомянутых расходов в размере 1 млн руб. на высылку и обустройство переселенных в комендатуры 500 хозяйств.

В дальнейшем региональные власти, учитывая не вполне удачный опыт финансового и продовольственного обеспечения локальных высылки в 1935 г., не поощряли желание местных органов превратить внесудебные высылки крестьян в регулярный инструмент давления на единоличные хозяйства. Так, в апреле 1936 г. руководство Шегарского р-на, в котором срывался план посевной кампании среди единоличников, обратилось в крайисполком с просьбой дать санкцию «к выселению особо реакционной части единоличников из пределов Шегарского района», на что последовал ответ зам. председателя крайисполкома Воронина: «Вашу постановку — выселение части единоличников из пределов Шегарского района, считаю неправильной, и не в этом сейчас суть организации развертывания посевных работ»⁷⁰.

Череду крупных локальных высылков в Западной Сибири завершила проведенная весной 1936 г. высылка 300 семейств из Ойротии (Горный Алтай) в карагандинские спецпоселки. 29 февраля 1936 г. Эйхе и Грядинский направили в ЦК ВКП(б) шифротелеграмму, в которой сообщали о вскрытии в Ойротии «контрреволюционной националистической организации», проведенных НКВД арестах и просили разрешить «выселить из Ойротии 300 семейств баев и бывших организаторов восстаний». В телеграмме также говорилось: «Выселение просим поручить НКВД, причем просим разрешить выселение произвести в карагандинские спецпоселки. Выселение на север Западной Сибири нежелательно, так как на севере нет национальных поселков и этот контингент на севере будет очень трудно освоить»⁷¹. 5 марта 1936 г. Политбюро санкционировало высылку. Сама операция проводилась органами НКВД в конце марта 1936 г. В г. Ойрот-Тура на заседаниях «тройки» были рассмотрены дела по высылке 343 семей, т. е. больше, чем определялось Центром. Однако работавшим в составе «тройки» представителем краевой прокуратуры было «отсеяно» около 10 % представленных к высылке семей, и «лимит» был выдержан. Краевая прокуратура, хотя находила, что ойротская операция «по выселению байско-кулацких и бандитских семейств» «прошла неплохо», тем не менее информировала руководство края о наличии в ряде аймаков «серьезных перегибов и искривлений», где до трети семейств «были изъяты неправильно»⁷².

Указанная депортация по своему типу была смешанной — не только сельской, но и этнической по составу высланных, и этим самым соединяла уходившую крестьянскую ссылку с наступающей этнической. Другая ее специфика состояла в том, что высылаемые направлялись в другой регион — Казахстан.

Таким образом, 1936 г. можно считать датой последней крупной для Западной Сибири локальной внутрикраевой депортации крестьян. Массовые и локальные депортации из сибирской деревни внутрь региона осуществлялись режимом на протяжении всей первой половины 1930-х гг. Менялись лишь мотивация, масштабы, сроки и объекты репрессий. Депортация крестьян, примененная впервые в феврале—апреле 1930 г. как экстраординарная, чрезвычайная и «непрописанная» в репрессивном законодательстве мера, затем стала привычным средством в арсенале государственного насилия в деревне. Свою сначала определенную как основную функцию карательного сопровождения принудительной коллективизации массовые высылки выполнили в 1930—1931 гг. В последующие годы высылки, ставшие локальными, функционально и мотивационно были уже связаны с обеспечением проводившихся в деревне хозяйственно-политических кампаний (посевных, хлебозаготовительных и др.).

Несмотря на сходство упомянутых высылков в части механизма подготовки и организации карательных операций, каждая из них отличалась своей спецификой. Первая, проводившаяся зимой—весной 1930 г., имела наиболее сложный, многоуровневый характер: властям приходилось увязывать меж- и внутререгиональные депортации, а внутри Сибирского региона еще и решать задачи по осуществлению высылков двух видов — жестких по отношению к выселяемым в отдаленные местности

крестьянским семьям и «мягких» по отношению к расселяемым в пределах районов проживания семей (что на деле означало лишь отложенную на некоторое время радикальную депортацию). Организационно наиболее подготовленной и проведенной карательной машиной без существенных «срывов» была депортация, которая состоялась весной—летом 1931 г. Высылка, развернувшаяся весной—летом 1933 г., носила локальный для региона характер. Она охватывала лишь группу районов Западной Сибири, но при этом была частью крупномасштабной карательной операции, затронувшей не только крестьянство, но и деклассированную часть городских слоев, население приграничных территорий страны и т. д.

Проведение на протяжении первой половины 1930-х гг. практически ежегодно в больших или меньших масштабах локальных депортаций было обусловлено не только общими социально-политическими и экономическими, но и внутрирегиональными причинами. Сложившаяся система спецпоселений в Западной Сибири требовала притока средств и ресурсов, что частично решалось путем осуществления локальных депортаций. Концентрация в поселениях значительного числа местного сибирского крестьянства создавала условия для массового бегства спецпереселенцев и делала неизбежными внутренние территориальные «зачистки» от бежавших «кулаков». Взаимодействие принудительных, вынужденных и добровольных миграционных потоков привело в итоге к созданию на территории Западной Сибири анклавов (Нарымский край, Кузбасс), функционировавших по законам и принципам принудительной экономики с такой универсальной «рабсилой», как репрессированные крестьяне.

Глава IV МОЛОХ

1. «Правовое» положение спецпереселенцев

Традиционная советская историография обошла вниманием вопросы определения и эволюции социально-правового статуса спецпереселенцев в сталинском обществе. Достаточно было стереотипных упоминаний о том, что, будучи «кулаками», «эксплуаторами», верхи крестьянства подвергались (в рамках советского законодательства) различным ограничениям, прежде всего лишались избирательных прав, становясь «лишенцами». «Лишенцами» они попадали в спецпоселения, где при определенных условиях могли быть восстановлены в избирательных правах, сняты со специального учета. Конституцией 1936 г. «бывшие кулаки» были уравнены в правах со всеми гражданами страны¹. В ряде публикаций акция 1936 г. по восстановлению части трудпоселенцев в избирательных правах рассматривалась как логическое звено политики советской власти «по трудовому перевоспитанию бывших кулаков»².

Смена исторической парадигмы на удивление мало что изменила или добавила к стереотипной трактовке статуса «раскулаченных». В современной исследовательской литературе в связи с данным вопросом, как правило, лишь констатируется господство хаоса, безответственности и правового беспредела в отношении к выселяемым хозяйствам³. Так, историк В.Я. Шашков лаконично замечает, что и на спецпоселении ситуация с правами репрессированных радикально не изменилась: «Трудпоселенцы вплоть до их освобождения от спецпоселения находились в бесправном положении»⁴. Поэтому удивление вызывает заглавие одного из разделов его монографии — «Хозяйственное устройство спецпереселенцев и их правовое положение»⁵. Очевидно, что историк здесь впал в логическое противоречие, поскольку правовое положение исключает бесправие и наоборот. На наш взгляд, в этом проявилось влияние на исследователя духа и буквы источников сталинской эпохи: зачастую он, сам об этом не подозревая, начинает воспроизводить подходы сталинского политического режима. Очевидно, анализируя данный предмет — характеристики, определяющие статус спецпереселенцев, следует либо закавычивать словосочетание «правовое положение», либо рассматривать проблему правовых ограничений и дискриминаций, которым сталинский режим подвергал репрессированных крестьян.

В рамках такого подхода написано несколько работ, среди которых следует выделить статьи уральских историков. Так, Т. И. Славко справедливо акцентирует внимание на том, что часть крестьянства («лишенцы») подвергалась всевозможным гражданским, экономическим и политическим дискриминациям еще до своей высылки. В момент самой репрессии, как правило, сознательно стирались грани между сельскими «лишенцами» и «кулаками», и это был следующий виток «правового беспредела» в деревне 1930—1931 гг. Обоснован и ее вывод о том, что

«спецпереселенцы, попавшие в кулацкую ссылку, практически лишались гражданских прав»⁶.

Заслуживает быть отмеченной единственная пока в своем роде работа пермского историка А.Б. Суслова, в которой выясняются «некоторые особенности социального и правового статуса» т. н. спецконтингента⁷. Исследователь сделал новаторскую попытку определить место каждой группы внутри «спецконтингента» в соответствии со степенью зависимости (несвободы): «заключенные — проходящие фильтрацию — военнопленные — спецпереселенцы — трудармейцы»⁸. А. Б. Суслов отмечает, что спецпереселенцы, хотя формально и обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения, изначально не имели избирательных прав, а это влекло за собой множество различного рода ограничений. Фактически же спецпереселенцы были лишены свободы как таковой, что сближало их с заключенными (обязательность принудительного труда, удерживание средств на содержание репрессивного аппарата и т. д.). «Спецпоселенцы, — отмечает историк, — так же, как и заключенные, находились на волюнтаристски изменяемом правовом поле, где ведомственные инструкции карательных органов были весомее актов высших органов государственной власти»⁹. А.Б. Сусловым сделан также принципиальный вывод о том, что статусные (социально-экономические и правовые) характеристики положения заключенных и спецпереселенцев на протяжении 1930-х гг. существенно изменились: «В начале 30-х годов спецпереселенец явно стоял на нижней ступеньке советской общественной иерархии. Он не имел целого ряда гражданских прав, фактически не был свободен, полностью зависел от произвола коменданта, а материально был поставлен на грань выживания. Заключенный <...> все же имел стабильный и физиологически удовлетворительный паек, одежду и жилье, а также пользовался своими лагерными "правами". К концу 30-х годов положение изменилось. Спецпоселенцы теперь уже могли пользоваться некоторыми ранее ограниченными гражданскими правами, да и материальное положение их улучшилось, по сравнению с лагерниками»¹⁰.

Фактический анализ проблемы правового поля, границы которого власть произвольно изменяла для репрессированных и высланных крестьян, следует предварить краткой характеристикой лишения избирательных прав и его последствий. «Лишенчество» было частью разветвленной системы ограничительно-дискриминационных мер, которые большевистская власть направляла против самых разных категорий и групп постреволюционного общества. Согласно ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г., насчитывалось семь категорий граждан, не имевших права избирать и быть избранными в Советы всех уровней. К этим категориям относились лица, использующие наемный труд, живущие на нетрудовые доходы, торговцы и посредники, бывшие офицеры, военные чиновники, чины полиции, осужденные по суду и т. д. Лишение избирательных прав выполняло несколько функций. Эта мера была направлена на предотвращение возможного усиления позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевиков; искусственное переструктурирование общества путем деления общества на «своих» и «чужих»; привлечение социальных низов к осуществлению мер ограничительно-дискриминационного характера (эф-

факт соучастия); поддержание в обществе психологии агрессии в отношении «бывших» — привилегированных в прошлом сословий и групп. Наконец, лишение избирательных прав являлось своего рода прологом к прямым массовым репрессиям, поскольку относительно неплохо поставленные к концу 1920-х гг. учет и контроль над «лишенцами» позволял без особого труда выявить объект для карательных операций.

Становясь «лишенцами», люди теряли социальные перспективы в советском обществе (большинство не имело шансов на восстановление в правах), причем этот статус наследовали все члены семей, в т. ч. иждивенцы, они оказывались объектами применения разных форм дискриминаций и ограничений. Насчитывалось более десяти ограничений — увольнение с работы, исключение из профсоюзов, кооперативов и других общественных организаций, исключение детей «лишенцев» из средних и высших учебных заведений и т. д. Получение статуса «лишенца-кулака» для сельских жителей означало прежде всего значительное увеличение налогов, в т. ч. военного, поскольку детей «лишенцев» в 1920-е гг. не призывали в кадровую Красную армию. Кроме того, с конца 1920-х гг. стали возрастать размеры повинностей (трудовые, гужевые), связанные с ремонтом дорог, лесозаготовками и т. д., которые налагались на «лишенцев-кулаков».

С началом массовой депортации крестьянских хозяйств (февраль 1930 г.) деревня оказалась погруженной в правовой беспредел. Его характерным проявлением было причисление к разряду «кулаков» представителей фактически всех категорий «лишенцев», проживавших в сельской местности, — и бывших белых офицеров, и священнослужителей, и торговцев, и некогда осужденных по суду. Основной на тот момент официальный (и при этом секретный) документ инструктивного характера «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества», принятый ЦИК и СНК СССР 4 февраля 1930 г., имел исключительно репрессивно-конфискационную направленность. В нем шла речь не о каких-либо правах экспроприруемых крестьян, а об установлении норм денежных средств, продовольствия, предметов домашнего обихода, которые могут оставаться у «лишенцев». Единственный пункт инструкции, отдаленно имевший отношение к праву выбора места жительства, гласил: «4. Члены семей выселяемых кулаков могут при своем желании и при согласии на это районных исполнительных комитетов оставаться временно или постоянно в прежнем районе (округе)»¹¹.

С самого начала этой карательной акции стала очевидной ее двусмысленность с точки зрения существовавшего, в частности, уголовного законодательства, в котором не были прописаны массовые принудительные переселения. Так, согласно букве закона, государственные репрессии делились на два больших блока — лишение свободы (заключение в тюрьмы, колонии и лагеря), а также высылка и ссылка в административном и судебном порядке. Эти репрессии имели весьма подробную правовую регламентацию и свои сроки. Так, высылка и ссылка до 1930 г. не могли превышать пяти лет.

Формально депортация крестьян могла считаться ссылкой, поскольку «раскулаченные» доставлялись принудительным путем в конкретные районы на поселение под надзор карательных органов без права выезда

из них. Однако эта ссылка была экстраординарной и не подпадала под определение классической, поскольку крестьяне ссылались семьями, включая грудных детей и глубоких стариков; не были определены сроки пребывания на поселении. Иначе говоря, требовалось законодательно оформить карательную практику соединения бессрочной ссылки на поселение с принудительными работами. Но на это советское руководство не решилось. Выход из создавшейся ситуации — компромиссный и паллиативный — был найден: с середины 1930 г. депортацию стали называть спецпереселением, а «раскулаченных» и высланных «кулаков 2-й категории» — спецпереселенцами. Спецпереселение не считалось законодательно прописанной карательной акцией и, соответственно, не требовало уточнения или введения новых статей в репрессивное законодательство; оно квалифицировалось как особая форма переселения с применением для «раскулаченных» ряда правовых ограничений. Самая массовая со времен окончания гражданской войны карательная акция в правовом отношении ничем не была подкреплена, хотя коснулась только в 1930—1931 гг., по самым минимальным подсчетам, более 1,6 млн чел. Для сравнения отметим, что лагерный контингент насчитывал в это время около 200 тыс. чел. Разработка и принятие правительством положения об исправительно-трудовых лагерях продолжались с лета 1929 до весны 1930 г. Трагедия спецпереселенцев была в том, что формально они не считались репрессированными и не лишались свободы, но фактически являлись таковыми, поскольку утрачивали гражданское право (поражение в избирательных правах) и право на передвижение (запрещение покидать спецпоселки).

Доминантой всех последующих документов нормативного характера, появившихся весной—летом 1930 г., было установление предельно возможной регламентации (ограничения, запреты, обязанности) поведения и деятельности репрессированных крестьян. «Сверху» определялись места поселения «кулаков», размеры поселков по количеству дворов, нормы земельных наделов, сельхозугодий и т. д. Устанавливались прямые дискриминационные меры для «расселяемых» в пределах того или иного региона хозяйств. В постановлении коллегии Наркомзема РСФСР от 1 апреля 1930 г., направленном местным земорганам, указывалось: «При отводе с/х угодий для поселков с кулацкими хозяйствами необходимо учесть, что земли должны быть худшего качества»¹².

В документах, исходящих из властных органов, можно встретить отдельные положения, которые имели опосредованное отношение к статусу репрессированных крестьян, поскольку носили разрешительный характер. Так, 10 апреля 1930 г. в принятом СНК РСФСР постановлении «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулацких семей» предлагалось «Прокуратуре Республики организовать порядок апелляции и срочное рассмотрение жалоб на неправильное раскулачивание и высылку»¹³. Иначе говоря, крестьянам давалось право на обжалование репрессии, но только после того, как высылка становилась свершившимся фактом.

«Мягкие» решения, принимавшиеся созданными в связи с крестьянской высылкой правительственными комиссиями, быстро корректировались «сверху» в дискриминационном духе. Так, радикальному изменению подверглось положение об оплате труда выселенных. Если по-

становление комиссии В.В. Шмидта от 5 апреля 1930 г. гласило, «что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата труда их должна быть одинакова со всеми остальными, занятыми на этих работах рабочими», то постановление СНК СССР от 5 мая 1930 г. эту норму перечеркивало: «Установить, что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата труда их должна быть на 20 — 25 % ниже по сравнению с занятыми на этих работах рабочими и законы о социальном страховании на них не распространяются»¹⁴.

Летом 1930 г., когда сеть спецпоселков стала реальностью и требовались инструктивные указания «по управлению кулацкими поселками 2-й категории», Сибирская краевая комиссия «по расселению и устройству кулаков» в разделе «общие положения» зафиксировала положение спецпереселенцев в следующем виде: «Население кулацких поселков 2-й категории не обладает избирательными правами, лишено прав самоуправления, управляется комендатурами <...>»¹⁵ Со временем репрессивная практика потребовала дальнейшей регламентации «прав и обязанностей спецпереселенцев», и с 1931 г. в регионах наиболее значительной концентрации спецпоселков стали разрабатываться соответствующие документы. В Положение о спецпереселенцах, принятое 31 марта 1931 г. Уральским облсоветом, был включен раздел о «правовом положении спецпереселенцев», некоторые пункты которого однозначно определяли статус последних: «1. Спецпереселенцы как лица, лишённые избирательных прав и административно-сосланные, ограничиваются в правах, как личных, так и имущественных.

2. Личные ограничения в правах состоят в:

- а) лишении прав передвигаться и селиться по собственному усмотрению;
- б) лишении права собраний без разрешения поселковых комендантов <...>

Спецпереселенцам никаких удостоверений и видов на жительство не выдается, за исключением личной книжки установленного образца и пропуска на временные отлучки»¹⁶.

25 октября 1931 г. руководством ГУЛАГа было представлено и Г.Г. Ягодой утверждено типовое «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев»¹⁷, которое действовало на протяжении 1930-х гг. Обращает на себя внимание последовательность расположения разделов внутри документа: «Обязанности спецпереселенцев» в нем предшествовали «Правам». В разделе «Права спецпереселенцев» говорилось:

«1. Все спецпереселенцы и их семьи, точно соблюдавшие установленные для них правила и добросовестно относящиеся к порученной им работе, имеют право на полное восстановление их во всех гражданских правах через пять лет со дня переселения.

2. Все спецпереселенцы и их семьи, занятые на любой работе, в вопросах оплаты их труда и снабжения продовольствием и товарами приравниваются к вольнонаемным рабочим. Все работающие по найму получают на руки расчетные книжки, куда записываются их заработки.

Примечание: с заработка спецпереселенцев работодатели удерживают 15 % на расходы, связанные с административным обслуживанием спецпереселенцев.

3. Спецпереселенцы и их семьи имеют право на медицинскую и социальную помощь:

а) спецпереселенцам и членам их семей медпомощь оказывается бесплатно в местных и специально организованных лечучреждениях;

б) за работающих по найму спецпереселенцев вносятся страхначисления в общем порядке. Спецпереселенцы имеют право на получение через органы соцстраха пособия по временной утрате трудоспособности, пенсий на рождение и погребение на одинаковых с вольнонаемными рабочими (не членами профсоюза) основаниях;

в) беспризорным сиротам, а также старикам-инвалидам, не имеющим родственников, оказывается социальная помощь (помещение в интернаты или патронирование) местными органами НКЗдрава, НКПроса и НКСобеса по принадлежности.

4. Спецпереселенцы и их члены семей имеют право на прием в местные школы, курсы и т. д. на одинаковых условиях с вольнонаемными.

Примечание: при отсутствии или недостаточности в пунктах расселения местных школ для детей организуется дополнительная специальная сеть.

5. Спецпереселенцы и их семьи имеют право и должны пользоваться всеми общественными формами наилучшей организации труда, поднятия производительности труда и улучшения качества продукции (бригадный и артельный методы работы, соревнование, ударничество и т. д.).

6. Спецпереселенцы и их семьи имеют право с предварительной санкции комендатуры ОГПУ внутри поселков создавать культурно-просветительные организации (кружки самообразования, кружки различных искусств и санитарные кружки).

7. Спецпереселенцы и их семьи с предварительного разрешения комендатуры ОГПУ имеют право собираться по вопросам культурно-просветительного характера, вопросам соревнования и ударничества и вопросам общественно-бытового порядка в поселках.

Примечание: всякие общественные собрания спецпереселенцев проводятся представителем комендатуры ОГПУ и все решения этих собраний являются действительными только по утверждению их комендатурой ОГПУ.

8. Спецпереселенцы и их семьи пользуются неограниченным правом получения и приобретения газет и всякой литературы, издающейся в СССР.

9. Спецпереселенцы и их семьи пользуются неограниченным правом обмена всякого рода корреспонденцией, посылками и денежными переводами.

10. Спецпереселенцы и их семьи имеют право возведения для себя за свой счет жилых домов и служб, а также приобретения всякого имущества личного обихода, скота и инвентаря.

11. Спецпереселенцы имеют право через комендатуры ОГПУ передавать своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14 лет и нетрудоспособных стариков-старух¹⁸.

Приведенный выше перечень фактически отражает не права спецпереселенцев как таковые (гражданские, социальные, трудовые и т. д.), а разрешение властей на то, что в обычных условиях ни ограничений, ни разрешений не требовало. Безусловно, ключевым являлось обещание предоставить спецпереселенцам право на восстановление в гражданских правах по истечении пяти лет работы на спецпоселении. Однако это было потенциальной, но отнюдь не реальной правовой нормой, по крайней мере для первой половины 1930-х гг.

Оговоренное в документе равенство спецпереселенцев в оплате труда и снабжении с вольнонаемными рабочими сводилось к нулю применением об удержании у них 15 % заработка. Реализовать право на получение медицинской и социальной помощи, в т. ч. пособий, спецпереселенцы не могли, поскольку не являлись членами профсоюзов. Право детей «лишенцев» учиться в местных школах существовало наряду с ограничениями на получение образования от среднего и выше. Все остальные т. н. права (получение газет, посылок, корреспонденции, приобретение «для себя за свой счет» имущества, скота, инвентаря и т. д.) в обычном правовом поле к разряду прав отнести было бы нельзя. Однако особенно неординарным «правом» следует считать разрешение спецпереселенцам передавать своим родственникам на воспитание и иждивение детей, а также нетрудоспособных и инвалидов — членов семей. Таким образом, правильнее анализировать не «правовое положение» спецпереселенцев, а режимное, дискриминационно-ограничительное пространство, в котором они пребывали на спецпоселении и внутри которого «права» на деле являлись смягчением либо отменой ранее введенных ограничений или дискриминаций. Сказанное можно проиллюстрировать достаточно стандартной для начала 1930-х гг. ситуацией: директивные органы вынуждены были «поправлять» местные органы в тех случаях, когда речь шла о заведомо дискриминационных актах в отношении спецпереселенцев. Так, п. 10 проекта постановления ЦК, внесенного в Политбюро комиссией Андреева 28 июля 1931 г., гласил: «Ввиду наличия на местах случаев, когда хозяйственные и другие организации дают спецпереселенцам как для глав семьи, так и для молодежи, заведомо непосильные нормы выработки, превышающие нормы выработки вольных, ЦК предлагает хозорганам немедленно это устранить, давая спецпереселенцам такие же нормы выработки, какие даются рабочим»¹⁹. В п. 5 предложения той же комиссии, внесенного в Политбюро 7 августа 1931 г., было записано: «Отменить решения местных органов, запрещающих организацию огородных хозяйств спецпереселенцами, занятыми в промышленности»²⁰. В п. 23 указывалось: «Ввиду имевших место случаев отказа в приеме в школу детей спецпереселенцев, указать крайкомам и обкомам, что дети спецпереселенцев там, где специальных школ для обучения детей спецпереселенцев не построено и не строится, должны обучаться в существующей сети школ НКПроса на общих основаниях»²¹. Пункт 26 обязывал Центросоюз «снабжать спецпереселенцев на общих основаниях и по нормам соответствующих категорий рабочих и трудящихся и членов их семей». Согласно п. 36 Наркомсобес был обязан «дать немедленно на места указания принять в свои инвалидные дома нетрудоспособных и не имеющих помощи от родственников — стариков спецпереселенцев»²².

В ряду предложений, выработанных 7 августа 1931 г. комиссией Политбюро по спецпереселенцам, были и такие, которые нацеливали в перспективе на выделение в составе репрессированного крестьянства категории с особым «правовым» положением. Впервые об этом комиссия Андреева заговорила 15 мая 1931 г., предложив ОГПУ акцентировать внимание на молодежь, «ставя ее в особые условия <...> и не распространяя того строгого режима, который распространяется на главу семьи»²³. В документе Политбюро эта установка начинала обретать директивные формы. Пункты, намечавшие «молодежную» политику, предусматривали: «31. Учитывая необходимость скорейшего отрыва молодежи спецпереселенцев от контрреволюционной части кулачества — признать возможным восстановление в правах молодежи, достигшей 18-летнего возраста, до истечения 5-лет[него] срока в тех случаях, когда эта молодежь проявила себя с положительной стороны. Подобные восстановления проводятся отделами по с/п через ЦИК, и Союзных и Автономных республик, или краевые и областные исполкомы, с предоставлением им права свободного проживания.

32. Провести следующие мероприятия по отрыву молодежи от контрреволюционного влияния кулаков-стариков:

- а) создавать особые молодежные бригады на производстве;
- б) вовлекать молодежь на производстве и в сел[ьском] хозяйстве в трудовое соревнование;
- в) прикреплять к молодежным бригадам политруков в целях вовлечения молодежи в политпросветительную работу;
- г) разрешить досрочное освобождение молодежи из спец. поселков за ударную работу и перевыполнение производственных заданий;
- д) ввести первоочередное снабжение молодежи литературой;
- е) организовать среди молодежи кружки по получению и повышению квалификации, спортивные и другие»²⁴.

В разработанной той же комиссией и утвержденной 30 августа 1931 г. Политбюро «Инструкции о порядке дальнейшего выселения кулацких семей» намеченная выше линия получила дополнительное развитие. При перечислении категорий, выселение которых категорически запрещалось (семьи бывших красных партизан, красноармейцев и др.), отмечалось: «Запретить также выселение молодежи из состава кулацких семей, которая занята самостоятельным трудом и не имеет тесной связи с семьей или порвала с ней»²⁵. Свидетельством того, что «молодежная» политика зарождалась, по точному выражению А.Б. Сулова, «на волюнтаристски изменяемом правовом поле», является плачевная судьба упомянутого выше п. 31, утвержденного вместе со всеми предложениями постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. Он оказался вскоре дезавуирован постановлением Политбюро от 8 сентября 1931 г., а 10 сентября 1931 г. был отменен постановлением правительства²⁶. Это не означало, однако, окончательного отказа от существовавшей с 1932 г. практики досрочного восстановления в правах спецпереселенческой молодежи. В феврале 1932 г. ЦИК СССР издал постановление о досрочном (до истечения установленного пятилетнего срока с момента выселения) восстановлении в гражданских правах «выселенных кулаков». Эта мера могла применяться исключительно в отношении лиц, проявивших себя высокопроизводительным трудом и лояльным отно-

шением к советской власти, и по представлениям органов ОГПУ, которые согласовывались с соответствующими хозяйственными организациями²⁷.

27 апреля 1932 г. ЦИК СССР предложил республиканским и местным органам представить списки спецпереселенцев для досрочного восстановления их в избирательных правах. По мнению руководства ОГПУ, данной акции следовало придать пропагандистский характер, приурочив ее проведение к празднованию 1 Мая. Представленный в ЦИК СССР список включал около 1 тыс. фамилий спецпереселенцев, треть которых находилась в спецпоселках Западной Сибири. Постановлением ЦИК СССР от 3 мая 1932 г. ходатайство ОГПУ было удовлетворено. Райисполкомам на местах в декадный срок надлежало выдать восстановленным в правах документы, разрешавшие свободное передвижение и проживание на всей территории СССР²⁸. 7 июля 1932 г. ЦИК СССР досрочно восстановил в правах еще 820 чел.²⁹

В последующем политика, направленная на «правовой» раскол поколений, получила развитие. 17 марта 1933 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, гласившее: «Дети высланных кулаков как находящиеся в местах ссылки, так и вне ее, и достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах районными исполкомами по месту жительства при условии, если они занимаются общественно-полезным трудом и добросовестно работают»³⁰. Публикация данного документа вызвала массу запросов с мест. Поскольку в документе не определялось понятие «места ссылки», возник вопрос — распространяется ли постановление на детей спецпереселенцев, находившихся в комендатурах. В апреле 1933 г. Центризбирком дал ГУЛАГу следующее разъяснение: «Ввиду того, что находящиеся в спецпоселках ОГПУ кулаки и их дети не подведомственны районным исполкомам, постановление Президиума ЦИК С[оюза] от 17 марта 1933 г. на них не распространяется. На них распространяется постановление ЦИК С[оюза] о порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков»³¹. Только год спустя, 7 мая 1934 г., Президиум ЦИК СССР распространил действие своего постановления от 17 марта 1933 г. и на детей спецпереселенцев³².

27 мая 1934 г. ЦИК СССР внес дополнительные коррективы в процедуру досрочного восстановления в гражданских правах «выселенных кулаков», предоставив эту льготу прежде всего спецпереселенцам, проработавшим в течение трех лет в золотой и платиновой промышленности. В документе рекомендовалось досрочно восстанавливать в правах «наиболее отличившихся спецпереселенцев, в особенности из молодежи»³³. Данное постановление было инициировано руководством ОГПУ с целью упрощения порядка восстановления спецпереселенцев в гражданских правах. В 1932 — 1933 гг. соответствующие постановления должен был принять ЦИК СССР. В соответствии с новым порядком право восстановления спецпереселенцев в правах делегировалось местным исполкомам Советов по представлению руководителей региональных полномочных представительств ОГПУ.

Однако то, что спецпереселенцы обретали надежду на правовое изменение своего положения по истечении пяти лет поселения, не устраивало сталинское руководство, особенно карательное ведомство. 17 января 1935 г. Ягода в секретном документе на имя Сталина указал на

нежелательные для системы последствия претворения в жизнь постановления ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. «По мере восстановления в правах, — говорилось в нем, — отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест. Вместе с тем возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены — политически нежелательно». Ягода предложил срочно издать уточнение к последнему постановлению ЦИК СССР, в котором бы указывалось, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения³⁴. Такое уточнение ЦИК СССР внес в свое постановление от 25 января 1935 г.³⁵

С этого времени начинается новая полоса борьбы спец(труд)переселенцев за изменение своего положения. Восстановление в правах стало одним из условий, но не главным основанием для выезда из поселений. Таких оснований стало два — выезд на учебу для молодежи и вступление в брак с нетрудпоселенцами — правовыми гражданами. Заявлений, в которых указывались другие основания («неправильное выселение» в случае установления такого факта или передача на иждивение родственникам трудпоселенцев инвалидов и сирот), во второй половине 1930-х гг. стало существенно меньше, по сравнению с предшествующим периодом, и они не очень беспокоили карательные органы.

В конце 1930-х гг. власти пошли только на одну уступку для молодежи: постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 г. право выезда с мест поселения на работу или учебу предоставлялось детям трудпоселенцев по достижении ими 16 лет. Остающиеся на бессрочное, в сущности, проживание были разделены на две категории — «восстановленные в правах» и «не восстановленные». Причисленным к первой категории были даны некоторые льготы и преимущества по сравнению с «неправовыми трудпоселенцами». Так, «правовые трудпоселенцы» из числа «лучших ударников» получили право на временный выезд в другие районы страны в случае командировок, лечения и т. д. Кроме того, они снимались с общего учета трудпоселенцев (хотя их тут же брали на отдельный учет). Наконец, им предоставлялось право передвигаться в пределах всего района (по административному делению) и поступать на работу по своему усмотрению³⁶.

Выше рассматривались директивные документы, регламентировавшие положение спецпереселенцев на самом высоком уровне — законодательном. Однако на практике исполнение директив обеспечивалось нормативными документами (ведомственные указания — директивы, циркуляры, приказы, инструкции и т. д.), исходящими от карательного аппарата — ОГПУ—НКВД. Именно фильтры ведомственных установок и разъяснений создавали то самое режимное поле, в котором существовали спецпереселенцы 1930-х гг.

Обращает на себя внимание то, что карательные структуры объективно оказались в роли регулятора трудовых отношений, надзирателя за соблюдением трудового законодательства хозяйственными органами, использовавшими (точнее — эксплуатировавшими) труд репрессированных крестьян. В циркулярном письме ОГПУ местным полпредствам от 21 июля 1931 г. приводился весьма подробный перечень «ненормальностей» в отношениях между хозорганами и спецпереселенцами:

«1. В большинстве договора с промышленными предприятиями и сельхозорганизациями не заключены. Имеющиеся договора в достаточной мере не обеспечивают их жилищное и бытовое устройство, лечебную помощь, культурное обслуживание, снабжение продовольствием.

2. Наблюдается нерациональное использование хозорганизациями рабсилы из спецпереселенцев, отсутствие стимулов к поднятию ими производительности труда. Часть трудоспособных вовсе не используется.

3. Для подростков, нетрудоспособных, беременных женщин зачастую устанавливаются одинаковые нормы со здоровыми мужчинами. В некоторых местах нормы для спецпереселенцев увеличились вдвое по сравнению с вольнонаемными рабочими. Обессиленные подобным отношением спецпереселенцы выбывали из строя.

4. Во многих местах до сего времени не введены в систему расчетные книжки, зарплата своевременно не выдается, работающих обсчитывают и т. д.

5. В некоторых местах вместо 25 % удерживают 27 % с зарплаты спецпереселенцев.

6. Земфонды под огородные и другие культуры в большинстве не выделены, а там, где выделены, — освоение происходит крайне медленно, вследствие отсутствия помощи и содействия. Отпущенные Наркомземом РСФСР средства на сельхознужды полностью не реализованы. Эти ненормальности служат тормозом для прочного оседания спецпереселенцев, создают у них впечатление временного пребывания на новых местах и, кроме того, всю тяжесть снабжения возлагают на государство.

7. Жилищные условия спецпереселенцев крайне тяжелы и неудовлетворительны. В качестве постоянных жилищ существуют бараки, в которых живут семьи при исключительной скученности (на Урале есть случай, когда на площади в 100 кв. м живут 400 чел.), ютятся с детьми в шалашах и всяких иных примитивных помещениях без окон, печей. Некоторые хозорганизации доходят до того, что не предоставляют спецпереселенцам свои пустующие помещения, расположенные вблизи густонаселенных барачков.

8. При таких тяжелых жилищных условиях к тому же отсутствуют санитарные мероприятия. Бани не везде оборудованы. Медпомощь не достаточна.

9. Культурно-воспитательная работа почти не ведется, работе среди молодежи не уделено должного внимания. Зафиксированы факты, когда детям спецпереселенцев отказывают в учении, из школы ликбеза выгоняют спецпереселенцев.

10. Администрация поселков (коменданты и охрана) в большинстве не соответствует своему назначению. Налицо факты сращения с кулаками.

11. У ряда хозяйственников существует мнение, что о спецпереселенцах заботиться нет надобности и что к ним надо применять какие-то особые повышенные производственные нормы. В районах даже у некоторых партийных работников существует такое же убеждение»³⁷.

От полпредов ОГПУ в местах дислокации спецпоселков директива требовала добиваться от хозяйственных органов в отношении спецпереселенцев «применения существующих правил Наркомтруда», «за обсчи-

тывание привлекать к ответственности» и т. д. В целях усиления воздействия на местных хозяйственных и партийных работников, «не понимающих» «установок партии по отношению к спецпереселенцам», руководство ОГПУ рекомендовало крайкомам и обкомам партии издавать соответствующие директивы.

Значительный объем межведомственной переписки до известной степени способен представить ОГПУ—ГУЛАГ—СибЛАГ в роли поборника и заступника спецпереселенцев: здесь и требования об ускорении жилищно-бытового строительства в комендатурах, и меры по обеспечению комендатур медицинским и культурным обслуживанием, и выявление фактов издевательства работников хозорганов над спецпереселенцами, и наказание функционеров (в т. ч. СибЛАГа), виновных в должностных преступлениях по отношению к спецпереселенцам, и т. д. Однако за всем этим скрывались жесткие корпоративные интересы карательно-репрессивных структур. Договора об использовании труда «контингента» спецпоселений, заключавшиеся ГУЛАГом—СибЛАГом с хозяйственными ведомствами, являлись результатами согласования интересов этих двух сторон за счет третьей — спецпереселенцев. Последние воспринимались договаривающимися сторонами не более как «рабсила», дешевый и быстро восполняемый ресурс, аналогичный инвентарю или рабочему скоту. Стиралась грань, разделяющая, скажем, договора СибЛАГа с Лестрестом о предоставлении для работы в леспромхозах нескольких тысяч семей спецпереселенцев и того же СибЛАГа с ведомством Союзконь о поставке нескольких тысяч лошадей в северные комендатуры. СибЛАГ был напрямую экономически заинтересован в рациональном использовании труда спецпереселенцев — с заработка последних в пользу СибЛАГа отчислялось от 15 (осень 1931 г.) до 5 % (с 1932 г.). Имел свое объяснение и жесткий контроль ГУЛАГа—СибЛАГа за расходованием хозорганами денежных средств и промышленных и производственных фондов и товаров, отпускаемых централизованно и целевым назначением для нужд спецпереселенцев. Совершенно очевидно, что при разбазаривании и «обезличке» этих средств и фондов условия труда и быта спецпереселенцев ухудшались, возрастали заболеваемость и смертность, дезорганизовывался внутренний распорядок комендатур, усиливались бродяжничество, побеги. Поэтому контроль за созданием для спецпереселенцев минимально достаточных условий труда и жизни для работников комендатур и руководства СибЛАГа был средством поддержания собственного корпоративного положения и благополучия.

Существовало, однако, коренное противоречие, не позволявшее уравновесить интересы репрессивных и хозяйственных структур в отношении спецпереселенцев. Поставив вчерашних крестьян в положение сосланных, неправых граждан, невозможно было требовать от хозяйственных работников всех уровней относиться к ним в оплате и охране труда, снабжении и т. д., как к вольнонаемным. К тому же местные работники видели многочисленные проявления режима, который усилиями аппарата комендатур в спецпереселенческих поселках становился аналогичным лагерному. Не случайно, что в ходе обследования комендатур представители органов КК—РКИ, разбиравшиеся в межведомственных конфликтах между ГУЛАГом и хозорганами, обнаруживали

факты преступного отношения к спецпереселенцам не только работников хозорганов, но и комендатур. Таким образом, противоречия были налицо: спецпереселенцы не являлись заключенными, лишенными свободы на определенный срок, но и не были свободными; их труд, фактически принудительный, должен был оплачиваться по стандартам вольнонаемного труда. Естественно, что на практике все значительно упрощалось, правовая дискриминация влекла за собой дискриминацию в оплате по труду, в бытовом положении и т. д.

Там же, где система ГУЛАГа действовала внешне гуманно, бытовали по сути те же прагматические подходы к судьбам спецпереселенцев. Акция 1931—1932 гг. по переводу глав семейств, находившихся в тюрьмах и лагерях, в спецпоселения для воссоединения с находившимися в комендатурах семьями явилась осмыслением последствий 1930 г., — разъединение семей повлекло за собой повышенную смертность и побег. Разрешение с 1931 г. с ведома ОГПУ родственникам брать из комендатур на свое иждивение нетрудоспособных (детей, инвалидов, стариков) избавляло ГУЛАГ от необходимости тратить средства на содержание «контингента». Позволение заключать браки между спецпереселенцами и «правовым населением» также не было показателем мягкости режима пребывания, поскольку это не влияло на изменение статуса спецпереселенцев.

Остановимся на том, как ГУЛАГ выступал в роли регулятора семейно-брачных отношений. В циркулярном письме ГУЛАГа «О порядке заключения браков спецпереселенцев с лицами, не лишенными гражданских прав», которое направлялось в августе 1931 г. местным отделам и инспекциям по спецпереселенцам, говорилось: «Со стороны некоторых местных органов ОГПУ поднят вопрос о возможности допущения браков спецпереселенцев с вольными гражданами.

Принимая во внимание, что лишение гражданских прав и права свободного выбора местожительства спецпереселенцами не может служить основанием к запрещению их вступать в браки с вольными гражданами, браки спецпереселенцев с вольным населением разрешаются и ограничений в этом отношении не должно быть.

Для ориентировки разъясняем:

1. Браки спецпереселенцев с вольными гражданами регистрируются в ЗАГСах обычным существующим порядком.

2. Фактом вступления в брак с вольными гражданами спецпереселенцы не снимают с себя гражданских ограничений, точно так же, как и вольные граждане, не лишаются своих прав.

3. Изменения в правовом положении спецпереселенцев, вступивших в брак с вольными гражданами, делаются каждый раз путем индивидуального подхода к каждому отдельному случаю (в зависимости от поведения спецпереселенца или спецпереселенки, их отношения к труду, выполнения норм и т.п.).

Примечание: эту льготу необходимо применять в особенности к той части молодежи, которая порвала связь с контрреволюционной частью кулачества.

4. Снятие ограничений со спецпереселенцев, вступающих в брак с вольным населением, производится по их заявлениям исключительно

ЦИКами союзных и автономных республик, краевыми и областными исполкомами.

Примечание: в таких случаях каждый раз требуется отзыв Отдела по спецпереселенцам ПП ОГПУ.

5. Вольный гражданин или гражданка, вступившие в брак с переселенцем и [ли] переселенкой, могут быть допущены для проживания в спецпоселках, что ни в коей мере не ограничивает их в гражданских правах»³⁸.

Через несколько лет после выхода в свет данного циркуляра в недрах карательного ведомства вполне естественно началось обсуждение вопроса о том, как вести акты гражданского состояния детей, рождавшихся от подобных «смешанных» браков. 29 октября 1935 г. начальник ГУЛАГа М.Д. Берман в рапорте на имя Ягоды сообщал: «С мест поступают запросы, на чье имя записывать в актах гражданского состояния рожденных детей, когда один из родителей является трудпоселенцем. Полагал бы в таких случаях детей записывать на имя того из родителей, который не является трудпоселенцем и не лишен избирательных прав. Прошу Ваших указаний»³⁹. 1 ноября 1935 г. на рапорте Бермана Ягода начертал следующую резолюцию: «Трудпоселенцы будут восстановлены, поэтому надо записывать как хотят родители. В метриках писать, что это ребенок трудпоселенца, не следует, ни к чему <...>»⁴⁰ Проявленная наркомом снисходительность репрессированным ничего не давала, поскольку несколько ранее, 25 января 1935 г., было принято директивное решение о том, что восстановление трудпоселенцев в гражданских правах «не дает им права выезда из мест поселений».

Следует отметить, что процитированное выше постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. самым прямым и жестким образом сказало на существовавшей до того практике воссоединения семей в условиях спецпоселения. В начале 1930-х гг. ГУЛАГом было издано несколько директив, допускавших досрочное освобождение из лагерей глав семей «раскулаченных» с последующей отправкой в спецпоселки, где находились их семьи. Однако через несколько лет стали возникать нестандартные ситуации, потребовавшие новых директивных решений. 22 марта 1935 г. помощник начальника ГУЛАГа Н.Н. Алексеев направил на имя Ягоды рапорт, в котором сообщал: «Приказом б[ывшего] ОГПУ № 1134-1934 г. предусмотрено, что заключенные, имеющие семьи в спецпоселках, при досрочном освобождении из лагерей за ударную работу в таковых, в случае распространения на них действия циркуляра б[ывшего] ОГПУ № 124-1933 г. не подлежат направлению в спецпоселки, а семьи их подлежат освобождению из спецпоселков.

В связи с постановлением ЦИК Союза ССР от 25 января с.г. о запрещении трудпоселенцам, восстановленным в гражданских правах, выезжать из мест поселения, считаю необходимым отменить пункт 4-й приказа б[ывшего] ОГПУ № 1134-1934 г. и всех заключенных, освобождаемых из лагерей, имеющих семьи в трудпоселках, направлять в последние на соединение с семьями, независимо от того, являются ли они ударниками или нет. Прошу Ваших указаний»⁴¹. На рапорте Алексеева имеется резолюция Ягоды: «Правильно! Это надо сделать <...>»⁴²

Руководство ГУЛАГа достаточно оперативно реагировало и на другие ситуации, связанные с тем, что в результате межведомственных не-

увязок у части спецпереселенцев появлялась возможность покинуть пределы ГУЛАГа. В частности, по его настоянию 5 июня 1935 г. Верховным судом СССР на места было направлено письмо следующего содержания: «По сообщению ГУЛАГа НКВД СССР в судебной практике имеют место случаи, когда трудпоселенцы, осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные ими в трудпоселках, по отбытии срока наказания освобождаются и живут на свободе, а семьи их остаются в трудпоселках.

Такое явление происходит от того, что в приговорах судебных органов не указано о том, что осужденные по отбытии определенного им срока лишения свободы должны быть направлены обратно в трудпоселки.

Ввиду этого дайте указания всем судебным органам, чтобы в случаях осуждения к лишению свободы трудпоселенцев в приговорах указывалось, что по отбытии определенной им меры наказания они подлежат направлению обратно в трудпоселок»⁴³.

Предметом особого внимания в обеспечении режимной регламентации статуса спецпереселенцев карательные органы считали контроль за выдачей репрессированным каких-либо документов и справок помимо комендатур ОПТУ—НКВД. 2 марта 1935 г. начальник Отдела трудпоселений (ОТП) УНКВД по Свердловской обл. Князев направил управляющему объединенным трестом Уралмедьруда уведомление, в котором говорилось: «По ряду районов со стороны низовых организаций отмечаются массовые выдачи трудпоселенц[ам] всевозможных документов, справок и отзывов личного и производственного характера (справки об отпусках, отзывы и характеристики о работе и т. д.).

Нами обнаружена масса таких справок, в которых совсем не указывается, что лицо, удостоверяемое документом, является трудпоселенцем, а обычно именуется гражданином.

Подобная безответственность с выдачей документов открывает и дает широкие возможности к бегству трудпоселенцев из поселков, беспрепятственному устройству бежавших на работ[у] в различных учреждениях, хозорганах и заводах.

Просим немедленно дать указания лично руководителям подведомственных Вам предприятий (только там, где используются трудпоселенцы) и под их личную ответственность *категорически запретить выдачу непосредственно на руки трудпоселенцам каких бы то ни было документов, справок, характеристик и отзывов* (выделено в документе. — С.К.), в случае надобности выдавать их только через районные и поселковые комендатуры НКВД»⁴⁴.

Результатом принятия Конституции 1936 г. и связанной с этим кампании по массовому восстановлению части взрослого населения трудпоселков в гражданских правах стала новая коллизия — участие в выборах в Советы всех уровней предполагало наличие у голосующих документов, удостоверяющих их личность. Это потребовало от карательных органов адекватной реакции. По согласованию с Центризбиркомом роль соответствующего документа в трудпоселках выполняла выдаваемая комендантами справка, в которой указывалось, что ее податель проживает в трудпоселке; там же была приписка: «Справка действительна только для предъявления вместо удостоверения личности в участко-

вую избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет Союза ССР. Видом на жительство служить не может»⁴⁵. Но в ГУЛАГе посчитали необходимым дополнительно подстраховаться. 14 ноября 1937 г., накануне выборов в Верховный Совет СССР, НКВД разослал своим территориальным органам следующее указание: «на месте договориться с соответствующими окружными избирательными комиссиями о даче им в секретном порядке указаний председателям участковых избирательных комиссий, чтобы справки, выданные трудпоселенцам, отбирались бы при выдаче им избирательных бюллетеней»⁴⁶.

Принятие Конституции 1936 г. и наличие в ней ст. 135, гласившей: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном порядке умалишенными»⁴⁷, впервые за все время существования спец(труд)поселений породили внутри руководства карательных органов размышления о перспективах этого сегмента пенитенциарной системы. Некоторые сигналы «снизу» о необходимости реформирования трудпоселений прозвучали еще в середине 1930-х гг. Работавшая в конце 1935 г. Северная комиссия Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) в докладной записке, направленной в ЦК партии, внесла предложение «считать возможным встать на путь широкого восстановления в правах трудпереселенцев, особенно молодежи, разрешить восстановленным в правах гражданства свободное передвижение из района в район в пределах Нарымского округа, а по истечении 5 лет с момента восстановления — разрешить им переезд в любой район СССР»⁴⁸. Однако в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 января 1936 г., в котором ставились задачи более интенсивного освоения северных районов Западной Сибири, «правовые послабления», предложенные Северной комиссией, были прописаны в усеченном виде (восстановленным в правах разрешалось перемещаться только внутри Нарымского округа)⁴⁹. Но в феврале 1937 г. в ЦК и Совнарком СССР было направлено совместное обращение НКВД (Н.И. Ежов) и Прокуратуры СССР (А.Я. Вышинский), в котором в связи с утверждением Конституции, ставился ряд вопросов, «связанных с правовым положением трудпоселенцев», и вносились предложения, одно из которых перекликалось с инициативой Северной комиссии Запсибкрайкома: «Оставить в силе постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. <...> запрещающее восстановленным в правах трудпоселенцам выезжать из мест поселения, дополнив его указанием, что в 1939 г. будет дано право выезда в пределах края — области и в течение 1940 г. в пределах всего Союза»⁵⁰.

Руководство страны не приняло во внимание предложение глав карательного и надзорного органов, что заставило Вышинского годом позже, 23 марта 1938 г., вновь напомнить о существующей правовой нестыковке Конституции и действовавших на тот момент директив о положении трудпоселенцев. «Впредь до общего пересмотра этого вопроса» Вышинский полагал: «1) Прекратить удержания с заработка спецпереселенцев (так в документе, эта оговорка подтверждает устойчивость сте-

реотипа восприятия крестьян как спецпереселенцев, а не трудпоселенцев. — С.К.) 5 % на расходы, связанные с их административным обслуживанием; 2) установить сроки и условия, при которых отдельные категории спецпереселенцев и члены их семей могли бы быть освобождены от обязательного проживания в трудпоселках; 3) установить обстоятельства, при которых допускались бы временные отлучки спецпереселенцев из мест поселения (для лечения и пр.)»⁵¹.

К началу 1939 г. «уточнений правового положения» трудпоселенцев накопилось так много, что связанные с ними вопросы стали привлекать к себе внимание многих организаций — от хозяйственных органов, использовавших труд «раскулаченных», до законодательных инстанций, куда шел широкий поток заявлений и жалоб от трудпоселенцев. Руководство НКВД все чаще оказывалось в ситуации, когда т. н. подзаконные акты — циркуляры и указания, направленные в развитие и уточнение правительственных постановлений, — становились объектом рассмотрения правовых органов, в частности, союзной прокуратуры, на предмет их соответствия актам правительства. Так, после выхода в свет секретного постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г. о порядке выдачи паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных, достигшим 16 лет, руководство НКВД получило массу запросов с мест с просьбой дать разъяснение: распространяется ли указанное постановление только на тех детей репрессированных, которым исполняется 16 лет на момент выхода постановления, или же оно касается всех, прибывших в ссылку до 16-летия? В секретном циркулярном письме от 27 января 1939 г. НКВД своим периферийным органам разъяснял, что паспорта «выдаются только детям спецпереселенцев и ссыльных, которым сейчас исполнилось 16 лет, если они лично ничем не опорочены и если они из спецпоселков и мест ссылки выезжают на учебу или на работу»⁵².

Данное разъяснение, вызвав мощный поток жалоб и заявлений в директивные органы, оказалось предметом рассмотрения Прокуратуры СССР. Ее руководитель М.И. Панкратьев обратился с письмом к председателю СНК СССР В.М. Молотову, в котором отмечал: «Разъяснение НКВД неправильно, поскольку оно ограничивает в праве выезда на учебу или работу детей спецпереселенцев и ссыльных, достигших 16-летнего возраста до издания вышеуказанного постановления СНК СССР». Просьбу союзного прокурора об отмене циркуляра НКВД как противоречащего правительственному постановлению поддержал Вышинский, ставший заместителем председателя СНК. На его служебной записке Молотов написал резолюцию: «За отмену незаконного распоряжения т. Чернышева (зам. наркома внутренних дел СССР. —

В данном случае органы прокуратуры, исходя из необходимости соблюдения буквы закона, пытались ограничить его толкование карательными органами в соответствии со своими ведомственными интересами. Известны и другие примеры, когда прокуратура предлагала толковать правительственные акты в пользу трудпоселенческой молодежи, что в целом лежало в русле государственной политики. Так, согласно постановлению от 22 октября 1938 г., в паспортах детей трудпоселенцев, выезжавших на учебу или работу, делалась отметка об ограничении права проживания в режимных городах. Прокурор СССР

Панкратьев в служебном письме Молотову акцентировал внимание на противоречии, почти сводившем на нет само постановление. «Создается такое положение, — отмечал он, — при котором большинство детей трудпоселенцев фактически лишено возможности продолжить учебу, поскольку высшие, технические и другие специальные учебные заведения, за редким исключением, находятся в городах, отнесенных к режимным пунктам». По мнению прокурора СССР, было бы правильным сузить круг режимных городов, включив туда Москву, Ленинград и города, расположенные в т. н. погранполосе. В начале 1940 г. Панкратьев на свой запрос получил отрицательный ответ, облеченный в бюрократическую формулировку: «...СНК СССР снял с обсуждения внесенный Вами вопрос»⁵⁴.

Подобные разночтения и межведомственные столкновения подталкивали карательные органы к унификации и упрощению нормативных актов о трудссылке. В апреле 1939 г. Л.П. Берия, недавно назначенный на пост наркома внутренних дел, обратился в директивные инстанции (СНК и ЦК) с предложениями по «уточнению правового положения трудпоселенцев», которые были оформлены в виде проекта совместного партийно-правительственного постановления. В своей основе проект был ориентирован на самое радикальное за 1930-е гг. реформирование всей системы трудовых поселений. Он предполагал упразднение комендатур и передачу их функций районным отделам милиции. Соответственно предусматривалась и ликвидация отделов трудпоселений в составе ГУЛАГа и трудссылки как элемента карательного механизма⁵⁵.

Разработку столь необычного в обстановке эпохи «Большого террора» проекта либерализации важной части репрессивной системы можно объяснить, если принять во внимание сочетание ряда обстоятельств. Одно из них было связано с появлением во главе карательной системы Берии, честолюбивого политика, игравшего на контрасте со своими предшественниками. Другое обстоятельство вытекало из насущной потребности в реформировании системы спец(труд)поселений, которая не только устарела, но и превратилась в обузу для НКВД, обремененного к концу 1930-х гг. многочисленными лагерями и колониями. Важные шаги в данном направлении были предприняты в 1938 г.: правительственным постановлением от 9 сентября 1938 г. неуставные сельскохозяйственные и промысловые артели трудпоселенцев переводились на положение уставных (т. е. обычных); тогда же происходила поэтапная передача социально-бытовой и культурной инфраструктуры трудпоселков в местах дислокации комендатур с баланса НКВД в ведение местных исполкомов советов и т. д. Однако меры по «расконсервированию» системы трудпоселений не были направлены на амнистирование репрессированного крестьянства, составлявшего до 90 % контингента трудпоселенцев. Смысл изменений заключался в том, чтобы формально вывести трудпоселки за рамки карательной системы, но сохранить сложившееся положение вещей. Для этого важно было «уточнить правовое положение» трудпоселенцев таким образом, чтобы не рухнула созданная с большими усилиями сеть трудовых поселений.

В проекте постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), представленном за подписью Берии, трудпоселенцев предлагалось разделить на три категории: а) имевшие право на выезд из трудпоселков (дети трудпосе-

ленцев и лица, вступившие в брак с нетрудпоселенцами); б) не имевшие права выезда (взрослые трудпоселенцы); в) осужденные на различные сроки и направленные в 1933 г. в трудпоселки для отбывания наказания лица, которые подлежали освобождению из трудпоселков. В преамбуле проекта, подготовленного НКВД, это было сформулировано предельно ясно: «Трудпоселенцы (бывшие кулаки, высланные из районов сплошной коллективизации) и их семьи в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 25.1.1935 г. закрепляются на жительство в районах их вселения без права выезда из этих районов, за исключением детей трудпоселенцев, попадающих под действие постановления СНК СССР от 22.10.1938 г. и вступивших в брак с нетрудпоселенцами»⁵⁶.

Данный проект так и не был утвержден, несмотря на многочисленные согласования в 1939—1940 гг. Вначале все шло в обычном порядке: проект НКВД отправили на согласование в Прокуратуру СССР, Наркомюст, Наркомзем, после чего с ним ознакомились заместители Молотова Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, Вышинский. Последнему было дано поручение внести в текст необходимые замечания и изменения и отправить в НКВД для окончательной доработки. Прошедший серьезную правовую переработку в аппарате СНК СССР, проект начал терять свою привлекательность в глазах руководства НКВД. Специалисты из сектора судебно-административных учреждений Управления делами СНК сняли из преамбулы абзац, обрекавший взрослых трудпоселенцев-«кулаков» на бессрочное проживание в местах поселений. Взамен появился весьма либеральный пункт, дающий трудпоселенцам право на выезд по отбывании пятилетнего срока в трудпоселках. Далее руководство НКВД фактически «замотало» проект. Весь 1940 и начало 1941 г. шла вялая переписка между Управлением делами СНК СССР и НКВД. В августе 1940 г. на докладной записке работников аппарата СНК о том, что НКВД предлагает вопрос о правовом положении трудпоселенцев «временно с обсуждения снять», Вышинский начертал раздраженную резолюцию: «Почему снять? Дело надо довести до конца»⁵⁷. Однако НКВД оказался сильнее, и дело было сдано в архив Управления делами с красноречивой пометкой: «10.111.41 г. т. Чернышев подтвердил неактуальность этого вопроса и просит проект с обсуждения снять»⁵⁸.

Такова судьба несостоявшегося постановления, которое было способно несколько изменить всю конфигурацию сталинского карательного механизма. Впрочем, следует отметить, что ситуации весной 1939 и 1941 гг. разительно различались: если в начале 1939 г. еще можно было прогнозировать медленное и поэтапное «расконсервирование» сети трудпоселения, то в конце года ввиду массовых этнических и социальных депортаций с вновь присоединяемых к СССР территорий началась стремительная эскалация именно этого сектора карательной системы. В этих условиях даже частичное реформирование сети трудпоселения для «кулаков», когда именно вокруг нее шло формирование массива этнической «спецсылки», оказалось нежелательным для сталинского руководства.

Таким образом, узел правовых аспектов положения трудпоселенцев в сталинском обществе не только не был распутан, как это могло бы произойти весной — летом 1939 г., но стал еще более тугим. Жизнь

«контингента» трудовых поселений по-прежнему продолжала регламентироваться не только (и не столько) законодательными актами и правительственными постановлениями 1930—1940 гг., сколько подзаконными актами (директивы, циркуляры, приказы, разъяснения и тому подобные документы ОГПУ— НКВД и частично Прокуратуры СССР). Фактически любым правовым нормам противостояла мощная стена всевозможных ограничений и дискриминации. Приведем основные из них (в скобках указан орган, санкционировавший то или иное ограничение и дата его принятия): трудпоселенцы не имеют права выезда с мест поселения (ЦИК СССР, 1935); из зарплаты трудпоселенцев удерживается 5 % на расходы НКВД по их управлению и обслуживанию (СНК СССР, 1931); трудпоселенцы на основании ст. 30 Закона о всеобщей воинской обязанности к призывным участкам не приписываются, на учет не берутся и в РККА не призываются (СНК СССР, 1932); трудпоселенцам, снятым с учета и освобожденным из трудссылки, запрещается проживать в режимных местностях (СНК СССР, 1940); трудпоселенцы, не имеющие паспортов, закрепленные в местах поселения без права выезда, не могут состоять членами профсоюзов (ВЦСПС, 1937); при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах трудпоселенцам на руки не выдаются (НКВД, 1940)⁵⁹. Мы рассмотрели один из сегментов сталинского общества, показав высокую степень его иерархичности. Даже внутри такой, казалось бы, однородной группы, как спецпереселенцы-«кулаки» и их дети, устанавливалось внутреннее деление на несколько категорий, различавшихся объемом прав, привилегий и обязанностей, что расширяло возможности карательных органов для манипулирования поведением спецпереселенцев. Массовые этнические депортации в конце 1930-х — начале 1940-х гг. безусловно отразились на статусе «раскулаченных»: значительная их часть оказалась в промежуточном положении между «правовым» населением и новыми бесправными маргиналами — этническими спецпереселенцами. И лишь в войну, которая потребовала призыва в армию и трудовых мобилизаций взрослого населения трудпоселков, режим был вынужден снять с массы «раскулаченных» ряд наиболее тяжелых правовых ограничений. Сам же десятилетний цикл пребывания «раскулаченных» на поселении регламентировался документом, название которого оказалось символическим — «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев»⁶⁰.

2. Вторичные переселения

Проблема природы, мотивации, масштабов и последствий осуществленной в СССР в 1930-х — начале 1950-х гг. политики массовых государственных репрессий, несмотря на заметные успехи в изучении и впечатляющую историографию последнего десятилетия, далеко не исчерпана. Рассмотрим на материалах, касающихся репрессированных и перемещенных в спецпоселения крестьян в начале 1930-х гг., такую существенную характеристику репрессивной политики, как непрерывность. Под непрерывностью репрессий нами подразумевается применение по отношению к спецпереселенцам разнообразных мер принужде-

ния к труду, ограничения прав, дискриминаций, повторных репрессий и переселений и т. п.

В исследовательской литературе проблема повторных репрессий уже ставилась и рассматривалась на источниках, характеризующих массовые репрессии против российских немцев в период Великой Отечественной войны. Историк Т. Чебыкина, например, считает мобилизацию принудительно переселенных немцев в восточные районы страны в т. н. рабочие колонны («тудармию») повторной депортацией¹. Аналогичным образом оценивается решение Новосибирского обкома ВКП(б), принятое весной 1942 г., о переселении нескольких тысяч немецких семей из южных районов области в Нарымский округ для использования их труда на рыбных промыслах: «Механизм повторной депортации немцев был идентичен насильственному переселению в 1941 г. <...> при переселении в Нарым немцам вновь пришлось испытать трудности, связанные с депортацией»².

Нам представляется, что термин «повторная депортация» вряд ли удачен. Первичной и базовой формой репрессии применительно к немцам были депортация и определение на режим спецпоселения в восточные районы. Последующие их переселения (перемещения) в Сибири и Казахстане носили уже вторичный характер. Поэтому более точной была бы характеристика такого рода мер как вторичных репрессий, ограничений и дискриминаций, в совокупности обеспечивших приобретение репрессиями такого качества, как непрерывность.

То, что исследователям истории российских немцев представляется едва ли не знаковым явлением, было рядовым фактом репрессивной практики на стадии формирования системы спецпоселений (крестьянская ссылка) в начале 1930-х гг. Широкое распространение получила практика переброски спецпереселенцев вместе с семьями из одних районов Сибири в другие в соответствии с экономическими приоритетами властей (в ходе самой значительной из них летом 1932 г. 2 тыс. семей были переселены из северных (нарымских) комендатур в южно-сибирские, на шахты Кузбасса)³. К явлениям этого же ряда следует отнести и периодически проходившее в первой половине 1930-х гг. «внутрикомендатурское» расселение спецпереселенцев, подразумевавшее исправление грубых просчетов и ошибок при первоначальном вселении репрессированных крестьян на необжитые земли в 1930—1931 гг.

Один из организаторов системы комендатур в Сибири, руководитель отдела спецпоселений ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю И.И. Долгих, весьма критично оценивал просчеты начального периода. Весной 1934 г. он отмечал: «Организациям переселения 1929, 30 и 31 годов не предшествовала работа по подготовке колонизационных фондов. В то же время земельные органы (КРАЙЗУ, местные РАЙЗО, Госземтрест) не имели достаточного планового материала, который позволил бы безошибочно наметить места расселения для прибывавших спецпереселенцев, обеспеченные удобными и легко осваиваемыми землями. В силу этого вселение проводилось частично на фонды[,] подготовленные бывшим РПУ (Сибирским районным переселенческим управлением. — С.К.), а, главным образом на совершенно неподготовленные и не обследованные фонды. Последнее обстоятельство привело к тому, что часть с[пец]переселенцев была поселена на землях[,] не пригодных к

сельхозосвоению в силу их почвенных условий или по составу угодий и их площади не обеспечивающих развитие сельского хозяйства, а поэтому не способствующих прочному оседанию [спецпереселенцев] <...>»⁴.

Проведение первой же массовой карательной операции по высылке крестьянских семей в необжитые и труднодоступные районы Сибири в конце февраля — марте 1930 г. преподало самим директивным органам несколько весьма поучительных уроков, не все из которых, однако, были усвоенными центральной и региональной властями. Так, в последующие годы при планировании учитывались трудности, неизбежно возникающие в ходе масштабных высылок крестьян в зимнее время, и выбирали другое время года, но просчеты при расселении и использовании труда репрессированных имели хронический характер на протяжении всей «спецколонизации» региона. В итоговой докладной записке «Об экспроприации кулачества в Сибири» от 25 апреля 1930 г., подготовленной информотделом ПП ОГПУ Сибирского края для краевого исполкома, чекисты объясняли срыв «первоначального плана, детально и всесторонне предусматривавшего все необходимые политические и экономические моменты», нераспорядительностью местных органов власти, не обеспечивших «выселяемых на север кулацких хозяйств установленными натурфондами»⁵. Нельзя, однако, не видеть того, что в основе самого карательного «планирования» лежало очевидное противоречие. При оценке и выборе районов внутрисибирского расселения «кулаков 2-й категории» сталкивались два принципа: экономический (колониационный), предусматривавший размещение переселяемых на территории, разведанные и пригодные для ведения хозяйственной деятельности, и карательный, предполагавший размещение «спецконтингента» в труднодоступных, отдаленных местностях, «гарантирующих невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»⁶.

Фактически же реальный ход спецпереселения внутри Сибири из южных районов в северные и из западных в восточные оказался хаотичным, очень зависимым от условий обеспечения перевозок и климатических особенностей (наступившей весенней распутицы). При этом не был последовательно воплощен в жизнь ни один из двух принципов подхода к расселению (экономический и карательный). В частности, из-за недостатка гужевого транспорта и распутицы не в назначенные места были «посажены» крестьяне, высланные из Омского, Тарского и Новосибирского округов. Их разместили в районах Томского окр., смежных с территориями названных округов (что облегчало возможность бегства из спецпоселков), но либо практически не пригодных для освоения (Ягыл-Яг), либо ранее зарезервированных переселенческими органами для планового заселения демобилизованными красноармейцами (Галкинский массив)⁷. Это означало, что для нескольких тысяч крестьянских хозяйств процесс принудительного переселения вглубь нарымской тайги не завершился окончательно весной 1930 г. и требовал, с точки зрения карательных органов, своего продолжения.

Продолжение же оказалось весьма трагическим прежде всего для крестьянских семей, брошенных в Кулайскую комендатуру. Согласно докладу руководства Сибирского краевого административного управления наркомму внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачеву об устройстве

спецпереселенцев по состоянию на начало июля 1930 г., ситуация в данной комендатуре не соответствовала бодрому сообщению «наверх» об успехах и перспективах расселения и использования труда репрессированных крестьян. В докладе прямо отмечалось, что Кулайская комендатура, куда было помещено 2 670 хозяйств (11 053 чел.), расположена в верховьях р. Ягыл-Яг (приток р. Васюган) в весьма труднодоступном районе. Расстояние от Томска измерялось в 1 400 км (700 км пароходом, 400 км катером и 300 км на лодках и пешком). Ближайшим крупным населенным пунктом являлась Тара, которую от верховья Ягыл-Яга отделяло 200 км тайги и почти непроходимых в летнее время болот. «Огромная географическая оторванность, отсутствие дорог, недостаточное количество гарей, могущих быть приспособленными под пашни и т. п., ставят под сомнение вопрос освоения этого района», — говорилось в докладе⁸.

19 августа 1930 г. в Новосибирске состоялось заседание постоянно действовавшей краевой комиссии «по хозяйственному устройству кулаков 2-й категории», на котором положение в Кулайской комендатуре стало основным вопросом. Выезжавшая на место специальная комиссия нарисовала объективную и очевидно катастрофическую картину происходивших там событий. Поселки, заселенные зимой в низинах, в момент весеннего паводка были затоплены. Почвы оказались совершенно непригодными для ведения сельского хозяйства: даже в середине июля в бассейне Ягыл-Яга нередко случались заморозки и земля в низинах оттаивала не более чем на метр, «а отсюда и получается, что заниматься сельским хозяйством при условиях таких климатических данных <...> хозяйственно нецелесообразно <...> заниматься охотой, рыбной ловлей, звероловством, добыванием орехов, грибов и других ягод, кроме черемухи, за отсутствием таковых нет никакого основания <...> К расселению кулаков предназначалось 11 600, а на место прибыли 8 891 человек, сбежали — 6 622 человека, померло 80 человек, освобождены — 208 человек и осталось на месте к моменту обследования — 1 607 человек. Оставшиеся кулаки из себя представляют старые, малые, больные и те, которые полагают, что они должны будут освобождены <...> В данный момент осталось кулацких лошадей 333, а было приведено 2 254 штуки, пало — 877 с бежавшими кулаками уведено — 895 <...> Были случаи в момент бегства кулачества, [что] комендатурой задерживались до 500 человек бежавших»⁹. Из этого проверявшие комендатуру сделали однозначный вывод — «дальнейшее пребывание кулаков на расселенном в данный момент месте невозможно»¹⁰. Однако даже столь бесспорные факты не убедили присутствовавших в краевой комиссии чекистов. Один из них, Булатов, обозначил ведомственную позицию так: «С заключением комиссии, обследовавшей Кулайскую комендатуру, не согласен в той части, что их надо перевести немедленно южнее, и что они бегут оттуда из-за голодного пайка. По-нашему, они оттуда бегут из-за нежелания осваивать эти места и непримиримости»¹¹. В конечном итоге было принято промежуточное решение, предусматривавшее не ликвидацию Кулайской комендатуры как таковой, а перемещение спецпереселенцев на более благоприятные для условий труда и размещения территории. Следует отметить, что оно лишь отсрочило время прекращения существования одной из наиболее губительных для спецпе-

реселенцев (а для чекистов всего лишь бесперспективной) комендатур. В сентябре—декабре 1931 г. Кулайская комендатура состояла из трех поселков (4 253 чел.), в декабре 1932 г. в ней находилось 2 822 спецпереселенца, и только в 1933 г. упоминания о ней исчезли из документации карательного ведомства¹².

Анализ ряда директивных документов республиканского (РСФСР) и регионального (сибирского) звеньев управления дает основание сделать вывод о том, что лишь к концу лета 1930 г. власти озаботились выработкой стратегии устройства и использования труда спецпереселенцев. 18 августа 1930 г. СНК РСФСР принял постановление «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области». В нем впервые ставился вопрос о специализации «кулацкой» рабочей силы и определялись ее приоритеты: «... а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах, в отдаленных, остроуждающихся в рабочей силе районах и б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах»¹³. Сказанное означало необходимость проведения на местах весьма масштабной перегруппировки спецпереселенцев. На совещании в Западно-Сибирском крайисполкоме 11 сентября 1930 г. была принята следующая директива: «1. Признать необходимым кулацкие хозяйства, уже расселенные в северных районах и осевшие на землю, оставить в районах расселения и обеспечить развитие их сельского и промыслового хозяйства.

2. Кулацкие хозяйства, расселенные в местах, невозможных для сельскохозяйственного освоения, а также кулаков, вновь прибывающих из европейской части Союза, направлять в северные районы для использования в первую очередь по линии хозяйственных [организаций (Лестрест, Комсеверопуть и др.) <...> Признать необходимым при этом такое хозяйственное устройство кулаков в районах работы хозяйственных [организаций, которое обеспечивало бы прочное заселение и оседлость кулаков с образованием постоянных рабочих кулацких поселков»¹⁴.

17 сентября 1930 г. краевое административное управление, в ведении которого находились спецпереселенцы, представило в Запсибкрайисполком сведения о необходимом «расселении и стационарном закреплении спецпереселенцев». «Закреплению на месте» подлежала большая часть созданных весной—летом 1930 г. в Западной Сибири комендатур, имевших уже определившийся либо земледельческий и промысловый, либо горно-приисковый «уклоны». Фактически на новых местах предстояло сформировать несколько комендатур лесопроизводственного профиля — Колпашевскую, Могочинскую, Новокусковскую и отчасти Кето-Чулымскую. Источниками для этого были определены: а) «внутрикомендатурские» переселения; б) «кулаки 3-й категории», снимавшиеся с промышленных предприятий и строек региона; в) «кулаки» с западных территорий страны¹⁵.

О масштабности перемещений внутри комендатур Западно-Сибирского региона весной—зимой 1930—1931 гг. свидетельствуют данные об изменении численности отдельных комендатур: в Шерстобитовской в июле 1930 г. насчитывалось 8 250 чел., а в феврале 1931 г. — 5 580 чел.,

Кулайской — 11 053 и 995 чел. соответственно, Галкинской — 2 521 и 5 288, Чаинской - 15 673 и 6 654, Кето-Чулымской - 11 600 и 7 184 чел. Появилось несколько новых комендатур: Колпашевская (721 чел.), Могочинская (2 182 чел.), Новокусковская (2 912 чел.)¹⁶ Как следует из совокупности данных, т. н. переброски спецпереселенцев становились нормой карательной политики в отношении репрессированных крестьян.

Еще более массовая по своим масштабам карательная операция по депортации крестьян весной—летом 1931 г., когда только внутри Западной Сибири было экспроприровано и отправлено в ссылку 40 тыс. местных крестьянских хозяйств, столкнулась с теми же самыми просчетами и проблемами при расселении новых «контингентов» спецпереселенцев, что и акция 1930 г. Отчасти это можно объяснить тем, что изменилась ведомственная «прописка» спецпереселенцев: после расформирования НКВД РСФСР функции руководства высылкой и размещением репрессированных крестьян перешли к ОГПУ (ГУЛАГу), и новое ведомство тотчас «наступило на старые грабли».

В своем отчетном докладе краевым директивным органам руководство СибЛАГа ОГПУ постаралось переложить свои ошибки, допущенные при расселении в Нарымском крае почти 180 тыс. крестьян-спецпереселенцев, на уже не существовавшее к тому времени ведомство — Сибирское переселенческое управление. «Предварительная проработка вопроса о назначении Нарымского края для расселения в нем спецпереселенцев, — говорилось в документе, — проводилась в зимний и ранневесенний период, когда снежный покров не дал возможность в натуре, экспедиционным порядком, проверить пригодность колонизационных фондов Нарыма в определении их бывшим переселенческим управлением и наметить на них точки для поселков <...> Ряд их оказался расположенным на непригодных пунктах, что вызвало необходимость впоследствии проводить дополнительное переселение»¹⁷. Между тем, просчеты весенне-летнего расселения 1931 г. были предопределены самим подходом карательных органов, считавших первичной задачей высылку крестьянских хозяйств. О том, насколько гладко выглядело на бумаге предстоявшее расселение, можно судить по «Докладной записке по вопросу размещения 40 тысяч выселяемых хозяйств сибирского кулачества в северные районы края», направленной за подписью полпреда ОГПУ по Западной Сибири Л.М. Заковского в директивные органы предположительно в апреле 1931 г.¹⁸ В преамбуле «Докладной записки» утверждалось: «...выселение указанного количества кулацких хозяйств будет произведено в северные малообжитые и совершенно не обжитые районы Края <...> на специально выделенные в них земельные участки, в свое время намеченные Сиб.РПУ по пятилетке к заселению, а в настоящее время подвергнутые всесторонней проработке <...>»¹⁹ Далее отмечалось: «Нами проработаны новые дополнительные участки, дающие также возможность развития с/хозяйства, животноводства и промыслов в количестве 4-х <...> "Средне-Васьюганский", "Нюрольский", "Чежапский" и "Лисицинский" <...> Устройство земельной территории не предполагается, можно обойтись только указаниями мест расселения, так как все указанные нами участки в большей своей части обследованы»²⁰.

«Обследованные участки», оказавшиеся болотами и тайгой, дали о себе знать уже на начальном этапе операции, когда, по словам тогдашнего начальника Комендантского управления (затем Отдела спецпоселений) Долгих, была осуществлена «высылка разведки для нахождения в натуре фондов (здесь и далее подчеркнуто в тексте документа. — *С.К.*) и точных мест высадок. Последние с сугубо-ориентировочными наметками Новосибирска в практике нигде не совпадали. Высадка в неудачные места предreshала судьбу поселка. В дальнейшем вела к неизбежным перемещениям, с вытекающими отсюда хозяйственными потрясениями, падежом скота и проч., т. к. в УСЛОВИЯХ сплошной тайги, заболоченности большинства массивов, эти операции чрезвычайно сложны, порой невозможны»²¹. Экспедиции чекистов, посланные для обследования четырех притоков р. Оби (Чая, Кеть, Парабель, Васюган) и призванные скорректировать на месте кабинетные наметки, в одном случае действительно предотвратили возможную катастрофу — был забракован вариант заброски в заболоченные места в верховьях Васюгана и Чертола 15—20 тыс. чел.²² Тем не менее радикально улучшить ситуацию с размещением спецпереселенцев в местах их нового расселения экспедиции не могли. К тому же, как признавал непосредственно руководивший вселением Долгих, взаимоотношения чекистов с местными органами власти складывались не лучшим образом: операция застала последних врасплох.

Эффективность работы одной из экспедиций достаточно красноречиво описывал один из работников Нарымского округа Могутаев на краевом совещании по работе среди национальных меньшинств 21 ноября 1931 г.: «Возьмем больной вопрос — в нынешнем году сделали переселение, ликвидировали кулаков из районов сплошной коллективизации. Здесь приезжала экспедиция. Поставили вопрос, что в таком то районе будет заселено столько то человек. Если бы с нами договорились, мы бы сумели уладить вопрос, нашли более подходящее место, чтобы не стеснять туземное население <...> Я как раз был откомандирован РИКом с этой экспедицией для исследования места для спецпереселенцев. Экспедиция приезжает в юрту, берет остяка, садим в мотор, везем на берег. Знаешь ты этот берег? Знаю. Сколько верст? Столько-то. 2 000 чел. можно расселить? А если бы нашелся такой человек, который указал бы болото, они должны были бы посадить спецпереселенцев в это болото?»²³.

Перспективы сельскохозяйственного освоения бассейна р. Васюган после знакомства с территорией четко представлял сам Долгих. «Весь бассейн реки Васюгана, — отмечал он, — сплошное заболоченное пространство, прерываемое узкими гривами (около километра—двух ширины и от 5 до 15 клм длины), покрытые 30—35 летними табельниками (здесь и далее так в документе. — *С.К.*), или хаотически загроможденным непроходимым буреломом. Мест, пригодных к освоению без раскорчевок нет. Раскорчевки потребуют колоссального труда <...> От Каргасока до Усть-Чежапки почти сплошь заливные луга в данное время залитые водой. Луга появляются лишь 15—20 июля. Трава в тайге, в табельниках не растет <...> Характеристика не будет полной, если не сказать, что в большинстве поселков нет строевого леса, его приходится рубить и сплавлять за 5—10 километров от мест

расселения»²⁴. Высадка спецпереселенцев в подобных описываемых местах на р. Васюган и Кеть вызвали, по информации Долгих, «нет сколько случаев протеста покинуть баржу (плохи земли) <...> эти вспышки были подавлены сразу <...>»²⁵. Положение спецпереселенцев в этих районах Нарымского края стало даже предметом рассмотрения на заседании 30 июля 1931 г. комиссии Политбюро по спецпереселенцам, принявшей следующее решение: «По Васюганскому и Кетскому районам. Указать т. Заковскому и Запсибкрайкому, что они провели операцию по выселению кулаков на север, недостаточно ее подготовив, вследствие чего в процессе выселения имеется ряд серьезных недостатков, смертность детей, плохая подготовка на местах, и что материалы, которыми располагают ОГПУ и ЦК, подтверждают, что до сих пор еще не созданы в достаточной мере все необходимые условия, которые обеспечили бы освоение спецпереселенцев и закрепление их в местах поселения»²⁶.

О том, насколько значительными оказались просчеты при расселении в 1931 г., можно судить по официальной справке СибЛАГа, направленной в марте 1932 г. в крайисполком. В ее разделе о переселении внутри комендатур и вызвавших его причинах указывалось: «Планом, согласованным с РИКаами, предполагено всего переселить в этом году 10 961 семейство спецпереселенцев. Причины, побудившие переселение, были: недостаток земли — 7 042 семьи, 64,1 %; непригодность земельных участков — 605 семей, 5,5 %; затопляемость — 576 семей, 5,3 %; расположение на болоте — 522 семьи, 4,8 %; отдаленность от места работы — 243 семьи, 2,2 %; отсутствие у участков производственных перспектив — 1 501 семья, 13,7 %; отсутствие воды — 472 семьи, 4,3 %.

Переселение фактически уже началось. На проведение переселения потребуется: на жилстроительство — до 700 тыс. руб.; на покрытие расходов, связанных с передвижкой населения — до 200 тыс. руб.»²⁷

Запланированное переселение проводилось в течение 1932 г.²⁸ Оно затронуло в общей сложности примерно четверть спецпереселенческих семей новой депортационной волны. Масштабы просчетов СибЛАГа при этом расселении оказались настолько видимыми, что вызвали раздражение в краевом руководстве. Выступая 1 октября 1931 г. на совещании в Новосибирске по проблемам спецпереселенцев, секретарь крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе высказал очевидно здравую, но запоздавшую мысль: «И главное в этом расселении поселков — надо дать возможность самим спецпереселенцам проявить свою инициативу и хозяйственные навыки. Поселок для спецпереселенцев, место для поселка пусть выбирает не комендант, а они сами. А комендант пусть бракует или принимает выбранное место, если оно подходит, но выбирать-то [надо] представить возможность самим спецпереселенцам»²⁹. Вероятно, именно рекомендация Эйхе нашла отражение в весьма «либеральном» для той эпохи пункте постановления президиума крайисполкома от 30 октября 1931 г. об устройстве спецпереселенцев: «Работу по землеустройству и мелиорации проводить при непосредственном участии районных организаций, комендатур, местного населения и спецпереселенцев <...> Поручить правлению Сиблестреста развертывание строительства поселков для спецпереселенцев, занятых на лесоразработках, про-

изводить <...> с привлечением в изыскательные группы спецпереселенцев по подысканию наиболее удобных пунктов расселения»³⁰.

Как оказалось, в 1932 г. «работа над ошибками» расселения в 1931 г. не завершилась. В мае 1934 г. в «Объяснительной записке» начальник Отдела спецпоселений (ОСП) ПП ОГПУ по Западной Сибири Долгих необходимость продолжения и масштабы предстоявших внутренних переселений спецпереселенцев объяснял так: «В 1933 г. <...> комендатуры и ОСП продолжали изучать районы старого заселения, выявляя не жизнеспособные поселки и причины тяжелой приживаемости с[пец]переселенцев. <...> на 1934 год встает во весь рост необходимость внутрикомендатурского расселения 2.700 хозяйств с 11.593 едоками по 8-ми северным комендатур[ам] <...>»³¹ Проведенное в 1934 г. расселение было менее масштабным, по сравнению с предыдущими, и затронуло около 6 % спецпереселенцев северных (нарымских) комендатур. Но в отдельных комендатурах этот показатель оказался выше: в Парабельской перемещалось около 8 %, в Каргасокской — 15, Колыванской — 30 % спецпереселенцев³².

Подготовленная Долгих «Объяснительная записка» примечательна тем, что не только объясняет мотивы вынужденных переселений тех или иных поселков, связанные с этим затраты, но и содержит ряд ретроспективных оценок решений, принимавшихся ранее карательными органами. Так, в Александро-Ваховской комендатуре подлежал перемещению пос. Кулеган (41 хозяйство) «вследствие отсутствия сенокосов и выгонов (ближайшие выгона находятся за 10—12 км от поселка) и трудного освоения земель». Перемещение поселка по р. Ел-Яг вниз на 22—25 км влекло за собой переселение старожильческого пос. Ченвар из четырех хозяйств³³. Переселение четырех поселков внутри Парабельской комендатуры диктовалось тем, «что все эти спецпоселенцы были поселены на землях старожильческого населения, не имеют собственных земельных наделов <...> В большинстве своем они не имеют собственных жилищ и расквартированы в домах старожил»³⁴. Переселение трех поселков внутри Могочинской комендатуры планировалось потому, что «контингент поселков Суйга и Коригода переключен на сельское хозяйство вследствие того, что по инвалидности не может быть использован Леспромхозом. Заселение их проводилось в 1931 г. исключительно в интересах лесной промышленности и земли этих поселков совершенно не пригодны к сельхозосвоению (сыро-растущая тайга по болотам)»³⁵. Переселение 12 поселков внутри Каргасокской комендатуры было вызвано «недостатком земель, плохими почвенными условиями (боровые пески), тяжелой раскорчевкой таежных массивов (до 500 т[рудо]дней на га) за отсутствием легкокорчующихся гарей и частично тем, что некоторые поселки были образованы на старожильческих землях и не имеют собственных земельных наделов. В силу этих обстоятельств поселки имеют дефицитный баланс и не могут обеспечить себя собственным хлебом. Вообще заселение Среднего Васюгана было нецелесообразным в силу малопригодное™ земель для с. х. освоения и произведено было вследствие невозможности провоза спецпереселенцев в верховье Васюгана, куда первоначально было намечено пере-

селение, т. к. контингент прибыл в Каргасок поздней осенью»³⁶. Переселение пяти поселков внутри Колыванской комендатуры объяснялось «острым малоземельем, получившимся в силу особой скученности всех поселков комендатуры и невозможности удовлетворения потребности их в земле по месту нахождения поселков. В силу этого с[пец]поселенцы вынуждены были производить запашку в 30—40 километр [ов] от поселков, что делает их хозяйства малорентабельными»³⁷.

Отделом спецпоселений были произведены и расчеты расхода денежных средств на переселенческие цели: в среднем на одно хозяйство приходилось 48 руб. безвозвратного пособия и 140 руб. ссудного кредита на жилстроительство. Общие затраты на «операцию расселения 1934 г.» составили почти 500 тыс. руб.³⁸

В 1935 г. руководство ОТП УНКВД по Западной Сибири, продолжая практику прежних лет, инициировало и получило санкцию краевых органов на очередное переселение внутри комендатур. 5 марта 1935 г. по докладу Долгих президиумом крайисполкома был утвержден план переселения в 1935 г. на новые места 1 839 трудпоселенческих хозяйств³⁹. Необходимо было, как утверждал Долгих, перебросить «с бесперспективных в хозяйственном отношении поселков на участки, обеспечивающие с [ел ьско]-хозяйственное освоение»⁴⁰. Преобладающую часть хозяйств (1 148) предусматривалось перевести из среднего и нижнего течения Васюгана, из центра Васюганских болот на более южные и пригодные для ведения сельского хозяйства земли. Остальные переселялись в районы деятельности созданных в Нарымском крае МТС (Коломинской и Чульской). Эти перемещения имели под собой уже не репрессивно-изоляционную, а чисто хозяйственную основу. Так, переселение в Васюганье являлась логическим продолжением начавшейся еще в 1934 г. плановой переброски внутри Каргасокского р-на. В двух других случаях хозяйства трудпоселенцев из отдаленных и труднодоступных мест (таежные притоки р. Обь) перемещались на сравнительно близкие к основной транспортной магистрали (р. Обь) территории.

Уверенность в полной подконтрольности поведения трудпоселенцев нашла отражение в п. 2 постановления президиума крайисполкома от 5 марта 1935 г., который не мог появиться в начальный период массовых депортаций: «...предложить ОТП УНКВД при осуществлении плана переселения *проводить его на добровольных началах, обеспечить предварительное ознакомление переселяемых т/п с намеченными для расселения участками порядком высылки ими от себя ходоков* (курсив наш. — С.К.)»⁴¹. Явные параллели с практикой обычных аграрных переселений (добровольность, ходачество) должны были подчеркнуть имевшееся у регионального руководства мнение о том, что освоение новых территорий переходит из принудительной в организационно-хозяйственную фазу. Однако речь шла не более чем о рациональных перемещениях внутри и между комендатурами. Важно то, что расходы на указанные переселения частично ложились на плечи самих трудпоселенцев («за счет средств ОТП УНКВД»).

В 1935 г. ОТП УНКВД явился инициатором еще ряда постановлений крайисполкома, касающихся размещения своего рода «приписных»

трудпоселенцев, переданных в начале 1930-х гг. крупным хозяйственным организациям края. В основе одного из таких документов, который был принят 14 марта 1935 г. и назывался «О состоянии освоения трудпереселенцев, переданных предприятиям Новосибирска и капиталовложениях на 1935 год»⁴², лежал застарелый межведомственный конфликт между лесодобывающими предприятиями и ОГПУ—НКВД. Примечательно, что репрессивные органы, передавая хозяйственным организациям по типовым договорам «крестьянскую рабсилу» и снимая тем самым с себя ответственность за размещение и использование труда «спецконтингента», преуспели в деле регистрации чужих ведомственных просчетов. В преамбуле упомянутого выше постановления, принятого по докладу Долгих, отмечалось: «Констатировать, что несмотря на истечение более трехлетнего срока с момента передачи трудпереселенцев предприятиям Новосибирска, последними до сего времени должных результатов в освоении не достигнуто <...> Жилищные условия, предоставленные трудпоселенцам, не достигают установленных нормативов. Задача создания собственной продбазы трудпоселенцев не разрешена. В результате неправильного первоначального выбора мест поселения, ряд спецпоселков оказались удаленными от производственных точек леспромпхозов, не имеющими сельхоз. площадей для собственных посевов и[,] таким образом[,] на сегодня, как безперспективные для дальнейшего развития, требуют переселения на другие места (поселок Верхнечетский, Францевский, Второй Пашенский и др.).

Новосиблес и по другим местам расселения спецпоселенцев не имеет ясного представления о перспективах развития сельского хозяйства и лесосодействия»⁴³.

Постановлением намечалось в первую очередь переселить на новые территории пять поселков (479 семей), для переброски которых Новосибирлес обязывался выделить 80 тыс. руб. В документе крайисполкома фактически подтверждался сформулированный еще в начале 1930-х гг. тезис руководства СибЛАГа о том, что основу прочности закрепления переселенцев на северных территориях дает сочетание труда неземледельческого с земледельческим и животноводческим. Отсюда вытекала установка на обеспечение спец(труд)поселков «собственной продбазой» (подсобным хозяйством). При создании хозяйственной автаркии учитывался прагматический аспект: в условиях дефицита продовольствия подсобное хозяйство давало возможность выжить семьям трудпоселенцев, главы которых, работая на производстве, нередко являлись объектами произвола и дискриминаций в оплате труда. Однако для руководства лесной промышленностью был очевиден приоритет основного производства. Принятие региональной властью постановления, которое было призвано принудить хозорганы начать дополнительные и весьма затратные передислоцирования спецпоселков, характеризует не гуманность власти, а остроту дефицита на Севере «рабсилы» и продовольствия.

2 марта 1935 г. крайисполкомом было рассмотрено и принято постановление «Об организации рыбной ловли в Нарымском округе и выделении с/хоз[яйственных] угодий для трудпоселенческих поселков»⁴⁴. В его основе лежала уже известная установка — закрепить в сфере рыбных промыслов «приписанных» к Нарымскому рыбтресту трудпоселен-

цев с собственной системой продовольственного обеспечения. В постановлении ставилась цель организовать «из т[руд]/поселенцев неуставные комплексные артели, с развитием в них, помимо основного — рыбного промысла, сельского хозяйства и прочих видов промыслово-заготовительной деятельности (орех, пушнина, ягоды и т. д.)»⁴⁵. Постановлением предусматривалось ощутимое в рамках северных комендатур Нарыма перемещение трудпоселенцев «на новые земли и водоемы»: из госбюджета посредством ходатайства через Наркомат местной промышленности РСФСР испрашивалось 534 тыс. руб. Учитывая расходы на переселение в 1934 г. (около 200 руб. на одно хозяйство), можно предположить, что для создания рыболовецких артелей ОТП УНКВД планировал переместить на новые места более 2,5 тыс. семей трудпоселенцев. Таким образом, в марте 1935 г. всеми санкционированными краевой властью переселениями внутри комендатур было охвачено до 5 тыс. семей, или почти вдвое больше, чем в 1934 г. Это означало, что освоение Севера под эгидой карательных органов заставляло ежегодно увеличивать непроизводственные затраты.

В 1936—1937 гг. радикальному переформированию подверглась сеть трудпоселений, расположенных на территории Омской обл. Из трех дислоцированных там районных комендатур две (Тарская и Тевризская) по мнению областной власти и карательных органов нуждались в переселении на другие земли. При этом, если Тарская комендатура относилась к разряду «старых», контингент которых формировался преимущественно путем внутрисибирских депортаций крестьян в 1930—1931 гг., то Тевризская была «новой», заполненной населением, высланным в 1933—1934 гг. из южных национальных районов СССР, крупных городов (т. н. деклассированный элемент) и с приграничных территорий. Руководство УНКВД по Омской обл. отмечало: «...этот контингент не является начисто кулацко-крестьянским контингентом. Большой процент составляют высланные из Москвы деклассированные элементы, не приспособленные к сельскому хозяйству. Не менее сложно приспособление к труду в условиях Севера высланных с Кавказа кабардинцев и чеченцев»⁴⁶. В 29 поселках размещалось более 3 тыс. семей, или около 10 тыс. чел.

На протяжении 1935—1936 гг. местными органами принимались решения о том, чтобы, несмотря на все возраставшие издержки, сохранить в комендатурах Омской обл. сельскохозяйственную специализацию. Однако в конце 1936 г. руководство местного ОТП УНКВД убедило ГУЛАГ в необходимости радикального пересмотра хозяйственной ориентации трудпоселений. Весной 1937 г. ГУЛАГ санкционировал «снятие с сельского хозяйства за непригодностью земель» трудпоселенцев из Тарского окр., Знаменского и Тевризского районов⁴⁷. Большинство из 2 353 семей ожидала «приписка» с последующей передислокацией поселков ближе к местным рыбтресту и лесокомбинату, т. е. в пределах той же области, а 300 семей из Тарского окр., согласно санкции руководителя ГУЛАГа Бермана, было определено для переселения в Таджикистан «для освоения Вахшской долины»⁴⁸.

Последствия вторичных репрессий, связанных с дополнительными вынужденно-принудительными перемещениями репрессированных крестьянских семей внутри и между комендатурами Западной Сибири в

первой половине 1930-х гг., вряд ли поддаются строгому измерению, оценки могут быть только приблизительными. Если воспользоваться теми сомнительными стоимостными показателями, которыми активно оперировали сами работники карательных органов при выяснении и доказательстве эффективности освоения территорий севера Западной Сибири трудом спецпереселенцев, то можно воссоздать такую картину: за 1930—1937 гг. в северные (нарымские) комендатуры было вложено 105 млн руб. (безвозвратные затраты), из них расходы на перевозки и размещение спецпереселенцев составили 4,2 млн руб.⁴⁹ Дополнительные вынужденные переселения спецпереселенцев внутри- и межрайонного характера только по выявленным нами операциям 1930, 1931, 1932 и 1934 гг. можно оценить в 600 тыс. руб. (при этом не установлена «цена» переброски в 1932 г. 2 тыс. семей из северных комендатур для работы в угольной и лесной промышленности Кузбасса). Следовательно, от 15 до 20 % средств, затраченных на собственно депортации, носили иррациональный характер. В таких же пропорциях можно оценивать вторичные вынужденные затраты тоталитарной системы на жилищное и дорожное строительство, землеустройство и создание минимальной социально-бытовой инфраструктуры в местах первоначального размещения спецпоселков, которые позже были заброшены.

Огромная величина безвозвратных затрат, обусловленных преобладанием карательных интересов над экономической целесообразностью в процессе принудительной колонизации Нарымского края, вытекает из сравнения количества поселков в северных комендатурах осенью 1931 г. и в начале 1938 г. — 284 и 432 соответственно. За эти же годы численность размещенных в них спецпереселенцев сократилась с 215,3 тыс. до 117,4 тыс. чел., или почти вдвое. Сказанное означает, что если в период формирования сети комендатур средняя численность спецпереселенцев в поселке составляла около 800 чел., то к 1938 г. она упала до 267 чел.⁵⁰ За указанный период многие из крупных поселков, где в конце 1931 г. скапливалось по 600—800 семей (3—4 тыс. чел.), были либо разукрупнены, либо исчезли вовсе с карт северных территорий. На смену базовым поселкам-«накопителям» пришли небольшие поселки, являвшиеся прежде всего пунктами размещения неуставных сельскохозяйственных и промысловых артелей и лесозаготовительных организаций. Сама по себе деконцентрация поселений в других условиях колонизации могла быть объективно позитивным фактором, показателем адаптации переселенцев к целям и задачам государственной политики по освоению новых территорий. Однако сиблаговский вариант заселения и освоения Нарымского края сводил практически к нулю хозяйственную инициативу и трудовую мотивацию самих спецпереселенцев. Карательная спецколонизация, какой бы более рациональный и упорядоченный вид со временем она не принимала, оставалась в основе своей принудительной. Нормой, а затем и традицией становилось восприятие карательной системой крестьянской ссылки как бессрочной, а самих репрессированных крестьян в качестве универсальной рабочей силы, пригодной как для раскорчевки территорий в северных комендатурах, так и для работы на приисках и шахтах Кузбасса. Ключевая фраза, означавшая непрерывность дискриминаций и репрессий в отношении спецпереселенцев, прозвучала в постановлении ЦИК СССР

от 25 января 1935 г.: «Восстановление в гражданских правах высланных кулаков не дает им права выезда из мест поселений»⁵¹.

3. Комендатуры и коменданты

Согласно официальному языку делопроизводства, комендатура являлась основным элементом административного устройства «переселенных кулаков». Признание за комендатурами особого статуса и обеспечение этих новообразований нормативной базой проходило со значительным запозданием. Только после настойчивых ходатайств СКАУ 2 августа 1930 г. краевая комиссия «по расселению и устройству кулаков» утвердила «Инструкцию комендантам по управлению кулацкими поселками 2-й категории»¹. В ней в разделе «Общие положения» отмечалось:

«1. Население кулацких поселков 2-й категории управляется комендатурами, во главе которых стоит комендант, назначаемый СКАУ по согласованию с райисполкомом.

2. Комендант на территории комендатуры пользуется правами райисполкома.

3. В целях успешного выполнения комендантами обязанностей по административному, финансово-хозяйственному и социально-культурному устройству населения кулацких поселков из штатного состава комендатуры назначаются комендантом уполномоченные (участковые инспектора) для каждого отдельного поселка, подчиняющиеся коменданту во всех отношениях»².

Весной 1930 г. комендатуры, создаваемые в районах расселения репрессированных крестьянских семей, организационно оказались той границей, по которой тогда проходило функциональное разграничение сфер компетенций двух карательных ведомств — ОГПУ и НКВД союзных республик — при проведении высылки «кулаков 2-й категории». Работа и «забота» чекистов завершалась обеспечением транспортных (точнее — железнодорожных) перевозок. Уже на этой стадии конвоирование («окарауливание») возлагалось на органы милиции (административные управления и отделы), которые обеспечивали охрану выселенных в пути следования и особый режим в районах расселения.

Анализ того, из каких районов (округов) Сибири и куда направлялись «кулаки» для расселения (табл. 4) позволяет выявить логику, которой руководствовались карательные органы в ходе депортаций крестьянства. Все округа Сибири делились на «высылающие» и «расселяющие» крестьян. Большинство относилось к первым.

Томский, Ачинский, Красноярский, Канский и Иркутский округа с обширными необжитыми территориями, пригодными для приема принудительно выселяемых хозяйств, становились районами дислокации комендатур. В Канском и Иркутском округах осуществлялись только внутриокружные переселения «собственных» «кулаков». Ачинский окр. отправил «своих кулаков» в Красноярский окр., а сам принял для расселения хозяйства из Бийского, Кузнецкого округов и Ойротии. Местом же наибольшей концентрации высланных в Сибири оказалась территория Томского окр. (табл. 5).

Таблица 4

**Районы высылки и вселения крестьянских хозяйств Сибири,
апрель 1930 г.***

Район высылки	Кол-во хозяйств	Район вселения
Омский окр.	2 676	Томский окр., бассейн р. Ягыл-Яг
Томский окр.	255	Томский окр., бассейн рек Тоя и Нюrsa
Барнаульский окр.	1 617	
Рубцовский окр.	941	
Новосибирский окр.	501	Томский окр., бассейн р. Галка
Каменский окр.	137	
Бийский окр.	1 210	Ачинский окр., бассейн р. Чулым
Кузнецкий окр.	568	
Ойротская обл.	120	Красноярский окр., бассейн р. Кеть
Красноярский окр.	426	
Ачинский окр.	447	
Минусинский окр.	679	Канский окр., колониз. фонд Приангарья
Хакасский окр.	354	
Канский окр.	750	Канский окр., бассейн р. Ангара
Иркутский окр.	298	Иркутский окр., Братский р-н
ИТОГО	12 479	

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 130.

Таблица 5

Размещение спецпереселенцев по комендатурам, июль 1930 г.*

Комендатура	Кол-во семей	Кол-во чел.
Томский окр.		
Шерстобитовская	1 629	8 250
Кулайская	2 676	11 053
Галкинская	569 2	2 521
Чаинская	668	15 673
ИТОГО	7 542	37 497
Ачинский окр.		
Кето-Чулымская	2 190	11 600
Красноярский окр.		
Маковская	900	4 496
Енисейская	458	2 439
ИТОГО	1 358	6 935
Канский окр.		
Ангарская	1 413	6 421
Кондратьевская	1 763	10 000
Ключинская	735	3 201
Шиткинская	178	1 004
Ирбейская	-	386
Тайшетская	27	142
ИТОГО	4 116	21 154
Иркутский окр.		
Братская ВСЕГО	498	2 688
	15 704	79 874

* Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 187.

Давая общую характеристику районов расселения спецпереселенцев, руководство СКАУ отмечало, что территории располагают огромными колонизационными фондами, однако «имеют большую географическую оторванность от культурных и промышленных центров Сибири, а некоторые из них являются совершенно недоступными вследствие отсутствия средств и путей сообщения. Это обстоятельство, являясь, с одной стороны, весьма положительным в смысле общественной изоляции спецпереселенцев, с другой — влечет за собой трудности хозяйственного устройства поселений»³.

Данное противоречие отмечалось в описании природных условий практически всех комендатур. Так, в характеристике Чаинской комендатуры говорилось: «...перевоска товаров возможна только на протяжении навигационного периода, а перевозка гужом на расстоянии 500 километров чрезвычайно повышает стоимость даже наиболее транспортн-бельных товаров. По естественным природным условиям Чаинский район является вполне благоприятным для сельскохозяйственного освоения <...> Однако необходимо иметь в виду, что сельскохозяйственное освоение этого района сопряжено с проведением больших работ по раскорчевке земли, по прокладыванию дорог к пунктам расселения и т. п.»⁴

Галкинская комендатура вообще возникла в результате того, что чекисты назвали «вынужденным маневрированием»⁵: «Галкинская комендатура размещена на землях колонизационного фонда переселенческого управления, предназначенных к отводу переселенцам-колхозникам. Освоение спецпереселенцами этих земель произошло при следующих обстоятельствах: движущиеся партии выселенного из пределов Новосибирского округа кулачества в апреле месяце были застигнуты наступившей распутицей в долине реки Галка, не достигнув пункта расселения на Чае <...> Краевая комиссия, исходя из фактического положения вещей (невозможности переброски к месту назначения в разгар весенних работ), вынесла решение о закреплении этих земель за комендатурой»⁶.

Шерстобитовская комендатура находилась в долине р. Чузик, притоке р. Парабель, которая, в свою очередь, являлась притоком р. Обь. Ее ближайшим пунктом (в 300 км) был Барабинск, «но так как со стороны Барабинска [в] расположение комендатуры на протяжении 9—10 месяцев совершенно нет подхода (непроходимое болото), то основными путями сообщения являются реки <...> идущие в направлении Томска (800 км от комендатуры. — С.К.). Естественные условия менее благоприятны для сельскохозяйственного освоения вследствие огромной оторванности этого района, вследствие бездорожья и сложности работ по расчистке земель под пашню <...> Район комендатуры почти совершенно не исследован»⁷. О судьбе Кулайской комендатуры говорилось выше. В Маковскую комендатуру (Красноярский окр.) в начале лета выехала спецкомиссия для «отыскания нового района, удобного в сельскохозяйственном отношении», поскольку в ходе зимней высылки «кулаков» расселили неудачно — «в одной части сплошные болота и в другой — песок»⁸.

При осуществлении карательной операции репрессивные органы делали ставку прежде всего на условия изоляции «кулаков», пренебрегая, судя по документам, функцией освоения новых территорий. Но наступившее лето показало организационную слабость вновь созданных комедатур, неспособность их административного аппарата контролировать ситуацию на местах. В докладе СКАУ отмечалось: «Непримиримость кулачества с устанавливаемым для них порядком принудительного переселения в северные окраины, тяжелые условия суровой природы далекого севера, высокая смертность детей из-за отсутствия нормального питания (молока) и активная деятельность оставшегося на местах кулачества 3-й категории создали почву для бегства кулачества из районов поселения в прежние места жительства. В результате из целого ряда комедатур, особенно из Кулайской, Маковской, Ключинской, с наступлением весны кулачество с семьями целыми партиями бежит к прежнему местожительству. Бежавшее с мест поселения кулачество в большинстве случаев скрывается, направляя в места прежнего жительства только свои семьи в надежде на то, что их жен и детей водворять без главы семьи на место поселения не будут, а в будущем и в отношении их самих будет отменена ссылка. Некоторые кулаки идут "на разводы" с женами, которые тотчас же вступают в брак с батраками и бедняками. Также практикуется раздача детей и подростков в приемыши крестьянам»⁹.

Бегство «кулаков» из ссылки становилось предметом озабоченности чекистов, поскольку возвращение беглецов в места прежнего проживания дестабилизировало и без того сложную для властей ситуацию в деревне, где распадались колхозы и коммуны, а большинство крестьян поддерживало и укрывало бежавших. 11 мая 1930 г. по настоянию ОГПУ Сибкрайисполком направил в округа секретное циркулярное письмо «О борьбе с самовольным возвращением кулаков из мест поселения», в котором говорилось: «За последнее время стали поступать из ряда округов в крайисполком сведения о самовольном возвращении кулаков из мест ссылки в село на бывшее их постоянное местожительство, о произвольном захвате экспроприированных у них — кулаков — организованной в колхоз беднячко-батрацкой массой села средств производства и жилых построек, о дезорганизации производства и быта колхозов и уклонении от выезда на определенное место ссылки.

1. Кулаков, освобожденных из мест заключения на основании общей директивы Сибкрайадмуправления, ПП ОГПУ по Сибкраю и Сибкрайпрокуратуры от 3 марта с. г. № 785, давших органам власти обязательство в определенный срок прибыть к месту ссылки и фактически уклонившихся от выезда на место ссылки, перевести в 3-ю категорию и установить за ними такой же надзор, как вообще за кулаками этой категории.

2. Кулаков, самовольно возвратившихся с места ссылки в села на бывшие места их постоянного места жительства, если они не имели права вернуться, водворять обратно через сельисполнителя или милицию, за исключением не достигших 10-летнего возраста, коих оставлять на месте.

3. Тех же кулаков, которые чинят самоуправство, насилие в отношении отдельных колхозников, привлекать к уголовной ответственности на общих основаниях по статьям, согласно содеянному.

По отбытии этими кулаками меры социальной защиты, определенной судом, все они подлежат принудительному водворению на места поселения»¹⁰.

5 июля 1930 г. в Москве состоялось совещание руководства СОУ ОГПУ с приглашенными полпредами из Урала, Сибири и Северного края, на котором обсуждались меры борьбы с бегством высланных «кулаков». Выступивший на нем Л.М. Заковский не скрывал серьезности положения в Сибири, где основную массу репрессированного крестьянства составляли сибирские «кулаки», «...в Сибири, — отмечал он, — бегут кулаки, главным образом, из близлежащего Васюганского района (территория Кулайской комендатуры. — С.К.). Преимущественно бежит молодежь, желающая порвать со своими семьями. Бегут и целые семьи кулаков, возвращающиеся в свои прежние села. До сих пор бежало около 2,5—3 тыс. чел. Бегство кулаков усиливает плохое хозяйничанье по управлению и устройству высланных кулаков, также неясное положение о выплате зарплаты работающим кулакам, например, кулаки, если работают, то получают лишь 50 % заработной платы членов профсоюзов. Все кулаки, в том числе и одиночки (за исключением 3,5—4 тыс. работающих на кирпичных заводах Сибуллона) переданы в ведение Сибадмтдела»¹¹. Далее Заковский сообщал о принятых ПП ОГПУ мерах: «1. Если кулаки просто бегут, незамеченные в контрреволюционной работе, то таких высылать по этапу обратно на место поселения или в более отдаленные места.

2. Если кулаки бегут, ведя антисоветскую агитацию и проявляя дружную контрреволюционную активность, то таких судят на тройке и сажают в лагерь.

3. Созданы оперативные тройки ТО (Транспортного отдела. — С.К.) ОГПУ по линии железных дорог, которые помогают ловить бегущих кулаков и не позволяют кулакам бежать из Сибири.

За все время опертройками ТО ОГПУ задержано около 500—600 кулаков»¹².

Выступление Заковского примечательно тем, что в нем недвусмысленно указывается на «недоработки» другого карательного ведомства — Комендантского отдела краевого адмуправления НКВД РСФСР. Именно к лету 1930 г. отчетливо проявились трения и несогласованность между двумя ведомствами — ОГПУ и НКВД. Не отвечавшим функционально за состояние режима в спецпоселках чекистам приходилось иметь дело со следствием плохого «окарауливания» — бегством. Это породило необходимость разворачивать оперативную работу в местах «кулацкой ссылки». Как это происходило, можно восстановить по информации, представленной на том же совещании полпредом ОГПУ на Урале Г.П. Матсоном: «1) во всех пунктах кулацкой ссылки среди кулаков введена круговая порука с выделением от каждого десятка ответственного старшего, с обязательством вести наблюдение за вверенным десятком и немедленно сообщать о всех случаях и попытках к бегству. В связи с введением круговой поруки установлено отображение подписок как у группы кулаков, так и у старших десятков;

2) в округах кулацкой ссылкой приняты меры к привлечению населения и его заинтересованности в поимке бегущих кулаков. За каждого пойманного кулака выдается единовременное вознаграждение в 30 руб. Причем, с пойманных кулаков устанавливается штраф за побег в размере 100 руб., который постепенно удерживается с его заработка;

3) приняты меры по наблюдению за ссыльными — усилением агентурного обслуживания»¹³.

«Почин» уральских чекистов был одобрен совещанием и нашел отражение в его постановлении. В нем, в частности, отмечалось: «...3. В местах расселения кулаков максимально усилить применяющиеся меры по борьбе с бегством кулаков, привлекая к поимке бежавших кулаков милицию, комсомол и местное население.

4. Признать целесообразным и необходимым соответствующее премирование населения за поимку бегущих кулаков, причем суммы на это получать за счет удержаний средств из заработка пойманных кулаков. Также признать необходимым премирование населения за поимку бегущих кулаков производить за счет остатков сумм, имеющихся от специальных ассигнований на выселение кулаков»¹⁴.

Комендантским отделом СКАУ были усилены чисто административные и карательные меры, применявшиеся к бежавшим. 2 августа 1930 г. краевая комиссия «по расселению и устройству кулаков» утвердила разработанную СКАУ «Инструкцию о мерах воздействия за самовольные отлучки с работ, поселков и побег с мест расселения». Согласно этому документу, против бежавших и задержанных «кулаков 2-й категории» следовало возбуждать уголовное преследование по 1-й части ст. 82 УК, гласившей: «Побег арестованного из под стражи или с мест лишения свободы — лишение свободы на срок до трех лет. Побег с места обязательного поселения (ссылки) или с пути следования к нему, а также уклонение от исправительно трудовых работ присужденных к ссылке — замену ссылки лишением свободы на тот же срок». Из сказанного можно заключить, что к «кулакам» решили применить норму репрессий, действовавшую в отношении административно- и судебноссыльных, имевших фиксированный срок наказания. Поскольку «кулацкая ссылка» не была «прописана» ни как судебная, ни как внесудебная мера репрессий (не определялся даже срок пребывания крестьян на спецпоселении), то в случае побегов спецпереселенцев приравнивали к ссыльным и заключенным, которых карали лишением свободы на срок до трех лет. В данном документе прописывалось также дифференцированное отношение к различным категориям бежавших и пойманных, но по ряду причин не подлежавших преследованию в уголовном порядке:

«Лица, подлежащие обратному возвращению в места расселения без применения к ним уголовного воздействия. <...>

6. В изъятие из п. 5-го настоящей инструкции не применяется уголовное преследование в отношении следующих категорий расселенцев, бежавших с места высылки (одиночно или в составе семьи) и подлежащих лишь обратному возвращению, после надлежащего устройства в хозяйственном отношении их глав, оставшихся в местах расселения:

а) совершенно нетрудоспособных (стариков, старух, инвалидов);
б) женщин с малолетними детьми в возрасте до 12 лет; в) лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Примечание: В отношении этих категорий местными сельсоветами при наличии явной практической нецелесообразности возвращения их на места расселения могут, в изъятие из п. 6-го, в зависимости от конкретных обстоятельств дела выноситься постановления об оставлении на месте с последующим утверждением этих постановлений РИКами.

Категория лиц, не подлежащих возвращению после побега к месту высылки и не подлежащих уголовному воздействию

7. Не подлежат возвращению к месту высылки и вместе с тем не подлежат уголовному преследованию следующие категории расселенцев, бежавших с мест расселения:

а) дети до 14-летнего возраста при несогласии их следовать с родителями (при групповом бегстве);

б) жены кулаков, вышедшие замуж из батрацко-бедняцких семей в силу их экономической зависимости от кулаков и прожившие с ними не больше 2 лет при наличии категорического заявления о нежелании жить с мужьями-кулаками.

8. Конфискованное имущество во всех случаях возвращению бежавшим не подлежит. Возвращается лишь имущество лиц, восстановленных местными комиссиями по утверждению краевой комиссии по перемотру лишенцев»¹⁵.

В инструкции адмуправления прослеживается определенного рода прагматизм, связанный с учетом политической и психологической ситуации на местах. Проявляя некоторый «либерализм» в отношении подростков (дети до 14 лет) и «кулацких» жен с батрацко-бедняцким происхождением, органы НКВД стремились внести раскол в «кулацкие» семьи и обеспечить лояльное отношение к режиму со стороны этих, впрочем немногочисленных, групп. Однако эта линия поведения не встречала поддержки у чекистов. В изданной 8 октября 1930 г. «Инструкции по борьбе с побегами кулаков из мест расселения» за подписью полпреда Заковского вводилась иная, более жесткая формула: задержанные «кулаки-одиночки» обратно к месту расселения не направлялись, а препровождались в Мариинский распределитель СибУЛОНа (что отвечало ведомственным интересам ОГПУ, в ведении которого находились лагеря). В «Инструкции» указывалось: «Кулаков, задержанных с семьями, передавать райадмотделам для направления в Нарымский распределитель Западно-Сибирского адмуправления. Отправка производится средствами райадмотделов. Задержанных, бежавших из мест расселения, жен кулаков с детьми, членов семей, стариков, детей и т. д. передавать райадмотделам по месту нахождения главы семьи или для водворения на прежнее место расселения.

Кулаков, бежавших не из мест расселения, а с места работ (в порядке использования третьей категории), передавать адмотделам»¹⁶.

Учет бежавших из мест ссылки «кулаков» чекисты и милиция вели достаточно хорошо: райотделы ОГПУ были обязаны докладывать о борьбе с бегством и задержаниях бежавших каждую пятитдневку, но для исследователей такого рода первичный отчетный материал недоступен, поэтому можно сделать только некоторые предположения относительно размеров бегства и успешности работы карательных органов по поиску беглецов. Очевидно, что больше всего случаев бегства пришлось на весенне-летние месяцы, когда система комендатур находилась еще в ста-

дии своего становления. Так, по сведениям комиссии, обследовавшей Кулайскую комендатуру, к лету из нее сбежали 6 622 из 8 891 чел.¹⁷ В отчете комиссия воспроизводила удручающую картину «административного обслуживания» высланных: «...административно-хозяйственным обслуживанием, имея в виду разбросанность на 40 км от базы, кулацкие хозяйства имевшимся штатом в 16 человек вахтеров в полном смысле не охватываются. Кулацкие поселки предоставлены в распоряжение старших, назначенных комендатурой из кулаков; некоторые благодаря непроверенности их к той работе, которая на них возлагается, мало комендатуре помогает, а наоборот, есть такие случаи, что вместо того, чтобы задерживать бегущих кулаков, сами совместно с ними организованным путем уходят в Тевризский район; совершенно отсутствует какой бы то ни был учет кулацкого населения, даже не известно о родившихся и умирающих, записей актов гражданского состояния комендатурой совершенно не ведется, а также и не ведется учета оставленного бежавшими кулаками имущества <...>

Совершенно отсутствуют правила внутреннего распорядка для кулаков, с кулаками собраний каких-либо, в смысле чем они должны заниматься, не проводилось, а имевшиеся попытки со стороны кулаков организовать рыбную ловлю вниз по реке Ягыл-Яг на 150—200 км, а также и заниматься посевом с целью выезда за болота в Тарский район комендатурой воспрещались. Были случаи в момент бегства кулачества, комендатурой задерживались до 500 человек бежавших кулацких хозяйств, в связи с их неподчинением возвращаться работниками комендатуры принимались репрессивные меры»¹⁸.

Из докладной записки «О состоянии кулацких поселков по реке Шегарке», подготовленной Новосибирским адмотделом 27 июля 1930 г., следует, что всего здесь было расселено 1 326 «кулацких хозяйств» с 6 754 едоками. С марта по конец июня «сбежало мужчин 301, женщин 246 и детей и молодежи 685, всего 1 232 человека. Умерло за это же время 123 чел., большинство умирают дети в возрасте до 1 года и старики. Освобожден с места поселения как восстановленные в правах голоса 301 чел. Осталось 5 098 чел. За последнее время бегство значительно прекратилось, объясняется это тем, что кулаки узнали о том, что при возвращении обратно на прежнее местожительства их арестовывают, местное население не стало содействовать побегам <...>»¹⁹.

Разброс в масштабах бегства спецпереселенцев был большой — от трех четвертей (Кулайская комендатура) до пятой части (Шегарская комендатура). В докладе комендантского отдела ЗСКАУ, направленном в октябре 1930 г. в НКВД, приводились следующие данные о бегстве «кулаков» в регионе: «Отсутствие стационарного местожительства, хозяйственная неустроенность, разрыв с семьями, бесперспективность вместе с классовой непримиримостью породили огромную текучесть (около 22 000 чел.). Силами ОГПУ и адморганов поймано и водворено около 11 000 человек». Говорилось и о том, где находились бежавшие, — 2 тыс. чел. уже осенью находились в местах заключения, 5 тыс. — в районных адмотделах, 1,5 тыс. — в СибУЛОНе, 2 тыс. чел. передано в комендатуры, созданные на приисках Союззолото²⁰.

Таблица 6

**Динамика численности спецпереселенцев в комендатурах Нарымского края
в июне—октябре 1930 г.***

Комендатура	Июнь		Сентябрь		Октябрь	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
Шерстобитовская	1 269	8 250	1 100	5 320	1 008	4 008
Кулайская	2 676	11 053	890	1 607	421	827
Галкинская	569	2 521	500	2 112	282	1 000
Чаинская	2 668	15 673	2 278	13 396	1 920	8 781
Кето-Чулымская	2 190	11 600	1 551	6 083	1 394	5 357
Шегарская	Нет свед.	5 098	628	2 039	628	2 225
ВСЕГО	9 732	54 195	6 547	30 557	5 653	22 168

* Составлена по данным: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. - С. 187, 265; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1068. Л. 44 об.

В течение лета — осени численность спецпереселенцев в комендатурах Западной Сибири уменьшилась более чем на 30 тыс. чел. (табл. 6). Если исходить из того, что около 20 тыс. бежало, а какая-то незначительная часть была восстановлена в правах (в Шегарской комендатуре таковых оказалось 5 % от числа высланных), то примерно 10 тыс. чел. можно считать пропавшими, умершими.

Заболеть и умирать спецпереселенцы начинали еще в пути следования. В середине апреля 1930 г., как следует из информации крайздравоотдела, «за весь период прохождения кулацких хозяйств и пребывания их на местах разгрузки до дальнейшего направления их к месту постоянного жительства отмечены случаи детских заразных заболеваний (корь, скарлатина и др.)»²¹. По данным одного из семи сибирских распределительных пунктов — Томского, через который с 3 марта по 7 апреля 1930 г. прошло около 15 тыс. чел., амбулаторией было обнаружено около 2 тыс. заболевших, во время пребывания их в распределительном пункте умерло 38 чел., в т. ч. 36 детей²². Несмотря на принятые меры по массовой вакцинации против оспы, скарлатины, брюшного тифа, уже в местах расселения заболеваемость и смертность среди спецпереселенцев проявились в полной мере.

В мае в окрздравы из комендатур стали поступать донесения от комендантов и находившихся там медиков о больших масштабах бедствия. Комендант Пудинской распределительной базы ОГПУ в донесении Сибкрайздраву от 3 мая 1930 г. сообщал: «Явно болезненное состояние народа с каждым днем увеличивается, так, например, по данным статистических сведений видно, что на 1/V—1930 г. смертность детей только в среде семей ссыльных на 1 600 хозяйств достигает до 200 чел.»²³. Заведующий фельдшерским пунктом в Кулайской комендатуре в Омский окрздравотдел писал: «Сообщаю тебе как заведующий, в настоящее время кулацкие дети всех возрастов находятся в самых плохих условиях. В отношении питания, возьмем от 2-х месяцев и до 7 лет: ни молока нет, мяса нет, сахара, никаких жиров и никаких круп нет. Хлеба не хватает — ржаного пайка, и идет полнейшее вымирание детей, ты напиши мне, какие нужны меры принять. Я уже писал, чтобы отпустили хотя

сахару или круп каких-нибудь, грудные дети некоторые не сосут грудь матери, или нет молока в груди, ребенок только остается исключительно на одной воде (сообщение от 20 апреля 1930 г.)»²⁴; «Видя на глазах такую мучительную картину — голода и голодной смерти, я в особенности прошу дать ответа, какие приняты меры <...> В медикаментах недостатка не ощущается, но применение всей лечебной цели совершенно безрезультатно при отсутствии питания. А посему, считая недостатком со стороны нашей медицины и нашей политики мучение детей полуголодной смертью [прошу] дать те или иные указания (31 мая 1930 г.)»²⁵.

2 июня 1930 г. на состоявшемся в крайисполкоме совещании «О хозяйственном устройстве переселенных кулаков» представитель крайздравоотдела Лившиц отмечал: «Сейчас имеются из всех округов тревожные сведения, главным образом, по Томскому, Омскому, что там развивается большая эпидемия из-за отсутствия питания, особенно имеются случаи смерти с голоду <...>»²⁶. На совещании получили огласку события на железнодорожной станции Тяжин (Ачинский окр.). Председатель окрисполкома Леонтьев дал следующее пояснение: «На станции Тяжин, правда, имеется безобразное явление. Их ("кулаков". — С.К.) туда завезли, а Мариинск и Тайга отказываются принять их <...> в конце концов Маркинский и Тайга согласились принять 100 семей, но 200 семей остались, и они были приняты в тупик, где началось заболевание. Пришлось их разместить по домам всех жителей, которые живут при станции. Было около 80 случаев смерти от скарлатины, дифтерита, кори. Выслали медики свой отряд, который проводит сейчас там работу, но все же имеются большие безобразия в том, что выдается по 15 кг муки на каждую семью (*Голос с места*: Что вы думаете делать с кулаками на станции Тяжин?). Не знаю, что делать. Они еще не переданы нам <...>»²⁷.

О том, насколько значительным и дееспособным был аппарат первых комендатур, можно судить лишь по разрозненным сведениям²⁸. Помимо комендантов участков в него входили коменданты поселков и вахтеры-милиционеры. Первоначально численность вахтеров определялась по количеству семей: 1 вахтер на 50 семей. На 16 тыс. семей сибирских «кулаков» должно было приходиться более 300 вахтеров. Осенью 1930 г. в комендатурах, подведомственных ЗСКАУ, насчитывалось свыше 100 поселков. Таким образом, карательный аппарат в комендатурах должен был состоять не менее чем из 400—450 чел. Между тем, если судить по данным структуры расходов на перевозку и расселение сибирских «кулаков», доложенных Заковским в Москву 20 апреля 1930 г., в графе «аппарат комендатур охраны в местах поселения» было указано 132 чел.²⁹ Первые коменданты были как правило из числа работников мест заключения. Так, в постановлении краевой комиссии «по кулакам 2-й категории» от 18 июля 1930 г. отмечалось, что «в ряде комендатур управление поселками производится методами лагерей особого назначения, исключаящими возможность развития хозяйственной инициативы расселенцев <...>»³⁰.

11 сентября 1930 г. на совещании в крайисполкоме «О плане устройства и использования кулаков» ПП ОГПУ и СКАУ обязывались «произвести проверку личного состава кулацких комендатур и устранить из них ненадежный и политически негодный элемент»³¹. Подобная

оценка вряд ли могла быть иной, учитывая уровень привлеченных для работы в комендатурах людей, чей предыдущий, преимущественно пенитенциарный опыт по многим аспектам не соответствовал той деятельности, которую им предстояло осуществлять в спецпоселках. Достаточно напомнить, что комендатурам передавались права местных Советов на территории размещения спецпоселков. Кроме того, СКАУ ходатайствовало «о присвоении комендатурам прав хозяйственных организаций (не состоящих на госбюджете)»³², и эти права были закреплены в уже упоминавшейся «Инструкции комендантам по управлению кулацкими поселками». Последняя включала, в частности, состоящее из 60 пунктов подробное описание «прав и обязанностей комендантов в области управления кулацкими поселками в административном, хозяйственном и социально-культурном отношениях». Должностные полномочия коменданта распространялись на несколько сфер: административное устройство (29 пунктов), хозяйственное устройство (13), финансовое управление (3), военный учет (2), область культурно-просветительная и здравоохранение (12 пунктов). Например, должностные обязанности коменданта по поддержанию режима предполагали в целях недопущения побегов и самовольных отлучек организацию через уполномоченных наблюдения, охраны, контроля за населением поселка. Комендант был обязан принимать меры, направленные на предупреждение преступлений, вести негласное наблюдение через уполномоченных и специально организованную осведомительную сеть, опираясь при этом на лиц, имеющих «наиболее отрицательное прошлое» или заподозренных в совершении тех или иных преступлений. «Обращает особое внимание на лиц, не могущих примириться с новой обстановкой в силу своей классовой непримиримости. Всем этим лицам ведет особый учет

Ведет борьбу с хулиганством, самогоноварением, шинкарством, нищенством, проституцией, наркоманией и др[угими] социальными аномалиями, согласно существующих положений.

Не допускает шествий, демонстраций, манифестаций и собраний политического характера, ограничивая собрания вопросами хозяйственно-бытового устройства»³³.

Обращает на себя внимание широкий круг разнообразных обязанностей коменданта в области «хозяйственного устройства»: «...35. Вся хозяйственная жизнь поселков организуется на принципе развития хозяйственной инициативы самих расселенцев.

36. По отдельным хозяйственным вопросам комендатуры могут давать конкретные производственные задания с доведением плана этих заданий до двора, станка и пр. Все работы выполняются расселенцами индивидуально на стимуле личной заинтересованности, причем для большого производственного эффекта расселенцами могут организовываться на добровольных началах трудовые группы, артели, товарищества, рабочие бригады и проч. в составе 10—20 человек, преимущественно из молодежи, выполняющие работы под руководством назначенного из их среды старшего. Настоящие группы, бригады, товарищества, артели имеют целью привитие населению, в особенности молодежи, навыков коллективного сельскохозяйственного и производственного труда и никакими правами самоуправления и юридического лица не пользуются.

37. Исходя из изложенного, комендант всемерно способствует развитию хозяйственной деятельности расселенцев, проявляя собственную инициативу по организации их труда, изысканию наиболее эффективных форм производства.

38. В целях поднятия материального состояния расселенцев организует мероприятия по постройке жилищ, раскорчевке пустошей, осушке болот, организации кустарных промыслов, заготовке ягод, грибов, орехов, развешиванию заводской деятельности (дегтекурение, смолокурение, добыча пихтового масла, кирпичное производство и проч.), организует звероловные, рыболовные промыслы, принимает меры к насаждению пчеловодства, садоводства, огородничества, кролиководства, свиноводства и проч.

39. Составляет производственные планы сельскохозяйственной, заводской и подсобной деятельности, следит за выполнением этих планов уполномоченными, в смысле их осуществления и доведения до двора (станка).

40. Организует на основе разработанных планов меры по прокладке и улучшению дорог, подъездных путей, устройству мостов, гатей и проч. дорожных сооружений силами самих расселенцев на добровольных началах и в порядке трудгужповинности.

41. Руководит в пределах территории комендатуры проведением заготовительных, посевных, семенных и прочих кампаний.

42. Наблюдает за своевременной сдачей товарных излишков государству, привлекая неслатчиков или невыполнителей производственных заданий к ответственности согласно особой инструкции.

43. Обращает особое внимание на предоставление соответствующих работ лицам, оставшимся без главы семьи, инвалидам и проч. нетрудоспособным, соответственно их физической возможности.

44. Заключает договор с хозорганизациями на доставку рабсилы, направляя туда все неиспользованное трудоспособное население. Следит за соблюдением правил договоров.

45. Выполняет наряды СКАУ на поставку рабсилы, организует команды сопровождения и прочее, согласно указанным маршрутам.

46. Наблюдает за выполнением правил об отпуске леса для нужд расселенцев.

47. Разрешает земельные споры между расселенцами в пределах компетенции РИКа, соответственно с положением о районных земельных комиссиях»³⁴.

Если учесть, что комендант отвечал за составление и выполнение приходно-расходных смет, руководил проведением кампаний по сбору налогов и сборов, а также должен был «проводить в жизнь ликвидацию неграмотности и малограмотности», включая «меры адмвоздействия на родителей за непосылку [детей] в школы, ликбезы и пр.», он же «заботится об организации охраны материнства и младенчества»³⁵, то становится очевидным, насколько широким, практически всеобъемлющим был круг его должностных функций и насколько для этого оказывался узким и малопригодным предыдущий опыт работников карательных органов. Более того, даже при обеспечении режима в спецпоселках комендантам приходилось работать явно в непривычных условиях. Начальник Комендантского отдела ЗСКАУ Долгих в докладной записке

крайисполкому от 25 февраля 1931 г. обстановку в комендатурах характеризовал так: «...контингент в местах расселения спецпереселенцев чрезвычайно пестрый. Здесь не только кулаки 2-й категории из Сибири и Украины, не только семьи глав, находящихся в Вологде, Архангельске, Мурмане и т. п., но и высланные из погранполосы бывшие петлюровцы, махновцы, деникинцы, лица, имеющие подозрение, но не уличенные ни в чем определенно преступном, рецидивисты, судебно-ссылные и высланные, прежде находившиеся в ссылке и т. п. В данное время все они находятся в условиях одного режима и рассматриваются как спецпереселенцы. Этот вопрос комендантским отделом совместно с заинтересованными ведомствами прорабатывается и стоит на очередном разрешении. Во всяком случае известная дифференциация этих категорий в системе будущего управления должна иметь место. В данное же время, учитывая общее недовольство кулачества, их количественное преобладание, возможность повышения враждебности организующими центрами (петлюровцы, махновцы), считаем необходимым ставить вопрос о достаточно твердом и дифференцированном режиме управления со стороны РИКов и увеличении кадров местной милиции для подавления могущих возникнуть эксцессов»³⁶.

С осени 1930 г. до весны 1931 г. в территориальном размещении спецпереселенцев произошли ощутимые сдвиги. К весне 1931 г. в Западной Сибири сложилась следующая сеть комендатур (табл. 7). Работниками Комендантского отдела ЗСКАУ комендатуры были разделены на четыре специализированные группы: сельскохозяйственные, лесные, горно-приисковые и строительные. Как указывал Долгих, «уклон деятельности определяется характером размещения»³⁷. Функционер был прав только отчасти. Горно-приисковые комендатуры, созданные для обеспечения работы «Союззолота» и строительные, в которых спецпереселенцы работали для нужд Кузнецкстроя, Желдорстроя и других организаций, соответствовали уже другому принципу — принципу приоритета экономической необходимости перед режимным, изоляционным: характер размещения определялся «уклоном деятельности».

Ситуация резко изменилась весной—летом 1931 г., когда прошла вторая депортационная волна. В фондах госархива Новосибирской обл. отложился уникальный документ — «Обобщающий отчетный доклад о работе СибЛАГа по хозяйственному освоению спецпереселенцами Нарыма за время с мая 1931 г. по июнь 1932 г.»³⁸, значение которого для изучения судеб депортированных на север Западной Сибири крестьян трудно переоценить. Приводимые далее данные взяты из этого источника.

Операция по перемещению на Север почти 44 тыс. семей (182 327 чел.) проходила водным путем из Новосибирска, Томска, Омска в весенне-летний период 1931 г. Основная часть спецпереселенцев была переброшена в места новой дислокации 10 мая — 30 июня, а расселена по конкретным поселкам в июле—августе. Таким образом, до начала сентября 1931 г. аппарат СибЛАГа не располагал надежной статистикой о реальном положении дел в спецпереселенческих комендатурах. Данная акция своими размерами превосходила все, что предпринималось репрессивными

Таблица 7

**Дислокация спецпереселенцев в комендатурах Западной Сибири.
На 25 февраля 1931 г.***

Наименование комендатур	Основное кол-во спецпереселенцев			
	Семей	Едоков в них	Одиночек	Всего едоков
Шерстобитовская	988	3 526	—	3 526
Тоинская	918	4 179	—	3 916 .
Парбигская	413	1 984	116	2 100
Галкинская	405	1 359	—	1 359
Кулайская	360	773	222	995
Шегарская	572	1 935	2	1 937
Кето-Чулымская	1 312	4 842	—	4 842
Нарымская	3	9	566	575
Колпашевская	2	6	475	481
Могочинская	264	1 244	443	1 687
Ново-Кусковская, вместе с прибывшими из Томска	541	2 588	324	2 912
Саралинская	100	391	66	457
Ольховская	50	247	171	418
Таштыпская	—	—	138	138
Егоро- Салаирская	—	—	200	200
Тисульская	46	177	100	277
Ярцевская	194	804	763	1 567
Кузнецкстрой	—	—	241	241
Ст. Бочаты	—	—	131	131
Погрузбюро, Новосибирск	—	—	50	50
Нижне-Обское л[есничест]во	—	—	188	188
С/х и др. работы	500	—	—	500
Томск-база	—	—	—	5 000

* ГАНО. Ф. Р-47, Оп. 5. Д. 125. Л. 38.

государственными органами до и после революции на территории Нарымского края. Так, дореволюционная административная ссылка насчитывала здесь несколько тысяч человек. В ходе весенне-летней депортации 1930 г. сюда переместили 28,4 тыс. «раскулаченных». Заброска продолжалась и в зимнее время. В результате к 1 июня 1931 г. в крае сосредоточилось 50 687 спецпереселенцев (в т. ч. крестьяне, направленные в мае вниз по Оби тотчас вслед за ледоходом). В последующем численность этой груп-

пы стала стремительно возрастать и к началу сентября 1931 г. достигла 215 261 чел., в 1932 г. она постепенно сокращалась: в январе — 195 571 чел., феврале - 191 216, марте — 189 062, апреле - 184 992, мае — 183 908, июне — 182 298 чел. Констатируя явное уменьшение общей численности спецпереселенцев (почти на 30 тыс. чел.), начальник СибЛАГа И.М. Биксон был настроен отнюдь не пессимистически. «В свете задачи колонизации громадной территории Нарыма, проведенной в минимальный промежуток времени, — отмечал он, — эта величина убыли за год не должна считаться особенно большой»³⁹. В «Обобщающем отчетном докладе» сохранились данные о том, из каких величин складывалась эта убыль.

Таблица 8

**Движение спецпереселенцев в комендатурах Нарымского края,
июнь 1931 — май 1932 гг., чел/**

Спецпереселенцы	Июнь-сентябрь 1931г	Сентябрь-январь 1931-1932г	Январь 1932г	Февраль 1932г	Март 1932г	Апрель 1932г	Май 1932г	Всего за июнь-май 1931-1932г
Родившиеся	905	1 416	434	286	223	124	93	3 841
Возвращенные из бегов	2 929	899	536	722	732	967	936	7 721
Умершие	534	7 499	1 438	1 568	1 666	1 077	1 431	25 213
Бежавшие	4 961	11 473	3 017	3 076	3 144	1 205	1 102	27 178
Возвращенные на родину	312	6 834	1 318	528	656	547	434	10 669

* Составлена по данным: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. Л. 59.

Согласно статистическим выкладкам, «прибыль» складывалась из показателей «родившихся» и «возвращенных», что в сумме составляло около 10 тыс. чел. (табл. 8). «Убыль» давали умершие, бежавшие и возвращенные на родину, что в сумме составляло свыше 55 тыс. (эта величина приблизительно, поскольку статистика не разъясняла, кого учитывали в графе «бежавшие» — только тех, кто был пойман и возвращен, или только бежавших). Таким образом, общий показатель движения спецпереселенцев составил в течение года отрицательную величину в 45 тыс. чел., а возможно, и больше.

Расхождение между показателем общего уменьшения численности спецпереселенцев с сентября 1931 по июнь 1932 г. на 30 тыс. чел. и показателем отрицательного баланса «прибыли» и «убыли» в 45 тыс. чел. объясняется тем, что баланс рассчитывался из данных, относящихся к более длительному периоду, в т. ч. к июню — началу сентября 1931 г. (а именно он и дает превышение «убыли» над «прибылью» примерно на 12 тыс. чел.).

Таблица 9

**Движение спецпереселенцев в комендатурах страны и
Нарымского края, чел.***

Спецпереселенцы	Комендатуры		
	страны (1 января 1932 — 1 января 1933 г.)	Нарымского края (1 апреля 1931 — 1 апреля 1932 г.)	Колпашевская (1 января — 1 сентября 1932 г.)
Родившиеся	18053 / 1,4"	3841 / 1,6	196 / 1,0
Возвращенные из бегов	37978 / 2,9	7721 / 3,5	504 / 2,5
Умершие	89754 / 6,7	25213 / 11,0	2531 / 12,0
Бежавшие	207010 / 15,0	27186 / 12,0	2296 / 11,0
Всего	1317022 / 100	230000 / 100	20019 / 100

* Составлена по данным: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // СОЦИС. - 1991. - № 10. - С. 6; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. Л. 59; Д. 138. Л. 80. ** В числителе — чел., в знаменателе — %.

Представить масштабы и специфику движения спецпереселенцев, размещенных в Нарымском крае, в общем контексте «кулацкой ссылки» в стране помогает сравнение внутрирегиональных и общесоюзных данных (табл. 9). Сравнительные характеристики не претендуют на полноту, поскольку данные по Нарымскому краю отражают динамику за несколько иной отрезок времени, чем по стране в целом, а сведения по Колпашевской комендатуре, входившей в группу т. н. северных (нарымских) комендатур СибЛАГа, даны за восемь месяцев 1932 г. Вместе с тем сопоставление имеющейся информации позволяет выяснить соотношение важнейших факторов, определявших динамику движения спецпереселенцев в системе ГУЛАГа в 1931—1932 гг. Так, в статье «прибыль» доли родившихся и возвращенных из бегов по стране в целом и по Нарымскому региону значительно не различались, но в статье «убыль» расхождения между ними существенны. Комендатуры Нарымского края по показателю смертности почти вдвое превосходили комендатуры страны, но по удельному весу бежавших существенно уступали. Иначе говоря, условия, режим пребывания в Нарымских комендатурах отличался особой жестокостью. В отдельных комендатурах региона, в частности Колпашевской, смертность в отмеченный период была чрезвычайно высокой.

Функционеры СибЛАГа в своем отчете не скрывали, что «смертность особенно значительна была в первые месяцы вселения и главным образом среди детского населения и стариков». Приводились, в частности, такие цифры: только с июня по август 1931 г. умерло более 14 тыс. спецпереселенцев, среди которых доля детской смертности достигала 76 %. Однако эта ужасающая статистика в докладе чекистов получила оптимистичную окраску: «Если в среднем за месяц периода с 1 июня по 1 сентября 1931 г. умерло 3 511 чел. и в период с 1 сентября 1931 г. по 1 января 1932 г. умерло 1 875 чел., то в 1932 г. число смертей снизилось до 1 077 чел. в апреле и 1 159 чел. в мае»⁴⁰. Приведенный отрывок — характерный образец манипулирования статистикой для

создания мифа о том, что снижением смертности в своей среде спецпереселенцы были обязаны в первую очередь СибЛАГУ.

Следует отметить, что ведомственная (сиблаговская) статистика не была способна отразить реальный уровень смертности среди спецпереселенцев. Так, практически невозможно было учесть человеческие жертвы в пути следования крестьянских семей из мест выселения до их размещения в одном из спецпоселков. Даже переселение внутри Сибири (из южных в северные районы) продолжалось около месяца и делилось на три этапа: 1) до железнодорожного пункта и оттуда до Новосибирска, Томска, Омска, 2) из этих городов на баржах водным путем — в районы среднего и нижнего течения Оби, 3) из конкретного пункта «накопителя» — в конкретные спецпоселки по притокам Оби. На каждом из этих трагических этапов людей подстерегала смерть, иногда запланированная репрессивными органами. Были случаи затопления барж, вмещавших от нескольких сотен до тысячи человек и т. д. На о-ве Назинском на Оби близ пос. Александрове (Томская обл.), о событиях на котором уже говорилось, в мае 1933 г. было высажено около 6 тыс. чел., а к началу вывоза по поселкам, менее чем через месяц, умерло около 2 тыс. чел.⁴¹

В динамике численности спецпереселенцев отразилось явление «обратников» — лиц, «возвращенных на родину по разным причинам». Среди «обратников» выделялись две группы: а) инвалиды и пожилые люди, передаваемые на иждивение хлопотавшим за них родственникам (около 9,5 тыс. по нарымским комендатурам с июня 1931 г. по июнь 1932 г.); б) лица, добившиеся пересмотра приговоров о высылке, — «неправильно высланные» (1,2 тыс. чел. за тот же период). В обеих группах насчитывалось 10,7 тыс. чел., или около 5 % от общей численности спецпереселенцев⁴². Возвращение части нетрудоспособных лиц на родину вряд ли следовало интерпретировать как проявление нормального человеческого сострадания со стороны СибЛАГа. Во-первых, возвращали лишь тех, о ком настойчиво хлопотали близкие. Во-вторых, таким образом администрация освобождалась от дополнительных забот по созданию домов инвалидов (хотя их все равно позднее пришлось создавать) и от необходимости содержать нетрудоспособное население.

Особые волнения администрации были связаны с побегами, принявшими массовый характер особенно в момент становления системы спецпоселений — «принудительно заселяемых поселков для кулаков 2-й категории». Так, по неполным данным, осенью 1930 г. из 28,4 тыс. чел., размещенных в районах Нарымского края, в бегах числилось 23,4 тыс. чел. В одну из самых страшных комендатур — Кулайскую, находящуюся на болотах на стыке Омской и Томской областей, весной 1930 г. был доставлен 8 891 чел., а в августе в ней оставалось лишь 1 246 чел.⁴³ Функционеры были вынуждены признаться в «утечке людей из-за невозможных условий местности». Игнорирование при размещении спецпоселков таких факторов, как непригодность отведенных земель, отдаленность поселков от мест работы и т. д., обусловило необходимость переселить внутри комендатур примерно четверть семей и стало причиной формирования у спецпереселенцев установки на бегство. Однако не менее значительную роль играло и то, что условия труда и жизни заставляли крестьян выбирать между бегством и изнуряющим принуди-

тельным трудом в обстановке голода и эпидемий. В ответ на ужесточение режима пребывания в комендатурах весной — летом 1931 г., когда спецпоселки после реформирования карательной системы были переданы из ведения Комендантского управления НКВД СибЛАГУ, участились побеги и проявления других форм сопротивления.

В конце июля 1931 г. в Парбигской комендатуре произошел взрыв протеста, в котором проявились элементы организованности, присущие восстанию (хотя в полной мере восстанием это явление назвать трудно). Его активная форма, как бы парадоксально это ни звучало, была порождена самой репрессивной системой. Согласно сложившейся практике, для удобства управления и контроля спецпереселенцев старались селить компактно, создавая с учетом прежнего места жительства крестьян землячества. Внутри самих поселений крестьяне делились на десятки и сотни. Таким образом руками системы создавалась организационная структура, которая в определенных условиях могла сработать против ее «творцов». В 20-х числах июля взбунтовалось население нескольких поселков, в которых компактно проживали спецпереселенцы из Кузбасса и с Алтая. Их поддержали другие сибиряки. Активную роль в волнениях играли 1,5—2 тыс. чел. (до 10 % от общей численности контингента комендатуры). Они разоружили охрану нескольких поселковых комендатур и попытались «поднять» соседние районы. Усилиями местных партийно-советских органов (мобилизация актива) и прибывших вооруженных формирований ОГПУ бунт локализовали. В течение недели волнение было подавлено, сотни спецпереселенцев погибли, власти производили массовые аресты и организовали поимку бежавших в тайгу.

Из обвинительного заключения по уголовному делу о вооруженном выступлении крестьян-спецпереселенцев в Чаинском р-не, подготовленном Томским оперсектором ОГПУ 29 сентября 1931 г.⁴⁴, события двухмесячной давности реконструировались чекистами как организация и осуществление «вооруженного восстания кулачеством, контрреволюционно и антисоветски настроенным». Текст «Обвинительного заключения» при всей очевидной тенденциозности содержит информацию о событиях с стороны происходившего в поселках Парбигской комендатуры нарастания крестьянского недовольства, переросшего в восстание. В начале июля 1931 г. возглавляемая Г.Е. Усковым группа «кулаков», высланных из Ленинского р-на (Кузбасс), устроила «полулегальное собрание» с приглашением представителей других районов «под предлогом обсуждения вопроса посылки делегации в край с ходатайством о прибавке пайка»⁴⁵. Справедливо полагая, что создание и посылка подобной делегации легальным путем невозможна, Усков развернул работу по рассылке агитаторов по соседним комендатурам (в Галкинскую и др.) для выдвижения согласованных требований к властям. В дальнейшем ему удалось получить от руководства соседнего сельсовета несколько десятков чистых бланков, благодаря которым его соратники могли передвигаться по территориям близлежащих комендатур. В конце июля, по версии чекистов, Усков уже целенаправленно готовил восстание, планируя захватить соседние села и райцентр (с. Подгорное), затем «пароходы и дальше двигаться в Новосибирск». Неясно, верил ли сам Усков в подобную перспективу развития событий или документ отражает домыслы проводивших следствие чекистов, но 29 июля 1931 г.

«активная группа» во главе с Усковым выступила сразу в нескольких поселках, «вооружившись за счет разоруженного местного населения и работников комендатуры». Повстанцы захватили несколько населенных пунктов, но 31 июля их начали окружать отряды ОГПУ, милиции и партотряды Чаинского и соседних районов. 1 и 2 августа развернулись действия по ликвидации повстанческих «банд», в ходе которых погиб сам Усков и его окружение. По сообщениям чекистов, «со стороны банды убито более 100 чел. <...> со стороны партотрядов убито — 4 и ранено 3 человека»⁴⁶. После подавления выступления чекистами были арестованы 135 «активных участников повстанческой организации». Последние постановлением Особой тройки ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 21 октября 1931 г. были осуждены на разные сроки — от десяти лет лагерей до 2 лет заключения условно со ссылкой вместе с семьями в самую северную из комендатур — Александре-Ваховскую, имевшую статус штрафной⁴⁷.

Материалы «Обвинительного заключения» дают основание считать, что к вооруженному выступлению высланных крестьян подтолкнули сами карательные органы, допуская перебои в снабжении продовольствием и предметами первой необходимости, что усугубляло и без того экстремальные условия расселения в таежной и болотистой местности. Следует учитывать также, что в ссылку попала значительная часть семей, главы которых находились либо в других комендатурах, либо в местах заключения. Среди 38 тыс. чел., расселенных летом 1931 г. в Чаинской группе комендатур, около 19 тыс. составляли дети и подростки до 16 лет, наиболее подверженные заболеваниям и смертности. Начальник Комендантского управления Долгих, побывавший в июне 1931 г. с инспекционной поездкой в ряде комендатур, в т. ч. расположенных по р. Чая, вынужден был констатировать, что «смертность на отдельных участках, преимущественно детей, в момент моего нахождения, была 10—35 человек в сутки. В данное время (на 20-е числа июня. — С.К.) ориентировочно цифру смертности можно исчислять около 1.000 человек»⁴⁸. В подобных условиях достаточно было незначительного повода — перебоев в снабжении продовольствием и уменьшения выдаваемого пайка, который и без того составлял не более 300 г муки на человека в день, чтобы поднять спецпереселенцев на выступление. Голод и нужда придали ему массовость, чего нельзя было сказать о степени организованности. Повстанцы действовали стихийно, без четкого плана. По территориям Парбигской комендатуры спецпереселенцы перемещались «всей повстанческой массой», что облегчило задачу карательных отрядов локализовать и подавить крестьянское выступление. В действиях самих повстанцев, при всем намерении чекистов придать выступлению антисоветский, контрреволюционный характер, политической окраски не прослеживалось. С очевидностью это проявилось в отношении к представителям местных органов власти и работникам комендатуры, которых обезоруживали и арестовывали. Последние понесли небольшие потери только непосредственно в ходе вооруженных столкновений. Жестокость расправы с восставшими (примерно десятая их часть погибла) резко контрастировала с относительной «мягкостью» репрессий в отношении арестованных после подавления выступления

135 «активистов» — никто из них не был расстрелян, обвинения, предъявленные части арестованных, не подтвердилась.

Отношение местного населения к происходившим событиям было неоднозначным — от сочувствия и поддержки повстанцев частью работников сельсоветов до активного участия в подавлении крестьянского выступления поднятых по мобилизации и сведенных в партотряды коммунистов и комсомольцев. Местные активисты привлекались карательными органами и для задержания бежавших в тайгу спецпереселенцев. Работникам ОГПУ пришлось даже расследовать откровенно бандитские действия одной из такого рода групп. С 1 августа по 15 сентября, творя самосуды и мародерствуя, «сельактив» д. Тунгусово охотился в окрестностях деревни за спецпереселенцами и ехавшими к ним родственниками. Расследование установило, что группой (фактически бандой) было убито 15 чел.: «Отбираемые вещи у убитых и проезжающих граждан (родственников спецпереселенцев) лучшего качества делились между участниками убийств и грабежей, а низкого качества сдавались в сельпо для распределения среди колхозов, объединенных сельсоветом, и тарифицированного населения»⁴⁹. Заместитель райуполномоченного ПП ОГПУ Станкевич в своей докладной записке в райком партии был вынужден признать факт превращения «боевой группы для самообороны деревни и колхоза» в «группу красных бандитов», обвиненных по ст. 59 п. 3 УК РСФСР⁵⁰.

Примечательно, что власти районного звена хорошо понимали истинные причины, побудившие спецпереселенцев к выступлению (голод, высокая смертность, бытовая неустроенность). Опасаясь повторения летних событий, секретарь Чаинского РК ВКП(б) Осипов в письме Эйхе от 22 сентября 1931 г. писал: «В Чаинском районе и комендатуре, где недавно было кулацкое восстание, чрезвычайно напряженное положение с продовольствием. 36 000 кулаков и кулачат голодают, с 15 по 19 сентября им давали по 100 грамм на семью, с 19 сентября совершенно прекратили выдачу хлеба, т. к. на складах комендатур совершенно нет хлеба <...> Во избежание голодного бунта (очень невыгодно нам — хуже восстания политически) мы настаиваем категорически о помощи нам в заброске продовольствия этим кулакам». Осипов сделал откровенный выпад против руководства СибЛАГа, фактически возложив на него ответственность за катастрофическое положение в спецпоселках и, в частности, за восстание. «...Обращаем Ваше внимание на то обстоятельство, — писал он, — что эта Парбигская комендатура совершенно не обеспечена руководящим составом поселковых уполномоченных и другой состав переехавшим за дискредитацию Соввласти и прямо провокацию восстания <...>»⁵¹ Суть событий в Парбигской комендатуре летом 1931 г. очевидна: спецпереселенцы были спровоцированы на вооруженное выступление совокупными действиями и просчетами властей различных уровней, которые в комендатурах непосредственно представляли работники карательных органов. «Кулацкое восстание» наглядно показало способность спецпереселенцев к гражданскому неповиновению даже в таких экстремальных условиях, а также выявило крайнюю слабость и неэффективность системы управления комендатурами.

Система управления в районах спецпереселения была адаптирована СибЛАГОм к местным условиям и состояла из двух основных звеньев — поселковой и участковой, территориально объединявшей группу спецпоселков, комендатур. Основание пирамиды управления составлял штат поселковой комендатуры (комендант, помощник-секретарь, исполнители и т. д.), опиравшийся, в свою очередь, на представителей спецпереселенцев — десятников, или звеньевых, — руководителей групп из десяти дворов⁵².

Резкий рост контингента спецпереселенцев в районах Нарымского края весной—летом 1931 г. потребовал соответствующего увеличения административно-репрессивного аппарата со 100—150 до почти 500 чел. Комплектование штата в обстановке спешки, нервозности и «новизны дела» привело к негативным последствиям, которые превзошли худшие ожидания. Почти полная бесконтрольность и вседозволенность в сочетании с некомпетентностью (например, в районах спецпоселения коменданты принимали на себя функции государственных и чрезвычайных органов, бравших всю полноту ответственности за жизнь в поселках — от снабжения до поиска бежавших) новых кадров заставили руководство СибЛАГа пойти на экстраординарные меры. С лета 1931 по лето 1932 г. в ходе реорганизаций, проверок и чисток аппаратов комендатур на местах было уволено 654 чел., против 70 чел. возбуждены дела, по которым около 50 чел. оказались осуждены (один был расстрелян, другие получили различные сроки — от трех до десяти лет)⁵³.

Произвол и должностные преступления работников комендатур носили настолько явный характер, что в их вскрытии принимали участие не только должностные лица (работники ОГПУ и СибЛАГа), но и руководство партийных и советских органов районов, где размещались комендатуры. Обеспокоенность последних имела, впрочем, прагматическую подоплеку, ибо голодные бунты, «кулацкие волынки», эпидемические заболевания, массовые побеги и прочие реалии спецпереселенческого бытия отражались и на местном населении. Так, в связи с упомянутым восстанием спецпереселенцев в Чаинском районе райком партии отмечал, что оно «сильно парализовало работу местных <...> организаций, уборочную кампанию <...>»⁵⁴.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что беззаконие и профессиональная некомпетентность, будучи родовыми чертами административно-репрессивного аппарата, принимали зачастую угрожающие размеры, ставящие под сомнение стабильность функционирования, в частности, региональной партократии. Не менее важен и другой очевидный вывод: аппарат СибЛАГа, призванный смягчить трудности начального периода принудительной колонизации Нарымского края, являлся по сути одним из главных источников дестабилизации положения в регионе (повышенная смертность, массовые побеги и т. д.).

Положение могло быть еще более трагичным, если бы в сложившейся ситуации не действовали факторы, в определенной степени компенсировавшие просчеты и некомпетентность аппарата принуждения. Речь идет о влиянии традиционных структур самоорганизации спецпереселенцев (семейно-родственные и земляческие связи), с одной стороны, и об использовании интеллектуального потенциала самого «спецкон-

тингента» для создания административной, производственной и социально-бытовой инфраструктуры в комендатурах — с другой.

СибЛАГ сравнительно быстро столкнулся с проблемой кадров специалистов различных профессий, необходимых для функционирования комендатурной системы, и предпринял маневр по передаче функций хозяйственного, бытового, медицинского и других видов обслуживания краевым гражданским органам, однако те выдвинули ряд требований, в т. ч. по укомплектованию штатов комендатур за счет специалистов из среды самих спецпереселенцев, заключенных и ссыльных, а также вольнонаемными работниками. Данное требование было удовлетворено и скреплено соответствующими договорами. В результате в 1931—1932 гг. в комендатурах Нарымского края по своей специальности работали сотни репрессированных работников умственного труда разной квалификации. Больше всего их было задействовано в сфере народного образования: 286 из 413 учителей (данные на лето 1932 г.)⁵⁵ являлись спецпереселенцами, в прошлом это были учителя или просто образованные люди, способные работать в системе начального обучения.

Для функционирования в комендатурах периферийных звеньев аппаратов хозяйственных ведомств СибЛАГом по договорам было передано 104 специалиста из числа заключенных⁵⁶, в т. ч. 47 чел. являлись профессионалами в области сельского хозяйства (экономисты, агрономы, ветеринары и др., отбывавшие заключение преимущественно по печально известной ст. 58). Эта категория составляла две трети от общей численности специалистов — производственников и снабженцев.

Штат медицинских учреждений в комендатурах комплектовался даже за счет четырех источников: помимо вольнонаемного персонала здесь были не только спецпереселенцы и заключенные, но и ссыльная интеллигенция, направляемая в Нарымский край еще с начала 1920-х гг. Так, в конце 1931 г. на 40 врачей и представителей среднего медицинского персонала из числа вольнонаемных работников приходилось до 50 специалистов из числа ссыльных, заключенных и спецпереселенцев⁵⁷.

Таким образом, численность только трех профессиональных групп — учителя, производственная интеллигенция, медики, — обслуживавших спецкомендатуры Нарымского края, составляла почти 450 чел. Этот факт заставляет сделать, по меньшей мере, два вывода. Во-первых, необходимо более дифференцированно подходить к воссозданию социально-профессионального облика спецпереселенцев, которые не были стопроцентно крестьянами. Существовавшая практика огульного выселения больших крестьянских семей распространялась на всех членов семей и родственников, занимавшихся и нефизическим (умственным) трудом, разным по квалификации. Оказавшись в спецпоселениях, молодежь, уже прошедшая службу в армии или получившая образование (в т. ч. и профессиональное), в условиях дефицита кадров заменяла специалистов, как правило, средней и низшей квалификации. Этот феномен имел типологическое сходство с процессом рабоче-крестьянского «выдвиженчества» времен первых лет Советской власти, и, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении. Во-вторых, очевидна способность репрессивного механизма комбинировать усилия гражданских (правительственных) и карательных органов. СибЛАГ (и шире —

ГУЛАГ) продемонстрировал свое качество самообеспечиваемой системы, в которой были представлены все социально-профессиональные категории — от рабочих до священнослужителей и командиров Красной армии. В данном случае роль СибЛАГа в создании производственной и социально-бытовой инфраструктуры в комендатурах за счет внутреннего перераспределения репрессированных была определяющей. Это вовсе не противоречит сделанному ранее выводу о том, что сама репрессивная машина действовала жестоко и часто некомпетентно, усугубляя трагедию раскрестьянивания. Карательная система, действуя в целях самосохранения, до конца не перекрывала возможности для репрессированной интеллигенции реализовывать себя профессионально.

О том, как менялись численность и размещение спецпереселенцев в комендатурах Западной Сибири с осени 1931 до конца 1932 г., можно судить по данным, которые представлялись СибЛАГом ОГПУ в различные директивные органы по запросам последних (табл. 10, 11).

Таблица 10

Дислокация комендатур с численностью поселков и спецпереселенцев в них в Западной Сибири, на 24 сентября 1931 г.*

Комендатуры	Поселки	Количество	
		Семей	Едоков
Сельскохозяйственные			
1. Александро-Ваховская	6	729	1938
2. Нижне-Васюганская	20	3485	18 840
3. Средне-Васюганская	18	4739	19 909
4. Галкинская	7+2	1175	7379
5. Кето-Чулымская	29	5812	22700
6. Кетская	16	4076	18 157
7. Кулайская	3	1387	4253
8. Парабельская	39	6561	27 693
9. Парбигская	31	7483	33 316
10. Тоинская	21	1984	7847
11. Шегарская	7	1726	7135
12. Шерстобитовская	50	1896	7030
ВСЕГО	247+2	41 053	176 197
Смешанные			
Лесные			
1. Колпашевская	13	4304	19 344
2. Могочинская	5	1237	5965
3. Ново-Кусковская	17	2833	12 084
ВСЕГО	35	8374	37 393
Работающие у ЦМЗ**			
1. Егоро-Салаирская	1	52	277
2. Мартайгинская	11	1412	6159

Комендатуры	Поселки	Количество	
		Семей	Едоков
3. Ольховская	5	889	3712
4. Саралинская	17	802	3394
5. Таштыпская	2	10	150
6. Терсино-Усинская	4	90	374
ВСЕГО	40	3 255	14 066
Востокуголь			
Лесные			
1. Анжерка	6 кв[артир]	500	2637
2. Горно-Шорская	18	1495	7246
3. Крапивинская	8	741	3640
4. Яйская	4	1436	4843
ВСЕГО	30+6 кв[артир]	4172	18 366
Шахтные			
1. Анжерская	2	Св. нет	9931
2. Прокопьевская	7	1 967	10 256
ВСЕГО	9	1 967	20 187
Востокосталь			
1. Кузнецкстрой	Св. нет	4390	21 461
Распредлагеря и временные комендатуры	Св. нет	1953	7650
ВСЕГО	361+2+6	65 164	295 320

* ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. Л. 84 - 85. **
Трест «Цветметзолото».

Таблица 11

Дислокация комендатур с численностью поселков и спецпереселенцев в них в Западной Сибири, на декабрь 1932 г.*

№.№ п/п	Наименование районных комендатур	Число поселков	Количество населения в них				Всего
			Мужчин	Женщин	Детей до 12 лет	Подростков с 12 до 16 лет	
1	Каргасокская	59	5 119	5 958	7 718	2 782	21 577
2	Парабельская	114	5 969	6 591	7 945	3 178	23 683
3	Колпашевская	35	5 338	6 715	9 634	3 381	25 068
4	Чаинская	73	7 731	8 728	11 669	3 590	31 718
5	Могочинская	7	1 800	1 480	1 922	521	5 723

№№ п/п	Наименование районных комендатур	Число поселков	Количество населения в них				Всего
			Х	Женщин	Детей до 12 лет	Подростков с 12 до 16 лет	
6	Ново-Кусковская	21	2 049	2 077	2 518	615	7 259
7	Кулайская	11	780	785	1 055	202	2 822
8	Тягинская	44	3 858	4 296	5 942	1 426	15 522
9	Кольванская	7	1 498	1 752	2 338	653	6 241
10	Александровская	10	773	774	1 039	278	2 864
ИТОГО по северным комендатурам		381	34 915	39 156	51 780	16 626	142 477
1	Томский пересыльный пункт	2	2 582	1 207	1 034	328	5 151
2	Анжерская	9	3 966	3 407	3 887	1 230	12 490
3	Прокопьевская	11	5 095	4 870	6 099	1 654	17 718
4	Кузнецкая	27	9 353	7 406	7 644	2 316	26 719
5	Крапивинская	6	466	522	819	237	2 044
6	Барнаульская	8 совхоз[ов]	911	884	573	272	2 640
7	Саралинская	13	1 362	1 262	1 568	435	4 627
8	Егоро-Салаирская	10	339	246	256	69	910
9	Курагинская	1*	2 082	1 965	2 235	841	7 123
10	Мартайгинская	17	2 081	2 051	2 049	638	6 819
11	Таштыпская	3	125	86	123	26	36
ИТОГО по южным комендатурам		Посел. 111 Совх. 8	28 362	23 906	26 287	8 046	86 601
ВСЕГО по всем комендатурам		Посел. 492 Совх. 8	63 277	63 062	78 067	24 672	229 078

* ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 67. Л. 11. Опущены разделы таблицы, содержащие сведения о численности врачебных амбулаторий, фельдшерско-акушерских пунктов, больниц, санитарных участков и т. п., характеризующие состояние медико-санитарного обслуживания спецпереселенцев. ** Вторая цифра написана неразборчиво.

Они не вполне сопоставимы по отдельно взятым комендатурам, поскольку летом 1932 г. СибЛАГ провел реорганизацию аппарата управления спецпереселенцами. До этого времени границы участковых комендатур не были приближены к границам существовавших в Западной Сибири районов. С 1 июля 1932 г. границы участковых комендатур

стали соответствовать границам административных районов. В целом же очевидно значительное уменьшение общей численности спецпереселенцев в регионе — с 295 320 (конец сентября 1931 г.) до 229 078 чел. (декабрь 1932 г.), т. е. более чем на 66 тыс. чел., или на 22 %. При этом произошла деконцентрация поселков — их количество увеличилось с 370 до 500, причем как в северных (нарымских), так и южных (кузбасских) комендатурах. Изменения происходили под влиянием разных факторов — от чисто административных (переселения внутри комендатур из непригодных для проживания мест) до экономических (приближение поселков к районам производственной деятельности). В любом случае рост количества поселков повлек за собой расширение низового звена комендатур (поселковых) и, соответственно, самого карательного аппарата.

Третий период реорганизации комендатур наступил весной—летом 1933 г. Он был связан с общими изменениями в направленности репрессивной политики и попытками перенести опыт утилизации труда репрессированных крестьян на другие категории и группы, включавшие преимущественно бывших городских маргиналов. В ходе высылки 1933 г., обстоятельства которой отражены в разделе 4 гл. III, для приема и расселения почти 100 тыс. «нового контингента» потребовалось организовать более 40 поселковых комендатур (табл. 12, 13).

Таблица 12

Штаты Томской и южных участковых и поселковых комендатур с численностью трудпоселенцев в них, на сентябрь 1933 г.*

№№ п/п	Наименование комендатур	Кол-во трудпоселенцев			Работников участковых комендатур	Работников поселковых комендатур	Всего
		Старого контингента	Нового контингента	Всего			
1	Томская	4062	-	4062	8	5	13
2	Анжеро-Судженская	14657	4900	19557	14	21	35
3	Мартайгинская	6411	-	6411	8	8	16
4	Саралинская	5161	-	5161	10	3	13
5	Краснинская	922	-	922	3	1	4
6	Прокопьевская	22995	14537	37532	23	45	68
7	Кузнецкая	28839	8989	37828	23	45	68
8	Курагинская	7872	-	7872	7	6	13
9	Таштыпская	363	-	363	3	1	4
10	Барнаульская	2603	1750	4350	11	21	32
	ИТОГО	93885	30176	124061	110	156	266

* Архив УВД НСО. Ф. 20. Кор. 38 Т.1. Л. 268.

Как следует из приведенных данных, аппарат северных и южных комендатур насчитывал 1 237 чел., которые надзирали за 326 992 трудпоселенцами. В северных комендатурах штат работников комендатур был существенно больше (971 чел. на 202 931 трудпоселенца), чем в южных (266 чел. на 124 061 трудпоселенца), что было связано прежде всего со значительной территориальной рассредоточенностью поселков по обширному Нарымскому окр. В штатах только двух комендатур — Галкинской и Колпашевской — насчитывалось 210 чел. Вселение «нового контингента» и организация дополнительных поселковых, а также новых участковых (районных, Тевризской и Бирилюсской) комендатур не изменили уже сложившейся практики укомплектования аппарата комендатур за счет не только вольнонаемных работников, но и трудпоселенцев примерно в равных пропорциях (491 и 480 чел. соответственно в северных комендатурах).

Таблица 13

Штаты северных участковых и поселковых комендатур с численностью трудпоселенцев в них, на сентябрь 1933 г.*

Наименование участковых комендатур	Контингента и поселковые комендатуры			Работников участковых комендатур			Работников поселковых комендатур			По участковым и поселковым комендатурам		
	Всего	Старые континг.	Новые континг.	Всег	В/	Т/п*	Всег	В/	Т/п	Всег	В/	Т/п
	Пос.	Пос. к-ры	Пос. к-ры									
А.-Ваховская	5 815/Г	2 815/2	3 000/1	22	15	7	22	10	12	44	25	19
Каргасокская	22 423/8	19 232/7	3 191/1	31	17	14	58	26	32	89	43	46
Парабельская	18 561/8	16 423/7	2 138/1	28	16	12	58	26	32	86	42	44
Пудинская	9 297/6	7 524/6	1 773/-	22	15	7	36	16	20	58	31	27
Тоинская	19 342/6	17 577/4	1 765/2	28	15	13	44	20	24	72	35	37
Галкинская	26 171/10	13 456/6	12 715/4	32	17	15	73	33	40	105	50	55
Колыванская	9 385/4	6 185/—	3 200/4	22	15	7	29	13	16	51	28	23
Тевризская	4 500/2	—	4 500/2	21	15	6	15	7	8	36	22	14
Тарская	11 185/5	2 685/2	8 500/3	25	16	9	36	16	20	61	32	29
Колпашевская	25 550/11	20 501/8	5 049/2	32	17	15	73	33	40	105	50	55
Могочинская	10 194/5	5 694/3	4 500/2	25	16	9	36	16	20	61	32	29
Ново-Кусковская	17 872/9	8 489/6	9 383/3	29	15	14	65	29	36	94	44	50
Тягинская	17 488/6	14 613/5	2 875/1	29	15	14	44	20	24	72	35	38
Бирилюсская	5 348/2	—	5 348/2	21	15	6	15	7	8	36	22	14
ИТОГО	202 931/83	135 194/55	67 737/28	367	219		604	272	332	971	491	480

* Архив УВД НСО. Ф. 20. Кор. 38. Т. 1. Л. 267.

** В числителе — численность контингента, в знаменателе — количество комендатур.

*** Вольнонаемные. **** Трудпоселенцы.

При этом прослеживалась следующая особенность: в участках комендатурах северных районов вольнонаемный состав значительно преобладал над «выдвиженцами» из «спецконтингента» (219 и 148 чел. соответственно); среди работников поселковых комендатур, где и шла основная текущая аппаратная работа, соотношение было уже иным — 272 и 332 чел. соответственно.

Состояние комендатурной системы ярко высветила трагедия на о-ве Назино, происшедшая весной—летом 1933 г. в Александро-Ваховской комендатуре (см. раздел 4 гл. III). Несколько комиссий разного уровня, расследовавшие ее причины и обстоятельства, пришли к единому выводу о том, что трагедия явилась результатом несогласованных действий отдельных звеньев репрессивного механизма. При этом объектом разбирательства стал аппарат СибЛАГа — от управления до поселковых комендатур. Амбиции, некомпетентность и просчеты вышестоящего звена — ГУЛАГа, за которым стояло руководство ОГПУ, в ходе расследования по вполне понятным причинам краевыми комиссиями замалчивались, не обсуждались и, тем более, не осуждались. По должностному положению ряд виновных был неоднороден — от начальника СибЛАГа А.А. Горшкова (строгий выговор) до стрелков ВОХР комендатуры (отданы под суд).

Масштабы репрессий в отношении должностных лиц по этому делу были значительными (со стороны краевых властей они носили демонстративное, показательное значение) и заслуживают подробного рассмотрения, поскольку через наказание за преступления отчетливо проступали черты и признаки того, как работал репрессивный аппарат, особенно его низовое звено. Мы приводим данные о репрессиях в отношении аппарата Александро-Ваховской комендатуры (табл. 14).

Таблица 14

С П Р А В К А
о привлеченных к ответственности работников Александро-Ваховской комендатуры за период с апреля по сентябрь 1933 г.*
[Не позднее конца октября 1933 г.]

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество, должность, место жительства	ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	Направление дела
1	КУЗНЕЦОВ Г.М. Комendant Томской пересыльной комендатуры	При отправлении партии т/переселенцев из гор. Томска в Александро-Ваховскую к-ру не снабдил эшелон медикаментами. Не обеспечил в пути следования высланных кипяченой водой, в результате употребления сырой воды в пути имели место массовые заболевания и факты смертности. Не принял мер к скорейшей отгрузке продовольствия в Чаинскую к-ру, в результате т/переселенцы, занятые на строительстве некоторый период находились без продовольствия.	Дело по обвинению КУЗНЕЦОВА и ЦЕПКОВА направлено в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество, должность, место жительства	ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	Направление дела
2	ЦЕПКОВ ДА. Комендант Александро-Ваховской к-ры	Получив задание о проведении подготовительных работ к приему с начала навигации новых контингентов трудпоселенцев бездействовал и к моменту прибытия т/переселенцев к-ра к приему была совершенно не подготовлена, в результате этого прибывшие партии т/переселенцев высаживались на острове, не были обеспечены жилищем, медобслуживанием, питанием, что среди них вызвало массовые заболевания и смертность. Не принял мер к прекращению безчинств среди т/переселенцев. Наносил побои и плевал в лицо т/переселенцам.	
3	ЩЕРБАК стрелок ВОХР Александро-Ваховской к-ры п. Назино	Участие в убийстве т/переселенца (еврея, фамилия не установлена) с целью ограбления.	Следствие ведется Александровским райаппаратом ОГПУ
4	СВИРИД Г.П. адмсыльный прож. д. Назино	По договоренности с ЩЕРБАК убил т/поселенца, взяв у последнего 700 р.[.] из них 400 руб. передал ЩЕРБАК, 300 р. взял себе.	
5	ВЛАСЕНКО Н.И., пос. комендант, пос. Назино, А-Ваховской к-ры	Систематическое избиение т/пос. издевательства, применение голодного пайка, бросание в воду и т.п.	
6	ГОЛОВАЧЕВ И.В.	Систематически избивал, издевался над т/пос, бросал их в воду, в результате чего 1 из брошенных утонул.	
7	ХОХЛОВ, Зав. ларьком пос. Назино	Совместно со стрелком ГОЛОВАЧЕВЫМ систематически избивал т/пос, крал пайки у т/пос, скупал вещи у них, издевался, заставлял т/п подносить ему убитую дичь из воды и т. п.	След. дело находится в производстве 5 отд. СПО ОГПУ
g	ШИХАЛЕВ В.К. комендант Назинского лагеря	Не принимались меры к прекращению бесчинства, избиений, ограблений т/п, не вел борьбы с побегами и занимался спекуляцией.	Дело направлено в производство 5 Отд.
9	МУШКИН, пом. к-та пос. В-Панино	Пользуясь служебным положением, занимался хищением товаров из ларька, скупал вещи у т/п.	Дело направлено на производство в 5 Отд.
10 и 12	БОНДАРЕВ и КРИВОНОСОВ ШИШЛО - стрелки ВОХР Ал-Ваховской к-ры.	Избиение т/п.	Дело направлено в 5 Отд. СПО ПП
13	ПАНАСЕНКО, поселковый комендант	Избиение т/пос.	Следствие ведется Александровским Райаппаратом

№ п/п	Фамилия, имя и отчество. должность. место жительства	ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	Направление дела
14	СУЛЕЙМАНОВ пос. комендант	Избиение т/переселенцев.	Дело ведется Александровским Райаппаратом
15 16 17	КАРЧУГАНОВ, стрелок ВОХР САРАЕВ. стрелок вохр ХЛЕБЦОВ В. - пос. к-т ПРОКОПЬЕВ - пом. поселкового к-та	Избиение т/поселенцев.	Поручено Нарымскому отделу произведение расследования
18	СЛИНКИН Н.Т., Нач. снабжения Александр. к-ры	Развал снабженческой работы, бездеятельность.	Следствие ведется Александровским Райаппаратом
19 20	ЦАРАПКИН - пос. комендант ПВЕТКОВ - пос. комендант	Избиение трудпоселенцев, мародерство	Следствие ведется Александровским Райаппаратом
21	БОЛОНКИН - стрелок ВОХР	Избиение трудпоселенцев, мародерство.	Следствие ведется Александровским Райаппаратом
22	КОВАЛЕВ - зав. базой Александровской к-ры	Хищение, растраты.	Следствие ведется Александровским Райаппаратом
23 24	ФРОЛОВ, бывш. комендант А-Важовск к-ры ЗАВЬЯЛОВ — пос. комендант	Не справившийся с работой, бездеятельность.	Сняты с работы

*Г.АНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 626. Л. 1-3.

Выступавшие перед членами краевой партийной комиссии функционеры СибЛАГа Горшков, Долгих и др., объясняя случившуюся трагедию стихийным стечением обстоятельств и серией ошибочных решений, принятых работниками нижестоящих звеньев, фактически занимали оборонительную позицию. Еще в июне 1933 г. на месте событий Долгих, будучи начальником отдела трудпоселений СибЛАГа, давал нелицеприятную характеристику руководству самой комендатуры, поселковым комендантам. «Они оказались без всякой инициативы, — констатировал Долгих. — Они отнеслись халатно к организации приема и расселения рецидива и установлению строго лагерного режима и к их трудовому использованию. Это они непосредственные виновники тяжелого положения с расселением нового контингента в Александровском районе.

Это бездействие руководящего состава комендатуры, отсутствие у него распорядительности имело известное воздействие и на отношение

стрелков к своим обязанностям <...> Так, например, выясняется, что некоторые конвоиры допустили издевательства над рецидивистами, и никто из комендатуры на это не реагировал. Сам Цепкое проявил случаи избияния рецидивистов <...> Но в основном настроение стрелков здоровое. Они даже проявляют определенные героические усилия в этих тяжелых условиях <...>⁵⁸

В октябре 1933 г., давая показания краевой комиссии, Долгих уже не отрицал и собственной вины, но объяснял ошибки с позиций чекиста, выполнявшего задания партии в сложнейших условиях. «...В нашем деле, — говорил он, — имеют колоссальное значение кадры. Прежнее переселенческое управление имело большие кадры старых опытных работников. Мы как органы ГПУ занялись делом переселения 3 года назад. За 25 лет существования в Сибири железной дороги было завезено в Сибирь от Челябинска до залива Святой Ольги около 1.000.000 человек, а нами же за 3 года — только в один Нарымский край было вселено 200 с лишним тысяч людей. Вы видите[,] какой громадный размах и какая проделана громадная работа и все это было сделано без наличия специально подготовленных к этому делу кадров. Ни я, как человек военный, 18 лет побывавший в армии, ни Горшков, никто из других наших работников этими вопросами раньше не занимались, нас выдвинула на эту работу партия, дала нам указание эту работу проводить, и мы ее проводили. У нас [с] кадрами дело плохо. Нужно обратить самое серьезное внимание на кадры, потому что они решают исход всех операции. Мы не располагаем необходимыми кадрами ни в какой мере. Даже коммунисты-большевики в нашем трудном сложном деле сплошь и рядом не всегда оказываются на высоте. Окружающая обстановка, постоянное общение с чуждым элементом на некоторых из них оказывает разлагающее влияние. Из последней партии присланных на работу в комендатуры партийцев — один застрелился, много пошло под суд, много спилось <...> я должен сказать, что если бы с нашей стороны не было проявлено достаточной энергии, гибкости, мы имели бы не одно Александровское дело, а гораздо больше»⁵⁹.

Начальник СибЛАГа Горшков доказывал, что, локализуя «деклассированный городской элемент» в границах самой отдаленной комендатуры, имевшей статус штрафной, чекисты тем самым избавили регион от разрастания трагедии. «Когда приехал этот народ, — отмечал он, — то мы сразу увидели, что вселять его в нормальные комендатуры, где имеются старые контингенты, с которыми мы уже проделали известную работу, где имеются старожильческие поселки и крестьянские элементы — расселять нельзя. Совершенно невыносимо было бы расселить таким образом эти 300 тысяч людей. Мы допустили ошибку, когда на Тарском Севере завезли 600 чел. деклассированного элемента. Там поднялся страшный вой, потому что эти элементы начали грабить местное население. Тогда их просто стали избивать дрекольями по закону тайги. Этим людям надо было послать в такую комендатуру, где они могли освоиться с наименьшим вредом для окружающего населения, конечно не на сельском хозяйстве, но при обязательном условии иметь огороды и т. д., чтобы можно было завозить как можно меньше продуктов»⁶⁰. Горшков дал понять, что основным виновником отправки большой массы городских маргиналов («деклассированных») и рецидивистов в

спецпоселки с крестьянским населением являются директивные органы в Центре, решившие таким простым способом «разгрузить» места заключения и «очистить» крупные города и приграничные территории: «...тут как-то мне говорили, да я и от товарищей слышал, будто бы нас считают виноватыми в том, что нельзя было посылать на Север рецидив, а собрать его в лагеря <...>, — возмущался он. — Почему этого не сделали [?] Во-первых, потому, что в этот момент был такой отрезок времени, когда карательная политика нашего Края изменилась, когда не только рецидив на 3 года, но и осужденные за уголовные и другие преступления, кроме шпионов, до 5 лет шли на высылку, и только свыше 5 лет шли в лагеря. Как Вам известно, существует такое положение, что в лагеря мы берем только здоровых, а всех нездоровых и слабых мы из лагерей, как Вам известно, освобождаем. И из этого контингента 70 %, т. е. 5 1/2 тыс. я освободил по существующему положению. Из этих людей мы должны были бы 25 % взять в лагеря, а 75 % по существующему положению освободить. Если бы я даже нарушил все существующие законы и положения и поселил бы их в лагеря, то на завтра я 75 % должен был бы освободить <...> Я говорил, что их надо отправить на Север, изолировать. Я написал в Москву, что неизбежны эксцессы с этим деклассированным элементом. А куда же их девать[?]»⁶¹. Ему вторил Долгих: «Мы только лагеря, но есть и другие органы, повыше нас. Ну, мы сделали ошибку, недоучли, что же остальные организации смотрели?»⁶²

Основной «стрелочник», к тому времени уже снятый с должности бывший комендант Цепков, также считал, что изоляцией прибывших на остров напротив д. Назино, где был создан своего рода лагерь-распределитель, он предотвратил катастрофу в более серьезных масштабах: «Я считаю себя виновным[,] во-1-х в том, что выполнил распоряжение местных партийных организаций в части приемки и выселения прибывших деклассированных элементов на остров. Я считаю, что это с одной стороны было плохо, а с другой не плохо. И вот почему. Если бы эти прибывшие деклассированные были выселены не на остров, а на места, которые были мной подготовлены, то их положение было бы лучше, но для местного населения это была бы "могила", было бы плохо»⁶³.

Участовавшие в расследовании члены краевой комиссии не могли не понять, что представители всех звеньев аппарата СибЛАГа воспринимали высланных в Александрово-Ваховскую комендатуру как обреченных на гибель. Не будучи где-либо зафиксированной, такая позиция определяла отношение к переселенцам и действия низовых работников комендатуры. В своих показаниях уже снятый с должности бывший райуполномоченный ОГПУ в Александровском р-не Семернев рассказывал, как в комендатуре работала комиссия по проверке заявлений переселенцев об ошибочности их высылки: «...тов. Ковалев (председатель комиссии. — С.К.): а не было разговоров, что вообще от этих людей никаких заявлений принимать не нужно[?] Семернев: Среди низшего персонала были такие разговоры, что раз попал — то значит за дело и заявления никакого подавать не стоит. Ковалев: а были такие разговоры, что с этими людьми нянчиться не следует, что их прислали туда умирать[?] Семернев: Может быть и были такие разговоры со стороны контрреволюционного элемента. Проскальзывали такие случаи со

стороны медицинского персонала, который иногда рассуждал, что в силу сложившейся обстановки люди должны тут умирать»⁶⁴.

В ходе разбирательств выяснилось, что аппарат СибЛАГа в своих действиях в определенной мере полагался на опыт, приобретенный за предыдущие три года, когда многие просчеты карательных органов компенсировались и «погашались» крестьянской самоорганизацией и взаимопомощью, особенно при расселении на новых местах. Это прямо отмечалось в показаниях Цепкова: «...с момента организации Александрово-Ваховской комендатуры она считалась штрафной и туда посылали штрафников <...> В 1931 г. никаких построек не было, приехали переселенцы — бывшие кулаки, они строили сами. Я предполагал, что и сейчас идут семейные люди, а не одиночки. Оказалось, что послали таких, которые были совершенно без рубашки, без штанов, одними словом, не имели ничего <...> Для примера скажу, что в 1931 г. прислали повстанцев с [Парбигской] комендатуры. Я спешно старался закончить бараки, работал день и ночь, а эти прибывшие давай самовольно строить себе землянки. Я запрещал это делать, а утром встаешь, смотришь[,] несколько землянок уже есть. В конце концов настроили целый поселок из этих землянок. В результате мы сами вышли из положения потому, что отправлять их на поселки было нельзя, так как они принесли с собой тиф, с которым нам пришлось бороться почти полгода»⁶⁵.

О том, что с крестьянским «контингентом» обращались цинично и ранее подтверждал также Долгих: «В 1930 г. в ноябре месяце мы переселили 5 тысяч человек в Тоинскую комендатуру на снег, ибо не было другого выхода, но тогда никаких политических событий не произошло, ибо этот контингент сразу же принялся за строительство. Строили печки, а в тамошних условиях можно построить в 10 часов. Если земля мерзлая, можно было бы снять пласт, сделать костер и через час-два глина оттает»⁶⁶.

На чрезвычайные события отреагировали местные районный и окружной Нарымские партийные органы. Срочное обследование «состояния марксистско-ленинского воспитания по комендатурам Александровского, Каргасокского и Чаинского районов», предпринятое Нарымским окружкомом ВКП(б), выявило «полную разобщенность коммунистов, благодаря чего отдельные члены партии, варясь в собственном соку, иногда грубо извращают линию партии в проведении хозяйственно-] политических мероприятий <...> член ВКП(б) Панасенко на протяжении длительного периода времени систематически занимался зверским избиением трудпоселенцев, сажал их в ямы во время дождя ночью <...> Были случаи утопления трудпоселенцев со стороны стрелков (Головачева и Асямова). Из упомянутых коммунистов только один т. Белобородов — комендант Раздолинской комендатуры усиленно борется за повышение своей партийной грамотности <...> Нужно отметить, что т. Белобородов по социальному положению батрак. Чувствуется солидная пролетарская закалка <...>

Газет никто не читает. Секретарь ячейки [Усть-Чижапской поселковой комендатуры] т. Воронков предпочитает учебе охоту на медведей. Во время весеннего сева отдельные коммунисты этой ячейки (староста поселка) открыто саботировал выполнение плана сева и раскорчевки земель <...> в отсутствии классовой бдительности в поселке баптистами

была создана тайная группа, которую разоблачила группа молодых селькоров <...> Ячейка <...> допустила существование при клубе особой группы молодежи, которой руководит спецпереселенец»⁶⁷. В ответ на эту информацию о составе и деятельности аппарата комендатур последовали директивные указания о «чистке» состава. Крайком ВКП(б) своим постановлением от 1 ноября 1933 г. обязал полпреда ОПТУ Н.Н. Алексеева «организовать проверку руководящего состава комендатур СибЛАГа и руководящего состава всей периферии на предмет как отстранения непригодных, так и усиления аппарата СибЛАГа новыми работниками»⁶⁸.

Были ли среди подвергнутых дисциплинарным, судебным и партийным (для членов ВКП(б)) санкциям за Назинскую трагедию «случайные» люди? Признанный главным виновным комендант Цепков рассказывал комиссии о себе так: «Член партии с 1924 года. По социальному положению крестьянин. Хозяйство было бедняцкое <...> Когда я в 1919 г. вернулся из германского плена[,] работал председателем сельревкома, сельсовета, затем работал в Болотнинском райисполкоме, был членом Омского уисполкома, председателем райисполкома. На комендантской работе с 15 мая 1931 года. Я организовал Александро-Ваховскую комендатуру, знаком с условиями работы»⁶⁹. Комендант Томской пересыльной комендатуры Кузнецов в своей биографии упомянул, что в партии состоял с 1918 г., по профессии булочник, пекарь. В органах ВЧК начал работать с 1919 г. «В 1924 г., — сообщал он, — по постановлению ЦКК был уволен из органов Чека, меня исключили из партии как темную личность. Потом ЦКК меня восстановила, имеется совершенно секретное постановление. В 1924 г. я был демобилизован и 6 лет работал в кооперации. В 1930 г. я опять начал работать в органах ГПУ — в Улаге, откуда добровольно 27 августа [19] 31 года поехал сюда. Назначен был в комендатуру Кузнецка, где работал по март текущего] г[ода], за работу в Кузнецкой комендатуре премирован — награжден оружием. После этого был комендантом [в] Томской пересыльной комендатуре»⁷⁰.

И если Цепкова с его крестьянским происхождением и умением работать с крестьянским «контингентом» мог ошеломить и дезорганизовать происходивший у него на глазах хаос, ставший одной из причин смерти за короткий срок нескольких тысяч человек на острове в Оби, то Кузнецов, имея несомненно «чекистскую закалку», наверняка не утратил хладнокровия в экстремальной обстановке. Уже в ходе партийного расследования стало известно, что накануне отправки части «контингента» из Томска он «превысил полномочия». В документе приводятся обстоятельства этого инцидента: «Кузнецов — тут случай такой, когда я с пом. командира вошел в барак[,] и мы стали спрашивать, кто производил скандал, поломку табуреток и т. д. Присутствующие в бараке демонстративно отказались назвать зачинщика. После этого мы взяли 3-х человек, которые, по нашему мнению[,] являлись главарями и перевели в другое помещение, а остальным сказали, что их расстреляли. Фельдман (особоуполномоченный коллегии ОГПУ). — По Вашему объяснению выходит, что Вы были даже пассивны во всем этом деле, что Вы не являлись инициатором. Говорите прямо, как было дело. У нас

имеются сведения, что этих людей было 7 человек, что они выводились за сарай и над ними Вы производили инсценировку расстрела»⁷¹.

Фигура Долгих, начальника отдела трудпоселений СибЛАГа ОГПУ, отвечавшего за трагическое расселение спецпереселенцев весной—летом 1933 г., заслуживает более детального рассмотрения, поскольку в ней воплощены типичные для того времени и должности черты чекиста. Сибиряк, уроженец г. Барнаула, Долгих в графе «соцпроисхождение» давал не совсем «благоприятную» информацию: «отец до революции бревновоз и торговец лошадьми». Сам Долгих после окончания церковно-приходской школы стал работать в кустарных мастерских, откуда в 1915 г. был призван в действующую армию, к 1917 г. дослужился до чина фельдфебеля. Вернувшись в конце 1917 г. в Барнаул, он сначала «не сориентировался», вступил в партию социалистов-революционеров, членом которой оставался до мая 1918 г. После падения Советской власти в регионе и до ноября 1918 г. «находился на полулегальном положении», поскольку весной—летом 1918 г. принимал участие в отряде Красной гвардии. Некоторое время (с ноября 1918 по март 1919 г.) провел в Барнаульской тюрьме. С восстановлением Советской власти в Сибири, с конца 1919 г., начала складываться военная карьера Долгих: он быстро продвинулся до должности командира полка, воевал против войск Врангеля, затем возглавлял дивизион частей особого назначения на Алтае, в 1922 г. удостоился редкого для послевоенного времени ордена Боевого Красного Знамени за уничтожение отряда Кайгородова. В 1925 г. Долгих окончил в Москве Высшую военно-тактическую стрелковую школу «Выстрел», и перед ним открывались новые карьерные перспективы. Однако что-то не сложилось, и с 1926 по 1928 г. он работал начальником ИТД в Барнауле, а с 1928 по 1930 гг. — начальником Барнаульского адм.отдела НКВД. В августе 1930 г. Долгих перевели на укрепление вновь созданного в СКАУ комендантского отдела. Таким образом, Долгих стоял в прямом смысле у истоков создания системы комендатур. На этой должности, став затем начальником отдела (спец)трудпоселений СибЛАГа, Долгих сумел проработать до весны 1938 г., пережив смену нескольких руководителей ведомства. Затем он работал за пределами Сибири начальником ряда крупных лагерей (ВятЛАГ, ИвдельЛАГ, ЮжжубассЛАГ), заместителем начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД. В возрасте 54 лет в звании полковника он был уволен по болезни с правом ношения военной формы, особыми отличительными значками на погонах⁷². В 1933 г. Долгих случайно уцелел и не был снят с работы (его непосредственного начальника Горшкова с должности сняли и отправили в Среднюю Азию). Постановление Запсибкрайкома ВКП(б) гласило: «Помощник начальника СибЛАГа т. Долгих И.И. как непосредственно руководивший проведением всей операции, заслуживает сурового партийного взыскания. Но учитывая, что т. Долгих свою прошлую работу по расселению спецпереселенцев проводил удовлетворительно, ограничиться объявлением строгого выговора»⁷³. В последующие годы Долгих продемонстрировал свою незаменимость на занимаемой должности. Весной 1937 г. руководство Западной Сибири возбудило перед НКВД вопрос о награждении Долгих орденом Ленина «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необ-

житой Нарымской тайге»⁷⁴. Нарком Н.И. Ежов в письме от 5 апреля 1937 г. на имя Сталина так «расшифровывал» роль Долгих в освоении Нарыма: «...благодаря энергии тов. Долгих в Нарымской тайге заведено интенсивное культурное зерновое хозяйство, организованы ряд кустарно-промысловых охотничьих и рыбацких артелей, построены больницы, школы, детские дома и ясли и созданы другие культурно-бытовые условия, обеспечивающие превращение десятков тысяч кулацких семей в трудовое население <...>»⁷⁵ Ордена Ленина Долгих не удостоили. Начавшаяся летом 1937 г. эпоха «Большого Террора» едва не поглотила его самого как исполнителя многочисленных «вредительских» установок. Осенью 1937 г. краевая прокуратура прямо упоминала Долгих в числе инициаторов «контрреволюционной политики» слияния неуставных сельхозартелей с колхозами в Пихтовском р-не Западной Сибири⁷⁶. Вероятно, благодаря внутриведомственному переводу на должность заместителя начальника КрасЛАГа (Красноярский край) весной 1938 г. ему удалось уцелеть и даже получить некоторое повышение по службе, хотя пиком его профессиональной деятельности безусловно следует считать «освоение» Нарыма по-гулаговски.

По архивным документам Долгих представляется жестоким и прагматичным «архитектором» сиблаговской системы комендатур. Удерживаться на таком посту ему позволял опыт деятельности в экстремальных условиях гражданской войны и борьбы «с бандитизмом». Бывая в длительных командировках в районах размещения комендатур, Долгих нередко оказывался перед необходимостью оперативно принимать решения, даже если для этого требовалось «обострить» отношения с руководством местных партийных и советских органов. Зимой 1931 г. несколько секретарей райкомов ВКП(б) Нарымского края пытались «свалить» Долгих. В обращениях к Эйхе они указывали, что помощник начальника СибЛАГа нарушал партийную политику и недооценивал, а то и игнорировал мнения районных руководителей при расселении и устройстве спецпереселенцев. Так, он не считал необходимым настаивать на форсированном создании неуставных артелей, распорядился раздать единоличникам скот на период зимовки, чтобы уберечь его от падежа, и т. д.

Долгих сравнительно быстро уяснил, что особые условия режима спецпоселений, их фактическая экстерриториальность позволяют руководству комендатур не просто иметь административно-хозяйственную независимость, но и добиваться подключения местных ресурсов (кадровых, финансовых и др.) для решения периодически возникавших проблем. В своей докладной записке в крайком ВКП(б) и крайисполком о состоянии нарымских комендатур в марте 1932 г. он прямо указывал на «отсутствие втянутости в работу по хозяйственному устройству и хозяйственному освоению спецпереселенцев районных органов <...> Районные центры (РИК и райкомитеты ВКП(б)) продолжают видеть в комендатурах ОГПУ единственных ответчиков и проводников всех мероприятий по хозяйственному освоению спецпереселенцев и проведение ряда хозяйственных мероприятий предлагают проводить комендатурам»⁷⁷. Долгих практически всегда удавалось побеждать в конфликтах с районными организациями вокруг определения мест расселения спецпереселенцев и землеустройства поселков. В докладной записке он не без удовлетворения констатировал: «Необходимо отметить, что вопрос,

имеющий свое начало с весны 1931 г., допустимость расселения спецпереселенцев среди старожильческого населения и разрешенный крайисполкомом, на местах в [Шерстобитовском] РИКе остался открытым до нашего приезда; так, на земли, где расселены спецпереселенцы[,] РИК намерен был переселить вновь образовавшийся колхоз, а спецпереселенцев числом 400 семей намеревался снова переселить на другие места. Комиссия на месте урегулировала создавшееся положение, и РИК от своего намерения отказался»⁷⁸.

В значительной мере под влиянием опыта собственных напряженных отношений с партийными и советскими органами руководство СибЛАГа добилось того, что постановлением СНК СССР от 20 апреля 1933 г. при реорганизации спецпоселений в трудпоселения в Нарымском крае весь аппарат наркоматов и хозорганов, обслуживавший спецпереселенцев, вместе с денежными и материальными средствами передавался ОГПУ. Таким образом кадры, средства и ресурсы, которыми располагала в этих районах государственная система, концентрировались в руках репрессивного ведомства. В 1933 г. создание системы СибЛАГа в Нарымском крае завершилось. На протяжении нескольких последующих лет сложившийся порядок управления не пересматривался.

Первая попытка НКВД освободиться от бремени социально-хозяйственных функций в северных комендатурах Западной Сибири была предпринята в конце 1935 г. В процессе подготовки постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), посвященного подъему сельского хозяйства северных территорий Запсибкрая, в т. ч. перспективам освоения региона силами спецпереселенцев, отделом трудпоселений УНКВД был поднят вопрос о сложении ряда несвойственных карательным органам функций. Эйхе и Грядинский в докладной записке, направленной Сталину и Молотову в декабре 1935 г., оценили такой шаг как преждевременный. «В связи с тем, что заканчивается процесс трудоустройства трудпоселенцев, — писали они, — а также часть из них восстанавливается в правах гражданства — у работников НКВД очень сильны тенденции начать передачу управления трудпоселков местным советам и райисполкомам, а хозяйственное обслуживание трудпоселенцев — в ведение органов Наркомзема. Мы считаем, что в данный момент это мероприятие не своевременно и может отрицательно отразиться на всем процессе хозяйственного освоения трудпоселенцами Севера и укрепления хозяйства трудпоселенцев. Проведение этого мероприятия нужно отложить еще на 1 — 1 1/2 года, пока окончательно не завершится процесс трудового устройства трудпоселенцев и укрепления неуставных артелей»⁷⁹. Аргументы краевых руководителей были восприняты в Центре, и принятое 17 января 1936 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мерах по развитию севера Западной Сибири заканчивалось так: «СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают несвоевременной в настоящий момент передачу обслуживания трудпоселенческого населения органам Наркомзема и предлагают сохранить существующий порядок»⁸⁰.

Принятие Конституции 1936 г. помогло руководству НКВД довести до конца задуманную реорганизацию управления трудовыми поселениями в Западной Сибири и Казахстане. В январе 1937 г. Ежов, заручившись поддержкой Прокурора СССР Вышинского, обратился с

письмом к Сталину и Молотову, в котором просил санкционировать передачу с весны 1937 г. сети социальных, медицинских, культурных, торговых учреждений и неуставных артелей из ведения НКВД советским и хозяйственным органам Западной Сибири и Казахстана. Он предлагал также организовать в трудпоселках сельсоветы, а за комендатурами сохранить только надзорные функции⁸¹. Наряду с этим руководство НКВД предпринимало попытки постепенно интегрировать неуставные артели в колхозную систему, санкционировав там, где это было целесообразно, слияние неуставных артелей с ближайшими колхозами. В июне 1937 г. Наркомзем СССР разрешил трудпоселенцам вступать в члены ближайших к трудпоселкам колхозов. Однако в конце июня 1937 г. руководство НКВД в лице заместителя наркома М.Д. Бермана предложило Наркомзему «рассмотрение этого вопроса, отложить до решения общего вопроса о дальнейшем правовом положении трудпоселенцев»⁸². Правительственное постановление о переводе неуставных артелей трудпоселенцев на устав колхозов было принято значительно позднее, 9 сентября 1938 г.⁸³ Тем не менее в 1937 г. Наркомат внутренних дел решил принципиальный для себя вопрос о передаче хозяйственной деятельности и сети инфраструктуры трудпоселков местным советским и хозяйственным органам. В Западной Сибири процедура и сроки этой передачи определялись двумя постановлениями Президиума Запсибкрайисполкома (№ 1232 от 14 августа 1937 г. «О передаче в ведение Запсибкрайлеспромсоюза неуставных кустарно-промысловых артелей и кустпромцехов сельхозартелей системы ОТП по Запсибкраю» и № 1644 от 8 октября 1937 г. «О передаче хозяйственной деятельности по системе ОТП УНКВД по Запсибкраю»). Ими, в частности, предусматривались для приема-передачи, на которые отводилось всего 1—1,5 месяца, создать комиссии нескольких уровней — краевую (во главе с представителем крайисполкома А. Шишаевым с участием начальника ОТП Долгих, а также представителей крайЗО, крайздрава и других организаций) и районные в местах размещения 13 участковых комендатур (в составе председателя райисполкома, участкового коменданта и представителей заинтересованных организаций). Однако в своей работе комиссии встретились с рядом трудностей, вследствие чего работа по приему-передаче хозяйственной деятельности растянулась с октября 1937 до конца 1938 г. Нормальной деятельности комиссий препятствовали объективные (осенняя распутица затруднила обследование отдаленных поселковых комендатур) и субъективные причины (запущенность отчетности в самих комендатурах и бюрократические задержки, возникавшие в недрах самой государственной машины, например, Сельхозбанк СССР, на протяжении нескольких лет настаивавший на предоставлении ему правительством права полного контроля за расходованием ссуд, отпускаемых неуставным сельхозартелям трудпоселенцев, получил его осенью 1937 г. и не спешил им воспользоваться⁸⁴) причины. Комиссии в своей деятельности сталкивались с двойственной позицией местных советских и хозяйственных органов (в первую очередь земельных): стремление получить при передаче от комендатур максимум имущества и средств сочеталось с нежеланием принять на себя груз проблем (производственных, бытовых и др.), накопившихся в спецпоселениях.

Таблица 15

Дислокация нарымских и кузбасских комендатур с числом поселков и трудпоселенцев в них. На 1 января 1938 г.*

Районы области	Наименование комендатур	Кол-во поселков	Расселено	
			Семей	Человек
НАРЫМСКИЙ ОКР.				
Александрове	Александровская	16	617	2 502
Каргасокский	Каргасокская	29	1 916	7 225
Каргасокский	Васюганская	28	1 530	5 193
Колпашевский	Колпашевская	48	4 455	16 487
Кривошеинский	Могочинская	12	2 109	7 762
Парабельский	Парабельская	77	3 351	15 084
Парабельский	Пудинская	48	1 823	8 121
Чаинский	Тоинская	42	2 123	14 405
Бакчарский	Галкинская	24	3 078	11 185
Бакчарский	Парбигская	12	1 147	5 321
ИТОГО по Нарымскому округу		336	23 150	93 385
СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ НОВОСИБИР- СКОЙ ОБЛАСТИ				
Пихтовский	Колыванская	10	1 016	4 405
Томский	Томская	16	2 404	5 102
Асиновский	Ново-Кусковская	21	1 478	5 725
Зыряновский	То же	2	342	1 391
Тегульдетский	Тяжинская	39	1 832	7 352
ИТОГО по северным районам		88	7 072	23 975
Всего по Северу		424	30 222	117 360
КУЗБАСС				
Анжеро-Судженский	Анжерская	11	3 018	11 633
Анжерский	Анжерская	4	252	645
Ленинский	Ленинская	2	551	2 060
Гурьевский	Ленинская	1	106	394
Крапивинский	Ленинская	2	146	623
Кузнецкий	Кузнецкая	12	3 219	12 347
Гор. Сталинск	Кузнецкая	9	3 461	14 850
Горная Шория	Кузнецкая	11	767	3 615
Тисульский	Мартайгинская	13	1 316	5 861
Прокопьевский	Прокопьевская	18	7 026	30 722
Кировский	Тулинская	3	512	672
Итого по Кузбассу		86	20 374	83 422
ВСЕГО по ОТП:		510	50 596	200 782

* Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — Новосибирск, 1994. — С. 223 - 224.

За 1933—1938 гг. в дислокации и численности трудпоселенцев на территории Западной Сибири (без комендатур Омской обл. и Алтайского края) произошли заметные, но не столь значительные изменения (табл. 15). Продолжала действовать тенденция, проявившаяся в 1931—1932 гг.: в северных районах края на фоне уменьшения численности «контингента» шла деконцентрация поселений, увеличивалась их численность. Напротив, в Кузбассе стабилизация общей численности трудпоселенцев происходила при сокращении количества поселков.

Долгих — начальник ОТП УНКВД по Новосибирской обл. (к которой до 1944 г. относился Нарымский окр.), отмечал столь существенное снижение численности трудпоселенцев в северных комендатурах следующими причинами: «а) передача части контингента в связи с выделением из Запсибкрая Омской области и Красноярского края; б) переброска значительного количества трудпоселенцев на работу в промышленность Кузбасса; в) возвращение с мест расселения как неправильно выселенных, передача на иждивение и прочие причины; г) побег с мест расселения»⁸⁵.

Таблица 16

Изменения в территориальном размещении спецпереселенцев в 1932 - 1938 гг., % к итогу*

Регион	На 1 января 1932 г.	На 1 июня 1938 г.	Изменения
Урал	36,7	24,2	- 12,5
Западная Сибирь	20,0	24,8	+ 4,8
Северный Казахстан	9,9	10,1	+ 0,2
Северный край	9,2	11,2	+ 2,0
Восточная Сибирь	7,0	11,9	+ 4,9
Северный Кавказ	4,2	4,6	+ 0,4
Южный Казахстан	3,2	3,5	+ 0,3
Дальний Восток	3,1	3,0	- 0,1
Средняя Азия	2,8	3,0	+ 0,2
Ленинградская обл.	2,4	2,4	0,0
Украина	1,5	1,3	- 0,2

* Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе. — Новосибирск, 1998. — С. 59.

На протяжении 1930-х гг. система комендатур территориально видоизменялась (табл. 16). Сдвиги в дислокации комендатур в региональном разрезе свидетельствуют о смещении «ядра» спецпоселений на восток от Урала. Так, если в годы первой пятилетки спецпереселенцы сосредоточивались преимущественно на Урале, где их труд использовался в основном в промышленности, то с 1933 г. они концентрировались в Сибири (прежде всего Западной) и Казахстане. Отделы трудпоселений этих регионов стали самыми значительными в ГУЛАГе по численности «спецконтингента» и штату сотрудников.

В период наибольшего распространения сети спецпоселков (1933 г.) корпус работников комендатур СибЛАГа насчитывал почти 1 тыс. чел.,

среди которых особое положение занимали поселковые и участковые (районные) коменданты, составлявшие кадровое ядро системы комендатур. Они были олицетворением карательной системы. Сегодня пока нет исследований, посвященных комендантам ГУЛАГа, поскольку их личные дела закрыты для историков. В этих условиях представляется полезной любая реконструкция состава и облика данной группы, построенная на доступных для анализа источниках из фондов государственных и партийных органов, дающих некоторую хотя и неполную, фрагментарную и специфичную информацию.

Основу информационной базы* составили документы преимущественно партийных органов различных уровней (от делопроизводства первичных парторганизаций районных комендатур до Центральной контрольной комиссии), в которых отложились материалы приема в партию, партийных «чисток», апелляции исключенных из ВКП(б) и т. д. Другим источником послужили приказы ПП ОГПУ, УНКВД по Западно-Сибирскому краю. В выборку вошли биографические данные о 100 работниках комендатур, содержащие требуемые для анализа состава и деятельности данной группы характеристики (год рождения, членство в партии, социальное происхождение, образование, род деятельности до работы в комендатурах, должностные перемещения во время службы в комендатурах, причины выбытия и род последующей деятельности (для выбывших комендантов)). Сведения даются, как правило, в относительных величинах⁸⁶.

Преобладающую группу составляют поселковые коменданты (60 %). Далее следуют участковые коменданты (20 %), их помощники (10 %), остальные — помощники поселковых комендантов и сотрудники аппаратов участковых комендатур (10 %). По возрасту работники комендатур распределялись следующим образом: родившиеся в 1881—1885 гг. — 2 %, 1886-1890 гг. — 3, 1891-1895 гг. — 10, 1896-1900 гг. — 19, 1901—1905 гг. — 33, в 1906—1910 гг. — 33 %. Две трети комендантов родилось после 1900 г., следовательно, их социальное формирование и деятельность протекали в советское время, что определяло социально-политическую «чистоту» биографии (не служили в белых армиях, не состояли в «других» партиях и т. д.).

Занимать комендантскую должность мог только член партии (в крайнем случае член комсомола). По времени вступления в партию члены данной группы распределялись так: 1917 г. — 2 чел., 1919 г. — 5, 1920 г. — 7, 1921 — 4, 1922 г. — нет, 1923 г. — 1, 1924 г. — 4, 1925 г. — 4, 1926 г. — 7, 1927 г. — 5, 1928 г. — 7, 1929 г. — 10, 1930 г. — 2, 1931 г. — 10, 1932 г. — 12, 1933 — 1935 г. — нет, 1936 г. — 4, 1937 г. — нет, 1938 г. — 5, 1939 г. — 2 чел. (у 9 чел. время вступления в партию не указано). Достаточно значительную (15 чел.) группу составляли вступившие в партию в годы революции и гражданской войны и служившие в ОГПУ, НКВД РСФСР, а некоторые и в советском аппарате. Небольшое число вступивших в партию после 1932 г. объясняется тем, что работа комендантом предусматривала членство в партии.

Мы благодарны новосибирскому исследователю А.Г. Теплякову за любезно предоставленные биографические данные о работниках комендатур Западной Сибири.

Другим фактором карьерного продвижения в советских условиях являлось «чистое» социальное происхождение. Среди комендантов выходцы из крестьян составляли 56 %, из рабочих — 30 %, из служащих — остальные. Имевшие крестьянское происхождение акцентировали внимание на принадлежности к беднейшим слоям деревни, батракам. Несколько комендантов было снято с должностей и уволено из ОГПУ—НКВД за «сокрытие кулацкого происхождения».

Из 35 чел., давших сведения о своем образовании, 32 чел. имели начальное, 2 чел. — среднее образование, 1 чел. окончил совпартшколу. Недостаточный образовательный уровень комендантов служил очевидным препятствием для функционирования спецпоселений. Начальник ОСП СибЛАГа Долгих, побывавший в начале 1932 г. с очередной инспекционной поездкой в комендатурах, сделал следующее заключение: «...при низком уровне поселковых комендантов является чрезвычайно необходимым сократить и упростить существующую отчетность»⁸⁸.

Еще одно базовое условие для получения руководящей должности в комендатурах — предыдущая служба в Красной Армии, предпочтительно на командных должностях. В момент проведения операции по высылке 40 тыс. семей (май—июнь 1931 г.) «отсутствие кадров заставило бывшее Комендантское управление прибегнуть к публикации в газете приглашения на работу командного состава запаса»⁸⁸. Однако при комплектовании руководящего состава комендатур предпочтение отдавалось тем, кто уже служил в органах ВЧК—ОГПУ. Это была относительно небольшая группа (около 15 %) работников низшего звена, находившихся в запасе, — внештатные сотрудники и т. д. Примерно такой же по численности была группа сотрудников НКВД РСФСР, перешедших на работу в комендатуры из органов милиции и исправительно-трудовых учреждений. Среди них оказались и лица, занимавшие достаточно высокие должности (начальник Томского уголовного розыска, два начальника райотделов милиции и др.), для которых работа в спецпоселениях даже участковыми комендантами была должностным понижением.

Большинство комендантов в прошлом по роду занятий были весьма далеки от карательной деятельности, но имели опыт хозяйственной работы. Среди них встречались работники низших и даже средних звеньев торговли, кооперации, промышленности, государственного аппарата (заместитель председателя райисполкома, председатели райземотдела, сельсовета, колхоза и др.). Некоторые специалисты из сферы кооперации, торговли, земледелия, направленные на работу в аппарат комендатур по своей основной специальности, со временем становились комендантами. Местных уроженцев среди комендантов оказалось немного. Таким образом, по источникам комплектования комендантский состав оказался весьма пестрым. Работники карательных органов ранее не занимались организационно-хозяйственной деятельностью. Хозяйственные работники, напротив, не обладали навыками специфической режимной работы. И первые, и вторые, как правило, не обладали опытом хозяйствования в особых условиях Нарымского Севера и Кузбасса. Организационная неразбериха на начальном этапе организации спецпоселений, пронизывавшая карательный аппарат снизу доверху, весьма рельефно отражена в письме работника центрального аппарата ОГПУ

Юргенса, направленного для обследования спецпоселков на р. Васюган в июле—августе 1931 г. «Никакой оплаты за труд введено не было, — писал он. — Записываются исключительно трудодни <...> Нет установок, что считать ответственной работой и что на себя.

По этому вопросу, как и другим, указанным мною выше, установок и указаний от Комендантского управления Новосибирска нет. Надо было их 50 % снять и послать на места, сейчас самый сезон работы. Пусть учат, как наладить учет, как корчевать, строиться, как, что и когда сеять <...> А то они там в Новосибирске теорией занимаются и на месте не бывали»⁸⁹.

В 1933 г. положение в сфере управления несколько стабилизируется. Коменданты в спецпоселках со стажем до 2 лет составляли всего 6 %, до 3—10, до 4—21, до 5—30, от 5 лет и более — 33 %. В течение всего десятилетия в системе спец(труд)поселений проработало 15 % комендантов. Низкая доля комендантов, послуживших менее 2 лет, объясняется особенностями выборки: здесь учитывался кадровый костяк комендатур, оставивший «след» в партийном и советском делопроизводстве.

Работа в комендатурах давала людям определенный, хотя и небольшой шанс для карьерного продвижения. Одна треть не смогла подняться по служебной лестнице: поселковые и участковые (районные) коменданты неизменно оставались на одних и тех же должностях. Половина получила повышение: помощники стали комендантами, поселковые коменданты «доросли» до участковых, участковые коменданты пополнили ряды работников районного и краевого звеньев ОГПУ—НКВД. Остальные были или понижены в должности или уволены из спецорганов. Увольнению подверглась четверть комендантского корпуса. Этому, как правило, предшествовали служебное расследование и исключение из партии. Под судом оказалось 10 % комендантов. Причины увольнения достаточно стандартны: «за систематическое пьянство, бытовое разложение и дебоши», «за бесхозяйственность, развал аппарата комендатуры, систематическое пьянство со спецпереселенцами», «за бесцельную стрельбу в нетрезвом виде и конфискацию коров у колхозников», «за систематическое пьянство и незаконное самокредитование», «за моральное разложение и шкурнические тенденции», «за недисциплинированность, грубость и систематическое пьянство», «за систематическое групповое пьянство» и т. д. В редких случаях увольняли «за скрытие кулацкого происхождения», «как выходца из чуждой среды», «за связь с трудпоселенкой (имел ребенка)», «за передачу секретных документов служащим-заключенным и игру с ними в преферанс», «не привлекал к ответственности укрывших и пойманных спецпереселенцев» и т. д.

Дисциплинарные наказания комендантов в виде арестов в административном порядке на 5—15 суток за разного рода нарушения и проступки были обычными, их не миновал ни один комендант. Более серьезные нарушения влекли за собой уже судебную ответственность, сопровождавшуюся исключением из партии и арестом. Мотивы привлечения к суду были связаны либо с должностными преступлениями, либо носили политический подтекст. Заместитель участкового коменданта Е.Ф. Мосейко в 1935 г. был исключен из партии «за систематическое пьянство, половую распущенность и избиение спецпереселенцев» и осужден на два года ИТЛ; после отбытия срока заключения уст-

роился служащим базы в Новосибирске⁹⁰. Участкового коменданта Каргасокской комендатуры А.Ф. Сопова в 1937 г. исключили из партии «за потерю бдительности (передоверял свои функции врагам народа)»; в начале 1938 г. его арестовали, но в конце того же года освободили за отсутствием состава преступления⁹¹.

Уволенные или осужденные работники комендатур не могли вернуться в систему спецорганов. Крайне редкие исключения из этого правила, тем не менее, случались. А.Р. Горский, член компартии с 1919 г., кадровый чекист с 1920 г., с момента создания комендатур был одним из руководителей Комендантского управления, затем — начальником отделения секретно-политического отдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю, курировал работу отдела трудпоселений. В октябре 1937 г. его арестовали как «предателя, выдававшего гостайну врагам народа» и осудили по ст. 58 п. 8 УК на восемь лет ИТЛ. В 1940 г. Горский был освобожден в связи с прекращением уголовного дела и в годы войны возглавлял Новосибирское лагерное отделение⁹².

В условиях дефицита работников комендатур среднего звена (участковые коменданты) справлявшиеся с должностными обязанностями коменданты не задерживались на одном месте более двух лет, поэтому на протяжении 1930-х гг. им доводилось работать в трех комендатурах и более. Приведем несколько биографий относительно «удачливых» комендантов (судьба большинства из них после 1936 г. неизвестна).

Г.В. Беликов, член партии с 1921 г., служил в РККА, затем в ЧК—ГПУ. В середине 1920-х гг. был начальником ряда домов заключенных в Сибири, позже перешел на работу в судебные органы. Участковый комендант Мартайгинской (1931—1933 гг.), Тоинской (1934 г.), Бирилюсской (1934 г.), Галкинской (1935 г.), Колыванской (1936 г.) комендатур⁹³.

Г.Е. Исупов, член партии с 1917 г., с 1918 г. по 1930 г. работал в органах милиции, начальник Томского окружного уголовного розыска. Участковый комендант Кривошеинской (1931 — 1932 гг.), Могочинской (1933 г.), Галкинской (1933-1935 г.), Колпашевской (1935-1937 гг.) комендатур. Неоднократно получал как благодарности и премии, так и выговоры. В 1937 г. был переведен на Дальний Восток⁹⁴.

В.М. Никитин попал в карательные органы из госаппарата (имел выговор за «перегибы» в ходе коллективизации), сначала занимал должность коменданта Томского пересыльного пункта СибЛАГа, позже — участкового коменданта Анжеро-Судженской (1933 г.), Каргасокской (1934 г.), Парабельской (1934 г.), Верхне-Васюганской (1935 г.) комендатур⁹⁵.

М.В. Херлов, член партии с 1917 г., в аппарате трудпоселений и комендатурах с начала 1930-х гг.: зав. сельхозгруппой СибЛАГа в Нарымском окр. (1933 г.), участковый комендант Колпашевской (1934—1936 гг.), Анжеро-Судженской (1936—1938 гг.), Томской (1939—1941 гг.) комендатур. С 1941 г. возглавлял Томскую ИТК № 2⁹⁶.

Интенсивное перемещение работников комендатур было возможно в узких должностных рамках. В. В. Маньков, направленный в 1933 г. с поста заместителя председателя Бирилюсского РИКа комендантом в Бирилюсскую комендатуру, в 1935—1937 гг. возглавлял Парбигскую ко-

мендатуру, а с 1938 г. возглавил 1 отделение ОТП УНКВД по Новосибирской обл.⁹⁷

Ф.М. Михайлов пришел на работу в ОГПУ—НКВД в 1933 г. За десять последующих лет прошел путь от поселкового и участкового коменданта Парабельской и Колпашевской комендатур до начальника одного из отделений ОСП УНКВД НСО (1944 г.)⁹⁸.

П.Ф. Свиридов, член партии с 1920 г., после службы участковым комендантом в Прокопьевской и Сталинской комендатурах с 1936 г. работал заместителем начальника 5 отделения ОТП УНКВД по Запсибкраю, а с 1938 г. — начальником отдела общего снабжения Управления лагерей и колоний УНКВД по Новосибирской обл."

С.С. Зеленов с поста участкового коменданта Александровской комендатуры (1937—1939 гг.) был назначен оперсотрудником Нарымского окротодела НКВД, в 1941 г. стал начальником Асиновского райотдела УНКВД по Новосибирской обл.¹⁰⁰

Чрезвычайно разнообразным был круг занятий бывших комендантов. Одни из них, уволенные из рядов НКВД, зачастую имевшие партийные взыскания или исключенные из партии, возвращались к прежней профессиональной деятельности — становились инспекторами финансовых, земельных, хозяйственных органов; другие, сохранившие членство в партии, оказывались на административных должностях в гражданских учреждениях и на предприятиях (зам. директора завода, директор хозкомбината, рыбного промысла, зам. председателя райинтегралсоюза, председатель колхоза и т. д.).

У ряда комендантов удачно складывавшаяся карьера стремительно рушилась. П.Е. Селиванов, рабочий, член партии, имел все условия для должностного роста: служил в РККА, работал помощником райуполномоченного ОГПУ. В 1933 г. в возрасте 29 лет стал участковым комендантом Анжерской комендатуры. Годом позже был исключен из партии, уволен из НКВД, в 1935 г. устроился забойщиком в шахту им. Кирова в г. Анжеро-Судженск¹⁰¹. Г.В. Лапекин, член партии с 1921 г., служил в РККА, ОГПУ, в 1930 г. был переведен с должности заместителя начальника райадмотдела в СибЛАГ, где до 1933 г. служил поселковым комендантом в ряде комендатур. С мая 1933 г. работал кассиром¹⁰². Взлет и падение комендантов были обусловлены прежде всего профессиональной деятельностью, а также личными качествами, внеслужебным поведением.

Аппарат комендатур всех уровней — от головного регионального учреждения (отдел спец(труд)поселений СибЛАГа ОГПУ—НКВД) до поселковых комендатур — на всех этапах своего функционирования был поражен хронической болезнью бюрократии, которая проявлялась в непрофессионализме основной массы работников, заполнявших разрастающуюся сеть поселковых и участковых (районных) комендатур. Борьба за «улучшение аппарата», которую перманентно вели кадровые чекисты, была обречена на неудачу в силу сложности и многоплановости обязанностей комендантов и низкого уровня людей, исполнявших эти функции.

Кадры первых комендатур, состоявшие преимущественно из работников пенитенциарной системы, как уже отмечалось, не были стабильными. Весной 1931 г. в обстановке резкого увеличения количества ко-

мендатур и кадрового дефицита руководство комендантского отдела (позже — отдел спецпоселений) стало приглашать на работу в комендатуры представителей командного состава запаса РККА. Специальная комиссия отобрала 180 чел. из 300 подавших заявления. С согласия Москвы была проведена кампания по мобилизации членов ВКП(б) «для заполнения штатного некомплекта и обновления аппарата управления», которая дала меньше, чем ожидалось, — 74 чел.¹⁰³ Партийные мобилизации для работы на ответственных должностях в комендатурах края со временем обрели форму традиции и стали ежегодными. Помимо чекистов, бывших кадровых военных и членов партии, штат пополнялся представителями разных категорий и групп вольнонаемных работников,⁴ занимавших должности секретарей, статистиков, экономистов и др.

Само руководство ОСП (ОТП) СибЛАГа воспринимало высокую текучесть кадров (в первые два-три года ежегодно менялось более 50 % работников комендатур) как неизбежное явление. По оценке Долгих, который в феврале—марте 1932 г. выезжал в нарымские комендатуры с комиссией крайкома партии, в комплектовании звена участковых комендантов достигнуты «определенные положительные результаты», но около половины состава поселковых комендантов нуждается в немедленной замене. «Укомплектование штатов поселковых комендатур из местных кадров произвести невозможно, так как на местах их нет, ни количеством, ни качеством»¹⁰⁴.

Нехватка кадров заставляла прибегать к таким заведомо неэффективным мерам, как перевод на должности участковых (районных) комендантов провинившихся работников районного звена ОГПУ—НКВД. Самых же комендантов переводили из одной комендатуры в другую. Так, привлекавшийся к дисциплинарной ответственности в связи с Назинской трагедией Белокобыльский впоследствии работал в аппарате ОТП СибЛАГа, комендант Ольховской участковой комендатуры П.В. Болвах, снятый с должности осенью 1933 г. за многочисленные должностные злоупотребления, вскоре был назначен комендантом Саралинской комендатуры. Те коменданты, которые неплохо адаптировались к сложной обстановке, ценились очень высоко. В 1933 г. в ходе «чистки» партийные кадровики Нарымского окружкома партии обнаружили «кулацкое» происхождение участкового коменданта И.Т. Бочарникова и он был тотчас уволен. Начальник СибЛАГа Горшков в ответ на прозвучавшее в ходе расследования Назинской трагедии обвинение в просчетах при подборе кадров заявил, что Бочарников был одним из лучших комендантов, и тем самым подчеркнул приоритет профессионализма перед пресловутым соцпроисхождением¹⁰⁵. Бывший комендант Чаинской комендатуры Бочарников в начале 1930-х гг. оказался, возможно, единственным из комендантов, который более чем через полвека рассказал о своей работе коменданта¹⁰⁶. Подавляющее же большинство комендантов становилось рано или поздно жертвами таких пороков, как пьянство, аморализм, жестокость, порожденных почти полной бесконтрольностью и вседозволенностью. Делопроизводство ОГПУ—НКВД и партийных органов разных уровней сохранило массив документов, которые дают представление о деятельности, быте и нравах, царивших в 1930-е гг. в среде работников комендатур. Своеобразным сводом деяний, проступков и преступлений комендантов являются регу-

лярно издававшиеся полпредством ОГПУ (далее — Управление НКВД) по Западной Сибири приказы о недочетах или успехах работников комендатур. В карательном ведомстве была широко развита система поощрений. Особенно щедро поощряли за достигнутые хозяйственные успехи. Так, за успешное проведение весеннего сева 1936 г. нескольким участковым комендантам вручили денежные премии и путевки на курорты Крыма. Долгих был премирован фотоаппаратом ФЭД с увеличителем. Его помощник И.Я. Собин получил патефон с пластинками, работники низового звена аппарата комендатур на местах были отмечены более скромными, чем у начальников, премиями. Денежное вознаграждение получили и некоторые заключенные, работавшие в сельхозотделе ОТП. Интересен пункт приказа о поощрении отличившихся в ходе посевной кампании трудпоселенцев: руководство УНКВД постановило «возбудить ходатайство перед крайисполкомом о досрочном восстановлении их в избирательных правах, о чем широко объявить по всем с/х артелям»¹⁰⁷. Однако чаще всего издавались приказы, отражавшие широкую гамму должностных нарушений, дисциплинарных проступков или преступлений. Причиной «разносов» был, как правило, срыв производственного плана, за который коменданты отвечали и перед ОТП, и перед Нарымским окружкомом партии. 7 октября 1934 г. бюро Нарымского окружкома в постановлении «О ходе уборочной и зернопоставок по сектору трудпоселенцев» отмечало, что к 1 октября закончила уборку зерновых лишь Тоинская комендатура. Коменданта Пудинской комендатуры исключили из партии, остальных комендантов предупредили о том, «что по их работе в ближайшую декаду окружком будет судить о возможности их оставления в партии». Было также «принято к сведению сообщение, что коменданты Парабельской и Пудинской комендатур начальником УНКВД по ЗСК т. Алексеевым за плохую организацию хлебоуборочных работ арестованы в административном порядке на 15 суток каждый»¹⁰⁸. Арест от 5 до 15 суток «с исполнением служебных обязанностей» являлся одним из наиболее распространенных дисциплинарных взысканий для комендантов. Коменданты подвергались им за несвоевременное информирование о побегах, злоупотребление своим положением, в частности, привлечение в качестве домработниц трудпоселенцев, получение в неуставных артелях продуктов «по удешевленным ценам», невзыскание штрафов с трудпоселенцев, «бездеятельность в работе по борьбе с бегством»¹⁰⁹.

Более жесткие меры по отношению к комендантам и их помощникам принимались после Назинской трагедии. Так, 23 февраля 1934 г. ПП ОГПУ по ЗСК был издан приказ по итогам проверки деятельности Тевризской участковой комендатуры, вновь созданной для приема «нового контингента». В нем отмечалось: «...среди строевого состава участковой к[омендатуры] царят склоки, подсиживания, сплетни, отсутствует нужная дисциплина. Участковый комендант Струлевич допустил личную связь с трудпоселенкой. Просмотрены Струлевичем факты <...> незаконных арестов, избиения трудпоселенцев.

Пом. участкового коменданта Вассерман давал прямые установки на расстрелы стрелкам, сам издевался над трудпоселенцами.

ПРИКАЗЫВАЮ: участкового] коменданта Тевризской комендатуры Струлевича арестовать на 15 суток, снизить в должности на помощника] участкового коменданта и снять из Тевризской комендатуры.

Помощника] участкового коменданта Вассерман отстранить от работы и предать суду коллегии [ОПТУ]»¹¹⁰.

Пытаясь противостоять процессу «разложения» работников комендатур, вышестоящие органы создавали в комендатурах первичные партийные организации, а чекисты районных аппаратов ОГПУ— НКВД устанавливали контроль за деятельностью комендантов. Кроме того, штат участковых комендатур пополнился работниками информационно-следственного отдела, которые были обязаны заниматься первоначальным расследованием и ведением дел по фактам всех законодательных нарушений в комендатурах, независимо от того, кто являлся виновным — спецпереселенец или работник комендатуры. Поощрялись и «сигналы» от спецпереселенцев. При таком разноканальном информировании о состоянии дел в комендатурах комендантам или их подчиненным практически было невозможно скрыть свои собственные правонарушения. Им приходилось выбирать — либо «замять» тот или иной инцидент, либо, наоборот, придать ему громкую огласку и «принципиальное значение».

Протоколы партийных собраний ячеек ВКП(б) комендатур, а также периодические обследования их работы райкомами партии содержат весьма разнообразную информацию о поведении коммунистов — работников комендатур, их нравах и психологии. Примечательно, что подавляющее большинство описаний поведенческих действий и оценок несли на себе отпечаток идеологической фразеологии, которая одними использовалась для нападения, другими — для самозащиты. Риторика переполняла даже заурядные приказы и письма, которые участковые комендатуры рассылали поселковым во время «хозяйственно-политических» кампаний — посевных, уборочных, хлебозаготовительных и т. д. В «уборочном» письме руководства Тоинской комендатуры на места от 23 августа 1935 г. говорилось: «Несмотря на то, что АВГУСТ месяц на исходе и хорошую погоду — ПЛАН сдачи зернопоставок не выполнен и преступно слабо поступает хлебосдача <...> В прошлом году за несвоевременную сдачу был снят один поселковый комендант, и многим членам ВКП(б) вынесли строгие выговоры и предупреждения по ПАРТЛИНИИ.

<...> ТОВАРИЩИ. Учтите это и не опозорьте КРАСНО-ЗНАМЕННОЙ [комендатуры] не допустите себя к отдаче под суд и высшей мере ПАРТВЫСКАНИЯ. Мобилизуйтесь сами, мобилизуйте актив и все возможное для выполнения и перевыполнения Августовского плана хлебо-сдачи <...> и никакие дожди не могут быть причиной, а в настоящий момент прекрасная погода — используйте ее целиком и полностью со всей большевистской настойчивостью и решительностью, всегда памятуя, что перед БОЛЬШЕВИКАМИ трудностей НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, а большевики есть партийные и беспартийные.

Со всей решительностью сломите КУЛАЦКИЙ САБОТАЖ артелей и единоличников в хлебо-сдаче и на отъявленных саботажников предоставляйте материал для отдачи под суд, всегда помните, что лучшее зерно в первую очередь должно пойти в зерно-поставку Государству»¹¹¹.

27 августа в дополнение к этому письму последовало напоминание о возможных санкциях за «срыв» плана: «...видно, что Гришкинская пос. к[омендату]ра пары набирает и завершила, что план хлебопоставок будет выполнен в срок и полностью, также заверяет Гореловская пос. комендатура, но остальные комендатуры движутся в обозе и своей неразворотливостью сидят в оппортунистическом болоте и ищут какие-то объективные причины, которых вообще не должно быть и могут через каких-нибудь 2—3 дня быть организационные выводы тем, которые не наберут пары и не сделают решительного перелома как за САБОТАЖ хлебо-поставки, а отсюда мы опозорим себя, так как КРАСНОЕ ЗНАМЯ с такими показателями упустим с своих рук, а наверное Вы помните, что мы с Вами клялись КРАСНОЕ ЗНАМЯ не упустить путем выполнения всех хозяйственно-политических задач.

<...> Двиньте зерно Красными обозами так, чтобы Августовский план хлебосдачи зерна Государству был выполнен с перевыполнением к указанному сроку и только в этом будет заключаться наша с Вами победа в первенстве и без никаких очень неприятных и нежелательных последствий»¹¹².

О том, как на общих партсобраниях в комендатурах проходила «проработка» «антипартийных проступков ряда коммунистов», красноречиво свидетельствует выдержка из протокола собрания партгруппы Новокукушской комендатуры, состоявшегося 12 января 1935 г. Обсуждалось, в частности, поведение поселкового коменданта И.И. Семенова. 26 ноября 1934 г. Семенов, «заезжая в дер. Калиновку на постоянный двор, пьянствовал, производил выстрелы в ночное время, обращаясь к нему с просьбой трудпоселенцы дать папироску покурить, то он вытащил наган и тычет им в зубы. Далее, т. Семенов в пьяном виде катался на лошади и загнал лошадь, последняя не могла стоять на ногах; т. Семенов заставил трудпоселенцев кататься у ног лошади, говоря, давайте вылечите ее, вы ее закладывали. Об этом безобразии было донесено рапортом участковому] коменданту т. Данилову, но он мер не принял к т. Семенову»¹¹³. В принятом решении о привлечении Семенова к партийной и уголовной ответственности внимание было акцентировано не только (и не столько) на «дебаше и издевательских действиях над трудпоселенцами», сколько на «необеспеченности теплыми конюшнями и дворами поголовья, особенно свиней, находящихся под открытым небом», т. е. прежде всего на хозяйственных просчетах¹¹⁴. Другим объектом «проработки» стали работники комендатуры, которые во главе с участковым комендантом на глазах у многих затеяли пьянку. Поселковый комендант Евдокимов — один из ее участников — описывал так: «Я в это пьянство, которое происходило 8/XI[,] попал нечаяно. До 8/XI мы выпивали 6/XI у Лаврова, а 7/XI у Ощепкова и 7/XI у Чикилевского, я выпил и лег спать, а остальные ушли в клуб. Когда в клубе они были, Хохлов вышел на улицу, его поймали ребята и спустили с крыльца клуба. Услышали это т. Данилов и Шейкин, арестовали этих ребят <...> и потащили в баню для ареста. По дороге в баню Шейкин и Сагайдаков ударили колхозников, о чем сам Шейкин говорил, посаженные колхозники в баню выставили окно и ушли.

<...> Вечером пошли на постановку. На вечере я пил немного, услышал шум, оказалось, что на Пустовалова кто-то налетел, Сагайдаков

выхватил наган и дал одному из них в зубы <...> на крыльце мне встретился Хохлов и что-то щелкал пистолетом, я взял с Дробным Хохлова и затаял наверх, а пистолет отобрал и отдал Лаврову. После вечера развозили пьяных по домам. Письмо мне Данилов прислал, где писал, что бы я показывал, что сотрудники на вечере были только свои, вина было мало, на лошадях не катались»¹¹⁵. Свою интерпретацию события дал основной «заводила» — Шейкин. «Организация пьянки вышла стихийно, — отмечал он, — решили провести детский утренник, выделили для этого 100 рублей. 8/XI я был на постановке, в посадке людей в баню я не участвовал, а помогал только милиционеру, бить не били, а толкали»¹¹⁶. Выступавший в прениях и. о. коменданта Собин предлагал рассматривать «проступки» Шейкина и Евдокимова более «принципиально»: «Шейкин, он советский агроном, если рассматривать 8/XI, то у него есть и раньше пьянство, и другое — смотреть, как подготовлено к посевной, тут нужно рассматривать резко. Евдокимов <...> по делу он проходит не как другие, но по другому [надо] смотреть, как он ведет борьбу с побегами трудпоселенцев — работа поставлена слабо, 54 чел. убежало в декабре мес, сено под боком, а лошади падают»¹¹⁷. Вероятно, Шейкин был достаточно квалифицированным агрономом, поэтому получил лишь строгий выговор «за участие в пьянке и непринятие мер к [ее] устранению», а Евдокимов и вовсе отделался партвыговором. И это несмотря на выступление присутствовавшего на собрании инструктора райкома партии Толстикова, заявившего, что «такие коммунисты не могут быть дальше в руководстве и оставаться в партии». На фоне описанных выше походов комендантов достаточно жесткой выглядела квалификация действий поселкового коменданта Замятина, «антипартийный и антислужебный поступок» которого состоял «в покупке сена у трудпоселенца единоличника Шурышева и имущества, которое на день покупки было описано за невыполнение и саботирование хлебопоставок, о чем Замятин знал». Замятину грозило исключение из партии, видимо потому, что он вступил в сделку с трудпоселенцем. Это, как видим, считалось проступком более тяжким, нежели избиения и издевательства пьяных комендантов над трудпоселенцами. Что касается Семенова, то он сумел вообще избежать наказания, и 9 июля 1937 г., т. е. уже через два с половиной года, на одном из собраний вместе с другими занимался разбором заявления трудпоселенки, работавшей прислугой у поселкового коменданта В.И. Березина, о домогательствах к ней. Березин, естественно, отрицал обвинение, поскольку других свидетельских показаний не было. Аргументация была типичной: «Чтоб я полез к такой старой[,] да и вообще я чикист (так в документе. — С.К.) и коммунист![,] ^a этого я не дозволю[,] а почему я знал ее как трудпоселенку и держал ее[,] то это временно [и] платил я ей 20 руб. в месяц [на] все готовое.

Беспалов: "Компрометация могла быть[,] нас они должны видеть только в конторе[,] а он пусти ее в избу[,] зная[,] что нельзя <...>".

Семенов: "Он ни в чем не сознается[,] а что то между ними было <...>"¹¹⁸

Вялотекущее обсуждение, на котором большинство предлагало ограничиться предупреждением Березина, на «принципиальную высоту» все же поднял Вольных, председательствовавший на собрании: «Вот мы

много разговариваем о классовой бдительности, а он (Березин. — С.К.) вам привел классового врага на квартиру <...> А где коммунист т. Березин вот бочки под масло пихт[овое] [?] Где классовая бдительность[,] а ведь оно для оборонной работы <...>»¹¹⁹ Решением собрания Березин был снят с работы в комендатуре, а дело его передано в Асиновский РК ВКП(б), что, впрочем, ввиду дефицита кадров не исключало его перевода в другую комендатуру.

Аморальное поведение комендантов часто становилось предметом служебного расследования, однако, как правило, оно подавалось в тесной взаимосвязи с другими должностными проступками, вероятно, еще более нетерпимыми в глазах чекистского руководства, чем развратные действия. В ноябре 1935 г. уполномоченный Асиновского РО УНКВД предоставил своему начальнику информацию о том, что «поселковый комендант Ново-Кусковской участковой комендатуры Зайцев Захар Федорович на продолжительном периоде времени занимался злоупотреблением своего служебного положения. Допустил половую связь с классово-чуждым элементом[,] с трудпоселенками — членами группы содействия, что Зайцеву не дало возможности своевременно проводить работу с членами группы содействия по борьбе с побегами трудпереселенцев, в силу чего работа по борьбе с побегами отсутствовала, т. к. по поселковой комендатуре за время работы Зайцева сбежало 47 человек, а задержанных нет.

Зайцев злоупотреблял служебным положением, компрометировал органы НКВД как поселковый комендант, потерял авторитет»¹²⁰. Против Зайцева было возбуждено уголовное преследование.

Серьезной проблемой для комендантов было предотвращение побегов, поиск и возвращение. В Ново-Кусковской комендатуре она периодически обсуждалась партичейкой. Один из пиков в динамике побегов пришелся на весну 1935 г. и был связан, очевидно, с постановлением ЦИК СССР от 25 января 1935 г. о том, что восстановление в гражданских правах высланных не дает им права выезда из мест поселений. 25 марта 1935 г. участковый комендант Собин о борьбе с побегами докладывал ячейке следующее: «Численность побегов начиная с января мес[яца] увеличивается. Причины, побуждающие т/п к побегам[,] заключаются в экономике. Создание лучших материальных условий т/п сократит побег. Милиция бездействует в борьбе с побегами. Группы содействия засорены[,] и достаточной работы с ними не проводится. Необходимо стимулировать членов групп содействия, премируя обувью, одеждой, хлебом. Беглецы задерживаются в старожильческих поселках, население их укрывает, необходимо произвести облаву в некоторых поселках Зырянского и Асиновского района. Установить засады на дорогах, жел. дор. станциях и на реках весной. <...> Официальное, формальное, иногда грубое отношение наших работников к т/п не дает возможности узнать мнения т/п массы. Ликвидировать круговую поруку т/п в побегах. Для ненадежной части т/п лимитировать поступающие денежные переводы»¹²¹. В постановлении собрания поселковым комендантам вменялось в обязанность «привить заинтересованность т/п в этой работе путем поощрения за добросовестное отношение к ней, применяя единовременные премии в виде выдачи добавочного пайка из дотации

старому расселению (видимо, спецпереселенцам, высланным в 1930 — 1931 гг. — С.К.), но не свыше 6 кг каждому в месяц»¹²².

Партячейки периодически занимались разбором «бытового обрастания» комендантов, служебное положение которых открывало для этого широкие возможности. Поселковый комендант Володарской комендатуры Воеводин в 1935 г. был вызван на «проработку» в Ново-Кусковскую ячейку за срыв весенней посевной. Будучи переведенным в эту комендатуру весной, он «не мобилизовал, не расставил посланных на посевную работников участковой] комендатуры, а дезорганизовал и занялся устройством личного благополучия (пристроил родственников в пекарню, в ясли, на мельницу, хозяйственно оброс тремя коровами, гусями, курами, которых содержал бесплатно кормами артели "9 января")». Перерожденчество Воеводина привело его к использованию служебного положения неограниченно, кроме использования кормов Воеводин также безгранично пользовался тягловой и рабочей силой артели для своего личного хозяйства»¹²³. Вердикт в отношении Воеводина был достаточно суров и облачен в соответствующую времени фразеологию: «За проявленный т. Воеводиним оппортунизм на производстве в ходе посевной, за использование им служебного положения, следствием чего явилась расшатанность хозяйства артели "9 января" и упадок трудовой дисциплины среди т/п всех жителей Володарской пос[елковой] комендатуры и принимая во внимание, что у т. Воеводина уже было по работе в Симоновской комендатуре заведено Зыряновским Райаппаратом дело по присвоению Воеводиним денег /дело закончено наложением взыскания и тов[арищеским] внушением!/, — т. Воеводин как явного оппортуниста на практике и перерожденца, не признающего ошибок, не проявившего по большевистски искреннего признания их — из рядов партии исключить»¹²⁴.

Озабоченность комендантов вызывали действия некоторых групп депортированных в 1933 г. Поселковый комендант Евстигнеевской комендатуры, в которой на расселении находились цыганские семьи, в отчете о своей работе в апреле 1936 г. указывал: «План посева для Евстигнеевской пос[елковой] к[омендату]ры 35 га <...> Цыгане с этой работой не справятся, если не будет помощи от участковой] к[омендату]ры <...> Цыгане работают слабо, хотя работа и есть — дерут дрань, работа на пихтовом заводе ЛПХ, они должны бы сами себя кормить, но ничего не делают, есть инвалиды, которых приходится кормить, а таких насчитывается от 70 до 80 чел. Хлеб даем, приходится обувать и одевать, но когда стал их одевать и обувать тех, кто не работает, то остальные тоже бросают работать»¹²⁵.

Коменданты, работая в атмосфере подозрительности и слезки друг за другом, неизбежно переносили эти стереотипы и на отношения со спецпереселенцами. Один из поселковых комендантов, выступая 27 апреля 1934 г. на собрании ячейки Галкинской комендатуры, заявлял: «Работаю 5-й год. Изучаю все вылазки спецпереселенцев. Часто прежде чем ответить на вопрос их нужно подумать. Работа не легкая»¹²⁶.

О том, как выстраивались отношения между аппаратом комендатур и теми спецпереселенцами, которые вовлекались в работу самих комендатур в качестве работников и обслуживающего персонала, сохранилось примечательное свидетельство — анонимное письмо от некоего Захара

Кузьмича в комиссию по проведению партийной «чистки» летом 1934 г. в Томской участковой комендатуре. «В аппарате и службе Комендатуры, — говорилось в нем, — работают три группы людей: вольнонаемные, спецпереселенцы и заключенные. Об этих двух последних группах хотелось-бы сказать несколько слов.

Ни для кого не секрет, что люди высланные или заключенные за конкретные преступления, антисоветскую, антигосударственную деятельность являются социально-дифекционными людьми. Их потому и высылают, что они или сознательно — опасны или бессознательно — вредны для общества, — для социалистического строительства.

Перед Комендатурой и ее партийным ядром в отношении этой группой людей стояли две основные задачи: 1/ наиболее полно рационально, по социалистически использовать ее на работе и 2/ в процессе использования приложить все усилия к перевоспитанию этих людей.

Раньше или позже каждый заключенный и спецпереселенец получает "путевку в жизнь", выходя на свободу, восстанавливаясь в гражданских правах. К этому времени Комендатура должна дать ему минимум социально-трудовых навыков, если их у него не было; она должна ликвидировать его политическую и техническую неграмотность; она должна выработать в нем ясное представление о конечных целях, путях и способах социалистической перестройки советского хозяйства и общества; она, наконец, обязана подготовить освобождаемого к какой-то определенной роли, дать ему представление о его задачах и степени участия в социалистическом строительстве.

Какие средства есть у руководства Комендатуры к осуществлению этих задач?! — Прежде всего, — подлинная социалистическая организация работы в самом аппарате Комендатуры, организация образцового обслуживания подведомственной ей массы спецпереселенцев; во-вторых, — организация специально-культурно-воспитательной работы в среде работников аппарата /лекц[ии], круж[ки], и пр./; в третьих, — использование общепринятых методов культурно-политического воздействия на людей /литература[,] пресса и т. п./.

Что конкретно сделано за последние пол-года?!

1. УДАРНИЧЕСТВО И ТРУДОВОЕ СОРЕВНОВАНИЕ фактически еще отсутствуют. Лишь непосредственно перед чисткой /и кто его знает, не в связи-ли с нею?!/ заключены договора отделами и отдельными работниками с администрацией. При чем эта работа была проведена сухо-бюрократически, без предварительной глубокой проработки в среде самих работников. По существу договора являются формальными документами, ни в какой мере не отражающими подлинных настроений и устремлений работников аппарата.

2. ЧЕТКОСТЬ РАБОТЫ, КОНТРОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ до последнего времени еще не налажены. Наиболее неблагополучной отраслью аппарата является УРЧ (учетно-распределительная часть. — С.К.), от которой требуется особая четкость и исполнительность. Низовой учетный аппарат расхлебан. Недисциплинирован. Один из важнейших моментов в обслуживании массы — продвижение разных заявлений и жалоб — лишь в последние две-три недели сдвинулась с мертвой точки и то лишь благодаря личному нажиму Коменданта. До сих пор несмотря на сравнительно небольшой людской контингент, не все спецпереселенцы

охвачены учетом. Сплошь и рядом можно констатировать случаи волокиты, грубость и невнимательность в обращении с посетителями — спецпереселенцами.

3. КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ среди аппаратных работников фактически не велось никакой. Даже в имеющихся двух общежитиях и спецпереселенцы и заключенные были предоставлены самим себе. По счастливой случайности в среде их не развилось пьянство, карточная игра и т. д., но всякие сплетни, пустое бессодержательное времяпровождение в неурочные часы характерны для общежитий и по-сейчас. Газета, хорошая современная книга отсутствует. К 1-му мая, когда по инициативе самих заключенных была сделана попытка как-то, подготовиться к празднику, внешне и внутренне чем-то его отметить по этому поводу обратились к инспектору КВЧ (культурно-воспитательная часть. — С.К.), Мокроусову, он просто отмахнулся. У него не оказалось ни средств ни желания уделить внимания такой "мелочи".

В этих условиях для работающих в аппарате спецпереселенцев и заключенных Комендатура отнюдь школой не является. Она похожа скорее на постоянный или проходной двор. И трудно сказать — вынесет-ли отсюда освобождающийся полезные навыки или, наоборот, растеряет и те, которые у него были до высылки.

Поэтому хотелось-бы верить, что помеченные и начатые перед чистой мероприятия /договора по соревнованию, красный уголок, лекции и пр./ после чистки будут полностью реализованы»¹²⁷.

О том, что представляли собой весьма приметные для того времени периодические проверки уровня политических знаний работавших в комендатурах коммунистов, можно судить по «Протоколу конференции по проверке политзнаний», проводившейся 30 — 31 декабря 1935 г. в Ново-Кусковской участковой комендатуре. В нем говорится: «...участники конференции (т. т. Жебо, Самойлова) заявили, что на 51 участке на одном из занятий кружков остались неразрешенными два вопроса: 1) Сколько сейчас в нашей стране классов, 2) Нужна ли диктатура пролетариата при социализме.

Прежде, чем приступить к проверке по программе политзанятий, решили единогласно осветить эти два неразрешенные вопроса.

На заданные пропагандистом вопросы отдельным товарищам, получены ответы, из которых вытекло шесть вариантов толкований о классах:

1. 2 класса — рабочий класс и КОЛХОЗНОЕ крестьянство, единоличное крестьянство в расчет не берется "как отживающее".

Ответ т. т. Жебо и Возженникова.

2. Два класса — рабочий класс и остатки капиталистических элементов. Ответ т. Самойловой.

3. Один класс — Рабочий класс — ответ т. Нартова. По его мнению — "колхозы работают как на производстве, а все остальное отмерло и отмирает".

4. Один класс — трудящиеся — ответ т. Семенова.

5. 2 1/2 класса — рабочий класс, крестьянство и промежуточный — остатки капитализма. — Ответ т. Гутова.

6. Один класс — Диктатура пролетариата — ответ т. Ягодкина.

Пропагандистом вскрыты ошибки, неточности формулировок всех шести вариантов-ответов. Указано — к чему может привести толкование о колхозном крестьянстве, как о классе без включения в класс крестьянства, не вошедших на сегодняшний день единоличников — бедняка, середняка. И почему опасна эта "теория" как "левацкая" теория — также отмечено.

Разъяснено, что "теория" об одном класса рабочем классе говорит о вращении крестьянства в социализм самотеком, о растворении крестьянства в рабочем классе. Это неправильно — потому что смазывает политическую задачу II пятилетки, затушевывает классовую борьбу, отрицает необходимость еще вести борьбу с пережитками капитализма и в экономике и в сознании людей. Указано, что эта "теория" является теорией либерально-народнической и теорией оппортунистической.

Дан окончательный ответ по классам. На данном этапе — 2 класса — рабочий класс и крестьянство. Причем колхозное крестьянство не выделяется в особый класс, а является особой ступенью переделки крестьянства. Колхозное крестьянство стоит ближе к рабочему классу. Указано как на один из признаков, определяющих разницу между рабочим классом и колхозным крестьянством в данный период — это на отношение к средствам производства тех и других.

Одновременно с разрешением этого вопроса разрешен вопрос — "нужна ли диктатура пролетариата". С подробным обоснованием дан ответ — "нужна и всячески ее нужно укреплять" <...>¹²⁸

Как реализовывалось понимание «диктатуры пролетариата» работниками комендатур на практике, видно по базовому положению о режиме в спецпоселках, подготовленному летом 1930 г. комендантским отделом СКАУ: «Поселки управляются на принципах диктатуры без какой-либо демократии». Еще в самом начале формирования спецпоселений, выступая 1 октября 1931 г. на краевом совещании по вопросу о размещении спецпереселенцев, секретарь крайкома ВКП(б) Эйхе акцентировал внимание на значении «человеческого фактора», кадрового отбора работников комендатур: «Тут (в комендатурах. — С.К.) возможности для злоупотреблений очень большие, из-за того, что там будут плохие кадры работников, возможны и плохие политические последствия». Контроль за действиями комендантов Эйхе считал возможным установить прежде всего со стороны как районных уполномоченных ОПТУ, так и работников аппарата отдела спецпоселений СибЛАГа. «Мне кажется, — отмечал Эйхе, — что ГПУ должно издать и не только для комендантов, а опубликовать и вывесить по всем поселениям спецпереселенцев инструкцию, на что имеет право комендант и на что нет. Например, приходят к коменданту за разрешением жениться, а он говорит: на такой-то я тебе жениться не разрешаю. Это пахнет буквально недопустимым издевательством. И много таких вещей»¹²⁹.

Однако и в 1941 г., когда система спецпоселений находилась в относительно стабильном состоянии (изменения в дислокации поселков были незначительными, шло даже сокращение численности трудпоселенцев-«кулаков»), в группе районных поселковых комендантов сохранялась высокая сменяемость кадров. В докладе «О состоянии трудссылки по Новосибирской области за второе полугодие 1941 г.» начальник отдела трудспецпоселений УНКВД области Дешин приводил следую-

щую статистику: из 103 комендантов «по причинам несоответствия занимаемых должностей» было уволено 16 чел. (5 районных, 9 поселковых комендантов, 2 помощника районных комендантов), или почти шестая часть общей численности группы. В течение года сменяемость кадров комендантов по профессиональной пригодности достигла трети¹³⁰. Следовательно, каждые три года система комендатур «очищалась» в масштабах, равных годовой штатной численности комендантов. В этой цикличности находила отражение аморальность самой упомянутой системы.

Глава V «РАБСИЛА»

1. Крестьянская ссылка в планах и практике освоения Сибири в 1930-е годы

Для новейших отечественных исторических исследований становится характерным утверждение об уникальности и неповторимости созданной в сталинский период репрессивной системы и принудительной экономики. Таким образом в очередной раз идеологизируется изучение проблемы соотношения черт преемственности и новаций дореволюционного, царского и постреволюционного (большевистского) политических режимов. И если ранее в течение многих десятилетий исследователи противопоставляли самодержавные карательные институты советским (особенно когда речь шла о каторге и ссылке) и акцентировали внимание на негативной роли и влиянии царских репрессий на тогдашнее российское общество, то сегодня некоторые историки и публицисты, рассуждая о «России, которую мы потеряли», характеризуют ее карательную систему едва ли не как образец гуманности и мягкости, по сравнению со сталинской.

В свете вышесказанного приобретает актуальность изучение черт сходства и различий в функционировании института высылки и ссылки в дореволюционное и советское время в контексте процессов освоения Сибирского региона. Исследователи дореволюционной ссылки обращали внимание на многоаспектное влияние ссылки на протекавшие в регионе социальные процессы. Установлено, что ссылка была одним из важных и устойчивых каналов формирования народонаселения в Сибири. С начала заселения и колонизации региона и на протяжении нескольких веков наряду с вольной значительную роль играла принудительная (штрафная) колонизация обширных восточных территорий. Царская ссылка не отличалась однородностью, в ее составе отбывавшие наказания по уголовным статьям по удельному весу всегда намного превосходили политических. Поэтому прогрессивная сибирская общественность и администрации вели борьбу сначала за ограничение, а затем и за отмену уголовной ссылки в Сибирь, что увенчалось успехом к началу XX в. 12 июня 1900 г. был принят законопроект, предусматривавший полную отмену судебной общеуголовной ссылки (на поселение и на жительство), а также существенное ограничение административной ссылки по приговорам сельских и мещанских обществ. Однако сама система ссылки не была ликвидирована, изменилась лишь ее конфигурация. В полном объеме сохранились ссылка на каторгу и судебная ссылка на поселение за политические и религиозные «преступления», а также административная политическая ссылка. С принятием данного закона колонизационное значение ссылки стало резко снижаться. Это свидетельствовало, в частности, о том, что царскому правительству не удалось должным образом организовать насильственное переселение в Сибирь

и штрафную колонизацию региона. Однако без ссылки невозможно представить освоение региона.

До революции через сибирскую ссылку прошла огромная масса людей. Так, только в XIX в. в Сибирь было сослано более 860 тыс. чел. (с учетом последовавших за ними семей)¹. По приведенным исследователями ссылки данным, на 1 января 1898 г. в регионе (в т. ч. на о-ве Сахалине) находилось до 300 тыс. ссыльных всех категорий — от ссыльно-каторжных до административно-ссыльных. Из них 100 тыс. «представляли собой бездомных нищих, существовавших за счет случайных заработков. Около 3 тыс. не способных к труду ссыльных призривались в немногочисленных ссыльно-поселенческих богадельнях. До 70 тыс. чел. батрачили у старожилов и состоятельных ссыльных или являлись ремесленниками и наемными рабочими в городах. Наконец, до 30 тыс. превратились в оседлых земледельцев, но и они, за редкими исключениями, стояли на границе между скудным достатком и нищетой»².

В 1905—1916 гг. резко увеличилась доля внесудебных репрессий. Соответственно снизилось и значение ссылки как колонизационного фактора. К тому же общие масштабы ссылки в Сибирь в силу указанного выше закона значительно сократились. В период между 1905 и 1917 гг. численность административно-ссыльных и ссыльно-поселенцев, отбывавших ссылку в Сибири, не превышала 30 тыс. чел.³

С падением самодержавия в течение более четырех лет (1917—1922) карательный институт высылки и ссылки не действовал вовсе. Причины его восстановления в 1922 г. сначала имели сугубо политический характер и были связаны с решением задач по изоляции противников большевистского режима — социалистов, «каэров», священнослужителей и т. д. К середине 1922 г. численность высланных в отдаленные районы страны во внесудебном, административном порядке «политиков» составляла не более 500 чел. Печально знаменитые районы Сибири — Нарымский и Туруханский края — вновь стали местами концентрации политических, а затем и вообще «социально опасных элементов». К началу 1924 г. — к моменту, когда ОГПУ в законодательном порядке получило широкие права на осуществление административных высылки и ссылки различных категорий «социально опасных лиц» — от членов антисоветских партий до биржевых спекулянтов и фальшивомонетчиков — численность административно-ссыльных в Сибирском регионе не достигала даже 1 тыс. чел. Местные органы прокуратуры, надзиравшие над органами ОГПУ и обследовавшие состояние ссылки на этот момент, пришли к выводу, что прежняя ярко выраженная колонизационная функция ссылки утрачена, более того, очевидна отчужденность между ссыльными и местным населением⁴.

Что касается высылки и ссылки по суду, то этот вид репрессий получил распространение в карательной практике только после принятия новой редакции Уголовного кодекса РСФСР в 1926 г., в котором появились ст. 35 и 36, узаконившие применение судебной высылки и ссылки. С этого времени сферы компетенции основных карательных ведомств в применении данных видов репрессий разделились. В ведении ОГПУ находились высылка и ссылка в административном порядке, причем не только «политиков», но и «социально вредных элементов». В компетенцию НКВД РСФСР входило осуществление решений о вы-

сылке и ссылке в судебном порядке, касавшихся главным образом рецидивистов. Поскольку все категории высланных и ссыльных направлялись практически в одни и те же места расселения (главным образом северные и восточные районы РСФСР), то уже во второй половине 1920-х гг. вопрос о ссылке и перспективах ее дальнейшего расширения в Сибирском регионе стал активно обсуждаться местными органами власти. Из информации с мест, собранной краевой прокуратурой в начале 1928 г., следовало, что ссылка, еще не восстановив некоторых своих положительных функций (экономическую и культурную), в ряде мест уже превращалась в деструктивный фактор (антисоциальные действия и образ жизни уголовных и полууголовных элементов вызывали протесты со стороны коренного населения и органов власти)⁵.

Вступление страны в конце 1920-х гг. в полосу форсированной модернизации потребовало поиска не только источников финансирования, но и способов обеспечения грандиозных экономических проектов рабочей силой. С 1927 г. на рассмотрение Политбюро стали поступать различные предложения, учитывавшие использование труда заключенных и прочих категорий репрессированных в планах промышленного развития, связанного в первую очередь с нуждами экспорта. 10 ноября 1927 г. зам. наркома финансов страны СМ. Кузнецов, выяснявший по поручению Политбюро вопрос о возможности привлечения труда заключенных на работах по добыче золота, сообщал, что с точки зрения рентабельности на каждом предприятии Союззолото необходимо обеспечить круглогодичную занятость 300—500 заключенных, но это неизбежно повлечет за собой увольнение постоянных работающих. «Между тем, увольнение постоянно действующих рабочих и замена их труда трудом заключенных по соображениям политического порядка, — отмечал Кузнецов, — вряд ли приемлемо <...> Общее мнение представителей ОГПУ, НКТруда, Союза горняков сводится к тому, что использование труда заключенных на работах по добыче золота представляется невозможным»⁶. Однако уже весной 1928 г. нарком юстиции Н.М. Янсон представил в высшие инстанции проект массового использования труда заключенных на лесоразработках с целью резкого увеличения лесоэкспорта. Год спустя, в мае 1929 г., тот же Янсон возглавил комиссию Политбюро, созданную с целью определения уже не целесообразности использования принудительного труда заключенных (к тому времени вопрос принципиально был одобрен), а наиболее оптимальных путей практического воплощения идеи. ОГПУ и НКВД РСФСР выступили с разными проектами, направленными на рациональное применение труда заключенных, лишенных свободы на длительные сроки (от трех лет и более). Руководство ОГПУ настаивало на изъятии из мест заключения, подведомственных НКВД, указанной категории срочных заключенных и помещении их в концентрационные лагеря (позднее их назвали «исправительно-трудовыми»), а руководители НКВД обосновывали необходимость закрепления за своим ведомством всех осужденных по суду для использования их в создаваемых исправительно-трудовых колониях. Протоколы заседаний комиссии Янсона содержат важную информацию о том, что уже на стадии выработки стратегии развития системы принудительного труда Сибирь рассматривалась как полигон для ее апробации.

Выступая на заседании комиссии 15 мая 1929 г., зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода аргументировал необходимость и перспективность развития сети лагерей по типу уже существовавших в то время лагерей особого назначения ОГПУ (Соловки и Вишера) следующим образом: «Совершенно очевидно, что политика советской власти и строительство новых тюрем несовместимы. На новые тюрьмы никто денег не даст. Другое дело постройка больших лагерей с рационально поставленным использованием труда в них. Мы имеем огромные затруднения в деле посылки рабочих на Север. Сосредоточение там многих тысяч заключенных поможет нам продвинуть дело хозяйственной эксплуатации природных богатств Севера. Кроме того, т. Эйхе (секретарь Сибкрайкома ВКП(б). — С.К.) заявил, что они охотно примут для осушки болот и лесных разработок Сибири до 17 тыс. чел. Если бы были отпущены достаточные средства, то уже в этом году можно было перевести в лагерь до 50 тыс. чел. Опыт Соловков показывает, как много можно сделать в этом направлении (дороги, осушение болот, добыча рыбы заключенными, устройство питомников) <...> Рядом мер как административного, так и хозяйственного содействия освобожденным, мы можем побудить их оставаться на Севере, тут же заселяя наши окраины»⁷.

Примечательно, что, радуя за быстрое развитие лагерной системы и возвращаясь к уже, казалось бы, забытой и отвергнутой еще царизмом идее штрафной колонизации окраинных районов, Ягода попытался связать воедино лагерь и ссылку, имея в виду, что она в будущем станет логическим продолжением лагерей. Так, 12 апреля 1930 г. в личном письме членам комиссии ОГПУ, созданной для разработки плана развития сети лагерей, он указывал: «Вопрос о лагерях надо перевести на другие установки. Сейчас лагерь является только сборищем заключенных, труд которых мы используем на сегодняшний день, не давая перспективы заключенному, не давая ее и себе. Необходимо в условиях заключения сделать труд более добровольным, дав заключенному возможность жить вне работы более свободно. Надо превратить лагерь в колонизационные поселки, не дожидаясь окончания срока заключения <...> И вот мой проект: всех заключенных перевести на поселковое поселение до отбытия срока наказания. Надо сделать так: группе (1 500 чел.) отборных заключенных в разных районах дать лес и предложить строить избы <...> где они и будут жить. Желающие могут выписать семьи. Управляются комендантом. Поселок от 200—300 дворов. В свободное время, когда лесозаготовки закончены, они (заключенные), особенно слабосильные, разводят огороды, разводят свиней, косят траву, ловят рыбу, первое время живя на пайке, потом за свой счет. К ним присоединять ссыльных, которых также включать в поселок. Поселки по номерам. Зимой все селение идет на лесозаготовки, или на те работы, которые мы укажем. Там колоссальные естественные богатства, нефть, уголь, и я уверен, что пройдут годы, и из этих поселков вырастут пролетарские городки горняков. Ведь состав тюрем у нас, главным образом, сейчас аграрники, их тянет на землю, ведь сейчас охраны у нас никакой и бегут мало, а если даже [часть] и убежит, то не беда»⁸. Нарисованный Ягодой план был частично воплощен в жизнь, но не в виде штрафных колонизационных поселений, являвшихся как бы придатком лагерей, а в виде относительно самостоятельной системы спецпоселе-

ний, которая возникла в ходе осуществления массовых крестьянских депортаций.

До организации спецпоселений проблемой использования трудовых возможностей ссылки были заняты и другие ведомства, конкурировавшие в этом с ОГПУ. Так, НКВД РСФСР, в ведении которого находились высылка и ссылка по суду, инициировал принятие в законодательном порядке положения о соединении судебной ссылки с принудительными работами. В инструкции НКВД и НКЮ РСФСР, изданной после принятия 10 января 1930 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР, указывалось: «...принудительные работы в местах ссылки организуются местными административными отделами и проводятся в различных областях общественно-полезной деятельности: разработка земли, расчистка леса, обслуживание учреждений и предприятий и проч. Принудительные работы проводятся по правилам Исправительно-трудового Кодекса и могут назначаться судом как на весь срок ссылки (до 10 лет), так и на часть его»⁹.

На необходимость скорейшего решения вопроса об организации труда значительной массы уголовных ссыльных в районах их концентрации в Сибири указывали в своих донесениях местные органы власти. Так, по информации органов милиции, на территории Нарымского края, где к началу 1930 г. скопилось свыше 5 тыс. ссыльных (из них «политиков» не более десятой части), действовали 23 банды численностью до 300 чел., терроризировавшие местное население. Начальник Томского окружного административного отдела Дорошин писал: «Описываемое положение Нарымского края в настоящий момент требует немедленного использования ссыльных на каких-либо для этой цели организованных работах, для чего необходимо приступить в первую очередь к постройке жилых бараков». Далее отмечалось, что без помощи краевых органов проблему занятости ссыльных не решить, т. к. хозяйственные организации проявляли до сих пор к этому «безучастное отношение»¹⁰.

Вместе с тем и в начале 1930 г., и позднее местные органы, напрямую связанные с проблемами организации ссылки, имевшей откровенно уголовную окраску, признавались в невозможности реализации планов колонизации необжитых районов руками деклассированных элементов. Так, 1 января 1932 г. при рассмотрении на бюро Запсибкрайкома партии вопроса о причинах эксцесса в с. Петропавловске Нарымского края, во время которого местные крестьяне совершили самосуд над группой уголовников, было принято постановление (далеко не первое) о том, чтобы «не производить в дальнейшем заброски в Нарымские районы уголовной ссылки без предварительной организации мероприятий, обеспечивающих использование труда уголовных ссыльных»¹¹. В ноябре 1933 г. в своей информации Запсибкрайкому секретарь Нарымского окружкома К. Левиц, описывая взаимоотношения между коренным населением края и «деклассированным, классово враждебным элементом», отмечал: «И совершенно не случайно, что мы имеем такое явление, что туземцы Александровского района шлют петиции в РИК и выносят приговора о выселении ссыльных с территории тузсовета». Фактором дестабилизации внутренней обстановки на территории округа секретарь окружкома считал «довольно солидное количество админи-

стративной ссылки, которой, по статистическим данным, по состоянию на 25 октября с/г числится 5 802 человека и плюс еще судебная ссылка с принудительными работами, которая в своем большинстве никаких принудительных работ не отбывает, и бродит по всему округу»¹².

Колонизационные планы власти, но уже в новой форме, возродила насильственная коллективизация, сопровождавшаяся массовыми депортациями крестьянства. Кампания по «раскулачиванию», развернувшаяся зимой—весной 1930 г., преследовала вначале откровенно репрессивные и конфискационные цели. Решая ближайшие прагматические задачи и подвергая крестьян высылке, власти не очень заботились о дальнейшей судьбе репрессированных. Предполагалось, что выселенным в новых местах расселения будут предоставлены необходимые условия для хозяйственной, преимущественно земледельческой, деятельности. О второстепенности вопросов, связанных с обеспечением условий жизни «раскулаченных», в планах проведения репрессивной акции свидетельствует то, что правительственная комиссия «по устройству выселяемых кулаков» во главе с зам. председателя СНК СССР В.В. Шмидтом была создана только в апреле 1930 г., в то время как высылка шла полным ходом уже с февраля. В регионах же, куда направлялись депортированные крестьяне, специальные (краевые и областные) межведомственные комиссии сложились и начали функционировать только в мае—июне.

Как следует из документов директивных органов, столкнувшихся с проблемой беспрецедентного по своим масштабам переселения репрессированных крестьянских семей, первоначально экономические функции предполагалось возложить на республиканские наркоматы земледелия, поскольку только у земельных органов имелись навыки организации земледельческих переселений и колонизации. В разосланном на места 1 апреля 1930 г. секретном постановлении коллегии Наркомзема РСФСР давались инструкции о том, как и в каких местах создавать особые поселки¹³. Однако уже летом 1930 г. в своем постановлении от 18 августа о мероприятиях по проведению «спецколонизации» в Северном и Сибирском краях и Уральской обл. СНК РСФСР внес коррективы в первоначальный план. При проведении «спецколонизации» предлагалось: «а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах и б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах»¹⁴.

Подобная смена ориентации в планах «трудоиспользования рабсилы спецпереселенцев» в целом отражала ситуацию, когда ни на высшем, ни на региональном уровнях у руководства не было четкого представления о последствиях принимаемых решений. Например, секретарь Сибкрайкома Р.И. Эйхе в разгар «раскулачивания» заговорил о необходимости «трудоустройства перевоспитанного кулачества» в лагерях и поселений на необжитых территориях края (в первую очередь в Нарыме). По его мнению, значительную массу репрессированного «кулачества» следовало сконцентрировать в полосе проектировавшейся тогда железнодорожной трассы Томск — Енисейск. Так отчасти и поступили, однако строительство железной дороги не состоялось, и часть спецпереселенцев в этих районах погибла, часть позже была переселена в другие районы края¹⁵.

Первая волна массовой депортации крестьян относится к 1930 г. Она захватила 16 113 семейств, или 80 804 чел., представлявших местные, сибирские крестьянские хозяйства и отнесенных к «кулакам 2-й категории», их выселили в необжитые и труднодоступные районы Сибири. Кроме того, из-за Урала в Сибирь было депортировано 19 958 чел., в основном из Украины. Следовательно, к осени 1930 г. в комендатурах на территории региона оказалось 100 762 «раскулаченных»¹⁶. Согласно контрольным цифрам, поступившим в местное ПП ОГПУ по Сибкраю от руководства ОГПУ, внутрикравая высылка «кулаков 2-й категории» на Север весной — летом 1930 г. должна была составить 25 тыс. семей. Столь значительное отклонение показателей реальной высылки от планируемой объяснялось рядом причин, в т. ч. несовершенством самой карательной технологии, которая не позволила «протолкнуть» на Север такую массу крестьян, а тем более организовать рациональное размещение и использование труда спецпереселенцев на местах их нового расселения.

Уже на первом этапе осуществления крестьянской депортации стало ясно, что первоначальные планы (бросить подавляющую часть «раскулаченных» в необжитые районы с целью их форсированной колонизации) нуждались в серьезной корректировке. Промышленность и строительство в Сибири в тот момент испытывали острейшую потребность в рабочих руках, и региональные руководители не преминули воспользоваться депортацией крестьян. Весенняя распутица, задержавшая на пересыльных пунктах Сибири привезенных из Украины «кулаков», две трети которых составляли одиночки, заставила управленцев начать форсированную передачу основной массы украинцев и части сибиряков промышленным, строительным, лесозаготовительным и другим неzemледельческим организациям. Несколько месяцев спустя, в августе 1930 г., когда на ряде крупнейших промышленных строек края (Кузнецкстрой, Комбайнстрой и др.) ввиду дефицита рабочей силы обозначился «срыв промфинплана», краевые власти, не задумываясь, принудительно переселили для работы на промышленных, строительных и лесозаготовительных организациях «кулаков 3-й категории» — тех, кто по первоначальным директивам партийных органов не должен был подвергаться высылке за пределы своего административного района. Таким образом, к осени 1930 г. в Западной Сибири, где промышленное освоение протекало более активно, чем в Восточной, труд спецпереселенцев широко использовался на предприятиях Союззолото (3 225 чел.), в Сиблестресте (4 056 чел.), на Кузнецкстрое (2 335 чел.), в Сибкомбайне (1 788 чел.) и др. Здесь было занято всего около 15 тыс. чел., или примерно треть от общей численности спецпереселенцев, находившихся в то время в комендатурах на территории Западной Сибири¹⁷.

Полномочное представительство ОГПУ по Сибирскому краю в своих отчетах указывало на бессистемность действий всех звеньев органов управления при расселении и хозяйственном устройстве спецпереселенцев. Боязнь потерять контроль за действиями разоренных и неустроенных «кулаков», на отправку которых в районы предполагаемой «спецколонизации» не хватало ресурсов, заставила карательные органы с весны 1930 г. настойчиво вести поиск «промышленного использования выселяемых». ПП ОГПУ перешло к прямому давлению на хозяй-

ственные органы с целью принудить их в срочном порядке принять и трудоустроить тысячи «кулаков». Однако хозяйственники «от приема более или менее значительного количества выселяемых кулацких хозяйств категорически отказались (несмотря на то, что ощущают определенный дефицит в рабсиле), мотивируя напряженностью бюджета, невозможностью до будущей зимы использовать выселяемых, трудностью и затратой больших средств по переброске (особенно семей) к месту расселения и т. д.». Подобное давление на хозорганы не могло не повлечь за собой в ряде случаев острых конфликтов между карательными и хозяйственными органами. Так, Комсеверопуть, согласившийся сначала принять и разместить до 2 000 хозяйств, вскоре отказался от этого, но ОГПУ уже успело сосредоточить в Канске, Тулуне и Красноярске большое количество хозяйств, которые пришлось спешно рассредоточивать по другим организациям, в первую очередь лесозаготовительного профиля¹⁸. Свой отказ Комсеверопуть объяснил тем, что «у них достаточно и своих проходимцев»¹⁹. В начале 1930-х гг. подобное отношение к спецпереселенцам-крестьянам было характерно для руководителей хозяйственных организаций Сибири.

С колоссальными трудностями протекал собственно колонизационный процесс, включавший в себя заселение и освоение необжитых и отдаленных районов региона. Репрессивные аспекты высылки прямо противоречили освоенческим задачам. При выборе зон массового расселения учитывались их наибольшая удаленность от обжитых районов и наличие природных условий, гарантировавших «невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»²⁰. При расселении людей на территориях даже с богатыми природными ресурсами неминуемо вставала острейшая проблема завоза туда людей, грузов, скота и т. д. В 1930 г. две трети спецпереселенцев оказалось в северных комендатурах. Директивные органы обязали Лестрест и краевое земельное управление организовать использование труда репрессированных «кулаков». Однако по оценкам руководства комендантского отдела НКВД РСФСР, ведавшего размещением, организацией комендатур и надзиравшего за использованием труда спецпереселенцев, названные хозяйственные органы ограничивались «эксплуатацией рабсилы на "сегодняшний" день, совершенно не заботясь о том, что будет завтра» (отсутствие спецодежды, денежных выплат, перебои в снабжении продовольствием и промышленными товарами и т. д.)²¹.

Положение спецпереселенцев в местах нового расселения значительно осложнялось также тем, что в ходе депортации крестьянские семьи неоднократно разъединяли: в момент «раскулачивания» объявленных «кулаками I-й категории» глав семейств отправляли в лагеря и тюрьмы, где многие погибали, оставшихся членов семей подвергали высылке, и они в условиях спецпоселений оказывались без необходимой поддержки; в поселках хозорганизации, стремясь законтрактовать трудоспособных мужчин, отказывались перевозить и обустроить их семьи. Это влекло за собой, как отмечало руководство комендатурами, «с одной стороны, разрыв кулацкой семьи на две части (трудоспособные на работах, а женщины и дети в пунктах расселения), а с другой — выкачка рабочей силы из кулацких поселков на лесозаготовительные и прочие работы в значительной степени замедляет темп хозяйственного устрой-

ства кулаков в пунктах расселения». Характерным было положение в Чаинской комендатуре, где с лета 1930 г. основная масса трудоспособных мужчин использовалась на лесоразработках и лесосплаве, а потому жилищное строительство в спецпоселках не велось, и с наступлением зимы в них началась массовая гибель людей²².

Другим обстоятельством, фактически перечеркнувшим в 1930 г. многие колонизационные замыслы властей, стало массовое бегство крестьян с мест поселения. Так, только с мая по сентябрь из комендатур на территории Западной Сибири бежало около трети высланных семей (4 тыс. из почти 14 тыс. хозяйств). Как признавало руководство комендатур, причинами этого были, в частности, «хозяйственная неустроенность кулаков, а также неудачный выбор мест расселения местными исполкомами (Кулайская комендатура, где из 8 891 кулаков разбежалось 7 284 чел., вследствие невозможности сельско-хозяйственного и промышленного освоения района р. Ягыл-Яг)»²³.

Колонизация с карательной окраской повлекла за собой вынужденные миграции местного населения северных территорий — русских старожилов и этнических меньшинств. В докладе комендантского отдела НКВД РСФСР в Запсибкрайисполком (февраль 1931 г.) отмечалось, что в ряде комендатур «местное "кержатское" население, жившее изолированно ряд десятилетий и сохраняющее до сих пор старообрядческие традиции, снимается с мест (из боязни осквернения) и движется далее на север, образуя свои заимки и поселки. В общем, освоение севера через спецпереселенцев вызывает не только хозяйственные изменения, но и производит частичное оттеснение и структурные сдвиги среди коренного населения»²⁴. Резко отрицательную позицию по поводу массового расселения спецпереселенцев в Нарымском крае высказало руководство Комитета Севера при ВЦИКе, считавшее недопустимым нарушение сложившихся границ «туземного обитания» в крае²⁵.

Вторая (и самая значительная для Сибири) волна крестьянской ссылки пришла на весну—лето 1931 г., когда численность спецпереселенцев в регионе превысила аналогичные показатели 1930 г. почти в 3,5 раза. Если в середине 1930 г. в спецпоселках Сибири размещалось до 100 тыс. чел., то на 1 января 1932 г., согласно данным карательной статистики, — 357 тыс. чел. (265 тыс. в Западной и около 92 тыс. в Восточной Сибири)²⁶. По концентрации спецпереселенцев Сибирский регион уступал лишь Уральскому — 26 и 36 % соответственно. Сибирь приняла много «раскулаченных» из-за Урала (Центрально-Черноземная обл., Башкирия, Московская и Ленинградская области, Украина), но их доля не превышала трети от общей численности спецпереселенцев в регионе: доминирующее значение имели внутрикраевые принудительные миграции — «из Сибири в Сибирь». В 1930—1931 гг. внутрисибирские высылки затронули всего 58 тыс. семей (из 100 тыс. «кулацких хозяйств», которые были определены местными органами накануне массовой коллективизации). Преобладание внутрикраевых миграций сыграло свою, хотя и неоднозначную, роль в реализации колонизационных устремлений власти: сибирские «кулаки» достаточно часто совершали побег, но они менее болезненно, чем другие, адаптировались к условиям спецпоселений на севере и востоке Сибири.

В 1931 г. произошли значительные сдвиги в системе организации и управления «кулацкой ссылкой». С весны 1931 г. она после упразднения республиканских НКВД перешла в ведение ОГПУ. В составе ГУЛАГа был создан отдел спецпоселений, а на местах комендантские отделы бывшего НКВД влились в состав региональных УЛАГов. Другое изменение выразилось в уточнении приоритетов власти в деле перманентного проведения крестьянских депортаций. Конфискация как одна из основных целей отошла на второй план и уступила место обеспечению экономики принудительно используемой крестьянской рабочей силой. Именно в этом направлении работала созданная решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1931 г. специальная комиссия, в которую вошли зам. председателя СНК СССР А.А. Андреев (председатель), П.П. Постышев и Г.Г. Ягода. На комиссию возлагались «наблюдение и руководство работой по выселению и расселению кулаков» в первую очередь в целях упорядочения и более рационального использования труда спецпереселенцев²⁷. О придании данной задаче общегосударственного значения свидетельствует то, что с момента создания комиссии Андреева (в октябре 1931 г. его на этом посту сменил Я.Э. Рудзутак) ни одно директивное решение по спецпереселенцам не принималось без ее предварительного обсуждения и подготовки проектов соответствующих документов. Далее документы поступали на рассмотрение Политбюро и после утверждения последним оформлялись как постановления ЦИК или СНК СССР.

На краевом уровне решением вопросов высылки, расселения и использования труда «раскулаченных» занимались комиссии, являвшиеся фактически исполнительными органами комиссии Политбюро. В Западной Сибири эти функции выполняла действовавшая с августа 1931 до осени 1932 г. Межведомственная комиссия по устройству и хозяйственному использованию спецпереселенцев под руководством полномочного представителя ОГПУ по Запсибкраю Л.М. Заковского. Как центральная, так и краевые (областные) комиссии, несмотря на свой формально межведомственный статус фактически контролировались и направлялись руководством ОГПУ и его полпредами на местах. Это было отражением возросшей роли и влияния ОГПУ не только в политической, но и экономической жизни. Руководство ОГПУ через комиссию Политбюро стремилось упорядочить потоки принудительной крестьянской миграции с учетом целей и задач экономической и колонизационной политики.

Новые функции ОГПУ нашли отражение в секретном постановлении СНК СССР от 1 июля 1931 г., п. 1 которого гласил: «Поручить ОГПУ административное управление всеми спецпереселенцами и использование их труда как по договорам с промышленными и сельскохозяйственными организациями, так и путем непосредственной организации различных предприятий»²⁸. Это позволяло карательным органам выполнять функции по передаче «спецрабсилы» различным хозяйственным органам, а также самим разрабатывать освоенческие программы, предусматривавшие создание в районах предполагаемой колонизации своеобразных анклавов, вся административная и хозяйственная власть в которых принадлежала ОГПУ. Реализация одной из таких программ развернулась в 1930-х гг. на территории Нарымского края (округа).

Тогда же штрафная крестьянская колонизация развернулась на территории Северного Казахстана.

Неординарность планов подобной колонизации находила отражение и в лексике документов тех лет. Так, термин «освоение» использовался не только в общепринятом значении (освоение силами спецпереселенцев), но и как качественный признак деятельности карательных, хозяйственных и других органов по расселению и закреплению в местах нового вселения «раскулаченных» («освоение контингентов»).

Появлению особых планов освоения Нарымского Севера, оформленных в виде государственной программы, способствовало, в частности, извлечение опыта из насильственной колонизации 1930 г., которая продемонстрировала явную нехватку людских и материальных ресурсов, сконцентрированных тогда в спецпоселках, а также необходимость сосредоточения функций по организации освоения в одних руках. В целях устранения первого «недостатка» весной—летом 1931 г. была проведена крупномасштабная карательная акция по «внутрикраевому переселению 40 тыс. кулацких хозяйств» из южных районов региона на Нарымский Север; к уже имевшимся там 50 тыс. спецпереселенцев прибавилось еще 182 тыс. Особая роль ОГПУ в руководстве процессами освоения новых территорий отразилась в решении, принятом комиссией Андреева и утвержденном 10 августа 1931 г. Политбюро. В нем отмечалась необходимость усиления руководства и контроля со стороны ОГПУ «за устройством и использованием спецпереселенцев», специально оговаривалось, что в случае передачи контингента «для использования» в промышленности или в сельском хозяйстве ответственность за организацию спецпоселков и осуществление в них жилищного и хозяйственного строительства возлагается на соответствующие хозорганизации, а в Нарымском крае и Акмолинском р-не Казахстана — целиком на ОГПУ²¹.

Ключевым документом, превратившим карательную колонизацию Нарыма в государственную программу, стало постановление СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае»³⁰. Согласно ему вся хозяйственная деятельность, а также инфраструктура, создававшаяся в местах дислокации нарымских комендатур (снабжение, здравоохранение, просвещение и т. д.), оставались в ведении соответствующих наркоматов и ведомств, но ОГПУ получало исключительные права контроля за деятельностью последних при использовании труда спецпереселенцев, расходовании централизованных средств для нужд спецпереселенцев и т. д. Карательная вертикаль управления в Нарыме и Казахстане была окончательно сформирована весной—летом 1933 г. с принятием 20 апреля 1933 г. нового правительственного постановления: наркоматы и хозорганы, «обслуживавшие» спецпереселенцев, которые были заняты сельским хозяйством, рыболовством, промыслами и другими видами хозяйственной деятельности в Нарыме и Северном Казахстане, обязывались передать все имеющиеся у них на этих территориях денежные и материальные средства и кадровый состав аппаратов в ведение ОГПУ (исключение делалось только для лесозаготовительных организаций Нарымского края)³¹. И только в конце 1937 г. произошел обратный процесс передачи хозяй-

ственной деятельности и социально-бытовой инфраструктуры нарымских комендатур в ведение местных органов.

Таким образом, можно считать, что в 1930-х гг. Нарымский край представлял собой своеобразный полигон для осуществления здесь форсированной государственной колонизации в ее специфическом, карательном варианте. По своим масштабам эта программа являлась одной из крупнейших, в ее реализацию было вовлечено от 10 до 15 % от общей численности спецпереселенцев страны (около 200 тыс. чел. в 1931 г. и около 120 тыс. в 1938 г.).

Работа над специальной программой освоения Нарымского Севера проходила осенью 1931 г. в условиях тесного взаимодействия местных региональных и центральных органов. В августе—сентябре 1931 г. по поручению комиссии Андреева в Сибирь выехал наделенный широкими полномочиями член ЦКК—РКИ М.К. Муранов, обследовавший положение в северных (нарымских) и южных (кузбасских) комендатурах. 1—2 октября 1931 г. Запсибкрайком провел расширенное совещание с его участием, на котором обсуждались перспективы освоения Нарымского Севера силами спецпереселенцев. На завершающей стадии работу возглавил зам. начальника ГУЛАГа М.Д. Берман. Согласованные с крайвыми партийно-советскими и хозяйственными органами предложения легли в основу принятого 28 декабря 1931 г. правительственного постановления по Нарыму. В ближайшие два года (1932—1933) документом планировалось полностью отказаться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей для снабжения спецпереселенцев и местных жителей и перейти на обеспечение сельскохозяйственной продукцией собственного производства. С этой целью предусматривалось придать сельскохозяйственный профиль четырем комендатурам с населением 55,7 тыс. чел. На лесозаготовках и в кустарных промыслах должны были трудиться спецпереселенцы десяти комендатур с населением 160,2 тыс. чел. Начиная с 1932 г. предстояло заготавливать и вывозить ежегодно 2,3 млн м³ леса, довести валовый объем продукции кустарных промыслов до 16 млн руб., а ежегодный вылов рыбы — до 5 тыс. т.

Реальное выполнение этих государственных заданий существенно отличалось от плановых показателей. Ни к 1933 г., ни к концу 1930-х гг. Нарымский край так и не превратился в территорию, полностью независимую от завоза хлеба, овощей и другой сельхозпродукции. Удалось добиться самообеспечения сельскохозяйственных неуставных артелей, однако госпоставки полностью не выполнялись. Заготовка леса в **1932—1939** гг. составила всего 4 млн 128 тыс. м³. Плановые показатели годового вылова рыбы рыбозаготовительными организациями были достигнуты только в 1937 г.³²

Значительные отклонения реального процесса колонизации от плановых предположений уже в 1930-е гг. были предметом анализа и интерпретации представителями того же карательного ведомства. Наиболее развернутую оценку итогам семилетнего периода освоения Нарымского Севера под эгидой СибЛАГа в начале 1938 г. дал начальник отдела трудовых поселений И.И. Долгих при передаче хозяйственных функций и инфраструктуры нарымских комендатур местным государственным органам. Так, в преамбуле докладной записки он отмечал: «Государственные средства, затраченные на капиталовложения, вселение и

первоначальное устройство трудпоселенцев, уже возвращены с большой эффективностью <...> Нарым успешно превращается из округа потребляющего в округ производящий». В итоге утверждалось, что постановление СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «выполнено полностью»³³.

Отрицать или принижать труд спецпереселенцев в освоении Нарымского Севера не следует. По некоторым параметрам освоение результаты даже превзошли ожидания. И это становится очевидным на фоне общесоюзных показателей, характеризовавших производственную деятельность «кулацкой ссылки». Так, в 1930—1937 гг. в стране в спецпоселках было раскорчевано и расчищено от кустарника и мелкого леса около 240 тыс. га, в т. ч. на территории нарымских комендатур — почти 139 тыс. га. К 1938 г. спецпереселенцами было построено 7 294 км дорог, из них 3 812 км нарымчанами³⁴. Если в 1931 г. в Нарымском крае посевы под пшеницу составляли всего 285 га, а урожай чуть более 4 ц/га, то в 1937 г. около 13 тыс. га и 7 ц/га соответственно. Весьма высокими для ранее необжитых мест были показатели развития социально-культурной и бытовой инфраструктуры (школы, больницы и медпункты, ясли, клубы и т. д.). В 1931 г. медперсонал здесь представляли всего 45 чел., тогда как в 1937 г. — 130 чел. Количество начальных и неполных средних школ на территории нарымских комендатур (238) позволяло обеспечить почти полный охват детей школьным обучением.

Однако у освоения Нарыма силами спецпереселенцев имелась оборотная и гораздо более впечатляющая сторона. Ее трагическая примета — 16 детских домов, в которых к 1937 г. было размещено 3 300 сирот спецпереселенцев. О чудовищной смертности в спецпоселках в первые годы развертывания комендатур Долгих в своей докладной записке предпочел не упоминать, отметив только, что до 1935 г. «естественный прирост населения среди трудпоселенцев представлял собой отрицательную величину» (т. е. смертность превосходила рождаемость). Тем не менее, в документах СибЛАГа содержится информация о том, что только за июнь 1931 — июнь 1932 г. в нарымских комендатурах умерло свыше 25 тыс. чел., или 11,7 % от общей численности спецпереселенцев, 80 % умерших — дети³⁵. Данные за вторую половину 1932 г. позволяют предположить, что смертность здесь уменьшилась и составляла примерно 1 тыс. умерших в месяц, или до 12 тыс. в год. В 1933 г. в ходе массовой депортации городских деклассированных элементов смертность в северных комендатурах вновь резко подскочила. Так, по данным комиссии крайкома, расследовавшей обстоятельства трагедии на о-ве Назино в Александро-Ваховской комендатуре, смертность среди вновь вселенного контингента приобрела катастрофические формы — из 10 тыс. треть погибла³⁶. Таким образом, по приблизительным подсчетам, с 1930 по 1937 г. в нарымских комендатурах погибло не менее 80—85 тыс. чел. Следует также иметь в виду, что принудительный труд в силу своей природы не мог быть результативным, эффективным. Хозяйственная деятельность спецпереселенцев в большинстве отраслей экономики носила затратный характер. До середины 1930-х гг. на Севере даже кустарные промыслы при наличии гигантской сырьевой базы являлись убыточными. поголовье лошадей и скота в нарымских комендатурах в эти годы снижалось. Долг неуставных артелей государству с годами не уменьшался, а лишь возрастал, о чем свидетельствуют посто-

янные ежегодные ходатайства руководства спецпоселениями в директивные органы с просьбой об отсрочке погашения долгов. В июле 1936 г. Наркомат финансов ставил правительство в известность о том, что за пять лет (1931—1935) долг неуставных артелей Западной Сибири Сельхозбанку составила 31 млн руб.³⁷ (подробнее об этом в следующем разделе).

Освоение Севера посредством «кулацкой ссылки» изначально зиждилось на принуждении и потому не имело под собой долговременных перспектив. В середине 1930-х гг., когда остро встал вопрос о правовом положении спецпереселенцев (влечет ли за собой восстановление в гражданских правах право свободного выезда из спецпоселков), Ягода обратился к Сталину. В письме от 17 января 1935 г. он отмечал: «...по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест. Вместе с тем возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, — политически нежелательно. Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г., где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения»³⁸. Неделю спустя (25 января 1935 г.) ЦИК СССР принял постановление, которое узаконило пожизненность «кулацкой ссылки». Только с 1938 г. разрешение на выезд из комендатур стали давать молодежи, но отнюдь не из благих побуждений, а с целью провести черту между поколениями. В годы войны, когда на военную службу стали призывать мужское население из комендатур и началось массовое снятие «бывших кулаков» и членов их семей со спецучета НКВД, окончился почти 15-летний период форсированной принудительной колонизации северных районов Западной Сибири силами главным образом репрессированного крестьянства, подвергнутого, согласно терминологии сталинской пропаганды, «трудовому перевоспитанию».

2. Спецпереселенцы в Нарыме

Профессиональная советская историческая литература традиционно трактовала принудительную высылку крестьянства в начале 1930-х гг. как процесс его «трудового перевоспитания». Отдельные публикации, появившиеся уже в перестроечные годы, несли в себе определенный заряд догматизма¹. Первый шаг к концептуальному переосмыслению феномена «раскулачивания» был сделан В.П. Даниловым в ряде его публичных выступлений и научно-популярных работ 1987—1989 гг.² Так, в написанном совместно с Н.А. Ивницким предисловии к сборнику документов «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг.» критически оценивался прежний подход к исследованию, который «не позволял выйти за рамки самых формальных сведений и раскрыть действительно трагический характер раскулачивания и его последствий», был также сделан принципиально важный вывод о том, что «принудительный труд спецпереселенцев был элементом репрессивного механизма»³. Позже появилось несколько публикаций, авторы которых пытались рассмотреть «раскулачивание» в рамках концепции раскрестьянивания в ходе насильствен-

ной, принудительной коллективизации⁴. Наконец, примечательно появление публикации В.Н. Земскова⁵, в которой впервые были опубликованы статистические данные ОПТУ—НКВД—МВД СССР о спецпереселенцах с 1930-х до начала 1950-х гг., позволяющие оценить масштабы и составить представление о территориальных перемещениях, сферах использования труда спецпереселенцев и других важных аспектах депортации крестьян. Введение в научный оборот ведомственной статистики репрессивных органов дает возможность вести изучение феномена принудительного раскрестьянивания в сталинское время на научной основе.

Отмеченное, однако, не снимает необходимости анализа рассматриваемого процесса на региональном уровне. Напротив, появляется реальная возможность с помощью региональных данных проверить централизованную репрессивную статистику, выявить черты общего и особенного в действиях карательного механизма на территории страны.

В данном разделе книги будут рассмотрены предпосылки, формы, масштабы трудоустройства спецпереселенцев, депортированных в 1930-е гг. на Север, в печально знаменитый Нарымский край⁶. Нами использованы информационные возможности источников, хранящихся в ГАНУ в фондах 47 (исполком Западно-Сибирского краевого Совета), 1353 (крайздрав), 1072 (крайземуправление). В них отложилась отчетная документация, переданная СибЛАГом в партийные и государственные органы, с которыми взаимодействовало региональное управление лагерей. В этих фондах находится, в частности, источник, значение которого трудно переоценить для изучения судеб депортированного крестьянства, попавшего на север Западной Сибири, — «Обобщающий отчетный доклад о работе СибЛАГа по хозяйственному освоению спецпереселенцами Нарыма за время с мая 1931 г. по июнь 1932 г.»⁷.

Проблема использования труда спецпереселенцев изначально имела два взаимосвязанных аспекта — социально-политический и экономический (хозяйственный). Первый, выраженный в известной формуле необходимости «трудового перевоспитания бывшего кулачества», являлся не чем иным, как пропагандистским прикрытием и оправданием беззакония и произвола в отношении экспроприированных и высланных крестьянских семей. Имевшая хотя бы какой-то отдаленный смысл в отношении арестованных и направленных в тюрьмы (а оттуда, как правило, в лагерь) глав семейств, постановка вопроса о «трудоом перевоспитании» применительно к основной массе депортированных — женщин, иждивенцев, подростков, детей — выглядела нелепо. Второй аспект — экономический — нашел отражение в лозунге о необходимости «хозяйственного освоения новых территорий силами спецпереселенцев», в котором подчеркивалась колонизационная, «освоенческая» функция массовой депортации крестьянства либо в необжитые, преимущественно северные и восточные, регионы страны, либо в районы интенсивного промышленного развития, требовавшие использования массового физического труда.

В депортации крестьян в Нарымский край властям представлялся, безусловно, перспективным колонизационный аспект. Однако анализ кампании 1930 — 1931 гг. по массовой высылке крестьян с точки зрения структуры трудового потенциала спецпереселенцев (половозрастной состав, доля трудоспособных групп) показывает, что, решая как перво-

очередную социально-политическую задачу (репрессии, экспроприация и высылка «кулачества»), режим усложнял решение задач экономического, колонизационного характера.

Приводимые в документах СибЛАГа ОГПУ демографические сведения даже самого общего характера свидетельствуют о «ненормальных» половозрастных пропорциях в нарымских комендатурах, осложнявших ход директивной колонизации края. Так, в середине 1932 г. мужчины и женщины в составе взрослого населения (от 16 лет и старше) составляли 47,5 и 52,5 % соответственно. Явная диспропорция объяснялась тем, что в 1930—1931 гг. в ходе «ликвидации кулачества как класса» отнесенные к «контрреволюционному кулацкому активу» мужчины (главы семейств и их взрослые сыновья) были насильственно изолированы от семей и размещены в местах заключения, лагерях, и часть из них погибла. Циркуляры ГУЛАГа 1931—1932 гг. о необходимости воссоединения «кулаков» с их семьями в спецпоселениях были призваны исправить допущенные просчеты и смягчить трагизм ситуации, но сделать в полной мере это не удалось.

Другая сложность директивной колонизации Нарыма — значительный удельный вес иждивенцев нетрудоспособных возрастов — стариков и детей до 12 лет. Доля трудоспособных групп в составе спецпереселенцев Нарыма равнялась 52,3 %, а крайних возрастных категорий — 47,7 %, среди них 35 % составляли дети до 12 лет. Столь деформированная возрастная структура, в которой трудоспособное население достигало чуть более 50 %, была причиной широкого использования в комендатурах труда подростков, а фактически детей с 12 лет: в общей массе трудоспособных спецпереселенцев пропорции между мужчинами, женщинами и подростками (12—16 лет) соотносились как 38,7, 41,6 и 19,7 %.

Значительные (и зачастую непредвиденные кабинетными функционерами) трудности возникали уже на начальном, стартовом этапе принудительной колонизации. Хозяйственному освоению предшествовало хозяйственное устройство спецпереселенцев, или создание минимально необходимой инфраструктуры — социально-бытовой и производственной (строительство жилья, производственных помещений, дорог и т. д.). Строительство жилья, зданий, прокладка дорог задерживались ввиду отсутствия в достаточном количестве и необходимого качества инструментов, и таких важных строительных материалов, как гвозди, стекло, кирпич и т. д. Отправляемый из мест высылки от РИКов «натурфонд» был, по признанию комендантов, «в большинстве качественно совсем не пригодным», снабжение же из фондов ГУЛАГа стало поступать в конце лета 1931 г., когда уже наступали осенние холода.

Следующая трудность была следствием установки на размещение спецпоселков в отдаленных и труднодоступных местностях, дабы уменьшить риск побегов и нежелательных контактов со старожилами. Доставка туда продовольствия, инструментов и материалов требовала значительных затрат на прокладку дорог среди тайги и болот. Жилищное строительство тормозилось не только нехваткой инструментов и материалов, трудностями доставки их в поселки, но и тем, что очень многие семьи спецпереселенцев, лишённые трудоспособных глав, не могли самостоятельно строиться. Именно поэтому зимой 1931 г. только треть

семей была обеспечена «нормальной жилплощадью», большинство же осталось зимовать в землянках. Жилищное строительство в нарымских комендатурах предусматривалось завершить в октябре 1932 г. и обеспечить таким образом каждого спецпереселенца не менее чем 3 м² площади в доме или бараке, но эта цель даже годом позднее, по признанию руководства СибЛАГа, далеко не везде была достигнута.

Колонизационная политика была направлена на организацию деятельности спецпереселенцев в сельском хозяйстве, кустарных промыслах, рыболовстве, на лесоразработках. Согласно правительственному постановлению от 28 декабря 1931 г., в течение уже первых двух лет в этих отраслях предстояло добиться таких ощутимых сдвигов, которые подтвердили бы правильность политики принудительной колонизации Нарыма: этот потребляющий район должен был стать производящим сельхозпродукцию в объемах, достаточных для нужд не только комендатур, но и местного населения, а также ежегодно увеличивать поставки деловой древесины, вылов рыбы, заготовку ягод, кедрового ореха и т. д. Этим целям подчинялось распределение рабочей силы по отраслям деятельности (табл. 17).

Таблица 17

Распределение спецпереселенцев по отраслям экономики в Нарымском крае на 1 июня 1932 г. (чел.)*

№ п/п	Отрасль деятельности, организация	Всего	В том числе			
			Мужчины	Женщины	Подростки и (12-16 лет)	Дети до 12 лет
1	С/х и кустарно-промысловые работы	145724	34813	42159	16763	51989
2	Лесные работы (Пестреет)	30117	9533	7771	2625	10118
3	Лесные работы (Лесхозтрест)	1333	377	366	129	461
4	Рыбные промыслы	2248	692	582	202	772
5	Работы по договорам у различных хозорганов	2876	1389	796	217	474
	ИТОГО	182298	46804	51674	19936	63884

* ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 6.

Руководившие сельскохозяйственным освоением нарымской территории чекисты столкнулись с суровой реальностью — в этой таежно-болотной зоне, где лес и неудобные земли составляли свыше 97 % территории, а занятая пашней площадь — 0,3 %⁸, успешная сельскохозяйственная деятельность, особенно полеводство, была невозможна. Однако главной причиной трудностей, резко снизивших оптимизм работников СибЛАГа уже летом—осенью 1931 г., были названы не природно-климатические, а организационные факторы, состояние «натурфонда» — поступившего из районов депортации хозинвентаря, тягловой силы и скота. Трудно, впрочем, признать правомерность позиции ОГПУ, кон-

статировавшего «преступно-формальное» отношение РИКов к комплектованию «натурфондов», поскольку именно карательные органы отвечали за организацию высылки. Они в значительной мере пожинали собственные плоды ураганной депортации, происходившей весной—летом 1931 г.: негодные или почти полностью изношенные плуги составляли пятую часть общего количества, остальные требовали ремонта; 205 из 298 борон оказались негодными. Состояние лошадей, прибывших из мест высылки крестьян, оценивалось как близкое к катастрофическому: «В натурфонд были выделены старые по возрасту, истощенные лошади, так что из имевшегося поголовья годных к работе было не более 50 %»⁹. Сенокосных угодий в местах нового вселения было немного, и сеноуборочная кампания не принесла ожидаемых результатов. В сочетании с недостатком фуража все это осложнило зимовку и использование лошадей — с осени начался падеж: из 17,6 тыс. лошадей, завезенных к июлю 1931 г., к новому году насчитывалось лишь около 13 тыс., из них только 8,5 тыс. считались годными к работе.

Осенняя посевная кампания 1931 г. была обречена на срыв — плановое задание по посевам озимой ржи оказалось выполненным только наполовину — из запланированных 18 тыс. засеять удалось лишь 9 тыс. га.¹⁰ Не стала успешной и весенняя посевная кампания 1932 г., поскольку количество рабочего и продуктивного скота, семян и сельхозинвентаря не увеличилось. Так, для бесперебойного проведения посевной кампании требовалось восстановить поголовье лошадей в северных комендатурах до 18 тыс. голов, но договор между СибЛАГом и Сибконом к началу сева был выполнен только наполовину, нехватку почти 3 тыс. голов компенсировать оказалось невозможно (обеспеченность лошадьми в комендатурах составляла от 48 до 80 %). Низкими темпами велась раскорчевка площадей под пашню, нередко ей предшествовали работы по мелиорации (рытье канав и осушение почвы).

Отмеченные трудности сельскохозяйственного освоения Нарыма усугублялись и волюнтаризмом руководства СибЛАГа. Например, начальник отдела спецпоселений Долгих, игнорируя опыт местного земледелия, в директивном порядке требовал начинать весенний сев раньше обычных для этой территории сроков. Завозимые в централизованном порядке семена зачастую оказывались непригодными в местном климате. То же касалось и тяглового скота. Примечателен следующий факт. В начале 1933 г., когда руководство ОГПУ планировало осуществление нового грандиозного по масштабам плана принудительной колонизации (депортация 1 млн чел. в северные районы Западной Сибири и Казахстана), зам. председателя ОГПУ Ягода в письме к В.М. Молотову просил, в частности, средства и технику для создания в этих районах трех новых МТС. Необходимость организации МТС мотивировалась невозможностью закупки достаточного количества лошадей в районах расселения, «а завоз их из других районов нежелателен, т. к. опыт завоза рабскота из других районов, имевший место в 1931 и 1932 гг., дал отрицательные результаты. Большое число лошадей погибло на почве тяжелой акклиматизации и слабой приспособляемости к местным суровым условиям»¹¹.

Ошибки и просчеты директивных органов ставили под сомнение возможность достижения декларированной в постановлении СНК

СССР от 28 декабря 1931 г. цели в области сельского хозяйства — в течение двух лет превратить Нарым из региона потребляющего в самообеспечивающийся сельхозпродукцией. Если же судить по отчету нач. отдела трудпоселений Долгих руководству Новосибирской обл. в феврале 1938 г., то эта задача была успешно выполнена: «Степень развития сельского хозяйства дала возможность не только обеспечить своим хлебом расселенный контингент, но и приступить с 1933 г. к выполнению госпоставок хлеба <...>»¹² Однако подобная оценка результатов хозяйственного освоения нарымской территории контрастировала с анализом ситуации, сделанным двумя годами ранее, в июле 1936 г. «для внутреннего пользования». Так, в обращении наркома внутренних дел Ягоды в СНК СССР по вопросу об оказании государственной помощи трудпоселенцам северных районов Западной Сибири признавалась неэффективность развития сельского хозяйства в комендатурах — задолженность по ссудам на хозяйственное освоение за 1931—1935 гг. составила более 20 млн руб. «Свое сельское хозяйство, — говорилось в документе, — трудпоселенцы ведут исключительно в болотно-таежных районах, где окупаемость капиталовложений более медленная, чем в других районах Западной Сибири. Освоенная ими в течение пяти лет посевная и сенокосная площадь в размере 116.800 га является результатом лесосводки, раскорчевки и осушения тайги. На июль месяц с. г. (1936 г. — С.К.) под посевом трудпоселенцев имеется 82 640 га, что на одну семью составляет в среднем 2,8 га посева. Урожай с этой площади после выполнения обязательных хлебопоставок и натуроплаты МТС дает незначительный товарный излишек, а в ряде наиболее северных районов Нарыма (Александрово-Ваховском, Каргасокском по реке Васюгану), где по климатическим условиям сельское хозяйство развито слабо, трудпоселенцы пользуются завозным хлебом из других трудовых поселений.

Животноводство трудпоселенцев Нарыма и других северных районов, хотя и возрастает ежегодно, но пока еще носит чисто потребительский характер и удовлетворяет лишь нужды детского населения и больничных учреждений трудпоселков»¹³. Данный документ красноречиво свидетельствует о том, что в 1936 г., а тем более в 1933 г., сельскохозяйственная деятельность нарымских комендатур являлась убыточной, дотационной, и для ее поддержания требовались новые ссуды, списание части одних долгов, отсрочка в выплате других и т. д.

Волонтаризм намерений осуществить колонизацию Нарыма руками спецпереселенцев в кратчайшие сроки еще рельефнее проявился в планах лесозаготовок. Правительственным постановлением от 28 декабря 1931 г. намечалось заготовить в 1932 г. в этой зоне 2,3 млн м³ древесины, а в последующие годы существенно превзойти эту цифру. Для достижения этой цели еще 2 октября 1931 г. СибЛАГом с Запсиблестрестом был заключен договор о передаче 8 тыс. семей спецпереселенцев для работы в леспромхозах северных районов. Как отмечало руководство СибЛАГа, позднее, летом 1932 г., «Сиблестрест тем не менее не мог в течение почти пяти месяцев принять и оформить, а, главное, поставить на работу договоренное число спецпереселенцев. Со строительством (жилья. — С.К.) трест не справился, пропустил все установленные сроки; средства, отпущенные на эту цель, расходовал не по прямому назначению. До настоящего времени использует принятых спецпереселен-

цев от случая к случаю, занимая в общем работой не больше 50 % трудоспособного населения <...> Условия, созданные Сиблестрестом для принятых спецпереселенцев, в результате дали чрезвычайно неудовлетворительные показатели (повышенная смертность, большой процент побегов, повышенная заболеваемость и т. д. и т. п.)»¹⁴. Реальные цифры лесозаготовок значительно отличались от проектных. Так, на территории Нарыма в 1931 г. Лестрестом было заготовлено 865 тыс. м³, в 1932 г. намечалось утроить объем заготовок, но фактическое выполнение составило около половины намеченного, т. е. примерно 1 млн м³ леса¹⁵. Всего же за 1932 — 1938 гг. объем заготовок здесь составил немногим более 4 млн м³, что явно расходилось с ожидаемыми результатами.

Почти аналогичным образом развивались события в области рыбного промысла. Еще летом 1931 г. СибЛАГ в целях обеспечения «спецконтингента» питанием из местных источников по своей инициативе организовал в Нарымском крае несколько десятков рыболовных артелей из спецпереселенцев. Добыча рыбы составила несколько тысяч центнеров, по плану на 1932 г. предполагалось вылавливать до 50 тыс. ц рыбы. С этой целью СибЛАГ заключил договор с Рыбтрестом о передаче ему 1 200 семей спецпереселенцев¹⁶. Однако повторилась та же ситуация, что и в лесной промышленности: вылов рыбы в 1932 г. не превысил и половины от директивной цифры, да и в последующие годы добыча рыбы росла не столь быстро, как ожидалось, а 50 тыс. ц рыбы было выловлено только в 1937 г.

Сами по себе отмеченные просчеты советского директивного планирования не являлись чем-то необычным: в историко-экономической литературе описано много случаев, когда запланированные на начало 1930-х гг. показатели экономического развития воплощались в реальность через пять—семь, десять лет и более. Здесь же речь идет об анализе такого феномена, как массовое использование принудительного труда, регламентация, условия и оплата которого полностью определялись бюрократическим произволом, обесценивавшим сам по себе труд и деформировавшим стимулы к нему. Приведем типичную иллюстрацию. Согласно норме, принятой СибЛАГом на 1932 г., на раскорчевку 1 га территории должно было расходоваться от 40 до 60 чел/д. В зависимости от этого определялся план — объемы работ, их оплата и т. д. Однако при этом не учитывалось, что даже на территории одной комендатуры встречались легко корчующие гари и работы здесь укладывались в нормативы, а также места, где на раскорчевку 1 га уходило ISO-ISO чел/д. При невыполнении производственных заданий практиковался перевод с рабочего пайка на паек иждивенца (с 16 до 10 кг хлеба в месяц). В денежном выражении заработка спецпереселенцев на раскорчевке составляли незначительную величину — около 80 коп. на трудодень, или от 16 до 20 руб. в месяц, при прожиточном минимуме в 50 руб. И это не было нижним пределом заработков. Известны случаи когда на дорожном строительстве трудодень спецпереселенцев оценивался всего в 15—20 коп.¹⁷

Условия спецкомендатур уже сами по себе приводили к искажению трудовой мотивации. Экспроприированные крестьяне, оказавшись в спецпоселках, подверглись принудительному кооперированию «сверху», проведению которого они пассивно или активно сопротивлялись в мес-

тах прежнего жительствова. Сценарий событий был типовой, равно как и применявшиеся при этом методы «кнута и пряника». По сообщению краевых земельных органов, весной 1932 г. в комендатуры было отправлено два циркулярных письма: в первом почти в духе знаменитой сталинской статьи 1930 г. «Головокружение от успехов» осуждалось принуждение и подтверждалась добровольность вхождения спецпереселенцев в неуставные сельхозартели, во втором обращалось внимание на необходимость быстрее оформления денежных и семенных ссуд тем спецпереселенцам, которые вступали в неуставные артели.

В течение первых двух лет доля кооперированных хозяйств в нарымских комендатурах составляла чуть больше трети от общего количества хозяйств, занятых земледелием, животноводством и промыслами, поэтому неизбежно возникала ситуация сосуществования альтернативных систем хозяйствования — единоличной и артельной. Осенью 1932 г. перед руководством отдела спецпоселений СибЛАГа в лице его начальника Долгих встала дилемма — в каких пределах допускать сохранение индивидуального сектора: «или сейчас принять меры к замедлению накоплений у спецпереселенцев, получаемых ими в результате их хозяйственности, чтобы не допустить перерастания хозяйств в явно капиталистические формы, или, не принимая мер торможения, допустить максимальное возможное получение эффективности (так в тексте. — С.К.), а следовательно и накопления, так как это является необходимым для освоения Нарымского края в целом (товарные излишки хлеба и других продуктов) <...>

Считаю со своей стороны более целесообразным дать возможность полного развертывания хозяйственности спецпереселенцев, не сдерживая инициативы и накопления какими-либо преградами, если, конечно, не будут проявляться явные признаки капиталистических форм ведения хозяйства, или явных преступлений (злостное сокрытие хлеба и проч.).

В то же время настаиваю на предложении — осенний и зимний период времени использовать для проведения широкой кампании по втягиванию спецпереселенцев в артели»¹⁸.

Цитируемый фрагмент демонстрирует двуличие Долгих, который фактически признавал эффективность индивидуального сектора на начальном этапе принудительной колонизации Нарыма и в прагматических целях призывал до поры этот сектор не ограничивать (что отдаленно напоминало знаменитое бухаринское «Обогащайтесь!» в 1925 г.), но одновременно не исключал возможности новой экспроприации для этих спецпереселенческих хозяйств. И действительно, для индивидуальных хозяйств кнут репрессий был всегда наготове. Практически ежегодно в ходе уборочных кампаний единоличники подвергались административному нажиму. Об этом позволяет судить, например, цитата из докладной записки руководства ГУЛАГа на имя Ягоды о ходе уборки урожая в нарымских комендатурах осенью 1935 г.: «Наряду с добросовестной работой основной массы трудпоселенцев, выявлены случаи злостного саботажа госпоставок зерна и сельскохозяйственных мероприятий со стороны части единоличников. В связи с этим 218 семейств переселено в текущем году в более отдаленные комендатуры»¹⁹.

В начале 1938 г. тот же Долгих, давая ретроспективную оценку процесса кооперирования в комендатурах, уже был далек от прежнего «ли-

берализма», для него неуставные артели, их гегемония были аксиомой: «Кооперирование трудпоселенцев прошло сквозь этап ожесточенной борьбы и саботажа со стороны значительной части контингента, переходившей в отдельных случаях в открытое сопротивление (Галкинское (Парбигское) восстание. — С.К.) <...> К фактам, отрицательно влиявшим на кооперирование, необходимо отнести то обстоятельство, что среди трудпоселенцев имела уверенность возвращения в прежние места расселения по окончании 3—5 лет нахождения в трудпоселках. Эта уверенность рассеялась только по прошествии значительного времени, после чего трудпоселенцы активно стали заниматься своим хозяйством и вступать в артели»²⁰.

Само по себе кооперирование хозяйственной деятельности спецпереселенцев в условиях сурового нарымского климата, будь оно естественным движением «снизу», могло смягчить начальный этап колонизации этой территории, но бюрократическое регламентирование жизни неуставных артелей «сверху» (руководителем артели назначался поселковый комендант) не могло не отражаться отрицательно на трудовой активности людей. В 1930—1937 гг. нарымские комендатуры являли собой замкнутый анклав, основанный на административной (режимные спецпоселки) и экономической (неуставные артели осуществляли хозяйственную деятельность под эгидой ОСП/ОТП ГУЛАГа) экстерриториальности. Поскольку он располагался на территории районов Нарымского окр. и соприкасался с местным, старожильческим, «правовым» населением, объединенным в уставные сельхозартели (колхозы), то существует возможность реконструкции условий и результатов хозяйствования двух секторов аграрной экономики региона — спецпереселенческого, основанного на принудительном труде, и колхозного.

К 1938 г. обнаружилось два основания для серьезного аналитического сопоставления потенциалов двух систем хозяйствования, созданных на схожих основаниях (администрирование и принуждение), но считавшихся идеологически разными и даже антиподами. Одно из них — осенью 1937 г. началась санкционированная «сверху» передача функций хозяйственной деятельности трудпоселений из ведения НКВД местным советским и хозяйственным органам, другое — в 1937 г. истекли первые два из четырех лет, отведенных на выполнение директивного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1936 г. «О мероприятиях по организации и хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края», которое предусматривало почти удвоение посевных площадей, для чего на этой территории требовалось расчистить и раскорчевать до 400 тыс. га новых земель (в 1935 г. посевная площадь в северных районах составляла 739 тыс. га)²¹. За 1931—1935 гг. спецпереселенцами было раскорчевано и освоено 116 тыс. га²². Региональные руководители приказали выяснить, как шло исполнение директивы в Нарыме трудпоселенческими артелями и колхозами. 23 июля 1938 г. секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев созвал в Новосибирске совещание с участием руководства Нарымского окр., сосредоточившее внимание на обсуждении условий и результатов деятельности неуставных артелей. Тон обсуждению задал сам Алексеев, снискавший печальную известность «искоренением врагов народа» и

повсюду усматривавший вредительство: «...мы были в неуставной артели, где насчитывается большое количество хозяйств, примерно около 100 хозяйств. Эта неуставная артель имеет не плохое хозяйство, в частности молочно-товарную ферму, имеющую около 240 г[о]лов рогатого скота, кроме того эта артель имеет свиноферму, овцеферму и конеферму, тоже с хорошими лошадьми, эта артель имеет прекрасную мельницу, хорошо оборудованную, эта артель имеет прекрасную зерносушилку, прекрасные выстроенные амбары, хорошую маслобойку, эта артель имеет прекрасную выстроенную школу, клуб, ясли и т. д. На трудодень они в прошлом году получили 5,5 или 6,5 килограмм хлеба, 1 руб. 01 коп. деньгами, 6 грамм шерсти, меду и мяса энное количество. Окружающие уставные артели, вот в частности "15 лет октябр[я]," они получили 3 килограмма на трудодень и больше ничего.

<...> Я искал недостатков в этих неуставных артелях, трудно очень найти, у них и организация и выход на работу прекрасный[,] и с уборкой сена и с прополкой провели огромную работу, а наши уставные артели, конечно[,] этому способствовали вредители, чтобы наши уставные артели влачили свое жалкое существование.

Возник вопрос, не за счет ли государства эти неуставные артели имеют такое преимущество, да на все эти постройки им отпускались средства по линии наших политических органов, но на вопрос[,] сколько вы должны государству? Они заявили, что в прошлом году уплатили 70 с лишним тысяч рублей, осталось 9 тысяч, уплотим и мы в расчете с государством. Значит и маслобойка и мельница, все это принадлежит артели. Действительно ли они рас [с]читались с тем, что вложено с начала? На этот вопрос ответа получить нам не удалось на месте[,] и наше отношение и руководство[,] конечно[,] было неправильное. Если бы мы пошли на ущемление этих артелей, в наших интересах сделать все для того, чтобы больше получить государству хлеба из этих артелей, но все вы понимаете, что эти артели находятся в преимущественном положении, правильно ли это с точки зрения политической? Об этом надо здесь сказать. К нашему сожалению с этой обстановкой смирились, что эта рядом уставная артель "15 лет октября", где есть парторг Обкома партии, так у него такое настроение, что никакой Америки нет, что неуставная артель живет и получает в два раза больше[,] чем уставная артель, это у него не вызывает тревоги»²³.

По сути Алексеев сформулировал, что своими производственными результатами неуставные артели обязаны не труду спецпереселенцев, а «вредительству» действовавших в краевых органах «врагов народа», поставивших неуставные артели в более выгодные условия хозяйствования («преимущественное положение») по сравнению с уставными. Развивая мысль Алексеева, выступавшие партийные и хозяйственные функционеры акцентировали внимание на политической стороне проблемы. Говорилось о том, что в неуставных артелях в среднем стоимость средств производства почти в полтора раз выше, чем в уставных (32 тыс. и 20 тыс. руб. соответственно), примерно такие же пропорции в показателях выдачи зерна на трудодень (2,6 и 1,8 кг соответственно), это ослабило трудовую дисциплину в колхозах, были зафиксированы не толь-

ко выходы из колхозов, но и попытки перейти в соседние неуставные артели. Предлагалось восстановить «справедливость» путем жесткого взыскания со спецпереселенческих хозяйств огромной задолженности по ссудам государству в размере 11 млн руб.²⁴ Участник совещания Новиков высказался еще более резко: «Конечно, не без участия вражеского руководства из Крайкома и Крайисполкома мы имеем такое положение, когда спецпереселенческий контингент оказался несравненно в лучшем положении, чем колхозы Нарыма. Почему эта задолженность? Разве ее нельзя взыскать, или у нас эти артели неуставные маломощные, ничего подобного не взыскано потому, что этим делом не занимаются. Поэтому мне кажется совершенно правильно поставлен вопрос перед Центральным комитетом партии, для того, чтобы водворить спецпереселенцев на свое место, т. е. там[,] где они должны быть»²⁵. Функционер имел в виду предложение возвратить в северные нарымские комендатуры несколько тысяч спецпереселенцев, которые в силу дефицита трудовых ресурсов в регионе неоднократно, начиная с 1932 г., перебрасывались в комендатуры Кузбасса: «Немалая часть спецпереселенцев была снята с Нарыма Крайкомом партии и брошена в районы Кузбасса <...> Вызывалось ли это тем, что наши города Кузбасса, жемчужины Западной Сибири нуждались в кулачестве, очевидно нет. События последнего времени показывают, что если они чем там занимались, то занимались повстанческой организацией»²⁶.

Представитель Сельхозбанка Меньшиков о возможностях неуставных артелей ликвидировать громадную финансовую задолженность сказал: «Нас, как банковских работников, когда мы приняли ссуду от комендатуры, нас интересовало прежде всего, что представляли из себя эти неуставные артели <...> Принимая задолженность в сумме 13,5 млн. руб. государственных средств ясно, что стал вопрос о платежеспособности этих артелей. От Отдела трудовых поселений мы этих материалов не получили. Мы не знали, что представляет из себя Нарым, что представляют из себя неуставные артели. Когда мы получили такие материалы, мы сразу послали людей в Нарым, которые сейчас нам дали абсолютный материал об экономике этих артелей[,] и мы имеем такое положение, что многие артели с нами в нынешнем году не рассчитаются. Есть такие артели, которые против своей доходности получили ссуду в ОТП на 150—300 % больше[,] чем они имеют <...> Меня интересует такой вопрос, мы столкнулись в Нарыме с таким фактом по уставным артелям, что направление кредитов, которые отпускает государство, шли неправильно, что выдавая кредиты этим уставным артелям, никто их не проверял, а отсюда мы установили, что в большинстве колхозов использование ссуды шло не по прямому назначению. В неуставных артелях, там шло по линии ОТП, там шло на обзаведение хозяйством, на строительство. Вот эти ссуды выдавались, мы имеем полную расшифровку, сколько и какому контингенту было выдано»²⁷.

По решению обкома ВКП(б) для рассмотрения дел в Нарымском окр. была создана комиссия (бригада) из шести человек, в которую вошли представители партийных, советских, финансовых организаций, включая и начальника ОТП — Корниенко, сменившего назначенного в

КрасЛАГ Долгих. Результатом деятельности этой бригады стала «Докладная записка об организационно-хозяйственном укреплении колхозов Нарымского округа», направленная в обком 15 сентября 1938 г. В ней были приведены данные о соотношении колхозов и неуставных артелей в округе (табл. 18).

Таблица 18

**Характеристика колхозов и неуставных артелей Нарымского окр.,
на 1 января 1938 г.***

Артель	Кол-во артелей			В них хозяйств		
	уставных	неуставных	всего	уставных	неуставных	всего
Сельскохозяйственная	372	296	668	13858	12502	26460
Промысловая	76	50	126	1432	1207	2639
Всего	448	346	794	15290	13809	29099

* Составлена по данным: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 149.

В поселках местного населения насчитывалось 4 668, в комендатурах — 2 879 единоличных хозяйств. Доля коллективных хозяйств в комендатурах составляла около 85 %, что было чуть выше, чем в старожильческих поселках округа. В первом полугодии 1938 г. конфигурация «трудпоселенческого сектора» в округе изменилась незначительно: количество артелей сократилось с 346 до 337 при небольшом росте количества кооперированных хозяйств (до 14 111) за счет перехода в артели части единоличных хозяйств²⁸.

Члены комиссии составили характеристики условий и результатов хозяйственной деятельности колхозов и неуставных артелей. По их оценкам, землеустройство в колхозах округа «было проведено вредительно», «ни в одном колхозе округа не проведено внутри-колхозное землеустройство»²⁸, «совершенно другую картину представляют собой землепользования неуставных спеипереселенческих артелей округа (здесь и далее выделено в документе. — С.К.). Всех неуставных артелей в округе имеется 294 и 43 неуставных промартели. Вселение кулачества на трудоустройство в северные районы округа шло на редко залесенных землях или массивах гари, на высокоплодородные почвы, так называемый «таежный чернозем». (В Парабельском районе Пудинская комендатура — 48 артелей, Бокчарский р-н, Галкинская и Парбигская — 36 артелей, Чаинский район, Тоинская комендатура — 42 артели). В КОЛПАШЕВСКОМ и БАКЧАРСКОМ районах спецпереселенческие артели были организованы на территории бывших совхозов ОТП. Все это создало благоприятные УСЛОВИЯ ДЛЯ быстрого освоения площадей, получение высоких урожаев в спеипереселенческих артелях, при огромных затратах государства путем выдачи безвозмездных ссуд на землеустройство спецпереселенцев. Землеустройство по этим артелям проходило с 1932 по 1937 год. За эти годы на землеустройство артелей затрачено бюджетных средств государства около одного миллиона рублей. артели не несли расходов по их землеустройству.

Во всех спецпереселенческих артелях общие грани землепользования установлены. В 108 артелях проведено внутриартельное землеустройство, с полной инструментальной съемкой и разбивкой полей на севообороты, что обеспечило переход 25 артелей на севооборот и поставило спецпереселенческие артели в лучшие условия землепользования, чем колхозы коренного сектора округа <...>³⁰

Раскорчевка, по мнению бригады, также велась «по-вредительски», колхозам спускались завышенные планы, тогда как неуставные артели даже плановые задания хронически не выполняли. «По неуставным артелям. — отмечали проверяющие, — за 3 года (35, 36 и 37) раскорчевано 22.897 га, т. е. меньше[.] чем колхозами коренного населения, несмотря на то, что эти артели в основном раскорчевывали гари, получили большую государственную помощь кредитами, тяглом и корчевальными машинами, имея к этому излишки рабочих рук, планы же раскорчевки ими ежегодно не выполнялись.

По КАРГАСОКСКОМУ и ПАРАБЕЛЬСКОМУ районам за эти три года на 1 хозяйство в с/хоз. артелях раскорчевано 1,3 га, так же всего лишь 1,3 га раскорчевано и в неуставных артелях, хотя эти артели, не имея обобществленного животноводства, будучи освобождены от лесопоставок[,] имели большую к ЭТОМУ ВОЗМОЖНОСТЬ. Вместо раскорчевки они свободную рабочую силу использовали на выгодных для себя промыслах (деготь, смола, клепка и пихтовое масло).

Это второй раз подтверждает, что руководство ОТП УНКВД по Запсибкраю проводило вражескую линию, занижая планы раскорчевки и освоения новых земель по спецпереселенческим артелям, делая основной упор на увеличение личных доходов членов артели от подсобных предприятий <...>³¹

Бригада рассмотрела динамику посевных площадей в Нарымском окр. в колхозах и неуставных артелях. Основным показателем, по которому было сделано сравнение (средний размер посевной площади на одно хозяйство и одного трудоспособного), также оказался «в пользу» спецпереселенцев, несших меньшую посевную нагрузку. В «Докладной записке» говорилось: «...По ЧАЙНСКОМУ району в 1937 году в колхозах нагрузка посева на 1 хозяйство составляла в среднем 7,17 га и на 1 трудоспособного 4,5 га. По неуставным артелям в этом же году нагрузка на 1 хозяйство составляла 5,17 га и на трудоспособного 4,35 га.

Анализ нагрузки по районам показывает, что спецпереселенческий сектор в развитии посевных площадей из года в год имел заниженный план сева. Паровой клин в округе оставался для посева яровых культур только в спецпереселенческих артелях. Вражеское руководство ОТП Управления НКВД Новосибирской области проводило линию льготирования спецпереселенческого сектора, давая полную возможность заниженными планами раскорчевки и посева развивать личное хозяйство членов спецпереселенческих артелей, в силу чего спецпереселенческие артели, используя огромные государственные кредиты, экономически стоят выше, чем колхозы коренного сектора <...>³²

При характеристике животноводства в округе бригада обкома отмечала неравенство в условиях хозяйствования коренного населения и «спецсектора»: «Количество обобществленного крупного рогатого скота

в колхозах в три с половиной раза больше, чем в неуставных спецпереселенческих артелях.

В развитии животноводства была проведена вражеская линия в планировании и росте стада поголовья, создавшая в отдельных колхозах чрезмерную перегрузку ферм без наличия кормовой базы, а в отдельных колхозах необеспеченность скотными дворами и обслуживание этого скота рабочей силой.

В спецпереселенческих артелях, при наличии обеспечения скотными дворами, кормами и рабочей силой рост поголовья был резко занижен. Развитие же стада поголовья было направлено по линии индивидуального пользования.

Как пример, в ЧАИНСКОМ районе 47 неуставных спецпереселенческих артелей (2 236 х-в) имели следующее количество обобществленного и в личном пользовании скота:

Годы	Обобществленный			В личном пользовании		
	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы
1935	775	446	1.137	2.498	1.044	986
1936	675	420	1.304	2.804	1.469	1.143
1937	648	596	1.648	3.333	2.597	2.210

Колхоз "ТАЕЖНАЯ ЗАРЯ" Старицинского с/совета ПАРАБЕЛЬСКОГО района при 79-ти хозяйствах и 142 трудоспособных, имеет в обобществленном пользовании молочно-товарную ферму — 89 голов; свиноферму — 257 голов (в том числе 26 свиноматок); овцеводческую ферму — 150 голов; конеферму — 147 голов и пасеку — 89 ульев, имея посевную площадь яровых и озимых в 1938 году — 537 га.

Рядом же расположенная неуставная спецпереселенческая артель "КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ" при наличии 68 хозяйств и 125 трудоспособных имеет обобществленного крупного рогатого скота только 2 коровы, 40 свиней (в том числе 4 свиноматки), овец — 105 голов, при посевной площади в 231 га, поэтому спецпереселенческая артель имела возможность выделять рабочую СИЛУ на организацию наиболее выгодных для себя подсобных промыслов и работала за деньги и натуру в колхозе "ТАЕЖНАЯ ЗАРЯ".

В КАРГАСОКСКОМ районе в Наунакском сельсовете в 3-х колхозах обобществленное стадо крупного рогатого скота составляет 301 гол., а в 4-х неуставных спецпереселенческих артелях, которые имеют одинаковые условия для развития животноводства, нет ни одной головы обобществленного стада <...>³³

Описывая состояние кустарного промысла в округе, бригада отмечала еще более «вопиющий» разрыв в результатах деятельности двух секторов: «В Нарымском округе имеются неограниченные возможности развития кустарных промыслов, как-то: выгонка пихтового масла, спиртопорошка, дегтя, смолы, скипидара, выделка кустарных изделий из местных лесов (деревообработка) и т. п., но кустарный промысел развит слабо, особенно лесохимобработка.

Работающие в округе кустарные предприятия (пихто-заводы, спирт-порошковые и смоло-дегтекурные заводы) находятся главным образом у спеипереселенческих артелей. У уставных же колхозов этот вид промысла, дающий хорошие заработки, развит чрезвычайно слабо. Это видно из доходов, полученных в 1937 г. от этих промыслов.

Согласно данным годовых отчетов, спеипереселенческие артели в 1937 году получили дохода от промпредприятий 5.566.603 рубля, а колхозы 1.726.381 рубль.

Особенно ярким показателем является доходность от лесохимической обработки (пихтовое масло, смолокурение и дегтекурение), валовой доход от этой продукции составил в неуставных артелях 3.257.000 руб., тогда как в колхозах этот доход составил 364.000 рублей.

До 1936—1937 г. неуставные артели, не участвуя в лесозаготовках, все свое внимание сосредотачивали на развитии своих подсобных предприятий, как наиболее доходного вида производства <...>³⁴

Наконец, в разделе «Капиталовложения и ссуды» документа, составленного комиссией обкома, приводились данные и оценки, которые должны были окончательно прояснить вопрос о последствиях действия «вражеской линии» в округе: «...Отделом Трудпоселений УНКВД по Новосибирской области с 1930 по 1937 г. было произведено безвозвратных затрат на трудустройство кулачества (336 поселкам в Нарымском округе, 88 поселкам других районов области) — 105.115.000 рублей.

Характер этих затрат:

1. Сельхозустройство	4.749.600 руб.
2. Землеустройство	922.600
3. Культобслуживание	16.499.600
4. Медобслуживание	13.619.200
и т.д.	

Помимо безвозвратных затрат с 1930 г. по 1936 год артелям, членам артелей, единоличникам были выданы долгосрочные кредиты с началом погашения через пять лет на сумму — 35.198.000 руб., из которых в 1936 году было списано безнадежной задолженности только по артелям Нарымского округа 4.769.000 руб.

На 1/1 37 г. задолженность неуставных спецпереселенческих артелей Нарымского округа С/Х БАНКУ составляла	10.935.000 руб.
Задолженность колхозов в течение 1937 г. неуставными спецпереселенческими артелями погашено	425.000 руб.
Колхозами	502.000 руб.

На 1/1X 1938 г. задолженность <u>неуставных</u> с/п артелей составляет	10.140.000 руб.
Колхозов	1.750.000 руб.
Просроченных ссуд по неупл. с/п артелей	3.700.000 руб.
По колхозам	260.000 руб.

По данным годовых отчетов по состоянию на 1/1—1938 года долги колхозников колхозам составляли 219.603 рублей, тогда как задолженность членов неуставных артелей своим артелям составляла 4.439.000 руб.

Это показывает, что со стороны СЕЛЬХОЗБАНКА и ГОСБАНКА была проведена вражеская линия в отношении контроля и своевременного взыскания долгов по ссудам, разрешив неуставным с/х. артелям производить все расчеты вне Банка.

В ПАРАБЕЛЬСКОМ районе из 108 неуставных артелей счета в Госбанке открыты только — 20 артелям.

В КОЛПАШЕВСКОМ районе из 46 неуставных артелей до сих пор не открыли счета в Госбанке 18 артелей. Такое же состояние и в других районах Нарымского округа. Капиталовложения и затраты, произведенные по обслуживанию спецпереселенцев сетью школ, медицинским и культурным обслуживанием, в несколько раз больше, чем в коренном населении Нарымского округа.

Во всех крупных поселках выстроены медучастки, магазины, СельПО, мельницы (теперь куплены артелями с большой уценкой, или формально числятся за Райисполкомами, а фактически работают безконтрольно и обслуживают в первую голову спецпереселенческий сектор — Пудино).

Спецпереселенцы и артели получили миллионные кредиты на личное устройство (строительство домов, покупка породистого скота, птицы, семена, машины и т. д.), которые должны были гасить с 1936 г., но вражеское руководство ОТП УНКВД и С/Х БАНКА создавали все возможности бывшему кулачеству развивать в широких возможностях личное хозяйство за счет государственного кредита, из года в год пролонгируя взятые ссуды спецпереселенческими артелями <...>³⁵

Предложения комиссии Новосибирского обкома ВКП(б) соответствовали взятому курсу на новое «раскулачивание», только с применением налогового пресса: <...> 1. Поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством о привлечении в 1939 году к хлебопоставкам неуставные сельскохозяйственные артели и колхозы ПАРАБЕЛЬСКОГО, КОЛПАШЕВСКОГО и КАРГАСОКСКОГО районов, одновременно просить пересмотреть размеры зернопоставок, установив для неуставных спецпереселенческих артелей более повышенные нормы зернопоставок, чем колхозам коренного населения.

2. Поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством об увеличении норм сдачи мяса, молока и шерсти по хозяйствам неуставных спецпереселенческих артелей в более повышенных размерах, чем хозяйствам колхозников.

3. Просить ЦК ВКП(б) и правительство применить к неуставным спецпереселенческим артелям, обслуживаемым МТС, повышенные ставки натуроплаты в сравнении с колхозами коренного сектора.

4. Просить ЦК ВКП(б) и СНК для погашения 10 миллионов задолженности в неуставных спецпереселенческих артелях произвести денежные и натуральные отчисления из доходов 1938—1939 гг. в размерах, необходимых для обеспечения погашения просроченных и срочных платежей по кредитам С/Х БАНКУ.

5. Предложить Нарымскому Окрисполкому провести в неуставных спецпереселенческих артелях полное погашение из доходов членов артелей в 1938 г. по дебиторской задолженности артелям.

10. Предложить ОБЛИСПОЛКОМУ и НАРЫМСКОМУ ОКРИСПОЛКОМУ в плане 1939 г. и последующих лет, при размещении посева и раскорчевки устранить недопустимый разрыв в освоении новых земель и расширении посевных площадей между колхозами и неуставными спецпереселенческими артелями, доведя раскорчевку и расширение посевных площадей в неуставных спецпереселенческих артелях не менее чем в колхозах коренного населения.

11. Довести в 1938—39 гг. количество обобщественного скота в неуставных спецпереселенческих артелях не менее обобщественного стада колхозов за счет увеличения выходного поголовья скота, контрактации скота у членов артелей и покупку скота, обеспечив к 1/1 — 1939 г. организацию не менее одной фермы в каждой артели <...>³⁶

Обвинительная антиспецпереселенческая направленность содержания и выводов бригады обкома ВКП(б) также очевидна, как и стремление создателей документа ревизовать, подвергнуть сомнению освоенческую политику предшествующих лет. Хотя и осторожно (во «вредительстве» обвинялись отдельные функционеры регионального уровня из ОТП УНКВД, крайземуправления, крайисполкома и т. д., которые к тому времени уже были репрессированы), проверявшие поставили под сомнение директивные указания Центра, проводниками которых выступали региональные и местные органы. В противовес этому руководители ОТП доказывали, что последовательно воплощали в жизнь партийные и правительственные решения. Представитель ОТП Корниенко был единственным членом бригады, кто не подписал итоговый документ и тем самым выразил особую позицию своего ведомства в данном вопросе. В преамбуле подписанного 5 февраля 1938 г. «Докладе о передаче хозяйственной деятельности Отдела трудовых поселений УНКВД по НСО» Долгих указывал, что «только под руководством нашей коммунистической партии (большевиков) и непосредственном руководстве и помощи со стороны Западно-Сибирского Краевого Комитета партии работники органов НКВД выполнили задание партии в деле освоения северных районов области <...> Государственные средства, затраченные на капиталовложения, вселение и первоначальное устройство трудпоселенцев уже возвращены с большей эффективностью, — созданием ценностей, значительно обогатившим народнохозяйственный баланс Нарыма»³⁷. Завершался «Доклад» следующим выводом: «Все вышеизложенное дает полную возможность сказать, что постановление СНК СССР от 28 декабря 1931 г. за № 292сс "О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае" выполнено полностью»³⁸.

Если отбросить очевидно присутствовавшую в аргументации двух конфликтующих сторон (новых региональных партийно-советских функционеров, пришедших на смену репрессированных, и руководства ОТП УНКВД) политическую риторику, то можно увидеть, что спор шел вокруг итогов хозяйственного развития Нарымского Севера в 1930-е гг. и стратегии освоения региона на перспективу. Не отрицая факта форсированного освоения новых территорий прежде всего руками спецпе-

реселенцев, региональные функционеры «нового призыва» считали, что вложенные в трудпоселения громадные государственные средства использовались «вредительно», давая спецпереселенцам массу льгот и привилегий, лишали ресурсов развития местные колхозы. В будущем предлагалось распределять средства так, чтобы сделать ключевым сектором экономики уставные артели. Руководители ОТП, в свою очередь, уверяли в том, что вложенные в трудпоселения государственные средства не растрочены, а «возвращены с большей эффективностью».

Действительно, на протяжении 1930-х гг. на территории Нарымского края сложилось и функционировало два комплекса хозяйствования — уставные и неуставные артели. Однако стартовые условия жизнедеятельности спецпереселенцев и коренных жителей края разительно различались. Громадные вложения государственных средств, значительная часть которых изначально определялась как «безвозвратные затраты» — на становление и развитие спецпоселений — в сложившихся условиях были неизбежными. Направленность указанных затрат также жестко детерминировалась характером принудительного переселения в неосвоенные районы: четверть средств составили административно-управленческие расходы, треть поглотило формирование социальной инфраструктуры (культурные и медицинские учреждения), остальные средства были потрачены на создание производственной сферы, строительство дорог и т. д. Источниками финансирования примерно на две трети были бюджетные средства, остальные, по утверждению Долгих, — «собственные средства ОТП», т. е. результаты производственной деятельности самой системы спецпоселений³⁹. О таких же масштабах безвозвратных вложений в местные колхозы не могло быть и речи. Однако действительно ли спецпереселенцы находились в лучших условиях производственной деятельности по сравнению с коренным населением?

Важнейшим условием ведения сельскохозяйственной деятельности на начальном этапе выступали землеустройство и землепользование. Массовое вселение спецпереселенцев в 1930—1931 гг. на территорию Нарымского края сопровождалось коллизиями, которых не происходило в обычных условиях. Вселение шло не только на высокоплодородные почвы («таежный чернозем»), но зачастую и на территории, непригодные ни для проживания, ни для ведения земледелия. В первой половине 1930-х гг. активно проводились переселения внутри комендатур, сопровождавшиеся значительными материальными издержками и человеческими потерями. В этот период при отводе земель спецпереселенцев и местное население старались поставить в равные условия. В постановлении президиума Запсибкрайисполкома от 30 октября 1931 г. специальным пунктом крайземуправление обязывалось «при проведении землеустройства положить в основу принцип равномерности в отводе удобных водных, земельных угодий из числа освоенных и подлежащих освоению как для местного населения, так и для спецпереселенцев»⁴⁰. Работавшая в северных комендатурах в начале 1932 г. комиссия крайисполкома вынуждена была вмешиваться в конфликтные ситуации. В Шерстобитовской комендатуре «на земли, где расселены спецпереселенцы!..] РИК намерен был переселить вновь образовавшийся колхоз, а спецпереселенцев числом 400 семей намеревался снова переселить на другие места. Комиссия на месте урегулировала сложившееся положение

ние, и РИК от своего намерения отказался»⁴¹. Сказанное свидетельствует о том, что землеотвод и землеустройство земельных фондов для спецпереселенцев требовали весьма значительных и средств, и организационных согласований на разных уровнях. Что же касается централизованных средств «на улучшение земфондов» для спецпереселенцев, то они отпускались директивным путем (в упомянутом выше постановлении СНК СССР от 28 декабря 1931 г. была отдельная строка)⁴².

Еще одно разногласие вызвала оценка динамики раскорчевки новых площадей неуставными и уставными артелями. В документе бригады обкома утверждалось, что с 1935 по 1937 г. членами неуставных артелей было раскорчевано около 23 тыс. га, что уступало соответствующему показателю работы местных колхозов. Долгих в своем «Докладе» приводил данные, согласно которым пик раскорчевки спецпереселенцами приходился на 1932—1934 гг. В 1934 г. была расчищена территория в 32,7 тыс. га, далее последовало значительное снижение объемов работ: в 1935 г. — 14,8 тыс. га, 1936 — 15,6, в 1937 г. — 8,4 тыс. га (хотя и в этом случае суммарная цифра последних трех лет составила 38,8 тыс. га, а не 23 тыс. га). Комментарий начальника ОТП к приведенным цифрам был следующим: «Первоначальное освоение производилось на наиболее легких участках. Затем, с каждым годом, в освоение входили массивы все более трудные для раскорчевки»⁴³. В снижении объемов корчевальных работ нашла отражение логика землепользования: вслед за экстенсивной фазой освоения территорий наступала стадия углубленного землеустройства, проведения т. н. организации территории, улучшения землепользования. Нельзя не учитывать и того, что корчевальные работы производились в основном без привлечения техники, это был тяжелый физический труд, ему не соответствовал демографический потенциал населения спецпоселков в 1930-е гг.

Состояние животноводства в спецпоселках давало повод местным функционерам утверждать, что в неуставных артелях скот для личного хозяйства разводили в ущерб развитию общественного животноводства. По данным бригады обкома, на начало 1938 г. обобществленный крупный рогатый скот в колхозах коренного населения Нарыма составлял 23 980 гол. (1,8 гол. в расчете на одно хозяйство), тогда как в неуставных артелях поголовье крупного рогатого скота насчитывало 6 987 гол. (0,5 гол. на хозяйство). Показатели содержания скота в личном пользовании различались не столь значительно: 1,8 гол. у колхозников и 1,6 гол. у спецпереселенцев⁴⁴. Однако в своих расчетах партийные функционеры предпочли не учитывать того, что животноводство в спецпоселках начинало развиваться в чрезвычайных условиях. К моменту расселения спецпереселенцы практически не имели личного скота. На 50 тыс. хозяйств, размещенных в нарымских комендатурах в начале 1932 г. приходилось чуть более 13 тыс. лошадей и 4 611 коров (корова на 11 хозяйств). Многие завезенные животные в первые годы гибли из-за бескормицы и плохих условий содержания. И если поголовье крупного рогатого скота за 1932—1937 гг. выросло до 42 352 гол., то поголовье лошадей почти не изменилось — 13 553 гол. В «Докладе» Долгих отмечал: «Конское поголовье[,] завезенное при вселении трудпоселенцев (т. н. натурфонд)[,] состояло из старых истощенных лошадей. При напряженной работе начального периода освоения приплод не

возмещал своей убыли. Стадо лошадей до 1936 г. не увеличивалось»⁴⁵. К 1937 г. задача по обеспечению коровами всех хозяйств в спецпоселках оставалась еще не решенной: 3 512 хозяйств оставались «бескоровными». Между тем наличие скота в личном пользовании, прежде всего коров, являлось одним из важнейших условий «прочного оседания» спецпереселенцев на Севере, и в этом интересы последних и руководства ОТП в определенной мере совпадали. Значительно хуже по сравнению с местными колхозами неуставные артели были обеспечены лошадьми — основной тягловой силой в сельском хозяйстве. В 1938 г. в среднем на колхоз приходилось до 5 лошадей, на неуставную артель — 3,3, что не могло не отражаться на трудовом потенциале артелей.

Главной причиной «лучшего положения» неуставных артелей партийные функционеры считали их особое положение в системе советского налогово-податного обложения. В 1930-е гг. сельское население облагалось многочисленными прямыми и косвенными, денежными и натуральными налогами, сборами и податями. Для спецпереселенцев устанавливался особый порядок получения и возврата ссуд и взимания налогов. Так, постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. затраты на хозяйственное устройство спецпереселенцев делились на возвратные ссуды и безвозвратные затраты. Возвратные ссуды предусматривалось вернуть в бюджет в течение двух лет. На два года спецпереселенцы освобождались от всех налогов, сборов и заготовок сельхозпродуктов⁴⁶. Постановлением СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае» на сельхозустройство спецпереселенцев отводилось 12 764 тыс. руб., из которых 11 644 тыс. руб. выделялись как долгосрочные ссудные кредиты без указания сроков возврата⁴⁷. На начальном этапе существования спецпоселений финансовую ответственность за расходование средств несли те наркоматы и ведомства, которые использовали труд спецпереселенцев. После реорганизации системы спецпоселений в 1933 г. на ОГПУ была возложена вся ответственность за развитие трудпоселений в Нарымском окр. и Северном Казахстане, в т. ч. за отпуск и расходование денежных средств. Особое давало органам ОГПУ—НКВД весомые преимущества при получении дополнительных финансов, безвозвратных ассигнований, льгот по налогам и сборам, списания части долгов, в пролонгации сроков возврата выданных спецпереселенцам ссуд.

В начале 1934 г. истек срок освобождения депортированных в 1930—1931 гг. спецпереселенческих хозяйств от сельхозналогов, сборов и заготовок, определенный правительственным постановлением от 16 августа 1931 г. Однако реальные условия и результаты хозяйственной деятельности в комендатурах оказались далекими от планов директивных органов. В январе 1934 г. Ягода направил докладную записку председателю СНК СССР Молотову, в которой привел аргументы в пользу некоторого продления срока льгот для спецпереселенцев: к 1934 г. ни неуставные сельхозартели, ни подсобные хозяйства спецпереселенцев в основной своей массе не имели излишков продукции. В условиях явно недостаточного продовольственного обеспечения спецпоселков урожай артелей и подсобных хозяйств целиком уходил на удовлетворение потребительских нужд самих спецпереселенцев и работников коменда-

тур⁴⁸. Постановление СНК СССР от 24 февраля 1934 г. еще на один год освобождало от всех налогов и сборов спецпереселенцев, занятых в сельском хозяйстве в Северном Казахстане (в Западной Сибири артели и единоличники с этого года начали налоговые выплаты). Этим же постановлением в 1934 и 1935 гг. неуставные сельхозартели спецпереселенцев в Нарымском окр. освобождались от сдачи государству продукции животноводства⁴⁹.

С 1934 г. спецпереселенцы начали ощущать на себе всю мощь сталинской налогово-податной системы по выполнению обязательных госпоставок зерна и картофеля. 1 октября 1934 г. президиум Запсибкрайисполкома принял постановление «О наложении взыскания за злостную не сдачу зерна государству трудпоселенцами», согласно которому на последних распространялись все нормы и сроки зернопоставок, действовавшие для колхозов, равно как штрафы и уголовная ответственность для единоличных хозяйств⁵⁰. На груз податного обложения наложилось и то обстоятельство, что осенью 1934 г. заморозки уничтожили значительную часть посевов зерновых в Нарымском и Тарском округах. Спецпереселенцам этих округов специальным постановлением СТО от 27 февраля 1935 г. была отпущена семенная ссуда с возвратом из урожая 1935 г.⁵¹ В это же самое время нач. УНКВД по Запсибкраю В.А. Каруцкий направил наркому Ягоде докладную записку, в которой обосновал необходимость полного освобождения в 1935 г. трудпоселенцев Нарымского окр. от сельхозналога и госпоставок зерна и картофеля. Каруцкий отмечал, что по итогам заготовительной кампании 1934 г. трудпоселенцами было сдано в качестве госпоставок, натуроплаты МТС и отчислений на погашение задолженности по ссудам 13,5 тыс. т зерна. Сельхозналог и обязательные денежные сборы были выплачены неуставными артелями на 57 %, следовательно, возникла задолженность государству. По расчетам ОТП, в 1935 г. неуставные артели должны были сдать государству более 14 тыс. т зерна и уплатить сельхозналог в гораздо большем объеме. Каруцкий полагал, что полное выполнение гособязательств подорвет неокрепшее хозяйство неуставных артелей. Руководство ГУЛАГа посчитало возможным поддержать ходатайство Каруцкого, но не во всем: оно обратилось в СНК СССР с просьбой об освобождении нарымских трудпоселений в 1935 г. от уплаты сельхозналога и от госпоставок картофеля⁵².

Не только местные функционеры, но и представители нового слоя в руководстве ОТП ГУЛАГа, пришедшие на смену репрессированных в ходе «Большого террора» чекистов, мнение о зажиточности спецпереселенцев тесно увязывали с убеждением о «вредительстве» на всех уровнях аппарата управления системой комендатур. В справке, подготовленной весной 1939 г. пом. начальника ОТП ГУЛАГа Афанасьевой, отмечалось: «В трудпоселках были созданы условия к окулачиванию. В некоторых областях (Свердловская, Мурманская и др.) как трудпоселенческие сельхозартели, так и индивидуальные хозяйства трудпоселенцев не облагаются госпоставками мяса и молока. Трудпоселенцы, работавшие на промышленных предприятиях!], были освобождены от сельхозналога постановлением СНК СССР.

Имеющиеся излишки на индивидуальном хозяйстве трудпоселенцы реализуют на рынке. В индивидуальном пользовании трудпоселенцев

имеются по несколько коров, лошадей, свиней и бесчисленное количество домашней птицы (Мурманская, Иркутская области, ДВК)»⁵³.

По мнению мурманского историка В.Я. Шашкова, «эти факты свидетельствуют о том, что раскулаченные семьи, потомственные землевладельцы, обладая большим трудолюбием, в любых условиях могли трудиться эффективно и своим примером увлекали других <...> Трудпоселенцы внесли огромный вклад в развитие сельскохозяйственного производства в районах их поселения и в масштабах всей страны <...> Все это способствовало оздоровлению экономической ситуации в стране и улучшению жизненного уровня самих трудпоселенцев»⁵⁴.

Насколько правомерна такая оценка современного историка? Нет ли в ней невольного признания правомерности создания и функционирования системы принудительного труда в СССР? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на проблеме мотивации труда и условия хозяйствования, в частности, рассмотреть комплекс факторов (политических, административных, экономических и др.), одни из которых способствовали хозяйственной деятельности спецпереселенцев, а другие ее лимитировали или парализовали.

Мотивация к труду у колхозников и спецпереселенцев была разной. На начальной стадии спецпоселения поставленные на грань выживания репрессированные крестьяне действительно могли рассчитывать только на самих себя, на крестьянскую самоорганизацию и взаимопомощь. Труд, даже в принудительной форме, давал шанс выжить им самим и, что не менее важно, другим членам семьи, находившимся также на поселении. Подобной мотивации к труду не имели заключенные. Для спецпоселенцев «ударный» труд был практически единственным средством восстановления в гражданских правах. «Ударничество» позволяло добиться восстановления в правах в течение двух-трех, а не пяти лет с момента высылки, как на это указывалось в постановлениях ЦИК СССР. Восстановление в правах главы семейства распространялось и на других членов семьи — жену и детей (до достижения ими совершеннолетия). И хотя вопреки ожиданиям восстановление в правах не избавляло большинство (кроме молодежи) спецпереселенцев от проживания в комендатурах, а лишь влекло ослабление комендантского надзора над ними, репрессивным органам отчасти удалось превратить эту процедуру в средство трудовой мотивации крестьян в спецпоселках. К моменту принятия новой Конституции (декабрь 1936 г.) в ОТП по Западной Сибири было восстановлено в правах 57 088 чел. (11 916 хозяйств)⁵⁵.

Трудовые навыки, несомненно, помогли репрессированным крестьянам адаптироваться к экстремальным условиям северного климата. Следует иметь в виду, что для решения задач «продвижения земледелия на Север» крестьяне-спецпереселенцы из южных районов Сибири с богатым опытом и традициями земледелия подходили больше, чем нарымские старожилы, занимавшиеся преимущественно промысловой деятельностью. То же касается и развития животноводства, традиционно более успешного на юге Сибири, нежели на севере региона. Кустарные промыслы в промышленных масштабах, производство продукции лесохимии (пихтовое масло, древесный спирт, скипидар и т. д.) являлись сравнительно новыми с технологической точки зрения видами труда и для переселенцев, и для коренных жителей, и ставили их примерно в

равные условия, как, впрочем, и коллективное животноводство, навыков ведения которого не имели до начала 1930-х гг. ни те, ни другие.

Особого внимания требует оценка такого фактора, влиявшего в первую очередь на условия труда спецпереселенцев, как особый режим, установленный для спецпоселков карательными органами. Нет сомнения в том, что принуждение к труду и диктат репрессивных органов в навязывании типа, района хозяйственной деятельности, в установлении жесткой регламентации количества и качества труда не могли не деформировать деятельность неуставных артелей. Несомненно и то, что организация неуставных сельскохозяйственных и промысловых артелей была для репрессированных крестьян продолжением принудительной коллективизации, которая распространялась на новые группы сельского населения и новые территории. С середины 1930-х гг. уцелеть единоличным хозяйствам в комендатурах было сложнее, чем единоличникам вне комендатур: если для высылки последних «за саботаж государственных заданий» требовалась санкция Политбюро, то для спецпереселенцев было достаточно внутриведомственного согласования органов НКВД.

Что же касается различий в условиях хозяйствования спецпереселенцев и старожилов Нарыма, то они были обусловлены факторами политического и организационного характера. Когда «карающий меч» взял на себя функции организатора сельскохозяйственного производства в комендатурах, в т. ч. ответственность за создание и развитие социально-культурной инфраструктуры, он объективно был вынужден играть роль «щита» для спецпереселенцев. При господстве в СССР тотальной распределительной системы возможности различных ведомств в борьбе за перераспределение ресурсов (материальных, финансовых, кадровых) естественно не были одинаковыми: репрессивные органы обладали преимущественным правом на получение всевозможных «лимитов». ОГПУ—НКВД имел реальные рычаги, с помощью которых ему выделялись средства из различных резервных государственных фондов, давались многочисленные отсрочки платежей или льготы при их расходовании. Таким административным ресурсом, например, органы Наркомзема не обладали. Важно учитывать и то, что система спецпоселений представляла собой своего рода финансовую «черную дыру», где до 1937 г. контроль за расходованием средств носил внутриведомственный характер. Наконец, неравные возможности у уставных и неуставных артелей в Нарымском окр. были и в обеспечении их специалистами различного профиля. Землеустроители, агрономы, зоотехники и представители других дефицитных для села профессий попадали в СибЛАГ для работы в спецпоселках по-разному — и как мобилизованные партией, и как заключенные и ссыльные. И в этом НКВД имел преимущество перед прочими организациями. Поэтому в известной степени понятно стремление местных региональных советских и хозяйственных органов, которым НКВД передал экономическую деятельность неуставных артелей, дискриминировать крестьян-спецпереселенцев вновь, как это уже было в начальный период коллективизации. За предложениями региональной номенклатуры переложить на плечи спецпереселенцев основное бремя по налогам и сборам в регионе, несколько ослабив его тем

самым для местного населения, скрывалось извечное желание добиться торжества уравниловки.

Вопрос об экономической целесообразности использования в таких масштабах и формах труда спецпереселенцев отрицательно решался самой жизнью. Не могло быть оправданным массовое принуждение к труду на строительстве, лесозаготовках, приисках и в рудниках ранее активных земледельцев как неквалифицированной рабочей силы, причем в условиях резкого падения сельскохозяйственного производства в стране. Не иначе как преступлением сталинского режима следует считать тот факт, что в 1933—1934 гг. в пострадавших от массовой высылки и голода районах страны (Украина, Северный Кавказ, Восточная Сибирь) для восполнения «выбывшего» крестьянства органы власти были вынуждены организовывать новые переселения, используя методы вербовки демобилизованных красноармейцев с семьями и представителей других категорий, зачастую не знакомых с сельскохозяйственным трудом в конкретных климатических условиях. Невольно напрашивается мысль о том, что энтузиазм и героизм требовались нередко для того, чтобы ценой чрезвычайных усилий компенсировать последствия преступления, совершенного ранее по отношению к крестьянству.

3. Спецпереселенцы в Кузбассе

Сеть спецпереселенческих поселков, сформированная летом—осенью 1931 г. на юге Западной Сибири, относилась к промышленным, или южным комендатурам, территориально удаленным от сельскохозяйственных и лесных, северных, находившихся в Нарымском и Красноярском краях. До создания этой сети (лето 1930 — весна 1931 г.) у власти не было представления о том, как использовать труд той части «кулаков 3-й категории», которая не подлежала высылке в северные районы, и которую надлежало расселить компактно в особые поселки вне колхозных земель. Однако, как отмечалось в сводке ПП ОГПУ по Сибкраю от 25 апреля 1930 г., «расселение кулачества 3-й категории <...> по существу выразившись всего лишь в 1000—1500 [хозяйств], затянувшись до распутицы, было вынужденно СКИКом отложено в связи с наступлением весеннего сева»¹.

Летом 1930 г., когда функции по административному и хозяйственному устройству «кулаков» сосредоточились в одном органе — СКАУ, перед созданным при нем комендантским отделом директивные органы поставили задачу «взять всю свободную рабсилу на трудоемкие работы по нарядам СКАУ»². К этому времени милицией была «произведена широкая контракция поселенцев хозяйственными организациями края»³, которую карательные органы первоначально использовали для размещения в южных районах региона т. н. поселенцев-одиночек, депортированных из западных районов страны. Тем самым, как отмечалось в начале июля 1930 г. в докладе комендантского отдела СКАУ в НКВД РСФСР, «в значительной степени ослаблялся острый дефицит рабсилы, переживаемый промышленными организациями края. Однако необходимо заметить, что это мероприятие имеет и отрицательные свойства, заключающиеся в том, что кулак поселенец, попадая на предприятие и непосредственно общаясь с рабочими, оказывает определен-

ное влияние, подчас деморализующее действующее на остальные слои сибирского пролетариата. Учитывая это, мы, не отказываясь от проведения контрактации, стремимся придать ей такое направление, которое бы явилось и сводило к минимуму отрицательные качества, а именно — не разбрасывать контрактующих поселенцев по множественному числу предприятий, а концентрировать их на мощных трудоемких строительствах, например, постройка исключительно силами поселенцев железных дорог или отдельных участков, эксплуатация отдельных рудников и т. п. В данном случае поселенцы имеют общение только с техническим персоналом и небольшой группой квалифицированных рабочих, облегчается также охрана, учет, расчеты и т. п.»⁴.

Крупные хозяйственные организации воспользовались возможностями объявленной СКАУ контрактации. Кузнецкстрой одним из первых заявил о своих претензиях на эту «рабсилу»: сюда было направлено много глав семей и трудоспособных мужчин из семей «кулаков 3-й категории». «Кулацкая» сила пользовалась спросом в леспромхозах, погрузочно-разгрузочных бюро и т. д. Как отмечал начальник комендантского отдела Долгих в отчете крайисполкому от 25 февраля 1931 г., «в данное время эти контингенты довольно прочно обосновались в предприятиях, получили квалификацию, в отдельных случаях сделались "незаменимыми". Сроки их пребывания неопределенны. Взяты они в августе — сентябре под знаком временности. В данное время необходимо разрешить вопрос об их дальнейшем оставлении на строительствах, т. к. снятие их в связи с острым дефицитом рабсилы, несомненно, отрицательно отзовется на темпах и вызовет решительные возражения всех строительных организаций, в особенности Кузнецкстроя, где работает около 2 000 человек»⁵.

Осенью 1930 г. представителей «кулацкой молодежи» как «лишенцев» призвали в части тылового ополчения. За счет них Кузбасс получил дополнительный ресурс «рабсилы». Здесь разместили 3 650 сибирских «лишенцев», из них 2 650 чел. — непосредственно на шахтах, а 1 000 чел. — в леспромхозах, обслуживавших трест «Кузбассуголь». Среди прибывших около 1 тыс. чел. составила молодежь призывного возраста из «кулацких» семей, отнесенных к 3-й категории⁶.

К началу 1931 г. в Западной Сибири стали приносить свои результаты меры репрессивных органов по розыску бежавших из спецпоселков «кулаков 2-й категории». Часть из них, прежде всего т. н. одиночек, ЗСКИК распорядился направлять на принудительные работы в лесничество, Погрузбюро (Новосибирск), на Кузнецкстрой. С началом навигации их предполагалось передислоцировать в самую дальнюю комендатуру Западной Сибири — Александрово-Ваховскую. Однако крупные хозяйственные организации, в распоряжении которых оказалась значительная масса преимущественно трудоспособных крестьян-«одиночек», активно воспрепятствовали планам репрессивных органов жестко наказывать бежавших «кулаков», оставив их «приписанными» к тем или иным крупным хозяйственным органам.

К весне 1931 г. в Кузбассе сложилась крайне сложная ситуация, связанная с присутствием все нарастающей массы спецпереселенцев в самой сердцевине региона, олицетворявшего мощь и перспективы индустриального освоения Сибири. Одновременно со строительством

сложнейших современных технологических производств здесь наблюдалась одна из наиболее высоких степеней концентрации т. н. спецконтингента, в состав которого наряду с заключенными и тылоополченцами входили спецпереселенцы. На этом этапе контрактации хозяйственные органы, стремясь свести к минимуму собственные затраты по устройству спецпереселенцев, добивались того, чтобы т. н. одиночки или главы семей прибывали к ним отдельно от домочадцев.

Ситуация резко изменилась весной 1931 г. в связи с решением комиссии ЦК ВКП(б) под руководством А.А. Андреева направить в распоряжение Востокостали для использования на строительных площадках Кузнецкстроя 5 тыс. крестьянских семей, высылаемых из Московской обл. Размещение почти 20 тыс. спецпереселенцев, среди которых более половины составляли нетрудоспособные (старики, дети, инвалиды), и создание для них социально-бытовой инфраструктуры требовало от руководства Кузнецкстроя отвлечения весьма значительных средств и ресурсов, хотя при этом в перспективе оно определенным образом решало проблему обеспечения строительной площадки комбината постоянной рабочей силой. 21 марта 1931 г. начальник Кузнецкстроя СМ. Франкфурт и секретарь Кузнецкого РК ВКП(б) Р.М. Хитаров направили Андрееву телеграмму с резким возражением против подобного решения: «Востокосталь по договоренности [с] ГУЛАГом направляет на площадку Кузнецкстроя 5 тыс. семейных спецпереселенцев. Мы все время протестовали вследствие, отсутствия какой либо жилплощади. Подготовить в течение десяти дней жилплощадь [для] 20 тыс. чел. абсолютно невозможно, также отсутствует возможность надлежащей организации питания, медобслуживания. Наш протест Востокостали, ГУЛАГу остался безрезультатным. В нынешних условиях площадки [это] означает издевательство, поскольку придется отрывать рабочую силу основных участков для обслуживания семей спецпереселенцев и выщелать для них фонды при чрезвычайно напряженном положении в отношении важнейших продуктов. Просим Вашего распоряжения об отмене отправки пяти тысяч семейных на площадку Кузнецкстроя»⁷.

Мартовский демарш сибирских руководителей возымел определенное действие, тем более что они одновременно обратились за поддержкой к С. Орджоникидзе. Вероятно, вскоре после этого (точная дата не установлена) член Президиума ВСНХ Ю.П. Фигатнер обратился к Андрееву с предложением о перераспределении семей спецпереселенцев для использования их труда системой Востуголь: «Андрей! Серго просит 5 тыс. [семей?] из Кузнецкстроя направить для Востугля, то и другое в Сибири. Ягода не возражает, нужно твое согласие. Ты как?»⁸.

В конечном итоге с началом летней массовой депортации в 1931 г. поступавшие в Кузбасский регион спецпереселенцы оказались «приписанными» и к Кузнецкстрою (Востокосталь), и к Востуглю. Как следует из справки СибЛАГа в крайисполком о дислокации комендатур спецпереселенцев на 24 сентября 1931 г. промышленные комендатуры Кузбасса находились в распоряжении двух хозяйственных органов — Востугля (Востокугля), здесь насчитывалось шесть участковых комендатур (четыре лесные — Анжерская, Горно-Шорская, Крапивинская, Яйская, в которых размещалось 4 172 семьи, 18 366 чел., и две шахтные — Анжер-

екая и Прокопьевская — 20 187 чел.), и Кузнецкстрой, где размещалось 4 390 семей, или 21 461 чел.⁹

В ходе высылки в 1931 г. карательные органы старались расселять высланные крестьянские семьи на достаточно большом расстоянии от мест прежнего проживания. Практически все сибирские «кулаки» депортировались в Нарымский край. Южный Кузбасский регион стал местом, куда было направлено для размещения 50 300 спецпереселенцев из-за Урала (Башкирия и Московская обл., 9 923 семьи). Поступивших в августе 1931 г. в основном на три узловые железнодорожные станции (Анжерка, Прокопьевск, Кузнецк) рассредоточивали по поселковым комендатурам.

Анжеро-Судженская участковая (районная) комендатура насчитывала шесть поселковых комендатур, в т. ч. пять лесных и одну горную. Прокопьевская комендатура состояла из трех поселковых комендатур, преимущественно угледобывающего профиля. Кузнецкая комендатура включала также три поселковые комендатуры, обслуживавшие нужды строительной индустрии. Крапивинская, Горно-Шорская и Таштыпская райкомендатуры были связаны с обеспечением лесозаготовками нужд угольной промышленности, особенно нового шахтного строительства¹⁰.

Формирование сети комендатур промышленного профиля заставило репрессивные органы создать и отладить механизм расселения, устройства, поддержания режима и разработать принципы использования труда спецпереселенцев. В северных комендатурах основной формой организации труда являлись неуставные артели, административный аппарат в лице работников комендатур, руководя неуставными артелями, напрямую участвовал в производственной деятельности. Для комендантов промышленных комендатур подобное объединение административно-режимных и экономических функций было практически неприемлемым. На совещании о положении спецпереселенцев в крае, состоявшемся в Новосибирске 1 октября 1931 г. с участием членов московской комиссии, обследовавшей комендатуры, секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе высказался по данному вопросу весьма категорично: «Теперь о промышленных комендатурах. Первый, основной вопрос — это надо покончить с тем, чтобы комендатуры являлись хозяйственными руководителями спецпереселенцев. Комендатура не имеет никакого дела по отношению к хозяйственной части жизни спецпереселенца, по крайней мере не должна иметь дело. Мне кажется, что комендатуры в промышленных районах обязаны следить за тем, чтобы не творилась контрреволюция <...>

А теперь — насчет хозяйственной деятельности. Это целиком должно быть возложено на те хозяйственные организации, кому переданы спецпереселенцы, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Извольте его отсортировать, прикрепить к работе на месте. Обезличка, или огуречный расчет, как говорит т. Зуев, когда вы не с людьми имеете дело, а с мертвыми цифровыми знаками — никуда не годится»¹¹.

ОГПУ, руководившее системой спецпереселений после ликвидации НКВД союзных республик, придавало большое значение процедурной, договорной стороне отношений с хозяйственными организациями. В договорах оно стремилось прописать те принципиальные положения, которые регулировали правовую и финансовую стороны отношений.

22 июня 1931 г. руководством ГУЛАГа для сведения и исполнения местным управлениям были направлены «Основные положения» договора с хозорганами о трудовом использовании спецпереселенцев¹². В них перечислялись следующие обязательства хозорганов: обеспечить за свой счет спецпереселенцев на пути их следования от ближайшей к месту назначения железнодорожной станции; обеспечить глав семейств спецпереселенцев работой в течение круглого года или договорного периода, использовать остальных трудоспособных членов семейств «для сезонных и иных периодических работ» (переброска «избыточной рабочей силы» из одного предприятия хозоргана в другое допускалась лишь при согласовании ее с ПП ОГПУ); организовать снабжение, питание, условия работы и оплату труда спецпереселенцев на общих с вольнонаемными рабочими основаниях.

Согласно «Основным положениям», 25 % зарплаты спецпереселенцев передавалось хозорганами в распоряжение ПП ОГПУ «на покрытие его организационно-административных расходов» (позднее эти вычеты были снижены сначала до 15 %, а затем до 5 %). В документе также указывалось: «В целях создания прочной базы обеспечения спецпереселенцев продовольственными ресурсами, независимо от продовольственного обеспечения их на работах в предприятиях хозорганов, желательно при наличии у хозорганов свободных земельных фондов отводить спецпереселенцам пахотно-способные земли для обработки их силами и средствами самих спецпереселенцев <...> Вместо сельского хозяйства при подходящих условиях желательно оказание хозорганами помощи спецпереселенцам для организации огородничества, садоводства, пчеловодства и всякого рода иных занятий и промыслов, могущих обеспечить спецпереселенцев средствами к существованию»¹³.

Таким образом, ОГПУ стремилось не просто максимально использовать труд репрессированных крестьян в целях индустриального развития, но и традиционно переложить часть забот по устройству спецпереселенцев на новых территориях на их собственные плечи (содержание репрессивного аппарата за счет отчислений от заработков спецпереселенцев, частичное самообеспечение спецпоселений продовольствием за счет подсобных хозяйств).

Руководство ОГПУ в циркулярном письме от 21 июля 1931 г., разосланном своим полпредам, приводило перечень «существующих ненормальностей» в отношении хозорганов к приему и устройству спецпереселенцев: затяжка с оформлением договорных отношений ГУЛАГа с хозорганами, «нерациональное использование рабсилы»; несвоевременная выдача зарплаты, медлительность в создании подсобных хозяйств в промышленных комендатурах, и т. д.¹⁴

Что представляло собой, по терминологии чекистов, «рациональное трудовое использование спецпереселенцев»? На Урале в принятом 31 марта 1931 г. облсоветом «положении о спецпереселенцах» отмечалось, что в зависимости от результатов медицинского освидетельствования спецпереселенцы «разбиваются на следующие 5 групп:

группу "а" — составляют способные к выполнению всяких физических работ;

группу "б" — способных к выполнению только легких физических работ;

группу "в" — неспособных к физическим работам, но могущих быть использованными на внутрипоселковых работах, легких кустарных промыслах и сезонных работах — сборов грибов, ягод, орехов и т. д.;

группу "г" — вовсе неспособных к труду;

группу "д" — детей в возрасте до 16 лет»¹⁵.

О том, насколько различались разработанные «наверху» директивными органами амбициозные планы применения крестьянской «рабсилы» в промышленности и реальное состояние трудового потенциала семей спецпереселенцев, можно судить по «Сведениям о балансе спецпереселенческой массы», труд которой использовался осенью 1931 г. на предприятиях трестов Ураллеспрома. Производственники стремились к тому, чтобы «очистить свой баланс от нетрудоспособной массы, не могущей быть использованной в лесной промышленности. <...> при сопоставлении видно, что последние составляют 37,9 %, а на каждую семью падает 1,6 чел[овека]. Таким образом, та первоначальная установка, по которой центр определяет количество трудоспособных 6 и 4 (доля трудоспособных среди спецпереселенцев должна была достигать 60 %. — С.К.), не выдерживается, хотя за последнее время, как можно заключить из поступивших телеграмм по снабжению, центр считает уже соотношение трудоспособных к общей массе как 4 к 6-ти»¹⁶.

По трудовому потенциалу семьи спецпереселенцев, размещенные в кузбасских комендатурах в начале 1930-х гг. и в Уральском регионе, различались незначительно. По данным на декабрь 1932 г., половозрастная структура семей, находившихся в спецпоселках Уральского региона, была следующей: дети до 12 лет — 30,4 % от общей численности, подростки от 12 до 16 лет — 10, мужчины старше 16 лет — 32, женщины — 27 %. Соотношение половозрастных групп в нарымских комендатурах было иным: 36,4; 11,6; 24,5 и 27,5 % соответственно¹⁷. Весьма существенные различия в «трудовом балансе» южных и северных комендатур в Западной Сибири были результатом целенаправленного «очищения» первых от нетрудоспособных групп путем их перевода в детские и инвалидные дома, передачи на иждивение родственникам.

Начиная с августа 1931 г. в сводках ПП ОГПУ Запсибкрая в крайисполком чекисты указывали на «нерациональное использование рабочей силы спецпереселенцев» в Кузбассе и винили в этом прежде всего хозорганы, и только затем аппарат комендатур. По состоянию на 21 августа 1931 г. на работах в Кузнецкстрое было задействовано 4,5 тыс. чел., что составляло пятую часть численности спецпереселенцев (1 чел. на семью). В Анжерской комендатуре доля трудоспособных достигала почти 50 %, однако непосредственно на работах использовалось 40 % от общей массы жителей спецпоселков, в Прокопьевской комендатуре — 27 и 65 % соответственно¹⁸.

Как отмечалось выше, ответственность СибЛАГа в сельхозкомендатурах Нарымского окр. распространялась на организацию производства и деятельность неуставных артелей, в промышленных же комендатурах она ограничивалась обеспечением функций поддержания режима в спецпоселках и ведомственного контроля за выполнением предприятиями договорных обязательств в отношении использования труда спецпереселенцев. СибЛАГ подвергал хозорганы нелицеприятной критике. Уже на начальном этапе массового использования труда спецпереселен-

цев промышленными, строительными, транспортными и другими организациями Западной Сибири выявились «серьезные недочеты», ставшие хроническими, несмотря на периодически принимавшиеся директивными органами решения по их искоренению. В их числе в постановлении бюро крайкома партии по докладу Л.М. Заковского от 5 августа 1931 г. назывались: «...2. Неудовлетворительное (по установленным нормам) снабжение спецпереселенцев спецодеждой, обувью и промтоварами.

3. Допущение в практике использования спецпереселенцев явно без законных действий: произвольное повышение норм выработки, понижение зарплаты, лишение выходных дней, уменьшение пайка, обсчитывание.

4. Использование ассигнованных хозорганизациями кредитов и фондов на освоение труда спецпереселенцев не по прямому назначению.

5. Отсутствие в практике трудового использования спецпереселенцев, особенно среди молодежи, культурно-воспитательной работы <...> отказ, а в отдельных случаях и прямое запрещение со стороны хозяйственных и партийно-советских организаций (Артемовский рудник) от премирования за перевыполнение производственных заданий.

6. Чрезвычайно низкая степень обеспеченности спецпереселенцев жилищами <...>¹⁹

8 сентября 1931 г. бюро крайкома констатировало, что «ни одной из хозорганизаций, использующих труд спецпереселенцев, до последнего времени не принято решительных мер к практической реализации решения крайкома от 5.08 и конкретных сдвигов в этих вопросах не достигнуто», за чем последовала угроза применения к руководителям хозорганизаций «жестких партвзысканий»²⁰.

Почти три года спустя (5 апреля 1934 г.) бюро крайкома отмечало, «что бытовое строительство трудпереселенцев, работающих на предприятиях Кузбассугля (особенно Осиновки), Запсибзолото, Новосибирса, лесосбыта и сахаротреста, несмотря на неоднократные указания крайкома, остается совершенно неудовлетворительным, и принятые по договорам обязательства со стороны хозорганов в значительной степени не выполняются»²¹.

Еще через три года (9 апреля 1937 г.) начальник УНКВД по Запсибкраю С.Н. Миронов в письме на имя секретаря крайкома Эйхе так описывал «тяжелые условия трудпоселенцев, работающих в системе Кузбассуголь, Кузнецкого Metallургического] Комбината, Запсиблестяж, Запсиблеспромсоюза, Запсибзолото, Сахаротреста: Жилища непригодны и представляют опасность обвалов, крайняя скученность, способствующая заболеваниям; у работающих на лесозаготовках отсутствует спецодежда (даже лапти), инструмент недоброкачественный, низкое качество пищи при высокой стоимости, задолженность по зарплате в 2—3 месяца; работающие в системе Запсибзолото перебрасываются с обжитых участков без учета целесообразности, старательским артелям ставятся невыгодные условия; промкустарные артели по выработке пихтового масла наталкиваются на различные препятствия со стороны леспромхозов Запсиблестяж, лишаются права получения хлеба в ларьках <...> Эти ненормальности создают массовое бегство трудпоселенцев, стимулируют создание из их среды активных контрреволюционеров»²². Реакцией на это письмо являются две пометы: рукой Эйхе начертана

резолюция «Принцеву (зав. отделом промышленности крайкома. — С.К.). Нужно вызвать руководителей хозяйственных орг[анов,] в которых работают спецпереселенцы[,] и подробно разобрать эти вопросы. Результаты прошу доложить мне. Р. Эйхе. 10/IV 37»; другая от 20 мая принадлежит одному из нижестоящих партфункционеров — «Справка. После созыва всех заинтересованных руководителей, которым было предложено устранить все эти факты — по заявлению зам. нач. ОТП т. Корниенко положение улучшается»²³.

Указанные факты отражают отношение к спецпереселенцам как к «рабсиле»: предметом межведомственных корпоративных противоречий было определение того минимума жилищно-бытовых и производственных условий существования людей, без которого невозможно было обеспечить выполнение плановых заданий хозорганами (цели наркоматов) и «оседание» репрессированных крестьян в местах своего принудительного расселения (цели НКВД). Руководители хозяйственных органов в этих столкновениях оказывались более уязвимыми, поскольку существовавший производственный императив (выполнение планов любой ценой) подталкивал к жесткой эксплуатации «спецконтингентов» при минимуме затрат на их содержание. Справедливости ради необходимо отметить, что злостные нарушители директивных установок по использованию труда спецпереселенцев на производстве наказывались. Так, постановлением СНК СССР от 4 апреля 1932 г. давалась прямая директива крайвым органам о предании суду правления Запсиблестреста «за разбазаривание денежных средств и продовольственных и промышленных фондов, предназначенных для снабжения спецпереселенцев»²⁴. По информации руководства ОГПУ в ЦК ВКП(б) от 27 октября 1932 г. к судебной ответственности было привлечено 140 функционеров различных звеньев Наркомлеспрома, виновных в «разбазаривании» хлебных фондов, выделенных для семей спецпереселенцев, работавших в лесной отрасли.

Размещение в Кузбассе спецпереселенцев позволяло хозорганам справиться с хроническим дефицитом рабочих рук. Для решения этой задачи проводились самые масштабные переброски ссыльного крестьянства из одних комендатур в другие, из северных в южные. 15 мая 1932 г. на заседании бюро крайкома партии было принято решение: «Ввиду острого недостатка в наемной рабсиле в "Кузбассугле" считать возможным привлечение в "Кузбассуголь" в качестве рабсилы переселенцев Нарымского края». Предусматривалась переброска 3 тыс. семей. При этом учитывались интересы прежде всего хозяйственных органов, которые отбирали семьи по двум категориям: «В составе переселяемых семей обязательно должно быть не менее одного трудоспособного мужчины. В первую очередь отбираются малочисленные семьи»²⁵. Подобного рода решение являлось вынужденным, поскольку Политбюро и СНК СССР в мае 1932 г. отказались от планов депортации весной 1932 г. 38 тыс. крестьянских семей, в рамках которой внутрикравая «квота» Западной Сибири должна была составить сначала 7 тыс., потом 1 тыс. семей, которые к тому же надлежало отправить на Дальний Восток²⁶.

Пополнение кузбасских комендатур новым «спецконтингентом» и в последующие годы происходило не всегда по заранее составленным планам, а было ответом на неординарные ситуации. Так, во время мас-

совой высылки весной—летом 1933 г., когда выяснилась невозможность расселения в северных комендатурах значительной массы деклассированных городских элементов, досрочно освобождаемых из тюрем, органы ОГПУ по согласованию с региональными партийными и хозяйственными органами направили часть потока «спецконтингента» в кузбасские комендатуры. При этом хозяйственники, воспользовавшись своим преимущественным правом, выбирали среди вновь прибывавших в регион семьи, малые по размеру и имевшие в своем составе трудоспособных членов. Летом 1933 г. «Кузбассуголь» таким образом получил 4 070 семей (17 753 чел.), «отфильтрованных» в Омске представителем треста²⁷.

Последняя масштабная переброска спецпереселенцев из северных комендатур в южные была предпринята в ноябре 1936 г.: согласно распоряжению УНКВД по Запсибкраю, ОГП направил в Анжерские шахты «на ликвидацию прорыва, образовавшегося в результате вредительства» на временную работу до конца марта 1937 г., 937 трудоспособных главы семей²⁸. Весной 1937 г. руководство треста «Кузбассуголь» предприняло шаги по закреплению этой категории на шахтах в качестве постоянных рабочих, чем вызвало крайне негативную реакцию УНКВД, опасавшегося, что это повлечет за собой дополнительную переброску из северных комендатур 2—3 тыс. чел. (других членов семей). Кроме того, карательное ведомство считало «нецелесообразным такой сравнительно большой отлив с севера сельхозконтингента, вполне освоившегося за 6 лет <...>»²⁹.

В годы первых пятилеток спецпереселенцы не были единственным массовым источником рабочей силы для предприятий, шахт и приисков Кузбасса. Сюда направлялся громадный по своим масштабам и разнообразию поток «спецконтингента», охватывавший, в частности, заключенных, судебно-ссылных и тылоополченцев. Легкость, с которой нехватка одной категории «спецконтингента» восполнялась за счет другой, формировала у хозяйственных руководителей пренебрежение к созданию необходимых условий жизнедеятельности для спецпереселенцев. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. Документы, вышедшие из недр партийно-государственных контрольных органов, были призваны выяснить с максимальной полнотой реальное положение спецпереселенцев, чей труд использовался хозорганами. Сами спецпереселенцы писали протесты и жалобы на условия труда и быта в промышленных комендатурах, которые работники СибЛАГа порой не без успеха использовали при апелляции в партийные органы для «устранения ненормальностей в работе хозорганов по освоению трудоселенческого контингента».

Важнейшими показателями успешности использования труда «спецконтингента», которыми руководствовались в своих оценках названные выше органы, были общая численность спецпереселенцев, переданных хозорганам; удельный вес трудоспособных в общей массе населения спецпоселков; доля фактически занятых на работе из числа трудоспособного контингента; нормы выработки; степень их выполнения; заработная плата и возможность обеспечения прожиточного уровня семей спецпереселенцев. В ходе проведенного в начале 1932 г. СибЛАГом обследования условий труда и хозяйственной деятельности спецпересе-

ленцев, «приписанных» к различным ведомствам, была выявлена следующая ситуация. Из 265,8 тыс. западносибирских спецпереселенцев в южных комендатурах размещалось 70 тыс. чел. Доля трудоспособных среди расселенных в Нарымском крае составляла 48 % от общей численности спецпереселенцев, переданных Востуглю — 40, Кузнецкстрой — 60,5, Цветметзолото — 47,8 %. Фактически на работах в системе Востугля использовалось 74,7 % трудоспособного населения, Кузнецкстрой — 67,7 и Цветметзолото — 77,7 %. Данный показатель был значительно выше, чем в комендатурах Нарыма — 59,7 %³⁰. Выработка норм спецпереселенцами (средние показатели) во всех отраслях производства была разной: самая низкая (около 70 %) в леспромхозах системы треста «Кузбассуголь» и на Кузнецкстрое (земляные работы); самая высокая (100—120 %) на угольных шахтах и приисках (горные работы). Заработок спецпереселенца, занятого на горных работах в «Кузбассугле», обеспечивал прожиточный минимум семье из трех — четырех чел., работающий на лесозаготовках мог обеспечить максимум двух членов семьи. Такой же разрыв существовал в оплате работавших на лесных и горных работах в Цветметзолото. Об остроте проблемы выживания говорят следующие данные о среднем составе семей: 3,3 чел. (Запсибзолото), 3,4 чел. (Кузнецкстрой), 4,6 чел. («Кузбассуголь»). Очевидно, что для выживания в промышленных комендатурах в семье должен был работать не только ее глава, но даже второй и третий члены семьи³¹. Проведенный руководством горных комендатур СибЛАГа весной 1932 г. анализ структуры и форм занятости спецпереселенцев на производстве выявил тенденции, закрепившиеся в последующие годы. До 60 % трудоспособных было представлено женщинами и подростками. Если мужское трудоспособное население спецпоселков использовалось на работах полностью, то женский и подростковый труд был востребован, по оценкам работников комендатур, не более чем наполовину. По мнению тех же работников комендатур, «недоиспользование» прежде всего женского труда определялось отсутствием в поселках и на предприятиях необходимой социально-бытовой инфраструктуры (детские учреждения, учреждения общественного питания) и недостатками в организации самого производственного процесса. Спецпереселенцев использовали преимущественно не на основных, а на подсобных (жилищное строительство, дорожные и сельскохозяйственные работы и т. д.) работах, поскольку здесь труд был заведомо менее регулярный и менее оплачиваемый³². Несвоевременная выплата зарплаты, принимавшая хронический характер, в сочетании с постоянным ростом цен на продукты питания становились причинами того, что многосемейные спецпереселенцы зачастую были не в состоянии выкупать свой паек. Весьма типичным являлось стремление хозорганов выходить из затруднений при снабжении продовольствием за счет ущемления спецпереселенцев. Весной 1932 г. руководство лесного управления «Кузбассугля» под предлогом экономии при расходовании продовольствия сняло «с продснабжения в пос. Мзас и Шадрово всех иждивенцев, работавших на разных хозработках (кипятильщиц, уборщиц, водовозов, столяров, плотников и прочих), всего около 160 человек», а инспектор лесоправления Губин «потребовал их выселения как не имеющих в составе своей семьи трудоспособных»³³.

Остроту конфликтов между функционерами СибЛАГа и номенклатурой «Кузбассугля» вокруг положения спецпереселенцев раскрывает следующий фрагмент письма от 14 сентября 1932 г., направленного комендантом Кузнецкой комендатуры Корниенко директору Горно-Шорского леспромхоза: «Вы жалуетесь на факт побега 36 человек спецпереселенцев <...> причем Вы сами же указываете в этом отношении, что как только рабочие узнали, что их передают из Кузнецкого ЛПХ к Вам, решили от Вас бежать.

Вполне с Вами согласен, что такое явление не только ненормально, но и абсолютно недопустимо, когда рабочие при одном только упоминании, что их передают Горно-Шорскому ЛПХ, решаются лучше бежать, чем у Вас работать.

Причины этого следующие:

1) непредоставление спецпереселенцам жилищ постоянного типа, благодаря чему спецпереселенцы ютятся во временных старых бараках и землянках, в лучшем случае имея по 1,40 кв. м жилплощади на человека;

2) систематические перебои даже в хлебе, не говоря уже о том, что в течение последних 8 месяцев, кроме хлеба, никаких других продуктов основного питания спецпереселенцев Вами не отпускалось;

3) произвольное уменьшение Вами норм выдачи хлеба иждивенцам с 400 грамм (норма Наркомснаба) до 300 грамм, а также произвольное уменьшение выдачи хлеба рабочим с 1000 до 800 грамм и т.д.;

4) наличие таких фактов, когда на Уссе и Тутуясе допускались случаи разгрузки лодок с продовольствием для вольнонаемных рабочих, в то время когда это продовольствие шло на отдаленные спецпереселенческие поселки, которые в это время уже голодали;

5) наличие такого безобразнейшего положения, когда зарплата рабочим Вами не выдается в течение 6 месяцев;

6) систематическая утеря рабочими своих рабочих дней из-за скверной постановки учета работы;

7) удовлетворение спецодеждой и обувью рабочих-спецпереселенцев только до 35 % потребности и т. д.

Можно было бы привести еще ряд безобразнейших фактов Вашего отношения к рабочим-спецпереселенцам, но думаю, что на этот раз и этих будет достаточно.

Поэтому Вам нужно в первую очередь так устроить и обеспечить рабочую силу, чтобы не было таких безобразных явлений, как побеги при одном только упоминании имени Горно-Шорского ЛПХ.

Прикрепление на местах работ рабочих также Ваша обязанность по договору с СибЛагом, так как поселковые коменданты естественно не могут постоянно быть на всех Ваших участках работ и следить за целостностью состава рабочих, это должны делать Ваши прорабы и десятники.

Как видите, причины не в надзоре за спецпереселенцами на работах, а в устройстве и предоставлении всех человеческих условий существования»³⁴.

Вполне очевидно, что коменданты отстаивали в данном случае не столько интересы спецпереселенцев, сколько свои собственные, корпоративные. Стабильные условия труда и быта репрессированных снимали проблему массовых побегов, ответственность за которые лежала на

комендатурах. Упомянутому выше Корниенко приказом ПП ОГПУ по Запсибкраю от 8 июня 1934 г. был объявлен выговор «за весьма слабую постановку работы по борьбе с бегством в Кузнецкой комендатуре, в результате чего из последней в течение марта—апреля месяца сбежало 629 чел. (задержано 259 чел.)»³⁵. Кроме того, штат работников комендатур содержался за счет 5 % отчислений от заработков спецпереселенцев, что создавало прямую заинтересованность комендантов в производительном труде спецпереселенцев. Отсюда и широко практиковавшийся перечень вводимых в комендатурах взысканий и репрессий в отношении тех, кто не выполнял нормы выработки. В приказе полпреда ОГПУ по Запсибкраю Н.Н. Алексева от 3 марта 1933 г. указывались формы наказаний: перераспределение пайка («за счет снижения норм пайка систематически не выработывающим норм увеличить паек тем, кто дает лучшие показатели производительности труда. Допустить снижение и увеличение пайка от установленной нормы в пределах 20—25 %»); «наложение на прогульщиков и нерадиво работающих спецпереселенцев взыскания до 15 суток ареста и до 15 рублей штрафа»; «комендантам практиковать в отношении прогульщиков и систематически не выполняющих норм спецпереселенцев снятие их с работ на срок до двух месяцев, перевод в худшие поселки и на худшие работы. В исключительных случаях перебрасывать в Нарымские комендатуры»³⁶. В соответствии с полученными директивами борьбу с невыходами на работу коменданты вели следующим образом: за один прогул рабочий переводился на иждивенческий паек на срок от 5 до 10 суток, за два — от 10 до 15 суток, широко практиковалось и наложение на работавших денежных штрафов. Масштабы разного рода взысканий в отношении спецпереселенцев иногда были столь велики, что становились предметом рассмотрения органов КК—РКИ. Осенью 1933 г. контрольные органы затребовали от Ольховской комендатуры сведения о характере нарушений и наказаний спецпереселенцев за последний год. Наиболее частыми были нарушения производственного порядка (прогул, отказ от работы, самовольная отлучка с места работы, «участие в групповой забастовке»), за ними следовали нарушения режима спецпоселения (побег, сокрытие побега, хулиганство, подделка продовольственных талонов и т. д.). Самыми распространенными видами наказания были штрафы (в 5 и 10 руб.) и аресты (на 5 и 10 суток). Широко практиковалась замена ареста штрафом в 10 руб. Таким образом у спецпереселенцев изымалась значительная часть заработной платы, что было на руку работникам и комендатур, и хозорганов³⁷. Прогулы и побеги являлись протестными действиями спецпереселенцев в ответ на тотальную дискриминацию и эксплуатацию, которым они подвергались с обеих сторон. Краевая комиссия КК—РКИ, обследовавшая в сентябре 1933 г. комендатуры, «приписанные» к «Кузбассуглю», констатировала: «Общая невыхождаемость трудпоселенцев в Прокопьевске с 1 января по 1 сентября т. г. составила 20 191 человеко-дней. В ряде причин, объясняющих невыхождаемость и прогулы, одной из основных является и то, что трудпоселенцы редко и даже вовсе не имеют выходных дней вследствие систематического использования их администрацией шахт для ликвидации производственных прорывов и комендатурами Сиблага на хозяйственных работах. Нужно отметить, что практика использования комен-

датурами трудпоселенцев для всякого рода хозяйственных работ поощряется Сиблагом, правда, это соответствующим образом вуалируется»³⁸. Работники комендатур не могли не воспользоваться своим служебным положением и, как отмечалось в приказе УНКВД по Запсибкраю от 7 мая 1936 г., вопреки «ранее данным распоряжениям» весь вольнонаемный состав Кузнецкой комендатуры использовал в качестве домработниц спецпереселенков, а также получал из соседних неуставных артелей продовольственные товары по более низким ценам³⁹.

В условиях спецпоселения обесценивалась и сама человеческая жизнь. Из материалов упоминавшегося выше обследования условий труда и жизни спецпереселенцев, работавших на предприятиях «Кузбассугля», которое проводилось краевой комиссией осенью 1933 г., явствует, что за восемь месяцев здесь скончалось *A % от* общей численности спецпереселенцев, а среди детей смертность превышала 10 %. Отношение к заболевшим спецпереселенцам со стороны администрации предприятий комиссия характеризовала как издевательское: зав. лесозаготовительным участком Китатского ЛПХ Власов «под угрозой ареста задержал нарочного, посланного в район комендантом и врачом за противодифтерийной сывороткой, отчего умерло двое детей. Зав. Тихеевским лесозаготовительным участком Попов нашел возможным в течение 40 дней не давать подводы для доставки медикаментов, несмотря на эпидемию скарлатины, что способствовало резкому увеличению смертности»⁴⁰. Доклад комиссии изобилует фактами «явного предубежденного отношения, издевательства и избиения трудпоселенцев» со стороны работников комендатур и хозорганов и завершался весьма примечательным выводом: «Борьбы с указанными настроениями и действиями, а ими, конечно, не исчерпывается весь перечень подобных явлений, почти не ведется никакой»⁴¹.

Свое тяжелое положение спецпереселенцы красноречиво описывали в многочисленных жалобах, направлявшихся в различные органы. Например, проживавшие в спецпоселке Амपालк (Ижморский р-н Кузбасса) спецпереселенцы, которые работали на Тихеевском лесозаготовительном участке Китатского ЛПХ, входившего в лесоуправление «Кузбассугля», обратились с жалобой в Западно-Сибирскую краевую РКИ. Возмущаясь недостаточным обеспечением продовольствием, авторы обрисовали отношение к спецпереселенцам хозяйственников: «...настоящая пайка, мы говорим, обеспечивает только на 40 процентов] (просим добавить хотя бы еще 5 килограммов] хлеба) больше нам ОР[С] не отпускает ничего. А также и наш рабочий паек по причине очень большой нормы выработки против нашей силы, мы все ослабили от недостатка питания, очень мал да еще потому, что получивши хлеба (а для рабочих в обязательном порядке печеный) его приходится делить по крошке детям, а самому есть тот с 60 % примеси различной травы хлеб, отчего норм задаваемых выработать не можем, и паек рабочий все понижается и понижается. Нас уже начинает шатать ветром, как тяжело болевших, и в силу этого вышеуказанного приходится делать преступления, уходить в близлежащие деревни и нести туда последние вещи, продавать, и работая на производстве, искать где-то на стороне продукты питания для себя и семейства, а этим самым делать прогул, что опять-таки влечет за собою вычет и без того мизерного пайка иждивен-

цев и заставляет решаться некоторых спецпереселенцев на большие преступления, то есть на побег с производства туда, где лучше обстоит дело снабжения рабочих или просто где можно заработать хлеба. <...>

4. Отношение хозяйственников на наши просьбы о своевременной и полной выдаче пайка, который[,] нужно сказать[,] раньше 10-го числа не выдается[,] а иногда и в конце месяца[,] просто грубое с такими выражениями: "Вас всех нужно заморить давно голодом, а не кормить вас" (выражение зав. Участка гр. Балухова).

5. Расчет зарплаты затягивается на 4 и даже 5 месяцев[,] иногда [в] табеля[х] рабочие дни ведутся не аккуратно[,] отчего теряются трудодни и зарплата рабочих. Без всяких прогулов за месяц приходится получать 5 руб. и концов найти нет возможности![,] рабочий комитет обращает мало на это внимания.

6. Разного рода ссуды, высылаемые на спецпереселенцев, не выдаются по несколько месяцев. Вот[,] к примеру сказать[,] ссуда на покупку коров уже не выдается третий месяц[,] иными словами используется кем-то для своих торговых или других хозяйственных оборотов, а мы страдаем <...>».

Просьбы спецпереселенцев к РКИ сводились к тому, чтобы провести проверку сообщаемых фактов, увеличить для иждивенцев месячную норму выдачи муки с 5 до 10 кг, «смягчить отношения администрации участка, урегулировать выдачу расчета заработной платы и своевременную выдачу пайка[,] а также выявить и указать виновных задержания ссуды на покупку коров». Под жалобой стояла подпись 31 спецпереселенца⁴².

Приведенная в извлечениях крестьянская жалоба представляет собой сплав рационального и эмоционального начал. Выдержанная в типичных для данного жанра тонах, жалоба выстроена как апелляция в государственный орган, надзорный за соблюдением порядков. В ней, если отвлечься от описательных моментов, содержится просьба рассмотреть сообщенные в документе факты и принять по ним меры. Здесь нет никаких прямых требований наказания виновных, однако вовсе не случайно приведено высказывание спецпереселенцев в адрес зав. Тихеевским лесозаготовительным. Жалобщики, возможно, были хорошо осведомлены о том, куда и как расходовались ссуды, поступавшие на нужды спецпереселенцев, но провести расследование предлагали контрольному органу. Рабочие не настаивали на увеличении зарплаты, а просили наладить ее выдачу. Они не протестовали против полуголодного существования, а констатировали, что поставлены на грань вымирания иждивенцы, нетрудоспособные члены семей и прежде всего дети. Люди просили улучшить, насколько возможно, положение детей, «цвет будущего общества», как упомянуто в жалобе. Осознавая невозможность изменить свое положение дискриминированных, спецпереселенцы стремились оговорить элементарный предел условий существования и использовали при этом риторiku того времени. Не случайно жалоба начинается с преамбулы: «Настоящим мы, рабочие-спецпереселенцы вышеуказанного спецпоселка, пишем вам в этой жалобе о ненормальностях[,] исходящих со стороны нашей Тихеевской лесозаготовительной конторы и считаем [,] что от этих ненормальностей очень и очень страдает дело советского строительства, а посему просим рабоче-крестьянскую инспекцию

Сиб[ирского] края хоть немного облегчить и улучшить наше положение»⁴³. Свой урок политграмоты спецпереселенцы усвоили: коль скоро они считаются рабочими (пусть и рабочими-спецпереселенцами), то и обращаются в рабоче-крестьянскую инспекцию.

В середине 1930-х гг. репрессивные органы сочли задачу «освоения контингента трудпоселенцев» принципиально решенной, свидетельством чего служила наступившая стабилизация структуры занятости спецпереселенцев в индустриальном секторе региона (табл. 19).

Таблица 19

Численность спецпереселенцев, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте Западной Сибири в 1935—1937 гг., чел.*

Хозяйственный орган	1935	1936	1937
Лестресты	15 731	16 423	18 173
Рыбрест	3 007	3 008	2 963
Госречфлот	1 278	1 323	1 395
Сахаротрест	2 884	2 667	2 634
Запсибзолото	5 917	6 163	6 313
Кузнецкстрой	16 505	16 799	15 922
Кузбассуголь	59 729	60 517	62 035
Прочие органы	3 139	3 760	3 405
Итого	108 190	110 660	112 820

Составлена по: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 доп. Д. 720. Л. 3; Д. 803. Л. 23 об.

На рубеже 1930—1940-х гг. дискриминационные моменты в положении трудпоселенцев проявлялись уже не столь явно, как в первой половине 1930-х гг. Трудпоселенцы, занятые в угольной промышленности, прочно вошли в баланс «рабсилы» Кузбасского угольного бассейна. Как отмечалось в отчетном докладе УИТЛиК НКВД по Новосибирской обл. в ОГП ГУЛАГа за вторую половину 1940 г., среди трудпоселенцев немалую долю составляли стахановцы и ударники. «Рабсила» стала, наконец, восприниматься как ценность и хозяйственниками: «Хозорганизации, где работают трудпоселенцы, дают хорошие характеристики о работе и трудовой дисциплине трудпоселенцев. Если поднимается вопрос хотя бы о частичной переброске внутри организации, то руководители организаций, откуда должны перебрасываться трудпоселенцы, отстаивают [их] вплоть до областных партийных организаций»⁴⁴. В другом отчете приведено высказывание зам. управляющего комбинатом «Кузбассуголь» Сигова, который «совершенно официально заявил, что работающие трудпоселенцы на шахтах Комбината являются основным фондом, решающим проблему угольной промышленности в Кузбассугле»⁴⁵. При том, однако, реальные жилищно-бытовые условия этого «основного фонда» были ужасными. Чекисты отмечали, что в тресте «Прокопьевскуголь» трудпоселенцы-шахтеры живут в полужемлянках, которые с наступлением весны (1941 г.) начали разрушаться: «Баракы временного типа также пришли в негодность <...> и шахтеры-трудпоселенцы в ко-

личестве 4 725 чел. после ударной работы в шахтах не имеют возможности нормального отдыха <...>⁴⁶.

Впрочем, у номенклатурных работников столь высокого ранга имелся свой взгляд на репрессированных. Например, секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Н.Ф. Лобов в письме в форме запроса от 23 февраля 1939 г. в Верховный Совет СССР писал о необходимости ужесточения мер воздействия в отношении шахтеров-спецпереселенцев за нарушение трудовой дисциплины (упоминались прокопьевские и анжерские шахты, практически целиком укомплектованные спецпереселенцами, где во второй половине 1930-х гг. стабильно росла численность работающих, значительно перевыполнявших нормы выработки). «При проверке проведения в жизнь постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, — отмечал Лобов, — по Кузбасскомбинату установлено, что к спецпереселенцам, работающим в шахтах Кузбасса, оно в полной мере не применяется.

Согласно постановлению о трудовой дисциплине вольнонаемный рабочий, нарушивший трудовую дисциплину, увольняется с работы и выселяется из квартиры. Между тем, как спецпереселенец только увольняется с работы, но не выселяется из квартиры, что для него безразлично, будет ли он работать, например, на шахте 1-6 или 9-15. Таким образом, спецпереселенцы, работающие на шахтах Кузбасскомбината, поставлены в более выгодное положение, чем вольнонаемные. Несмотря на то, что среди них очень много лодырей и злостных дезорганизаторов производства. Поэтому необходимо было бы на эту группу людей разработать соответствующее постановление административного воздействия, как на нарушителей трудовой дисциплины и дезорганизаторов производства»⁴⁷.

Как видно, в зависимости от менявшейся конъюнктуры номенклатурные работники различных рангов избирали свой ракурс оценки спецпереселенцев, делая свой акцент на нужной им части слова-обрубка, ставшего символом — «рабсила».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Канун Отечественной войны и сам военный период стали очередными этапами в дальнейшей эволюции советской карательной политики. Сложившаяся к 1939 г. конфигурация репрессивной системы в той ее части, к которой относились высылка и ссылка, претерпела весьма значительные изменения. Впервые с начала 1930-х гг. (если не считать 1933 г., когда на поселение было направлено много т. н. деклассированных элементов, преимущественно из городов) ссылка на поселение из социально-политической, по окраске направлявшегося туда контингента, превращалась в преимущественно территориально-этническую.

Массовые депортации населения с западных территорий, включенных в 1939—1940 гг. в состав СССР, дали новый толчок развитию системы поселений. В этот период, как и десятилетие назад, в ходе массовой высылки советского крестьянства, репрессивный сектор потребовал больших средств и ресурсов, необходимых для «освоения» (официальный термин из карательной лексики тех лет) «новых контингентов».

О переключении карательных приоритетов с «трудссылки» (или трудпоселений, где размещалось репрессированное крестьянство) на «спецссылку» (которую в 1939—1941 гг. пополняли «осадники», «беженцы», «административно-ссылные» и другие категории — жители Западной Украины, Бессарабии, Прибалтики и т. д.) свидетельствовал тот факт, что на высшем партийно-государственном уровне вопросы и принятые решения, касающиеся этнической депортации, абсолютно доминировали над проблемами «кулацких» трудпоселений. В отличие от предшествующих 1930-х гг., в 1939—1945 гг. не было принято скольконибудь значительных правительственных решений о крестьянах-трудпоселенцах, за исключением единичных. Это не значит, что на рубеже 1930—1940-х гг. ссылка не претерпела изменений. Оставаясь важной частью репрессивной системы, она в полной мере отразила в себе социально-экономические и политические сдвиги в стране.

В советской карательной политике тех лет, как и ранее, были свои «приливы» и «отливы», получившие воплощение в «мягких» и «жестких» тенденциях в нормативном регулировании и реальной практике, которыми руководствовались работники НКВД всех рангов в отношении трудпоселенцев — «бывших кулаков» и членов их семей.

«Мягкая» линия выразилась в принятии в 1938—1940 гг. на правительственном и ведомственном уровнях нормативных актов, направленных на своего рода расконсервацию «трудссылки». Эта расконсервация осуществлялась в двух направлениях: предоставлении большей хозяйственной самостоятельности и несколько больших гражданских прав определенным группам трудпоселенцев. Нормативно «раскрепощение» определяли два постановления СНК СССР 1938 г.: от 9 сентября «О переводе неуставных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелей на положение уставных артелей» и от 22 октября о праве выезда с мест поселения на учебу или работу детям трудпоселенцев по достижении ими 16-летнего возраста. Им сопутствовали соответствующие цир-

куляры и указания руководства НКВД СССР периферийным органам. Во всех этих документах речь шла об определенной последовательности действий властей во второй половине 1930-х гг. Действительно, в данный период жизнь в трудовых поселениях стабилизировалась: не было массовых поступлений, рождаемость стала превышать смертность, упорядочилась сеть комендатур и трудпоселков, даже шло их сокращение.

Перевод артелей трудпоселенцев на положение уставных хозяйств решал две задачи — политическую (демонстрация лояльности правительства по отношению к лояльно проявившим себя трудпоселенцам) и ведомственную (освобождение НКВД от производственных, экономических и хозяйственных функций, весьма обременительных для карательного органа). В 1938 г. вся производственная, социально-бытовая и культурная инфраструктура в местах дислокации трудпоселков, население которых было занято в артелях, перешла в ведение гражданских (советских и хозяйственных) органов.

Важной частью «раскрепощения» было узаконение пути получения комплекса политических и гражданских прав детьми трудпоселенцев. Оторвать трудпоселенческую молодежь от представителей старших поколений — одна из целей политики режима в отношении репрессированного (и не только) крестьянства в 1930-х гг. Однако до 1939 г. правами выезда из трудпоселков и получения паспортов пользовались только отдельные категории молодежи — ударники производства и те, кто по окончании школы выезжал для продолжения учебы, главным образом в города. С 1939 г. фактически действовала универсальная формула: достижение 16-летия служило основанием для снятия со спецучета и получения права выезда из трудпоселков на учебу или работу в другие местности.

Вместе с тем ослабление или снятие (частичное или полное) тех или иных хозяйственных и правовых ограничений для трудпоселенцев вовсе не означало, что режим пошел навстречу интересам репрессированного крестьянства. Реальное положение основной массы населения трудпоселков, несмотря на ряд политических широковещательных акций со стороны сталинского режима, практически не изменилось. Трудпоселенцы, ставшие «вдруг» членами уставных сельхоз- и промартелей, по-прежнему делали 5 % отчисления от заработков на содержание комендатур, которые продолжали осуществлять функции реальной власти в трудпоселках. Примеры отношения к артелям из трудпоселенцев как к второсортным давали сами представители номенклатуры. Так, регулярно поднимавшийся в 1939—1940 гг. местными советскими и хозяйственными органами вопрос о допущении передовиков из трудпоселенческих артелей к участию во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве на самом высоком партийно-советском уровне решался отрицательно. Более того, после перевода неуставных артелей на уставы положение трудпоселенцев отчасти даже ухудшилось. Если ранее НКВД добивался у правительства снижения налогов, получения ссуд, отсрочки платежей и т. д., то теперь районные руководители и председатели колхозов из «правового» населения считали политически ошибочным предоставлять помощь и льготы государства неуставным артелям, а в зажиточности трудпоселенцев усматривали возврат к «кулацкому хозяйству».

Остро продолжал стоять вопрос и о правовом положении трудпоселенцев. «Жесткая» линия проявляла себя здесь в практике НКВД, кото-

рый в своей повседневной деятельности руководствовался многочисленными т. н. подзаконными актами — циркулярами, указаниями и разъяснениями. Так, в течение 1939 г. Прокуратура СССР добивалась от НКВД адекватного толкования постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г.: в НКВД настаивали на применении постановления только к тем, кому исполняется 16 лет с момента принятия этого документа; Прокуратура же, заручившись поддержкой СНК, установила, что постановление должно распространяться на всех, кому исполнилось 16 лет во время пребывания на поселении. Вопиющее даже с точки зрения сталинского права нарушение допускалось с паспортами трудпоселенцев. В конце 1930-х гг. комендантами изымались паспорта, выданные восстановленным в правах трудпоселенцам. По представлению Прокуратуры эти ведомственные решения были отменены как незаконные.

Отмеченные выше факты «торжества» закона не изменяли, однако главного в положении трудпоселенцев: они, даже будучи формально восстановленными в избирательных правах, не имели свободы передвижения, права выбора места работы и профессии. Метка «спец(труд)поселенец» сопровождала в той или иной форме каждого трудпоселенца, включая и молодежь. Так, согласно упомянутому постановлению СНК от 22 октября 1938 г., детям трудпоселенцев выдавались паспорта, но в них имелась отметка о невозможности проживания в «режимных» местностях, которая делала невозможной учебу в вузах, поскольку тогда они были в основном в крупных, «режимных» городах. Восстановленным в правах (за успехи на производстве) взрослым трудпоселенцам в выдаваемых паспортах также ставилась отметка о том, что его владелец проживает в определенном районе и не имеет права выезда из него. В т. н. непаспортизированных (сельских) местностях, где функцию паспортов выполняли выдаваемые комендантами справки, при проведении всевозможных выборных кампаний предпринимались меры для того, чтобы после голосования эти справки у трудпоселенцев изымались.

По экономическому положению накануне войны трудпоселенцы уже мало отличались от т. н. правового населения; жители трудпоселков, пользуясь ведомственной терминологией, «хозяйственно окрепли» и «осели» в той или иной местности. В правовом отношении они достаточно четко делились на три категории. Первая из них была представлена теми, кто имел реальную возможность «выхода» из ссылки. К их числу относилась молодежь, достигшая 16-летнего возраста, сироты и лица преклонного возраста, передаваемые родственникам на иждивение, а также лица, вступающие в брак с нетрудпоселенцами(ками). Вторую категорию составляли восстановленные в избирательных правах взрослые трудпоселенцы, в отношении которых еще в 1935 г. было издано специальное разъяснение ЦИК СССР о том, что «восстановление в гражданских правах высланных кулаков не дает им права выезда из мест поселений». Эти лица переставали быть «лишенцами», но и не становились вполне правовыми гражданами, а являлись промежуточной, своего рода привилегированной группой среди трудпоселенцев. Такие трудпоселенцы могли беспрепятственно передвигаться в пределах административного района проживания, состоять в профсоюзах, по своему усмотрению выбирать место работы в пределах того же района и т. д. И, наконец, третью и самую малочисленную группу составляла та не-

примиримо настроенная по отношению к власти часть взрослых трудпоселенцев и молодежи, которая, по мнению работников комендатур, не могла быть восстановлена в правах или получить их.

Почти за десятилетний период существования спец(труд)поселений накопилось много документов, регулировавших положение различных групп трудпоселенцев, их права и обязанности, что потребовало унификации и упрощения нормативной базы «трудссылки». В апреле 1939 г. Л.П. Берия, недавно назначенный на пост наркома внутренних дел, представил в директивные инстанции (ЦК и СНК) на утверждение проект партийно-правительственного постановления об «уточнении правового положения трудпоселенцев». По своей сути проект был ориентирован на наиболее радикальное за все 1930-е гг. реформирование системы трудовых поселений. Ее итогом должно было явиться упразднение комендатур с возложением функций последних на районные отделы милиции. Предусматривалась и ликвидация «трудссылки» как элемента ГУЛАГовского механизма. Однако НКВД сделал все возможное, чтобы в результате такой реформы не рухнула с таким трудом созданная карательным ведомством сеть трудовых поселений. «Уточнение правового положения» предпринималось с той целью, чтобы окончательно решить, какие категории населения трудпоселков имели право «выхода» из них, а какие не могли их покидать ни при каких обстоятельствах. Большинство, за исключением уже упомянутых групп (молодежь, иждивенцы, вступающие в браки с нетрудпоселенцами и заключенные, отбывавшие в трудпоселках сроки лишения свободы), была уготована бессрочная ссылка. Возможность такого решения отчасти повлияла на ход обсуждения проекта НКВД в аппарате СНК. Высказывались, в частности, предложения, устанавливающие фиксированный срок пребывания в трудссылке (пять лет), по истечении которого трудпоселенец мог выехать из трудпоселка. Проект обсуждался и уточнялся на протяжении почти двух лет, пока, наконец, в марте 1941 г. руководство НКВД само не уведомило СНК о «неактуальности этого вопроса» и не попросило «проект с обсуждения снять». Основная причина несостоявшейся «либерализации» ссылки — резкое изменение внешне- и внутривластных ситуаций. Началась новая полоса депортаций, теперь в основном этнических. В сложившихся условиях даже частичное реформирование сети трудпоселков для «кулаков» было признано нежелательным. Именно вокруг нее, как стержня, шло формирование новых спецпоселений.

Не случайно именно 1940 — первая половина 1941 г. совпали с новым этапом в укреплении этого сектора карательной системы. Первоначально существовавшие самостоятельно отделы трудовых поселений (ОТП) и специальных поселений (ОСП) были соединены в один (ОТСП), но сохраняли при этом функциональное разграничение в управлении «трудссылкой» и «спецссылкой». Тогда же был дан толчок ужесточению контроля за труд- и спецпоселенцами: в поселках с целью предупреждения побегов, предотвращения враждебных режиму выступлений, сбора оперативной информации о настроениях и действиях в среде репрессированных и т. д. создавалась агентурно-осведомительная сеть. Накануне и в период войны эта сеть негласного осведомления по масштабам явно превосходила существовавшую в 1930-е гг. гласную осведомительную сеть, которую составляли штат комендатур, старшие де-

сятидворок, члены групп по борьбе с побегами. Впрочем, в начале 1940-х гг. соединение гласного и негласного осведомления было характерно для всего сталинского общества.

Еще одной приметой предвоенной обстановки стала начатая в конце 1939 г. и продолжавшаяся до начала Великой Отечественной войны акция по передислокации трудпоселков, перенесению их на расстояние не менее 5 км от линии железных дорог. Согласно секретному правительственному постановлению от 11 декабря 1939 г., НКВД надлежало перенести те труд(спец)поселки и лагеря ГУЛАГа, которые в 1930-х гг. были созданы для строительства и обслуживания многих производственных объектов первых пятилеток. Перевоска на новые, более отдаленные от работы места ухудшила условия труда и жизни определенной части трудпоселенцев, потребовала весьма значительных материальных затрат. Акция породила поток всевозможных просьб в ЦК и СНК от хозяйственных наркоматов об отсрочке (даже отмене) реализации постановления от 11 декабря 1939 г. Интенсивная межведомственная переписка о передислокации части трудпоселков не только содержит информацию о географии принудительного труда в стране, но и служит показателем того, что трудпоселенцы к началу 1940-х гг. составляли значительную часть рабочих кадров ряда производств. В Западной Сибири — это рабочие шахт, золотых приисков, лесозаводов, крупных строительных организаций и т. д. Предпринятые властями перед войной ужесточение режима труда на производстве, увеличение продолжительности рабочего дня, наказания за прогулы и т. д. не стали чем-то неожиданным для трудпоселенцев, адаптировавшихся ко всем возможным способам государственного принуждения.

Начавшаяся война подтолкнула к развязке решение многих «узлов» во взаимоотношении режима и трудпоселенцев. Это в равной степени коснулось как дальнейшей расконсервации системы трудпоселений, так и ужесточения контроля за группами репрессированных, которых власть считала реально или потенциально опасными для себя в военной обстановке.

Если говорить о действии «мягкой» и «жесткой» линий в отношении ссылки в военное время, то власть, зачастую вынужденно, но сделала шаг в сторону ослабления или полного снятия некоторых ключевых дискриминационных ограничений для трудпоселенцев. На фоне общего ужесточения связанного с войной контроля за поведением и действиями населения страны в целом трудпоселенцы по своему положению уже не отличались сколько-нибудь значительно от «правовых» (но подвергаемых военным ограничениям) граждан.

Вопреки опасениям партийных, советских и карательных органов, реакция и поведение трудпоселенцев с началом военных действий в целом укладывались в рамки политической лояльности режиму. Вероятно, полярные позиции (патриотический энтузиазм и пораженчество) занимало меньшинство трудпоселенцев, но, бесспорно, с началом войны все в трудпоселках ожидали неизбежных изменений и перемен.

Война ускорила процесс восстановления в правах и снятия со спецучета как самих призванных в армию, так и прямых членов их семей (жен, детей). Уже в первые военные месяцы в армию стали призывать представителей трудпоселенческой молодежи, снятых ранее с

учета, но не покинувших комендатуры в силу семейных и прочих обстоятельств. Затем, в тяжелый период весны — осени 1942 г., режим, вынужденный пойти на экстраординарные меры, постановлениями ГКО в армию были мобилизованы наряду с молодыми трудпоселенцы более старших призывных возрастов, кто до войны не имел права покидать район поселения. Тем самым был в значительной мере подорван основополагающий принцип «трудссылки» — пожизненность пребывания на поселении «бывших кулаков». Следующим шагом власти было распространение принятых в то время льгот на служивших в Красной армии трудпоселенцев и членов их семей. Последние не только снимались с учета, но и освобождались от обременительных 5 % отчислений от заработка на содержание инфраструктуры комендатур. В 1944 г. правительственным постановлением эти отчисления были прекращены с заработков остальных категорий трудпоселенцев. В целом за годы войны значительно уменьшилась численность трудпоселенцев, состоявших на комендатурном учете, соответственно сократились количество поселков и штат комендатур. Фактически осуществлялся несостоявшийся в 1939—1940 гг. проект реформирования «трудссылки» в направлении ее «либерализации».

Улучшение статуса части трудпоселенцев происходило на фоне изменения этого сектора карательной системы в годы войны. Центр тяжести по необходимости сместился в сторону «спецссылки», весьма стремительно увеличивавшейся за счет этнических групп (немцев, калмыков и др.). В 1944—1945 гг. были предприняты шаги по унификации и упорядочению различных элементов ссылки на поселение. В обиход было возвращено изначальное наименование данной категории репрессированных — спецпереселенцы — с необходимыми добавлениями (бывшие кулаки, немцы и др.). Было принято новое положение о районах и поселковых спецкомендатурах НКВД. Нормотворчество военного периода увенчалось принятием весной 1945 г. правительственного постановления «О правовом положении спецпереселенцев».

Не менее значительные сдвиги происходили и в сфере использования трудпоселенцев на производстве. С началом войны возродились не практиковавшиеся со второй половины 1930-х гг. крупномасштабные переброски трудоспособного контингента из трудпоселков в «горячие точки» тыловой экономики. При этом, согласно требованиям ГКО, переброски осуществлялись в форме трудовых мобилизаций, т. е. в короткие сроки и без учета интересов самих трудпоселенцев. Для Западно-Сибирского региона переброски делились на внутренние и внешние. Для удовлетворения внутрирегиональных потребностей поток трудпоселенцев, как и «спецконтингента» в целом, направлялся для использования преимущественно в рыбной, лесной и угольной промышленности края. Так, по постановлению СНК 6 января 1942 г. для форсированного наращивания добычи и переработки рыбы в восточных районах страны на рыбные промыслы и строительство рыбоконсервных заводов было перевезено из районов прежнего расселения (в т. ч. из Сибири) несколько десятков тысяч труд- и спецпоселенцев. Если в 1932 г. для работы на шахтах Кузбасса из нарымских комендатур было переселено несколько тысяч семей, то в 1942 г. имела место, хотя и небольшая по масштабам, переброска трудпоселенцев из Кузбасса в Нарымский окр.

Осуществлялась также трудовая мобилизация трудпоселенцев из северных комендатур для работы на крупных оборонных производствах. В годы войны нарымские трудпоселенцы работали на предприятиях Новосибирска («Сибсельмаш», заводы № 65, № 208), Искитима (цементный завод), Кемерова и других городов. Часть из них направлялась по трудмобилизации и за пределы региона (Нижний Тагил, Усолье). Мобилизации подлежала взрослая, трудоспособная часть поселенцев. Поскольку одиночек среди них было немного, то результатами этих перебросок стали разъединение семей, общее ухудшение положения оставшихся в трудпоселках нетрудоспособных членов семей.

Систематически проводимые военные и трудовые мобилизации неизбежно привели к тому, что уже в конце 1943 — начале 1944 г. перед руководством НКВД встала проблема дефицита людских ресурсов. Примечательно, что форсированный отток трудоспособного населения из поселков вызывал тревогу у региональной партийно-советской верхушки, которая справедливо усматривала в этом угрозу для реализации местных производственных заданий. Секретарь Новосибирского обкома партии М.В. Кулагин, например, стремился скорректировать, насколько это было возможно, мобилизационные планы в отношении «спецконтингента», проводя их под девизом: «Не из Нарыма, а в Нарым».

Для трудпоселенцев ударная работа на производстве в военное время означала, в частности, возможность избавиться от унижительных правовых ограничений. Согласно указаниям НКВД, лица, награжденные правительственными наградами, в порядке исключения подлежали освобождению из поселений. Именно в годы войны стало практиковаться немислимое ранее награждение трудпоселенцев правительственными наградами — орденами и медалями. Так, в 1942 г. среди получивших орден Трудового Красного Знамени впервые оказался трудпоселенец шахтер Александр Соловьев, который благодаря награде был снят с учета в комендатуре. Численность таких награжденных во время войны возрастала.

Нет никаких оснований говорить о том, что в годы войны власти проявляли гуманность по отношению к трудпоселенцам — за режимные послабления им приходилось расплачиваться потом и кровью. Жизнь в «трудссылке» в этот период, как и ранее, была тяжелой, полной лишений. Голод и эпидемические заболевания приводили к преобладанию показателей смертности над рождаемостью. Так было в большинстве нарымских комендатур, где на протяжении длительного времени трудпоселенцы — члены сельхозартелей на трудовни не получали никаких продуктов питания.

В погоне за повышением доли занятости трудоспособных переселенцев в промышленных комендатурах проводилась кампания по мобилизации на производство женщин, обремененных детьми. Поскольку приемлемых условий для содержания детей в яслях и садах создано не было, то в отдельных городах женщины с детьми в массовом порядке стали прятаться на чердаках и подвалах домов. Просчеты комендатур и хозяйственных органов в ходе проведения трудовых мобилизаций женщин-матерей оказались настолько очевидными, что их не всегда оправдывали даже судебные органы. Так, в Прокопьевске в июне 1943 г. шесть женщин-трудпоселенок за саботаж получили по восемь лет ли-

шения свободы, но после выяснения всех обстоятельств, толкнувших их на эти шаги, кассационная коллегия суда приговор отменила.

Настроения и позиции трудпоселенцев в годы войны к сожалению, с трудом поддаются оценкам, поскольку, будучи зафиксированными в донесениях, прошли через корректирующие фильтры официальной документации. Зачастую в этих сведениях отражались не типичные мнения основной массы поселенцев, а полярные. Агентурно-осведомительной сетью были собраны целые тома сводок о пораженческих настроениях и высказываниях трудпоселенцев. Бесспорно, такого рода позиции существовали, да и не могли вовсе исчезнуть в среде репрессированного крестьянства, но очевидно, что оценивать объективность агентурных донесений и сводок необходимо осторожно. Гораздо большее доверие вызывают те из отраженных в официальных докладах и отчетах события и факты, за которыми стояла нормальная человеческая реакция. Например, сострадание: женщины-трудпоселенки, торговавшие зеленью на пристани, увидев партию вновь прибывших ссыльных из западных районов, бесплатно раздали им лук. Понятно горе вдовы, получившей вслед за похоронкой на мужа право на льготы, и в их числе снятие с учета в комендатуре (к чему это теперь?). Понятны массовые ожидания того, что окончание войны и победа принесут перемены к лучшему. Одни ссыльные черпали оптимизм в том, что государство начало покровительствовать церкви, постепенно ослабевал режим «трудссылки» и т. д. Другие видели источник будущих изменений общественного строя в СССР в давлении союзников (США, Англии) в войне на сталинское правительство. При этом даже т. н. пораженческие высказывания имели под собой вполне реальную тональность: хуже, чем при сталинском режиме, не будет. Однако столь же очевидно, что режим пожинал плоды собственной многолетней дискриминационной политики. Старый (царский) режим зачастую идеализировался старшим поколением спецпереселенцев и противопоставлялся советскому, потому что сталинские репрессии были откровенным беспределом. Массовая депортация крестьянства начала 1930-х гг. являлась экстраординарной акцией и не подпадала под классические черты дореволюционной ссылки в силу трех обстоятельств: крестьян ссылали семьями, сроки пребывания на поселении не были определены, трудоспособные спецпереселенцы обязывались работать. В предыдущей карательной практике не существовало такой меры, как бессрочная ссылка на поселение в соединении с принудительными работами.

Исторически сложилось так, что начало (1930 г.) и конец (1953—1954 гг.) «кулацкой ссылки» были связаны с началом и концом эпохи сталинской «чрезвычайщины». Место в ней периода Отечественной войны — особое. Именно в эти годы «кулацкая ссылка» перестала быть доминирующим элементом ссылки как карательного института. В силу отмеченных выше причин, шло весьма значительное ее сокращение: в момент пика репрессий против крестьянства (1930—1931 гг.) численность спецпереселенцев составляла 1,6—1,8 млн чел.; в начале войны в «трудссылке» находилось около 1 млн чел., в начале 1945 г. на учете в комендатурах состояла 631 тыс. трудпоселенцев. Очевидно, впрочем, что «кулацкая ссылка» оказалась предтечей всех последующих сталинских принудительных переселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. — М., 1989; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М., 1998; Соколов А.К. Курс советской истории 1917—1940. — М., 1999; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. — М., 1996; Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. — Новосибирск, 2001.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. — М., 1999; Т. 2: Ноябрь 1929 - декабрь 1930. - М., 2000; Т. 3: Конец 1930-1933. - М., 2001; Т. 4: 1934-1936. - М., 2002.

См. характеристику указанных монографий в историографическом разделе книги.

Глава I ИСТОРИОГРАФИЯ. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

1. Спецпереселенцы 1930-х годов в новой отечественной историографии

¹ Гущин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928—1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; Данилов В.П. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — начало 1931. — Новосибирск, 1992; Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопр. истории. — 1994. — № 10; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М., 1994.

² Земсков В.Н. Спецпереселенцы // СОЦИС. — 1990. — № 11; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Там же. — 1991. — № 10.

³ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930—1931. — Петрозаводск, 1991; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. 1930—1936. — Екатеринбург, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939—1945. — Новосибирск, 1996.

⁴ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954) // Отеч. история. — 1994. - № 1.

⁵ Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отеч. история. — 1993. — № 4; Он же. Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (материалы по истории Курганской области). — Курган, 1995.

⁶ Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930—1936 гг.). — Мурманск, 1993; Он же. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930—1954): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1995.

⁷ Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930—1940 гг.: Заселение и условия жизни // Корни травы. — М., 1996.

⁸ Красильников С.А. Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. — М., 1996; Он же. Крестьянская ссылка как фактор освоения Сибири в 30-е годы // Сибирь. Проекты XX века. — Новосибирск, 1996; Он же. Крестьянские депортации и система управления спецпоселениями в Западной Сибири в 1930-е гг. // Проблемы истории местного управления Сибири XVII—XX веков. — Новосибирск, 1996.

Ныне никому из исследователей не придет в голову пользоваться термином «враг народа» применительно к жертвам «Большого террора». Однако и сегодня, как и в сталинскую эпоху, многие с легкостью продолжают называть репрессии в деревне раскулачиванием.

¹⁰ См.: Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане... — С. 134.

¹¹ Следуя подобной логике, трагедию советских военнопленных времен второй мировой войны допустимо рассматривать с точки зрения роли «советских военнопленных в развитии военно-экономического потенциала гитлеровской Германии».

¹² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 7—8.

¹³ См. рец. И.Е. Зеленина на сборники документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири...» // Отеч. история. — 1996. — № 5. — С. 197.

¹⁴ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930—1954 гг. - Мурманск, 1996. - С. 247-248.

¹⁵ Там же. - С. 260.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. - С. 165.

¹⁸ Там же. - С. 261.

¹⁹ Там же. - С. 128.

²⁰ Там же. - С. 62, 82.

²¹ Там же. — С. 149.

²² Там же. — С. 3.

²³ Постановление СНК об организации трудовых поселений ОГПУ № 775/146с от 20 апреля 1933 г. см.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 15-22.

²⁴ Приказ НКВД СССР № 0049 от 12 января 1944 г. о реорганизации системы трудовых и специальных поселений см.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945. - С. 116.

²⁵ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. 1930—1936. — С. 20; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 326.

²⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — С. 245.

²⁷ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале... — С. 22.

²⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 287-288.

²⁹ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки». — С. 121.

³⁰ Там же. - С. 127.

³¹ Славко Т.И. Раскулачивание // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. — Франкфурт/Майн; М, 1999. - С. 130-131.

³² Там же. - С. 134-135.

³³ Захаровский Л.В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929—1933 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2000. — С. 29—30.

³⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сборник. — Новосибирск, 2000. — Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930—1940. — С. 3.

³⁵ Там же. - С. 5-6.

³⁶ Там же. - С. 4.

³⁷ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание...; Он же. Репрессивная. — М., 2000.

³⁸ Не совсем понятна установка автора, продолжившего и в 2000 г. указывать «глухие» отсылки на материалы бывшего архива Политбюро (ныне АПРФ) без номеров фонда, описи, дела и листов.

³⁹ Ивницкий Н.А. Коллективизация... — С. 187—188; Репрессивная политика Советской власти... — С. 175.

⁴⁰ Ивницкий Н.А. Коллективизация — С. 235—236.

⁴¹ См.: АПРФ, Ф. 3. Оп. 30. Д. 194. Л. 78.

⁴² Ивницкий Н.А. Коллективизация... — С. 241—242.

2. «Кулаки», спецпереселенцы, трудпоселенцы

¹ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). — Томск, 1976. — С. 213.

² Там же. - С. 221.

³ Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. — Новосибирск, 1987. — С. 271.

⁴ Там же. - С. 275.

⁵ Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 194.

⁶ См.: Адибеков Г.М. Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации» // Ист. архив. — 1994. — № 4. — С. 147—152.

⁷ Там же. — С. 148.

⁸ Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке от 3 января 1923 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 105.

⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 40-41.

¹⁰ Там же. - С. 50.

¹¹ Там же. - С. 55.

¹² Последнее по времени упоминание в источниках о делении сибирских «кулаков» на категории встречено нами в докладе комендантского отдела Запсибкрайсполкома его президиуму от 25 февраля 1931 г.

¹³ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1068. Л. 109.

¹⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 33.

¹⁵ Платунов Н.И. Переселенческая политика... — С. 222.

¹⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 15-22.

¹⁷ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 198. Л. 28.

¹⁸ Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. — 1936. — № 62. — С. 2.

Глава II СЕРП

1. Крестьянское сопротивление большевистскому режиму в 1930 году

(новые документы)

¹ Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. — 1994. — № 10. — С. 28—42.

² Там же. — С. 28.

³ См., напр.: Гордон Л., Клопов Э. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. — М., 1989; Культурная революция и сталинизм // Изв. СО АН СССР. Сер. истории. — 1990. — Вып. 1. — С. 3-24.

⁴ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины» // Лит. газета. — 1988. — 12 окт.

⁵ В одной из дискуссий 1988 г. известный экономист В.А. Тихонов отмечал, что «коллективизация по существу была началом гражданской войны против крестьянства, организованной Сталиным...». — См.: История СССР. — 1989. — № 3. — С. 19.

⁶ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. — Новосибирск, 1997. - С. 35.

⁷ Зеленин И.Е. «Революция сверху»... — С. 35. Солидаризируется с такой оценкой и уральский исследователь И.Е. Плотников. — См.: Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х — начале 30-х гг. // Отеч. история. — 1998. — № 2. — С. 75.

События в деревне конца 1920-х — начала 1930-х гг. весьма обстоятельно анализируются в монографии канадского историка Линн Виолы «Крестьянские мятежи при Сталине. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления» (Оксфорд, 1996). «Докладная записка о формах и динамике классово-политической борьбы в деревне в 1930 г.» — обобщающий документ секретно-политического отдела ОГПУ, подготовленный для партийных верхов в марте 1931 г. — приводится во 2-м томе серийного документального издания «Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание», охватывающем 1930 г. События на Урале описаны в упомянутой выше публикации И.Е. Плотникова.

⁹ Весной 1930 г. в Муромцевском р-не (территория нынешней Омской обл.) в самом крупном в Западной Сибири крестьянском выступлении участвовало, по разным оценкам, примерно около 1,5 тыс. чел. В марте 1930 г. не более пяти дней продолжался один из наиболее известных крестьянских мятежей на Алтае, охвативший Уч-Пристанский и Михайловский районы. Повстанцами был захвачен районный центр Уч-Пристань, но их вооруженный отряд численностью до 300 чел. вскоре был разгромлен силами подразделений ГПУ и местного актива. — Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. — Новосибирск, 1987. — С. 215.

¹⁰ Попов В.П. Государственный террор в Советской России в 1920—1940-е гг. // Отеч. архивы. - 1992. - № 2. - С. 28-29.

¹¹ Красильников С.А., Пыстина Л.И. Кампании по мобилизации специалистов для Сибири в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI—XX вв.: Материалы 3-й регион, науч. конф. — Новосибирск, 1998. - С. 113-121.

Рейман М. Сталинизм как феномен советского общества // Рабочий класс и современный мир. — 1990. — № 1. — С. 121—131.

¹² Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — М., 2000. — С. 787—808; Анализ докладной записки см.: Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928—1933 гг.). — М., 2000. — С. 192—198.

¹³ Трагедия советской деревни... — Т. 2. — С. 787.

¹⁴ Там же. - С. 789.

¹⁵ Там же. - С. 304-305.

¹⁶ Там же. - С. 797.

¹⁷ Там же. - С. 792.

¹⁸ Там же. - С. 793.

¹⁹ Там же. - С. 802.

²⁰ Там же. - С. 789.

²¹ Там же. - С. 806.

²² Там же. - С. 809.

²³ Там же. - С. 704.

²⁴ Там же. - С. 704.

²⁵ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1224. Л. 252.

²⁶ Трагедия советской деревни — Т. 2. — С. 838.

²⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — Новосибирск, 1992. - С. 124-126.

²⁸ ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 55.

²⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — С. 126.

³⁰ ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 155 об.

³¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — С. 127—128.

³² ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 71 об., 75.

³³ Там же. Л. 96.

³⁴ Там же. Л. 90 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 107.

³⁷ Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 4152. Л. 2.

- ⁴⁰ Там же. Д. 4224. Л. 23.
⁴¹ Там же. Л. 10.
⁴² Там же. Л. 31.
⁴³ Там же. Л. 49.
⁴⁴ Там же. Л. 62 об.
⁴⁵ Трагедия советской деревни — Т. 2. — С. 403.
⁴⁶ Там же. - С. 404.
⁴⁷ Там же. - С. 309.
⁴⁸ Самосудов В.М. Муромцевское восстание 1930 года // Омская старина: Историко-краеведческий альманах. — Омск, 1995. — Вып. 3. — С. 141—145.

**2. Безымянный протест: анонимные крестьянские сочинения
(весна 1930 года)**

- ¹ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 51.
² Там же. Л. 115 об.
³ Там же. Л. 155 об.
⁴ Там же.
⁵ Там же. Л. 156 об.
⁶ Там же. Л. 182 об.
⁷ Там же. Л. 225 об.
⁸ Там же. Л. 285.
⁹ Там же. Л. 51.
¹⁰ Там же. Л. 111 об., 197 об.
¹¹ Там же. Л. 59 об.
¹² Там же. Л. 246 об.
¹³ Там же. Л. 59.
¹⁴ Там же. Л. 116.
¹⁵ Там же. Л. 154 об.
¹⁶ Там же. Л. 197 об.
¹⁷ Там же. Л. 198 об.
¹⁸ Там же. Л. 327.
¹⁹ Там же. Л. 316.
²⁰ Там же. Л. 239-239 об.
²¹ Там же. Л. 154.
²² Там же. Л. 157-158.
²³ Там же. Л. 227-228.
²⁴ Там же. Л. 334-335.
²⁵ Там же. Л. 117 об.
²⁶ Там же. Л. 89 об.
²⁷ Там же. Л. 125 об.
²⁸ Там же. Л. 126 об.
²⁹ Там же. Л. 135 об.
³⁰ Там же. Л. 162.
³¹ Там же. Л. 165.
³² Там же. Л. 175 об.
³³ Там же. Л. 177 об.
³⁴ Там же. Л. 238.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же. Л. 264 об.
³⁷ Там же. Л. 287.
³⁸ Там же. Л. 299 об.
³⁹ Там же. Л. 319.
⁴⁰ Там же. Л. 332.

⁴ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — М., 2000. - С. 799.

⁴² Там же. - С. 803.

Глава III ВЫСЫЛКА

1. Добровольные и принудительные миграции в Сибирь в первой трети XX века

¹ Полян П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. - М, 2001. - С. 11.

² П. Полян дает следующее определение: «Принудительные миграции — это перемещения значительной массы людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Само принуждение может быть при этом прямым или косвенным. В первом случае мы имеем дело с насильственными миграциями, или депортациями, во втором — с добровольно-вынужденными миграциями. — Полян П. Не по своей воле... — С. 11.

³ См.: Население Западной Сибири в XX веке. — Новосибирск, 1997. — С. 92.

⁴ Там же. - С. 94.

⁵ Там же.

⁶ Красильников С.А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 — начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920—1930 гг.). — Новосибирск, 1994. — С. 53.

⁷ См.: Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. — Новосибирск, 1992. — С. 92-99.

⁸ Там же. — С. 100.

⁹ См. об этом: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — Раздел И: Высылка 1933 года. Назинская трагедия. — С. 76—119.

¹⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 210.

¹¹ См.: Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. — Пг., 1914. — С. VIII.

¹² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — Новосибирск, 1994. — С. 239.

¹³ Там же. - С. 235.

2. Государственная политика в сфере плановых и принудительных переселений в Сибирь и внутри региона (вторая половина 1920-х — 1930-е годы)

¹ Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). — Томск, 1976. — С. 44.

² Там же. — С. 66.

³ Там же. - С. 82-83.

⁴ ГАНУ. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 768. Л. 57.

⁵ Подробнее об этом см.: Красильников С.А. К вопросу о начале массовых принудительных миграций в сибирский регион (конец 1929 — начало 1930 гг.) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII—XX вв. — Новосибирск, 1999. — С. 104—106.

⁶ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 7 об.

⁷ В октябре—ноябре 1929 г. правительства РСФСР, Украины и Белоруссии, следуя секретным постановлениям, обязали республиканские наркоматы земледелия организовать «переселение в пределы Сибири опасных в социальном отношении граждан из Западной приграничной полосы», приравняв последних к плановым переселенцам. — Там же. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 578а. Л. 17, 23.

⁸ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск, 1993. — С. 324.

- ⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 197. Л. 53.
¹⁰ Там же. Л. 74.
¹¹ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — Новосибирск, 1994. - С. 63, 278.
¹² АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 197. Л. 82.
¹³ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // СОЦИС. — 1991. — № 10. — С. 16.
¹⁴ Там же. - С. 4-5.
¹⁵ Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: Справочник. - М., 1997. - С. 105-106.
¹⁶ См. письмо секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М.О. Разумова в ВПК при СНК СССР в июле 1934 г. - РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.
¹⁷ Там же. Д. 185. Л. 1-3.

3. Массовые и локальные выселки сибирского крестьянства в начале 1930-х годов

- ¹ ГАНО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 578 а. Л. 17.
² Там же. Л. 20.
³ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 42.
⁴ Там же. Л. 17.
⁵ Там же. Л. 50-51.
⁶ Там же. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 322.
⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 85-86.
⁸ Цит. по: Гущин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928—1934 гг.): Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. — Новосибирск, 1996. - С. 101.
⁹ Там же. — С. 99.
¹⁰ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — М., 2000. - С. 523-525.
¹¹ Там же. - С. 524.
¹² Там же. - С. 525.
¹³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1068. Л. 137.
¹⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 91.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. - С. 89.
¹⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1068. Л. 137.
¹⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 50.
¹⁹ Там же. - С. 133-134.
²⁰ Там же. - С. 57.
²¹ Там же. - С. 94.
²² Там же.
²³ Линн Виола. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. — М., 1999. — С. 114—162.
²⁴ Там же. - С. 154-155.
²⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 152.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. - С. 153.
²⁸ Там же. - С. 146.
²⁹ Там же. - С. 158.
³⁰ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 98 об.
³¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 154.

- ³² Цит. по: Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921-1991. - Новосибирск, 1997. - С. 107-108.
- ³³ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 2086. Л. 54 об.
- ³⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 117.
- ³⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 125. Л. 45.
- ³⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 213.
- ³⁷ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. — Новосибирск, 1997. — С. 51. Исследователь отмечает некоторое несовпадение этих сведений с данными, приведенными Н.Я. Гушиным о 717 семьях, высланных в тот период (Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. — Новосибирск, 1973. — С. 437).
- ³⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 238. Л. 20-56.
- ³⁹ Там же. Л. 34.
- ⁴⁰ Там же. Л. 56.
- ⁴¹ Там же. Л. 48 об.
- ⁴² Там же. Л. 35.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 125. Л. 68. По чекистским данным было выслано 2252 хоз-ва. - ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 551. Л. 74-75.
- ⁴⁴ Там же. Л. 126.
- ⁴⁵ Трагедия советской деревни. — Т. 2. — С. 90.
- ⁴⁶ Ист. архив. - 1994. - № 4. - С. 153.
- ⁴⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 238. Л. 205-218.
- ⁴⁸ Там же. Л. 206.
- ⁴⁹ Там же. Л. 207.
- ⁵⁰ Там же. Л. 210.
- ⁵¹ Там же. Л. 211.
- ⁵² Там же. Л. 212.
- ⁵³ Там же. Л. 217.
- ⁵⁴ Там же. Л. 212, 217.
- ⁵⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск, 1993. - С. 94-101.
- ⁵⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 41.
- ⁵⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 99.
- ⁵⁸ Там же. - С. 100.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. - С. 101.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 3. — М, 2001. — С. 136—137.
- ⁶³ ГАНО. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 901. Л. 151.
- ⁶⁴ Там же. Л. 5.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 241.
- ⁶⁶ Там же. Л. 240-241.
- ⁶⁷ Там же. Л. 242.
- ⁶⁸ Там же. Л. 235.
- ⁶⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 237.
- ⁷⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 220-221.
- ⁷¹ Подсчитано по: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 539. Л. 226-227.
- ⁷² Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопр. истории. — 1994. — № 10. — С. 32.
- ⁷³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 362. Л. 1.
- ⁷⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 319-320.
- ⁷⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 412 б. Л. 19.

4. Депортация в 1933 году: особенности разработки и осуществления в Западной Сибири

¹ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 3: Конец 1930—1933 г. — М., 2001. — С. 747-748.

² Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. — М., 1994. — С. 183.

³ Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 78

⁴ ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 626. Л. 96-97.

⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 196. Л. 123.

⁶ Там же. Л. 126.

⁷ Постановление СНК СССР № 775/146с от 20 апреля 1933 г. «Об организации трудовых поселений ОГПУ» см.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. - С. 15-22.

⁸ Там же. С. 15-16.

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 362. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 43.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 291.

¹³ Там же. Л. 54.

¹⁴ Там же. Л. 127.

¹⁵ Там же. Л. 143—144.

¹⁶ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931. — Новосибирск, 1992. - С. 122.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 362. Л. 15—16. Выражение «тюкалинский перегиб» стало нарицательным. В одном из своих выступлений 4 июля 1933 г. полпред ОГПУ по Западной Сибири Н.Н. Алексеев отмечал: «Тюкалинский райком взял 136 чел., снял, расселил, разбросал, разбазарил, разделил, а потом, когда разобрались, okaza лось, что НО из них являются середняками, бедняками, колхозниками, чем хотите, но только не кулаками». — Там же. Д. 450. Л. 222—223.

¹⁸ Там же. Л. 295.

¹⁹ Там же. Д. 535. Л. 30-31.

²⁰ Там же. Л. 31. В своем отчете Гольдберг вскрывает подоплеку конфликта интересов различных ведомств. Для соблюдения законности репрессий требовались до казательства того, что то или иное лицо является «кулаком» или «казром». Как от мечал Гольдберг: «начальник Барнаульского оперсектора ГПУ т. Жабрев мою точку зрения не разделил и заявил, что "раз кулак — то значит подлежит выселению"». — Там же. Л. 30.

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 450. Л. 223.

²² Там же. Л. 222.

²³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 82.

²⁴ Там же. Л. 79.

²⁵ Там же. Л. 88, 284.

²⁶ Комплекс документов о Назинской трагедии см.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 80—119; Из истории земли Томской. 1933 г. Назинская трагедия. — Томск, 2002. — 223 с.

²⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 540 а. Л. 40.

²⁸ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 56.

²⁹ ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 628. Л. 184.

³⁰ Там же. Л. 103.

³¹ Там же. Л. 113.

³² Из истории земли Томской... — С. 44.

³³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 363. Л. 63 об.

³⁴ Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 628. Л. 166.

³⁵ Там же. Л. 101.

³⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 196. Л. 184.

- ³⁷ ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 628. Л. 51.
- ³⁸ Там же. Л. 99.
- ³⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 100.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 14-15.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 540а. Л. 116-126.
- ⁴² Там же. Л. 114.
- ⁴³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 287.
- ⁴⁴ ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 628. Л. 1-2.
- ⁴⁵ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 650. Л. 1.
- ⁴⁶ Трагедия советской деревни... — Т. 3. — С. 750.
- ⁴⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 26.
- ⁴⁸ См.: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // СОЦИС. — 1991. — № 10. — С. 4-5.
- ⁴⁹ Там же; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. — М., 1994. — С. 188.
- ⁵⁰ Шашков В.Я. Указ. соч. - С. 65, 88, 92.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 600 а. Л. 208.
- ⁵² Там же. Л. 215.
- ⁵³ Советская Сибирь (Новосибирск). — 1934. — 7 окт.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 645. Л. 83-84.
- ⁵⁶ ГАОО. Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 131. Л. 115.
- ⁵⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 645. Л. 207.
- ⁵⁸ Цит. по: Трагедия советской деревни... — Т. 4: 1934 — 1936 гг. — М., 2002. — С. 937.
- ⁵⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 932. Л. 5-6.
- ⁶⁰ Там же. Л. 74-75.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2755. Л. 118.
- ⁶² Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 932. Л. 54.
- ⁶³ Там же. Оп. 1. Д. 690 б. Л. 55.
- ⁶⁴ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 197. Л. 74.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16 а. Д. 264. Л. 2-3.
- ⁶⁶ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 218. Л. 23.
- ⁶⁷ Там же. Л. 25.
- ⁶⁸ Там же. Л. 25 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 20.
- ⁷⁰ Там же. Д. 200. Л. 95, 104.
- ⁷¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 197. Л. 97.
- ⁷² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 227. Л. 50-50 об.

Глава ГУ МОЛОХ

1. «Правовое» положение спецпереселенцев

¹ См., напр.: Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. — Новосибирск, 1987. — С. 279—281.

² Шуклецов В.Т. Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае // Из истории партийных и советских организаций в Сибири. — Новосибирск, 1962. — С. 155—156; Сидоров В.А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопр. истории. — 1964. — № 11. — С. 64.

См.: Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930 - 1954): - Мурманск, 1996. - С. 118.

⁴ Там же. - С. 128.

⁵ Там же. — С. 118.

- ⁶ Славко Т.И. Раскулачивание // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. — Франкфурт/Майн; М., 1999. - С. 133, 134, 148.
- ⁷ Суслов А.Б. Спецконтингент советского тоталитарного общества: некоторые особенности социального и правового статуса (на примере Пермской области) // Права человека в России: прошлое и настоящее: Сб. докладов и материалов науч.-практич. конф. — Пермь, 1999. — С. 42—60.
- ⁸ Там же. — С. 47.
- ⁹ Там же. - С. 50.
- ¹⁰ Там же. - С. 60.
- ¹¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 22.
- ¹² Там же. - С. 27.
- ¹³ Там же. - С. 28.
- ¹⁴ Там же. — С. 32; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939. — Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. - М., 2000. - С. 378.
- ¹⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 198.
- ¹⁶ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.). — Екатеринбург, 1993. - С. 40.
- ¹⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск, 1993. — С. 68 — 76.
- ¹⁸ Там же. - С. 70 - 71.
- ¹⁹ Адибеков Г.М. Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации» // Ист. архив. - 1994. - № 4. - С. 164.
- ²⁰ Там же. - С. 166.
- ²¹ Там же. - С. 168.
- ²² Там же. - С. 168, 169.
- ²³ Там же. - С. 158.
- ²⁴ Там же. - С. 169.
- ²⁵ Там же. - С. 171.
- ²⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 195. Л. 76-77.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 2. Д. 1221. Л. 36.
- ²⁸ Там же. Л. 19, 29, 32, 33, 35.
- ²⁹ Там же. Л. 14.
- ³⁰ Сборник законов СССР. - 1933. - № 21. - Ст. 117.
- ³¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.
- ³² Там же. Д. 20. Л. 16.
- ³³ Сборник законов СССР. - 1934. - № 33. - Ст. 257.
- ³⁴ Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995. — С. 187.
- ³⁵ Сборник законов СССР. - 1935. - № 7. - Ст. 57.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 115.
- ³⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 54—
- ³⁸ Там же. - С. 60-61.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 17.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17 об.
- ⁴¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — Новосибирск, 1994. — С. 60-61.
- ⁴² Там же. - С. 278.
- ⁴³ Там же. - С. 62.
- ⁴⁴ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале... — С. 202.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1 с. Д. 38. Л. 4.
- ⁴⁶ Там же. Л. 7.
- ⁴⁷ Цит. по: Советские Конституции: Справочник. — М., 1963. — С. 268.
- ⁴⁸ ГАНО. Ф. П-
- ⁴⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — С. 37. 3. Оп. 9. Д. 872. Л. 8 об.

- ⁵⁰ Там же. - С. 71.
⁵¹ Там же. - С. 74.
⁵² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23 а. Д. 288. Л. 1.
⁵³ Там же. Л. 3, 4, 7.
⁵⁴ Там же. Оп. 24 а. Д. 161. Л. 4-5.
⁵⁵ Там же. Оп. 32. Д. 25. Л. 50-53.
⁵⁶ Там же. Л. 53.
⁵⁷ Там же. Л. 100.
⁵⁸ Там же. Л. 101.
⁵⁹ Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1 с. Д. 56. Л. 2-3.
⁶⁰ Там же! Д. 3. Л. 132-141.

2. Вторичные переселения

- ¹ Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941—1945 гг.) // Репрессии против российских немцев. Наканунный народ. — М, 1999. — С. 123.
² Там же. - С. 125.
³ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск, 1993. — С. 320.
⁴ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 650. Л. 8.
⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 91.
⁶ Там же. - С. 90.
⁷ Там же. - С. 104-105.
⁸ Там же. — С. 190.
⁹ Там же. - С. 210-211.
¹⁰ Там же. - С. 212.
¹¹ Там же. - С. 213.
¹² Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 287, 308. Что же касается Галкинской комендатуры, то решением крайисполкома от 11 сентября 1930 г. расселенных там «кулаков» оставили на месте. — Там же. — С. 216. Численность спецпереселенцев в связи с образованием здесь единственного в системе спецпоселений региона совхоза и строительством одного из ключевых трактов, соединявшего нарымские комендатуры с Томском (Богородск — Галка), устойчиво росла: 1930 г. — 1 359 чел., 1931 г. — 7 379 чел., 1933 г. — 26 171 чел.
¹³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-1 об.
¹⁴ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 106. Л. 7 об.
¹⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 217—218.
¹⁶ Там же. - С. 187, 236, 237.
¹⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 236-237.
¹⁸ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 238. Л. 204-218.
¹⁹ Там же. Л. 205.
²⁰ Там же. Л. 206, 208.
²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 233-234.
²² Там же. Л. 234-235.
²³ ГАНУ. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 1459. Л. 97.
²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 239.
²⁵ Там же. Л. 242.
²⁶ Ист. архив. - 1994. - № 4. - С. 163.
²⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 186.
²⁸ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 650. Л. 8.
²⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 154.
³⁰ Там же. - С. 123.
³¹ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 650. Л. 8.

- ³² Подсчитано по данным: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 650. Л. 8—9 об.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 244.
- ³³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 650. Л. 8.
- ³⁴ Там же. Л. 8 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 9.
- ³⁷ Там же. Л. 9 об.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 198. Л. 26.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 28-28 об.
- ⁴³ Там же. Л. 28.
- ⁴⁴ Там же. Л. 25-25 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 25.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. Р-437. Оп. 21. Д. 13. Л. 12.
- ⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 239.
- ⁵⁰ Подсчитано по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 287; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — С. 246—259.
- ⁵¹ Собрание законов СССР. — 1935. — № 7. — Ст. 57.

3. Комендатуры и коменданты

- ¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — Новосибирск, 1992. - С. 198-205.
- ² Там же. — С. 198.
- ³ Там же. — С. 188.
- ⁴ Там же. — С. 188-189.
- ⁵ Там же. — С. 103.
- ⁶ Там же. — С. 189.
- ⁷ Там же. — С. 190.
- ⁸ Там же. — С. 191.
- ⁹ Там же. — С. 195.
- ¹⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 86-86 об.
- ¹¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в томах. 1927-1939. - Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. - ЗУУУ. — \^ . Э/О.
- ¹² Там же
- ¹³ Там же. — С. 527.
- ¹⁴ Там же. - С. 529.
- ¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 45. Л. 208-208 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 106. Л. 88.
- ¹⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 210.
- ¹⁸ Там же. - С. 211-212.
- ¹⁹ Там же. - С. 169.
- ²⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1068. Л. 44 об.
- ²¹ Там же. Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 45. Л. 62.
- ²² Там же. Л. 253.
- ²³ Там же. Л. 266.
- ²⁴ Там же. Л. 239.
- ²⁵ Там же. Л. 128.
- ²⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 181.
- ²⁷ Там же. - С. 178-179.

- ²⁸ Там же. - С. 177.
- ²⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1068. Л. 118.
- ³⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 184.
- ³¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 106. Л. 77.
- ³² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. — С. 197.
- ³³ Там же. - С. 199-201.
- ³⁴ Там же. - С. 202-203.
- ³⁵ Там же. - С. 204.
- ³⁶ Там же. - С. 234-235.
- ³⁷ Там же. - С. 226.
- ³⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 4-50.
- ³⁹ Там же. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же. Л. 7, 39.
- ⁴¹ Официальные данные расходятся со свидетельством очевидца событий, статистика Александро-Ваховской комендатуры И. Уварова: «приняли мы 6 000 человек, а отправили 2 856». — За советскую науку (орган Томского университета). — 1989. — 6 апр.
- ⁴² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 7.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-1353. Оп. 2. Д. 59. Л. 28-28 об.
- ⁴⁴ См.: Из истории земли Томской. 1930 — 1933. Народ и власть: Сборник документов и материалов. — Томск, 2001. — С. 344—351.
- ⁴⁵ Там же. - С. 345.
- ⁴⁶ Там же. - С. 349.
- ⁴⁷ Там же. - С. 350.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 242.
- ⁴⁹ Из истории земли Томской. 1930—1933... — С. 352.
- 1931 г. // Ист. архив. - 1994. - № 3. - С. 136.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 151. Л. 313.
- ⁵² Там же. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 306. Л. 116-126 об.
- ⁵³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 48-49.
- ⁵⁴ Там же. Д. 122. Л. 113.
- ⁵⁵ Там же. Д. 139. Л. 144.
- ⁵⁶ Там же. Л. 47.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-1353. Оп. 2. Д. 55. Л. 55-57.
- ⁵⁸ Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 628. Л. 140.
- ⁵⁹ Там же. Д. 626. Л. 98.
- ⁶⁰ Там же. Л. 120.
- ⁶¹ Там же. Л. 123.
- ⁶² Из истории земли Томской. 1933: Назинская трагедия. — Томск, 2002. — С. 155.
- ⁶³ ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 626. Л. 8.
- ⁶⁴ Там же. Л. 59.
- ⁶⁵ Там же. Л. 5.
- ⁶⁶ Там же. Л. 60.
- ⁶⁷ Там же. Д. 627. Л. 21-24.
- ⁶⁸ Там же. Д. 628. Л. 175.
- ⁶⁹ Там же. Д. 626. Л. 4.
- ⁷⁰ Там же. Л. 32.
- ⁷¹ Там же. Л. 117.
- ⁷² Приказ МВД СССР № 1637 от 18 ноября 1950 г.
- ⁷³ ГАНО. Ф. П-7. Оп. 2. Д. 628. Л. 174.
- ⁷⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 91. Л. 135.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 552. Л. 26.

- ⁷⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск, 1993. - С. 212- 213.
- ⁷⁸ Там же. - С. 217-218.
- ⁷⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 89.
- ⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.
- ⁸¹ Там же. Д. 54. Л. 1-2.
- ⁸² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 98. Л. 71.
- ⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 148. Л. 91.
- ⁸⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 229. Л. 2.
- ⁸⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 222.
- ⁸⁶ Биографические сведения о работниках комендатур выявлены в фондах следующих архивов: ГАНО. Ф. П-3, П-4, Р-1049, Р-911; ЦДНИТО. Ф. 206, 341, 534, 537; Архив УВД НСО. Ф. 19; РГАНИ. Ф. 6.
- ⁸⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 361. Л. 46.
- ⁸⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933. — С. 241.
- ⁸⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 539. Л. 320.
- ⁹⁰ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 439. Л. 106.
- ⁹¹ ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Д. 292. Л. 67; Боль людская. - Томск, 1992. - Т. 4. - С. 155.
- ⁹² Архив УВД НСО. Ф. 19. Кор. 44. Т. 4. Л. 242 об.; ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 13. Л. 57.
- ⁹³ ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 33. Л. 76; Д. 46. Л. 28, 47; Д. 87. Л. 88; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 464. Л. 63.
- ⁹⁴ ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 16. Л. 213; Д. 86. Л. 27-31; Ф. 537. Оп. 1. Д. 10. Л. 18, 59; Д. 11. Л. 53; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 203.
- ⁹⁷ Архив УВД НСО. Ф. 19. Кор. 39. Т. 2. Л. 758; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 32. Л. 95; Д. 33. Л. 40, 54; Д. 91. Л. 223; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. - С. 201.
- ⁹⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 198; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945. - С. 176; ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 3. Л. 140; Д. 15. Л. 356; Д. 16. Л. 179.
- ⁹⁷ Архив УВД НСО. Ф. 19. Кор. 44. Т. 4. Л. 242; Кор. 48. Т. 1. Л. 43.8.
- ⁹⁸ Там же. Кор. 48. Т. 1. Л. 439; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 257. Л. 10.
- ⁹⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 423. Л. 194-195; Д. 693. Л. 171.
- ¹⁰⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 2386. Л. 131-133.
- ¹⁰¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 168. Л. 19.
- ¹⁰² ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 86. Л. 155.
- ¹⁰³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 241-243.
- ¹⁰⁴ Там же. - С. 213.
- ¹⁰⁵ Из истории земли Томской. 1933... — С. 175.
- ¹⁰⁶ См.: За советскую науку. — 1989. — 15 июня.
- ¹⁰⁷ Архив УВД НСО. Ф. 20. Кор. 47. Т. 2. Л. 51-51 об.
- ¹⁰⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 175. Л. 299.
- ¹⁰⁹ Архив УВД НСО. Ф. 20. Кор. 41. Т. 4. Л. 439.
- ¹¹⁰ Там же. Кор. 40. Т. 3. Л. 42-42 об.
- ¹¹¹ ЦДНИТО. Ф. 3876. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
- ¹¹² Там же. Л. 22.
- ¹¹³ Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 4. Семенов получил строгий выговор, был переведен в Асиновскую комендатуру, где в 1938 г. был исключен из партии и уволен из НКВД. — РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 604. Л. 37; Оп. 2. Д. 417. Л. 44.
- ¹¹⁵ ЦДНИТО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же.

- ¹¹⁸ Там же. Д. 4. Л. 34.
¹¹⁹ Там же. Л. 35.
¹²⁰ Там же. Д. 3. Л. 64.
¹²¹ Там же. Л. 27-27 об.
¹²² Там же. Л. 26.
¹²³ Там же. Л. 33 об.
¹²⁴ Там же.
¹²⁵ Там же. Л. 102 об.
¹²⁶ Там же. Ф. 1638. Оп. 2. Д. 7. Л. 18.
¹²⁷ Там же. Ф. 3789. Оп. 2. Д. 3. Л. 28.
¹²⁸ Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 121-121 об.
¹²⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. — С. 155, 156.
¹³⁰ Архив ИЦ УВД по НСО. Ф. 5. Оп. 4. Кор. 2. Л. 13 об., 32 об.

Глава V «РАБСИЛА»

1. Крестьянская ссылка в планах и практике освоения Сибири в 1930-е годы

- ¹ Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1996. — С. 12.
² Там же. - С. 14-15.
³ Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905 — 1917 гг. — Томск, 1978. - С. 17.
⁴ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 10. Л. 15.
⁵ Там же. Д. 178. Л. 3-3 об., 7 об., 17-17 об., 21-22, 33-34 об., 39, 48-50.
⁶ АПРФ. Ф. 30. Оп. 58. Д. 165. Л. 55.
⁷ Там же. Л. 63.
⁸ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 23-24.
⁹ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 2. Д. 533. Л. 7.
¹⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 151-152.
¹¹ Там же. Ф. 3-П. Оп. 1. Д. 412 а. Л. 2.
¹² Там же. Оп. 7. Д. 32. Л. 64-65.
¹³ Документы свидетельствуют. — М, 1989. — С. 382—383.
¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-1 об.
¹⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — Новосибирск, 1992. - С. 15.
¹⁶ ГАНО. Ф. 3-П. Оп. 2. Д. 238. Л. 21.
¹⁷ Там же. Л. 25-26.
¹⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — С. 97—98.
¹⁹ Там же. - С. 179.
²⁰ Там же. - С. 90.
²¹ Там же. - С. 228.
²² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 922. Л. 160.
²³ Там же. Ф. 3-П. Оп. 2. Д. 238. Л. 28-29.
²⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — С. 235.
²⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 922. Л. 223.
²⁶ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954 гг.) // Отеч. история. — 1994. - № 1. - С. 122.
²⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 194. Л. 94.
²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 15. Л. 81.
²⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 195. Л. 20.
³⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 16. Л. 193-199.

- ³¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 16.
- ³² ГАНО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 37. Л. 6-11.
- ³³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 219, 241.
- ³⁴ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // СОЦИС. - 1991. - № 10. - С. 16.
- ³⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1932 гг. — Новосибирск, 1993. - С. 238.
- ³⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 115.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18 а. Д. 390. Л. 3.
- ³⁸ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка»... — С. 13—14.

2. Спецпереселенцы в Нарыме

- ¹ См., напр.: Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. - Новосибирск, 1987. - С. 268-281.
- ² См. публикации В.П. Данилова в сборниках: Историки спорят. — М., 1988; Урок дает история. — М., 1989; и др.
- ³ Документы свидетельствуют. — С. 48.
- ⁴ Михайлов Н., Тепцов Н. Чрезвычайщина // Родина. — 1989. — № 8; Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930 - 1932 гг.) // История СССР. - 1990. - № 6.
- ⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД—МВД СССР) // СОЦИС. - 1990. - № 11; Он же. «Кулацкая ссылка» в 1930-е гг. // СОЦИС. - 1991. - № 10; и др.
- ⁶ Под Нарымским краем подразумеваются северные районы нынешней Томской обл. которые территориально объединялись в Нарымский окр. (создан в 1932 г.).
- ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 4—50. Часть доклада опубликована нами в сб.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. — Новосибирск, 1993. - С. 236-243.
- ⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 11.
- ⁹ Там же. Л. 11-12.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 14 а. Д. 242. Л. 10.
- ¹² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — Новосибирск, 1994. — С. 241.
- ¹³ Там же. - С. 69.
- ¹⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 30-31.
- ¹⁵ Там же. Л. 31.
- ¹⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 363. Л. 105 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 257 об.
- ¹⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 66.
- ²⁰ Там же. - С. 227.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 5-7.
- ²⁴ Там же. Л. 9.
- ²⁵ Там же. Л. 11-13.
- ²⁶ Там же. Л. 17-18.
- ²⁷ Там же. Л. 23.
- ²⁸ Там же. Л. 90, 149.
- ²⁹ Там же. Л. 24.
- ³⁰ Там же. Л. 25.
- ³¹ Там же. Л. 26-27.
- ³² Там же. Л. 28-29.

- ³³ Там же. Л. 32-34.
³⁴ Там же. Л. 35.
³⁵ Там же. Л. 36-37.
³⁶ Там же. Л. 38-39.
³⁷ Там же. Оп. 34. Д. 69. Л. 1.
³⁸ Там же. Л. 71.
³⁹ Там же. Л. 69.
⁴⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — С. 123.
⁴¹ Там же. - С. 218.
⁴² Там же. - С. 24-25.
⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 15.
⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 359. Л. 32.
⁴⁵ Там же. Оп. 34. Д. 69. Л. 21.
⁴⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1931 гг. — С. 17.
⁴⁷ Там же. - С. 25.
⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 15 а. Д. 326. Л. 6.
⁴⁹ Там же. Оп. 57. Д. 29. Л. 131.
⁵⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2163. Л. 297.
⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16 а. Д. 1318. Л. 1.
⁵² Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 7-8.
⁵³ Цит. по: Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР... — С. 165.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. — С. 232.

3. Спецпереселенцы в Кузбассе

- ¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг. — С. 117.
² Там же. - С. 184.
³ Там же. — С. 194.
⁴ Там же.
⁵ Там же. — С. 230.
⁶ Там же. - С. 230-231.
⁷ Цит. по: Трагедия советской деревни. — М., 2001. — Т. 3. — С. 94.
⁸ Там же. — С. 106.
⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. Л. 84-85.
¹⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933. — Новосибирск, 1993. - С. 146, 302-305.
¹¹ Там же. - С. 156-157.
¹² Там же. - С. 42-46.
¹³ Там же. — С. 44.
¹⁴ Там же. - С. 54.
¹⁵ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.). — Екатеринбург, 1993. - С. 40.
¹⁶ Там же. - С. 64.
¹⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933. — С. 308.
¹⁸ Там же. - С. 147.
¹⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. Л. 65.
²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 181. Л. 15, 16.
²¹ Там же. Д. 600 а. Л. 135.
²² Там же. Ф. П.4. Оп. 34. Д. 3. Л. 6.
²³ Там же.
²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 19. Л. 5.
²⁵ Неизвестный Кузбасс. — Кемерово, 1995. — Вып. 2: Тоталитарная система: палачи и жертвы. — С. 5—6.
²⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933. — С. 319.

- ²⁷ Неизвестный Кузбасс... — С. 9—10.
²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 3. Л. 7 об.
²⁹ Там же. Л. 8.
³⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933. — С. 185—
186.
³¹ Там же. - С. 190-191, 198.
³² Там же. - С. 200.
³³ Там же. - С. 206.
³⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 361. Л. 97.
³⁵ Архив УВД НСО. Ф. 20. Кор. 41. Т. 4. Л. 439.
³⁶ Там же. Кор. 38. Т. 1. Л. 56.
³⁷ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 5. Д. 13. Л. 30-31 об.
³⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — С. 163—164.
³⁹ Архив УВД НСО. Ф. 20. Кор. 45. Т. 1. Л. 179.
⁴⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 — 1938. — С. 158.
⁴¹ Там же. - С. 167.
⁴² Там же. - С. 136-139.
⁴³ Там же. - С. 136.
⁴⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939 — 1945. — Новосибирск, 1996. —
- С. 90.
⁴⁵ Там же. - С. 100.
⁴⁶ Там же. - С. 102-103.
⁴⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 305. Л. 99.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПРФ	Архив Президента Российской Федерации
БАМ	Байкало-Амурская магистраль
БАМЛАГ	Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	Высшая мера наказания
Востуголь	Управление нового шахтного строительства государственного Всесоюзного объединения каменноугольной промышленности восточной части СССР
ВПК	Всесоюзный переселенческий комитет
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
ВятЛАГ	Вятский исправительно-трудовой лагерь
ГАНО	Государственный архив Новосибирской, области
ГАОО	Государственный архив Омской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГКО	Государственный комитет обороны
Госземтрест	Государственный земельный трест
Госречфлот	Государственное управление речного флота
ГУЛАГ	Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний ОГПУ (НКВД)
ГУПВИ	Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ДВК	Дальне-Восточный край
ЕСХН	единый сельскохозяйственный налог запись актов
ЗАГС	гражданского состояния
Записбзолото	Западно-Сибирский золотопромышленный трест
ЗСКИК	Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет Советов
Записблестрест	Западно-Сибирский трест Наркомата лесной промышленности
ИвдельЛАГ	Ивдельский исправительно-трудовой лагерь
ИТД	Исправительно-трудовой дом
ИТК	исправительно-трудовая колония
ИТЛ	исправительно-трудовые лагеря
КВЧ	культурно-воспитательная часть
КК	Контрольная комиссия ВКП(б) контрольно-пропускной
КПП	пункт Краевое земельное управление Красноярский
КрайЗУ	исправительно-трудовой лагерь
КрасЛАГ	контрразведывательный отдел ОГПУ
КРО	Государственное управление по постройке Кузнецкого металлургического комбината
Кузнецкстрой	лесное промышленное хозяйство
ЛПХ	машинно-тракторная станция
МТС	Народный комиссариат земледелия
Наркомзем, НКЗ	Народный комиссариат юстиции
Наркомюст, НКЮ	Народный комиссариат внутренних дел
НКВД	Народный комиссариат здравоохранения
НКЗдрав	Народный комиссариат просвещения
НКПрос	Народный комиссариат социального обеспечения
НКСобес	

Новосиблес	Государственный трест лесной и деревообрабатывающей промышленности Новосибирской области
НСО	Новосибирская область
обл.	Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОГПУ	округ
окр.	Отдел рабочего снабжения
ОРС	Отдел спецпоселений
ОСП	Отдел трудовых поселений
ОТП	полномочное представительство ОГПУ
ПП, ПП ОГПУ	река
Р-	районный земельный отдел
райЗО	районный финансовый отдел
райФО	район
Р-н	районный административный отдел
РАО	Российский государственный архив новейшей истории
РГАНИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАСПИ	районный исполнительный комитет Советов
РИК	районный комитет
РК	Рабоче-крестьянская инспекция
РКИ	Рабоче-крестьянская красная армия
РККА	районное (сибирское) переселенческое управление
РПУ	Государственный рыбный трест Наркомата снабжения
Рыбтрест	Объединение государственной сахарной промышленности
Сахаротрест	Сибирское управление исправительно-трудовых лагерей
СибЛИАГ	Сибирское управление лагерей особого назначения ОГПУ
СибУЛОН	Сибирское краевое административное управление
СКАУ	Сибирский краевой исполнительный комитет
СКИК	Совет Народных Комиссаров
СНК	секретно-оперативное управление ОГПУ
СОУ	журнал «Социологические исследования»
СОЦИС	социально-опасные элементы
СОЭ	Всесоюзное государственное золотопромышленное акционерное общество
Союззолото	секретно-политический отдел ОГПУ
СПО	транспортный (дорожно-транспортный) отдел ОГПУ
ТО (ДТО)	Управление внутренних дел
УВД	Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УИТЛиК	Уголовный кодекс РСФСР
УК	Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНКВД	Государственный лесной промышленный трест Уральской области
Ураллеспром	учетно-осведомительный отдел ОГПУ
УЧОСО ЦА	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ФСБ РФ	Центр документации новейшей истории Томской области
ОДНИ ТО	Центральный исполнительный комитет
ЦИК	Центральный Комитет
ЦК	Центральная контрольная комиссия
ЦКК	Цветметзолото
ЦМЗ	Южно-Кузбасский исправительно-трудовой лагерь
ЮжкузбассЛИАГ	

Именной указатель

- Адибеков Г.М. - 265, 273 Алексеев И.И. - 224, 225 Алексеев Н.Н. - 100-103, 128, 180, 193,
250, 271 Андреев А.А. - 13, 19, 66, 86, 89, 121,
122, 212-214, 241
Аникин Н. — 81
Асямов — 179
Афанасьева — 236
- Биксон И.М. — 161
Балухов — 252
Баранов — 47
Барков И.И. - 109, 111
Барсуков — 37
Берия Л.П. - 132, 258
Берман М.Д. - 20, 96, 102, 104, 128, 145, 184, 214
Беликов Г.В. — 190
Белобородов — 179
Белокобыльский — 192
Березин В.И. - 196, 197
Беспалов — 196 Биксон
И.М. — 161 Благонравов
Г.И. — 96 Болвах П.В. —
192 Болонкин — 176
Бондарев — 175 Бордюгов
Г.А. — 26, 265 Бочарников
И.Т. — 192 Бугай Н.Ф. -
68 Булатов — 137
Булганин Н.А. — 133
Бухарин Н.И. — 28
- Вассерман — 193, 194 Ведрашко Ф.
— 80 Величко В.А. - 101, 104, 105,
141 Виола Л. - 78, 79, 266, 269
Вихляев — 69 Вишневский А. Г. —
3, 263 Власенко Н.И. — 175 Власов
— 103 Власов — 251 Воеводин —
198 Возженников — 200
Вознесенский Н.А. — 133 Вольных
— 196 Воронин В. — 112 Воронков
— 179
Вышинский А.Я. - 130, 131, 133, 182,
183
- Гандимуров П. — 44
Головачев И.В. — 175, 179
Гольдберг — 99, 100, 271
Гордон Л.А. - 3, 263, 265
- 284
- Горский А.Р. - 190
Горшков А.А. - 95, 102, 103, 105, 174,
176, 177, 181, 192 Грациози, А. — 27,
28 Гринько Г.Ф. — 96 Градинский
Ф.П. - 65, 109-113, 183 Губин — 248
Гутов — 200 Гушин Н.Я. - 4, 7-9, 67,
73, 263, 265,
266, 269, 270, 272, 279, 281
- Данилов — 195, 196
Данилов В.П. - 4, 7, 8, 216, 263, 279
Дешин — 201
Долгих И.И. - 90-93, 102-106, 135,
140-144, 158, 159, 165, 176-179, 181,
182, 184, 186, 188, 192, 193, 214, 215,
220, 221, 223, 227, 232, 234, 240
Дорошин — 207
Дробный — 196
- Евдокимов — 195, 196 Ежов
Н.И. - 130, 182, 183
- Жабрев - 271
Жебо - 200
- Завьялов — 176
Зайцев З.Ф. - 197
Зайцев М.В. - 98, 99
Заковский Л.М. - 66, 86, 88-90, 141,
151, 153, 156, 212, 245
Замятин — 196
Захаровский Л.В. — 16, 17, 264 Зеленин
И.Е. - 7, 8, 10, 12, 26, 27, 93,
263-265, 270, 279, 281 Зеленов С.С.
— 191 Земсков В.Н. - 8, 9, 67, 106,
217, 263,
264, 269, 272, 278, 279
Зуев - 242
- Ивницкий НА - 4, 7-9, 18-20, 64, 67,
106, 107, 216, 263, 264, 266, 272, 273
Игнатова Н.М. — 8, 263
Ильиных В.А. - 7, 17, 18, 265, 266, 272,
279, 281
Исупов Г.Е. — 190
- Кайгородов — 181 Калинин
М.И. — 43, 44 Каруцкий В.А.
- 111, 236, 322 Карчуганов —
176 Керенский А.Ф. — 43
Клепиков С. — 100 Клименко
И.Е. — 72—74 Клопов Э.В. -
3, 263, 265 Ключевский В.О.
— 54

- Князев — 129
 Ковалев — 176
 Ковалев М.М. - 104, 105, 178
 Коган Л.И. - 20
 Козлов В.А. — 26, 265
 Колубаев — 102
 Корниенко - 226, 232, 246, 249, 250
 Красильников С.А. — 186, 264, 266, 268, 269, 276
 Кривоносое — 175 Кривошей А.В. — 58
 Кузнецов Г.М. - 102, 174, 180, 251
 Кузнецов СМ. — 205
 Кулагин М.В. — 261
- Лавров - 195, 196
 Ланг Е. — 29
 Лапекин Г.В. — 191
 Левиц К.И. - 103, 104, 207
 Ленин В.И. - 43, 181
 Леонтьев — 156
 Лившиц — 156
 Лобов Н.Ф. - 254
- Максудов (Бабенышев) С. — 21, 40
 Мамкин О.М. — 276
 Маньков В.В. — 190
 Марголис А.Д. — 278
 Матсон Г. П. — 151
 Машинистов — 79
 Межлаук В.И. — 96
 Мелентьев — 42
 Менжинский В.Р. — 85
 Меньшиков — 226
 Миронов С.Н. — 245
 Михайлов Н. — 279
 Михайлов Ф.М. — 191
 Михневич Д. — 45
 Могутаев — 140
 Мокроусов — 200
 Молотов В.М. - 17, 65, 86, 94, 108, 112, 131-133, 183, 184, 220, 235
 Молчанов Г.А. — 20
 Мосейко Е.Ф. — 189
 Муранов М.К. - 214
 Мушкин — 175
- Нартов — 200
 Никитин В.М. — 190
 Николай II — 42
 Новиков — 226
- Орджоникидзе С. — 241
 Осипов — 166
 Островский И.В. — 268
 Ощепков — 195
- Павлов М. — 42
 Павлова И.В. — 3, 263
 Панасенко — 175, 179
 Панкратьев М.И. — 131, 132
 Папков С.А. - 27, 84, 265, 270
- Платунов Н.И. - 21, 24, 265, 268
 Плинер И.И. — 20
 Плотников И.Е. — 8, 9, 263, 265, 266
 Полян П.М. - 68, 268
 Попов — 251
 Попов В.П. — 266
 Постышев П.П. — 86, 212
 Принцев — 246
 Прокопьев — 176
 Пустовалов — 195
 Пыстина Л.И. — 266
- Разумов М.О. — 269
 Рейман М. - 30, 266
 Рубан — 42
 Рудзутак Я.Э. - 13, 19, 66, 212
 Рыков АИ. — 43
- Сагайдаков — 195
 Самойлова — 200
 Самосудов В.М. — 39, 267
 Сараев — 176
 Свирид Г.П. — 175
 Свиридов П.Ф. — 191
 Селиванов П.Е. — 191
 Семенов И.И. - 195, 196, 200, 179
 Семернев — 178
 Сигов — 253
 Сидоров В.А. — 272
 Славко Т.И. - 115, 264, 273
 Слинкин Н.Т. — 176
 Собин И.Я. - 193, 196, 197
 Соколов А.К. — 3, 263
 Соловьев А. — 261
 Сопов А.Ф. — 190
 Сталин И.В. - 13, 19, 26, 43, 58, 65, 85, 94, 96, 101, 103, 104, 123, 182-184, 216, 265, 266
 Станкевич — 166
 Стариков — 104
 Столыпин П.А. — 58, 60, 268
 Струлевич — 193, 194
 Сулейманов — 176
 Суслов А.Б. - 116, 122, 273
- Тепляков А.Г. — 187
 Тепцов Н. — 279
 Тихонов В.А. — 266
 Толмачев В.Н. - 23, 24, 136
 Толстикова — 196
 Толстикова — 41
 Торбина — 111
 Троцкий Л.Д. — 43
- Уваров И. - 276
 Усков Г.Е. - 164, 165
- Фельдман В.Д. — 180
 Фигатнер Ю.П. — 241
 Фомин — 96
 Франкфурт СМ. — 241
 Фролов — 176

Хабаков – 41 Хазиахметов
Э.Ш. – 278 Херлов М.В. –
190 Хитаров Р.М. – 241
Хлебцов В. – 176 Хлевнюк
О.В. – 3, 263 Хохлов –
175 Хохлов – 195, 196

Царапкин – 176
Цветков – 176
Цепкое Д.А. - 103, 174, 175, 177-180

Чебыкина Т. - 135, 274
Чернов М.А. — 96
Чернышев В.В. — 131, 133
Чикилевский — 195

Шашков В.Я. - 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13,
107, 115, 237, 263, 264, 272, 274, 280
Шейкин - 195, 196 Шихалев В.К. —
175

Шишаев А. — 184
Шишло — 175
Шмидт В.В. - 23, 66, 119, 208
Шуклецов В.Т. — 272
Шурышев — 196

Щербак - 175

Эйн - 104
Эйхе Р.И. - 65, 93, 95, 96, 103, 104,
109-113, 141, 166, 182, 183, 201, 206,
208, 242, 245, 246

Юргенс — 189

Ягода Г.Г. - 13, 64, 85, 86, 96, 101, 102,
119, 123, 128, 206, 212, 216, 220, 221,
223, 235, 236
Ягодкин — 200
Яковлев Я.А. — 96
Янсон Н.М. - 205

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ	7
1. Спецпереселенцы 1930-х годов в новейшей отечественной историографии	7
2. «Кулаки», спецпереселенцы, трудпоселенцы.....	21
Глава II. СЕРП.....	26
1. Крестьянское сопротивление большевистскому режиму в 1930 году (новые документы)	26
2. Безымянный протест: анонимные крестьянские сочинения (весна 1930 года).....	40
Глава III. ВЫСЫЛКА.....	54
1. Добровольные и принудительные миграции в Сибирь в первой трети XX века	54
2. Государственная политика в сфере плановых и принудительных переселений в Сибирь и внутри региона (вторая половина 1920-х — 1930-е годы)	61
3. Массовые и локальные высылки сибирского крестьянства в начале 1930-х годов	67
4. Депортация в 1933 году: особенности разработки и осуществления в Западной Сибири	94
Глава IV. МОЛОХ.....	115
1. «Правовое» положение спецпереселенцев	115
2. Вторичные переселения	134
3. Комендатуры и коменданты.....	147
Глава V. «РАБСИЛА»	203
1. Крестьянская ссылка в планах и практике освоения Сибири в 1930-е годы	203
2. Спецпереселенцы в Нарыме	216
3. Спецпереселенцы в Кузбассе	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	255
ПРИМЕЧАНИЯ	263
Список сокращений.....	282
Именной указатель.....	284